

РУССКИЕ ЕВРЕИ В АМЕРИКЕ

ГИПЕРИОН

РУССКИЕ ЕВРЕИ В АМЕРИКЕ

Дорогой Яков Исаакович!
Меняло Вас в наступаю-
щем 2016 году только
приятных событий, крепкого
здоровья, удачи во
всех делах.

С уважением

Ваш А. Дорошин

16.12.2015

RUSSIAN JEWS IN AMERICA

Book 11

Compiled and edited by
Ernst Zaltsberg

**Toronto – Saint-Petersburg
2015**

РУССКИЕ ЕВРЕИ В АМЕРИКЕ

Книга 11

Редактор-составитель:

Эрнст Зальцберг

**Торонто – Санкт-Петербург
2015**

Научно-исследовательский центр
РУССКИЕ ЕВРЕИ В АМЕРИКЕ
Научный руководитель *Эрнст Зальцберг*

РУССКИЕ ЕВРЕИ В АМЕРИКЕ. Кн. 11

Редактор-составитель:

Эрнст Зальцберг

Редакционный совет:

Готтфрид Кратц (Германия),

Анатолий Либерман (США),

Ирина Обухова-Зелиньска (Польша)

Торонто—Санкт-Петербург, 2015

Research Center for RUSSIAN JEWRY IN AMERICA

Director for Scholarly Works *Ernst Zaltsberg*

RUSSIAN JEWS IN AMERICA. Book 11

Compiled and edited by *Ernst Zaltsberg*

Editorial Board:

Gottfried Kratz (Germany),

Anatoly Liberman (USA),

Irina Obuchova-Zelin'ska (Poland)

Toronto—Saint-Petersburg, 2015

© Э. А. Зальцберг, редактор-составитель тома, 2015

© Авторы статей, 2015

ISBN 978-5-89332-222-4

© Оформление. Издательский Дом «Гиперион», 2015

Предисловие

Зимой 2015 года вышла в свет «юбилейная» 10 книга серии «Русские евреи в Америке» (РЕВА)*, начало которой было положено в 2005 году.

В предлагаемой вниманию читателей 11 книге материалы сгруппированы по тому же принципу, что и в предыдущих выпусках, и попадают в одну из следующих рубрик: «История», «Литература», «Искусство» и «Наука».

В разделе «История» представлены новые и малоизвестные материалы о газете *Новое русское слово*, выходившей в США сто лет (авторы М. Уральский и М. Новак), и исчерпывающая и в высшей степени информативная статья В. Журавлевой о русско-еврейской эмиграции в США в конце XIX века. В этом же разделе читатели найдут очерк Х. Кунелт «Несбывшаяся любовь» о взаимоотношениях С. Ю. Прегель и Г. Манна, основанный на впервые публикуемых письмах Софьи Юльевны знаменитому немецкому писателю, а также статью И. Куксина об адвокате, писателе и общественном деятеле С. Писаре, бывшем узнике нацистских лагерей смерти.

Раздел «Литература» включает публикацию писем И. Ефимова покойному поэту Л. Лосеву (окончание, начало — в РЕВА-10), информацию Д. Волошина о «толстом» литературном журнале *Время и место* и заметку Э. Зальцберга о недавно скончавшейся поэтессе Э. И. Бобровой.

В разделе «Искусство» помещено много оригинальных публикаций, посвященных мало известным русскому читателю деятелям культуры. Так, впервые на русском языке печатаются материалы об артистке еврейского музыкального театра Молли Пикон. Они включают в себя краткий биографический очерк (автор Дж. Грин) и отрывки из воспоминаний певицы, дающие представление об основных этапах ее творческого пути. В этом же разделе читатель найдет информацию

* Русские евреи в Америке. Кн. 10 / Ред.-сост. Э. Зальцберг. Торонто; СПб., 2015.

о художницах-еврейках из России, учившихся в Национальной Академии дизайна в Нью-Йорке в конце 20-х — начале 30-х годов прошлого века (автор Г. Левин). Впервые описывается история постановки «Белой гвардии (Дней Турбиных)» режиссером Я. Шигориным в Нью-Йорке в январе 1928 года (автор М. Мишуровская) и работа в Голливуде известного в свое время сценариста и драматурга Л. Бирински (автор М. Уральский). Здесь же помещена публикация В. Скуратовского «Триада и тандем» о двух авторах РЕВА — ныне покойной И. Панченко и ее дочери К. Гамарник.

Завершает сборник раздел «Наука», в котором напечатана статья В. Телицына о духовной эволюции супругов А. Югова и О. Доманевской.

В 11 томе приняли участие авторы из Австрии, Германии, США, России и Украины, всем им приношу глубокую благодарность за предоставленные статьи, эссе и публикации. Выражаю также искреннюю признательность И. Обуховой-Зелиньска и профессорам Г. Кратцу и А. Либерману за неизменную помощь и поддержку в многотрудной работе над книгой.

Э. Зальцберг
Торонто

РУССКИЕ ЕВРЕИ
В АМЕРИКЕ

ИСТОРИЯ

***Новое русское слово:* история одной знаменитой газеты русско-еврейской диаспоры США**

Марк Уральский (Брюль, Германия),
Марина Новак (Ростов-на-Дону, Россия)

История *Нового русского слова* (НРС) — газеты, в течение целого столетия издававшейся на русском языке евреями-выходцами из Российской империи и являвшейся «живым символом русской эмиграции, летописью истории России, которую сама Россия едва не потеряла»¹, как ни странно, до сих пор не привлекает к себе должного внимания исследователей — историков, библиографов и культурологов. Единственной обстоятельной научной работой о НРС является исследование одного из авторов настоящей статьи².

Не вдаваясь в анализ причин равнодушия научной среды к истории НРС, отметим, что как объект научного исследования эта газета, как никакая другая, подходит для историко-типологического изучения эмигрантской прессы, поскольку адекватно отражает картину развития самой многочисленной русскоязычной диаспоры в мире. Кроме того, основание, становление и вся деятельность этой газеты являют собой редкий пример того, как периодическое ежедневное издание десятилетиями существует за счет собственных усилий, без какой-либо постоянной финансовой поддержки со стороны³. Начав выходить как сугубо информационное издание, НРС благодаря активности нескольких энтузиастов-единомышленников сумела при помощи собственных творческих и организационных усилий превратиться во влиятельнейшую газету русского зарубежья с высоким тиражом и очевидными тенденциями к глобализации своего влияния.

Настоящая публикация в РЕВА документально выверенных материалов, касающихся истории НРС, позволит очистить память об этом уникальном феномене русской журналистики от всякого рода домыслов,

высветить имена и события, имеющие большое значение для реконструкции жизни русского зарубежья в XX столетии.

Начиная подробный разговор о НРС, представляется необходимым дать краткий обзор истории зарождения русскоязычной прессы в США.

Первое русское сообщество на североамериканском континенте было отнюдь не эмигрантским, а возникло на Аляске и в Калифорнии из поселений колонистов. Однако в 1867 году Российская империя продала эти территории США, после чего американское правительство озабочилось скорейшей американизацией их жителей, сделавшихся «гражданами по покупке». В этой связи Государственный департамент США выдал русскому политэмигранту Агапию Гончаренко субсидию для организации русско-американской газеты *Alaska Herald* (*Вестник Аляски*).

Агапий Гончаренко⁴ — весьма колоритная фигура российского правдоискателя-революционера. Именно он, сподвижник Герцена, Огарева и Бакунина, «задал» главное направление всех последующих русских периодических изданий в США — резко выраженную критическую направленность и оппозиционность по отношению к российской действительности. Более того, он явил собой архетип издателя и главного редактора русской газеты в США — человека независимого, по происхождению не обязательно русского, но в духовном отношении органически связанного с русской культурно-исторической традицией.

Агапий Гончаренко (наст. имя Андрей Онуфриевич Гумницкий) родился 14 августа (по другим источникам 19 августа) 1832 года в селе Кривин (ныне Тарашинского района Киевской области) в семье священника. Он получил религиозное образование в Киевско-братском духовном училище, которое после 13 лет обучения окончил в 1853 году со званием «совершенного богослова». Годы, проведенные в училище, привили ему аскетизм и ненависть к крепостному праву и превратили в убежденного украинского националиста.

Постригшийся в монахи Гончаренко был послан иеродиаконном в церковь при Российской миссии в Афинах. В Греции он познакомился с представителем одесского пароходства, который бывал в Лондоне и находился в хороших отношениях с Александром Герценом и Николаем Огаревым. Вскоре Гончаренко стал посылать в *Колокол* свои статьи о русском духовенстве, где весьма нелицеприятно отзывался о нем, о нравах, царивших в его среде. О материалах, посылаемых Гончаренко в *Колокол*, стало известно российскому посланнику в Афинах. По его инициативе Гончаренко был арестован и посажен в греческую тюрьму, откуда совершил побег и в марте 1860 года приехал в Лондон. Здесь он познакомился со своими первыми издателями Герценом и Огаревым и вошел в их окружение. А в апреле 1860 года, когда открылась русская

типография, где стал печататься *Колокол*, Агапий устроился работать в ней наборщиком. Один из известных эмигрантов из окружения Герцена, Кельсиев⁵ отмечал в своих мемуарах, что Гончаренко был отличным наборщиком: «Однако войти в наш тесный кружок ему не удалось по его тяжелому, мнительному и скрытному характеру». Следует заметить, что Гончаренко не только набирал *Колокол*, но и продолжал в нем активно публиковаться⁶.

В 1861 году Гончаренко уехал из Англии на Ближний Восток, а через четыре года, полных скитаний и приключений, 1 января 1865 года прибыл в Бостон с греческим паспортом на имя иерея Агапия из Афин. Так он оказался первым православным священником, поселившимся на территории Соединенных Штатов.

В конце 1867 года Гончаренко переехал в Сан-Франциско, где издал свою первую книгу «*Russian and English Phrase Book*» — разговорник для американских солдат, отправляемых в Ситку для службы на новоприсоединенных к Штатам землях. Издана была эта книга по заказу госсекретаря Сьюарда⁷, главного инициатора покупки у России Аляски, который также пообещал Гончаренко субсидию для его будущей газеты на русском языке при условии, что тот займется в ней регулярным ознакомлением граждан Аляски с Конституцией Соединенных Штатов и распоряжениями новых властей. Гончаренко согласился, оговорив независимость своих политических взглядов.

Первый номер *Alaska Herald* вышел 1 марта 1868 года с русским подзаголовком: «Издатель Пресвитер Агапий Гончаренко». В последующих номерах над русским текстом появился заголовок *Свобода*. Газета печаталась на английском и русском языках, содержание статей было в подавляющем большинстве различное: в английских статьях Гончаренко осведомлял американцев об Аляске, а в русских печатал тексты из американской Конституции и заметки о жизни аляскинцев и местной русской колонии в Сан-Франциско⁸.

Свободная Америка и Сибирь, — объяснял назначение своего печатного органа Гончаренко, — *это два юных силача, обращенных друг к другу спиной. Время настало, чтобы понять друг друга и работать вместе на общую пользу <...>. Понимая это, мы поставили у себя русский станок, который есть первый в Америке, для напечатания торговых карт, циркуляров, памфлетов, грамматик, для изучения русского и английского языков и всякого рода работ, способствующих благоденствию народа. <...> Наше слово истины не замолкнет, потому что для публикации мы не нуждаемся ни в чьем пособии; мы — издатель, типограф и разносчик нашего журнала⁹.*

Статьи священника-революционера пришлось не по нраву ни русским дипломатам в Америке, ни местным властям, коих *Alaska Herald* нещадно критиковала. Вследствие этого А. О. Гончаренко вскоре был лишен правительственной субсидии.

Однако уже спустя пять лет православная церковь основала в Нью-Йорке Журнал православной церкви, выходивший в 1878–1880 годах. И с этого времени периодика на русском языке в США разделилась на церковную (а точнее – церковно-монархическую) и светскую. В 1896 г. <начал выходить> журнал Американский православный вестник, который с 1899 г. стал официальным органом епархии русской православной церкви в США. С 1901 г. им издавались брошюры и календари, а с 1902 г. – приложение Правда. Под патронажем руководства православной епархии в предвоенные и военные годы в Нью-Йорке, Чикаго, Питтсбурге и других городах издавались журналы и газеты Ревнитель православия, Христианин, Русские новости (прозванная «церковно-прогрессивной оберткой для селедок»), Голос правды <...> и другие. Появились в эти годы также небольшие журналы и газеты общин баптистов и евангелистов¹⁰.

Что касается А. О. Гончаренко, то он:

продолжи<л> борьбу и <...> стал издавать <газету> полностью за свой собственный счет. <...> в мае 1872 г. <он> продал английский отдел <издания одному> американцу, <а с> лет<а> 1872 г. стал издавать <в Сан-Франциско> чисто русский печатный орган под названием Свобода – простая речь, издаваемая Агапием Гончаренко¹¹.

В этой газете открыто, без уловок эзоповской речи, шел разговор о народной революции, необходимости бунта против царя и помещиков, высказывались украинофильские сепаратистские настроения. Подобное направление *Свободы* вызвало в русской среде раскол: одни поселенцы поддерживали Гончаренко, другие грозили ему расправой. Редактор ответил на угрозы в типично герценовском духе¹²:

Бруты и Кассии самодержавия и православия. Вы собираетесь бить меня. Если что-нибудь подобное случится, то ответственность падет на вашего патрона – царя Александра Николаевича¹³.

Однако в целом идеи пламенного борца с царским самодержавием мало интересовали основную массу русской диаспоры, озабоченную, в первую очередь, проблемами собственного обустройства в Новом Свете.

В 1873 году Гончаренко прекратил издание *Свободы*, покинул город и купил 50 акров земли в горах. Имение он назвал «Украина», а усадьбу — «Свобода». Находилось оно в графстве Аламеда в 26 милях от Сан-Франциско и в 5 милях от города Хейвард.

По преданиям, на земле, которую приобрел Гончаренко, русские жили уже с конца XVIII столетия. Здесь, в уединении, он провел последние 40 лет своей жизни. И ранее недоверчивый и мнительный, Гончаренко стал почти маньяком: ему всюду мерещились враги, замышлявшие извести его, — царь, консулы, синодальные священники.

Местное население относилось к нему с симпатией. Это обстоятельство оказалось очень кстати в 1911 году, когда «Украине» угрожала продажа за долги с молотка. Местная печать обратилась к населению с горячим призывом спасти старого общественного деятеля от этого позора, и люди немедленно откликнулись. Ферма осталась за Гончаренко. В последние годы жизни Агапия в русскоязычной и английской прессе периодически появлялись материалы о нем. Так, в 1913 году в *Русском слове* (13 марта) появилась большая статья о Гончаренко.

Умер он в 1916 году в возрасте 84 лет¹⁴.

Со второй половины XIX века начинается эмиграция отдельных групп населения Российской империи в США. А к концу столетия этот процесс принял массовый характер.

*С 1861 по 1915 г. из Российской империи выехали 4,3 млн человек, в том числе почти 2,6 млн — в первые 15 лет XX в. Две трети эмигрантов направлялись в США, а из числа выехавших в XX в. — около 80%*¹⁵.

*С 1899 г. (когда в американской статистике ввели учет национальности иммигрантов) по 1913 г. в США было допущено 165 тыс. «русских»: велико-, мало- и белорусов, в том числе 100 тыс. в 1910–1914 гг., причем лишь 5.3% из них привезли с собой более 50 долл., а многие приехали буквально без гроша в кармане*¹⁶.

*В 1880-х гг. началась массовая еврейская эмиграция, вызванная антисемитскими погромами в России. В последующие десятилетия в США начали <также> переселяться представители множества религиозных сект: «духоборы», «штундисты», «староверы», «новоизраильтяне», «прыгуны», «молокане» <...>. «Свобода слова, свобода действий, богатство земли количественное и качественное, нужда в рабочих людях, высокая плата за труд, — вот что манит в эту страну; она может удовлетворить людей самых крайних убеждений, дать приют всем, прибывающим к ее берегам», — писал современник этих событий*¹⁷.

Несмотря на то, что основная масса эмигрантов, чаще выходцев из западных «малороссийских» губерний России, была неграмотной (в конце XIX века уровень грамотности в целом по России составлял лишь 27%¹⁸), а еврейская диаспора говорила в своем большинстве на идиш, на газетном рынке Америки быстро появились различные русские периодические издания. В основном, это были газеты общественно-политические, как правило, оппозиционного к российскому правительству толка: *Знамя*, *Прогресс*, *Русский голос*, *Новый мир*, «квасисоциалистическая» *Русская жизнь в Америке*. Были и сугубо информационные: *Русский листок*, *Русские новости*, *Русский справочный листок*, и профессиональные издания: *Русско-Американский рабочий*, *Голос труда*. Общим для них являлось то, что все они были резко политизированы, а их издатели связаны с различными политическими группировками внутри иммигрантского сообщества, в большинстве своем левого толка.

В период с 1889 по 1898 год в США выходило шесть русских периодических изданий, при этом пять из них были недолговечны, главным образом из-за отсутствия финансирования. За годы существования в них сменилось десять редакторов, причем все они были левых взглядов — от социалистов-революционеров или им сочувствующих до либеральных демократов. В этническом отношении только один из редакторов был русским, остальные — евреи, которые считали себя не без основания русскими интеллигентами. Все они обучались в русских школах и университетах, где познакомились с русским революционным движением, примкнули к нему, симпатизировали его целям и перенесли его дух и идеи в Америку¹⁹.

В начале 1890-х годов в Нью-Йорке в районе Нижнего Ист-Сайда сложилась достаточно компактная иммигрантская среда, состоявшая из бывших жителей Российской империи различных национальностей, для которых русский в обиходе являлся языком межнационального общения. Поэтому именно в интересах этого сообщества начали издаваться политически не ангажированные издания: журнал *Русский листок*, газеты *Русские новости* и *Справочный листок*, которые в основном формировали читателя о местных событиях.

Поскольку собственно «русская» прослойка «русского Ист-Сайда» была очень небольшой по сравнению с массой «русских евреев», а тем более американской еврейской общиной в целом, то «редакторы <...> даже сделали взаимозаменяемыми определения “русский” и “русский еврей”»²⁰.

Таким образом, можно констатировать, что в «русском Ист-Сайде» существовал некий сплав русского и идиш. Например, в 1891 году в этой смешанной иммигрантской среде возникли «Русское Социал-Демокра-

тическое общество в Нью-Йорке», созданное Сергеем Ингерманом²¹, и «Русское общество самообразования». Общества активно действовали в 90-е годы, организуя еженедельные лекции на русском языке по марксизму докладчиков-выходцев из немецкой и русско-еврейской общин²².

Хотя большинство российских эмигрантов-евреев в Нью-Йорке не знали русской грамоты, говорили и читали в основном на идиш, русский язык по-прежнему употреблялся в качестве разговорного. Приведем характерный пример: в газетах *Русский листок* и *Справочный листок* середины 1890-х годов было напечатано сообщение об открытии двух «обществ взаимной поддержки», в каждом из которых знание русского языка являлось условием для членства, хотя идиш (а в одном случае и немецкий язык) мог быть использован в дебатах²³.

Несмотря на привлекательность русского как языка межнационального общения в полиэтнической диаспоре иммигрантов из Российской империи, идиш, повсеместно звучащий в быту, становится вскоре и основным языком на еврейских политических собраниях, по-видимому, вследствие того, что среди русского иммигрантского сообщества политически активной частью были, главным образом, евреи. В это же время переживает эпоху расцвета и газетная периодика на идиш. Тираж одной только умеренно-социалистической газеты *Forverts (Вперед)*, основанной в 1897 году в Нью-Йорке и издающейся и по сей день, доходил в период Первой мировой войны до 200 тыс. экземпляров.

Возрастание роли печатных органов на идиш, естественно, снизило привлекательность русскоязычных изданий в Нижнем Ист-Сайде, и они одно за другим стали закрываться. Когда в 1898 году появилась газета *Русская жизнь в Америке*, она не нашла своих читателей в Нью-Йорке и на 26-м выпуске в 1899 году приказала долго жить. После этой неудачи в течение почти десяти лет никто, кроме руководства Русской православной церкви в США, не предпринимал попыток издавать что-либо из области эмигрантской неполитической периодики на русском языке.

Следующий период развития русского газетного дела в Америке совпадает с очередной волной эмиграции из царской России в связи с погромами и беспорядками, прокатившимися по огромной стране в годы Первой русской революции (1905–1907), и начинается в 1907 году

<...> с создания Русского голоса, «независимого еженедельника» с про-социалистическими тенденциями. Он ознаменовал приход в издательскую деятельность русских революционеров, бежавших из России после 1905 г. <...>

В 1907–1914 гг. выходили 10 газет, у которых было в общей сложности 13 редакторов. Шестеро из них характеризуются как «социалисты» <...>, четверо были прогрессивными или «квазисоциалистическими» либералами, а трое редактировали Русский эмигрант, консервативное периодическое издание, основанное в 1912 г. с помощью православной церкви в США и поддерживавшее национальную политику царского правительства. <...>

Почти все издания страдали от низкого тиража и стремились найти читателей и финансовую поддержку, <в том числе> посредством различных конкурсов и лотерей. <...> Газеты не могли поддерживать четкую периодичность. <...> Русский голос выходил дважды в неделю, и кроме него, ни одна из газет не публиковалась чаще раза в неделю, причем некоторые — только раз в две недели, и даже раз в месяц; случались временные приостановки, пропускались даты номеров. <Все газетные издания> обращались к небольшим эмигрантским группам в рамках левого эмигрантского сообщества, конкурируя с растущей популярностью прессы на идиш, либо пытались привлечь неграмотных, интеллектуально неразвитых и географически разрозненных русских эмигрантов. <...> Однако сам факт появления такого количества русскоязычных изданий говорит о динамичном культурном развитии эмиграции²⁴.

Оценивая ситуацию с русской печатью в США, сложившуюся в первое десятилетие XX века, важно подчеркнуть, что именно в этот период, когда начал формироваться многонациональный состав «русской общины», выявилось значение выбора языка иммигрантской прессы. «Русская община» в США не была при своем зарождении иммигрантской. Затем, по мере своего развития, она стала состоять в основном из иммигрантов, перестав при этом быть русской в этническом смысле, но сохранив свое первоначальное название, связанное с корневым именем их исторической родины. Так же и русская печать стала называться «русской», в первую очередь, благодаря состоявшемуся выбору русского языка как средства для межнационального общения внутри русской общины.

По этим же причинам впоследствии термин «русская печать» вошел в употребление на всем пространстве русского зарубежья и часто распространяется на «русскоязычные» издания, которые, как, например, сионистский журнал *Рассвет*²⁵, издаваясь на русском языке, ни в духовном, ни в культурологическом плане не имели прямого отношения к собственно русской проблематике.

В свете вышеизложенного история НРС представляет собой очень яркий пример становления и развития русской эмигрантской газеты.

Новое русское слово возникло в пору, когда русских читателей в Америке было еще мало. Некоторые историки берут за год основания газеты <...> ноябрь 1907 года, когда русский эмигрант Иван Окунцов <...>, собрав 500 долларов, стал <...> издавать газету Русский голос. И хотя этот Русский голос был листком коммунистическим, а <выросшее с годами из него> Новое русское слово — наоборот, тем не менее, единство у них было хотя бы в том, что издавал их <вначале> один и тот же человек — Иван Кузьмич Окунцов. <...> Как вспоминал Окунцов, он при издании был един во многих лицах — и редактор, и наборщик, и разносчик, и уборщица. Иван Кузьмич вообще был большим затейником. Он, например, помещал заголовки в перевернутом виде: а так, мол, читатель больше внимания обращает²⁶.

К сожалению, яркая неординарная личность Ивана Кузьмича Окунцова (1874–1939) до сих пор находится вне поля зрения историков русского зарубежья. Его биография, воссозданная на основании немногочисленных литературных источников²⁷, типична для человека Серебряного века из группы русских социалистов-революционеров.

Иван Окунцов был родом из сибирских казаков. Он появился на свет в сентябре 1874 года в поселке Тончай, расположенном на берегу озера Байкал. Родители, люди вполне интеллигентные, готовили одаренного мальчика к карьере священнослужителя. Однако, окончив Благовещенскую духовную семинарию, а затем и Казанскую духовную академию со степенью кандидата богословия (1898)²⁸, Иван Кузьмич сана не принял, а в 1900 году был назначен первым инспектором народных училищ Амурской области²⁹. В 1903–1904 годы он редактировал и издавал газету *Верхнеудинский листок*, проповедовавшую антимиитаризм и исполнение заповеди «Не убий», выказывая задатки талантливого публициста, и был замечен в литературной среде. В эти же годы Окунцов, по всей видимости, и примкнул к партии социалистов-революционеров (эсеров).

Издатель и главный редактор газет
Русское слово и Русский голос
И. К. Окунцов.
Нач. 1910-х гг.

В 1905 году, в разгар Первой русской революции, Иван Кузьмич был арестован и приговорен к смертной казни. По ходатайству Общества русских писателей приговор был изменен, и он должен был пожизненно отбывать наказание на Акатуевской каторге³⁰. По всей вероятности, в 1906 году Окунцов бежал с каторги и через Владивосток перебрался в Японию, а оттуда — в США, где, как и большинство русских того времени, осел в Нью-Йорке.

При помощи русских православных колонистов в 1907 году он вместе с другим эмигрантом, прибывшим в США в 1906 году, — военным инженером подполковником царской армии в отставке Ф. А. Постниковым³¹, основал газету *Русский голос*, в которой стал редактором. Постников, однако, через год издательское дело оставил и уехал в Калифорнию.

Конъюнктуру рынка в Нижнем Ист-Сайде Окунцов знал и чувствовал хорошо, а потому и создал ежедневную газету нового формата. Она смогла предложить русским иммигрантам не только новости с родины и события в самой Америке, но и актуальную информацию о бытовой стороне жизни внутри иммигрантского сообщества.

Хотя газета задумывалась как внепартийное издание, она в силу революционного темперамента издателя быстро обрела леворадикальный, а позднее прокоммунистический уклон. По этой причине в ее редколлегии постоянно вспыхивали разногласия и ссоры на идеологической почве.

Возможно, надеясь создать издание, что называется, «под себя», Иван Окунцов в 1910 году основал новую газету — *Русское слово* и до 1917 года был ее редактором. Что касается его первого детища — *Русского голоса*, то, несмотря на «редакторскую чехарду», газета жила и крепла. В 1921 году на пике интереса к советской России³² разовый тираж ее превышал 35 тыс. экземпляров. В середине 1920-х годов И. К. Окунцов, решив окончательно покончить с карьерой издателя, ушел и из *Русского голоса*, в выпуске которого, по всей видимости, принимал участие, уже будучи редактором *Русского слова*. Судя по количеству опубликованных в *Русском голосе* материалов с жесткой критикой взглядов бывшего издателя, дело было, опять же, в идеологических разногласиях. Газета без него не зачахла, и в 1939 году оказалась в числе четырех русских периодических изданий — *Русский голос*, *Новое русское слово*, *Рассвет* и *Русско-американский православный вестник*, переживших эпоху Великой депрессии. Постепенно теряя популярность и сокращая тираж, *Русский голос*, тем не менее, просуществовал при разных редакторах вплоть до середины 1990-х годов.

В 1918 году И. Окунцов поехал в Советскую Россию посмотреть, что представляет собой страна Великого Октября. Здесь он был арестован,

чудом избежал смертной казни, бежал и в 1922 году на первой волне послереволюционной русской эмиграции снова прибыл в Нью-Йорк. Вернувшись, Иван Кузьмич посчитал за лучшее уступить издательские права своим компаньонам и окончательно отошел от издательского дела³³, посвятив себя полностью публицистике.

Иван Окунцов, организовавший две эмигрантские газеты, вписал в историю русской печати в Америке несколько ярких страниц, но так и не сумел добиться длительного успеха в журналистике. Его общественно-политическая деятельность оценивалась современниками неоднозначно, а временами открыто негативно. Так, например, Лев Троцкий именовал *Русский голос* и *Русское слово* — газеты, считавшиеся многими пробольшевистскими, не иначе как «желтые листки», неуважительно отзывался и об их издателе, перешедшем в то время из стана социалистов-«пацифистов» к «оборонцам» и призывавшего США вступить в Первую мировую войну на стороне Антанты:

Если г. Окунцов печатает жирным шрифтом свою собственную чепуху, то он ведь для этого, говорят, и создал свою самостоятельную газету. «Своя рука — владыка»³⁴.

Марк Вейнбаум, резко разошедшийся с И. К. Окунцовым в начале 1920-х годов из-за его просоветских симпатий, писал впоследствии:

Окунцов искренне ненавидел царя и отрицал Бога, искренне осуждал пьянство и курение. Но во всем остальном он был беспринципен, легко поддавался вредным влияниям других и вносил эти влияния в газету. Простой читатель, который верил в него и шел за ним, вскоре разочаровался и отвернулся от него³⁵.

По возвращении в США симпатии Окунцова к Советам сменились на враждебность, и свою жизнь он окончил не в «первом в мире государстве рабочих и крестьян», а в стране «желтого дьявола» раскаявшимся православным христианином. Скончался И. К. Окунцов 19 апреля 1939 года и был похоронен на кладбище Ист Ридж Лаун в Нью-Джерси³⁶.

По всей видимости, Иван Окунцов был не только креативным и энергичным человеком, но умел зажигать своими идеями окружающих, находить спонсоров и соратников. Так, в 1910 году, когда он, задумав издавать газету *Русское слово*³⁷, нуждался в финансировании своего проекта, ему удалось вовлечь в это дело еще двух эмигрантов — М. Л. Пасвольского³⁸ и В. И. Шимкина.

Издатель газеты НРС В. И. Шимкин.
1920-е гг.

Про Виктора Исааковича Шимкина (1883–1967) известно не слишком много. Родился он в Керчи, в интеллигентной еврейской семье, и по окончании местной гимназии уехал в Петербург получать высшее образование. В столице Российской империи он приобщился к революционному движению:

<...> примкнул <...> к меньшевикам, был арестован за революционную деятельность, сослан в Сибирь, бежал, скрывался, в 1907 г. уехал в Америку, где навсегда покончил со своим «революционным» прошлым»³⁹.

<и вложивший> в газету <...> все свои сбережения»⁴⁰, обладал крепкой деловой хваткой, то М. Л. Пасвольский имел потомственное отношение к газетному делу. По свидетельству его внука:

Если «В. И. Шимкин, активный и инициативный человек с общественной жилкой, приехавший в С<о-единенные> Штаты еще в 1907 году

Все члены нашей семьи работали в издательском деле. Еще до того, как они переехали в Америку, <Михаил Пасвольский> издавал газету в Павлограде»⁴¹.

Павлоградская газета М. Л. Пасвольского, скорее всего, была типичным уездным «листочком».

Читательский контингент новой нью-йоркской газеты, по сути, ничем не отличался от павлоградского, хотя, возможно, был еще менее грамотным. М. Е. Вейнбаум приводит в своих воспоминаниях⁴² письмо одного из таких читателей, который, вырезав заголовки газеты, наклеил их на листок бумаги и прислал в редакцию со следующей припиской: «Дорогой редактор, не знаю, как для других, а для меня прошу вас печатовать мою газетку такими буквами, бо я дюже неграмотный». Поэтому поначалу издатели газеты, — «безалаберной, малой по размеру, простой по содержанию, доступной для минчан и гродненцев, которые на родине газет не читали и о них даже не знали»⁴³, — справлялись со своим делом

сами. Но число читателей мало-помалу росло, и в 1914 году на редакторскую работу в *Русское слово* М. Пасвольский пригласил двадцатичетырехлетнего Марка Вейнбаума, о коем речь впереди.

По мнению Вейнбаума:

Русское слово было основано людьми без газетного опыта, без гроша денег и без видимых читателей... Деньги на издание добывали объявлениями. Сотрудниками становились тянувшиеся к газете одиночки-интеллигенты. А читателей приходилось искать в полуграмотной эмигрантской массе, тогда почти сплошь крестьянской. <...> Русское слово никому не подражало и было совершенно самостоятельным явлением. Газету часто критиковали, и было за что, но она пускала корни и завоевывала читателей⁴⁴.

Вейнбаум пришел в *Русское слово*, будучи еще студентом юридического факультета Нью-Йоркского университета. В его обязанности, кроме редакторских дел, входило открывать помещение редакции с утра и дежурить в ней по воскресеньям.

По воскресеньям в Нью-Йорк наезжали читатели из окрестных городов и поселков, а иногда и из более далеких мест, группами, долго ходили по тротуару и говорили: «Иди», «нет, ты иди», «пойдем вместе». Подымались тихо по лестнице и долго стояли перед дверью, не решаясь открыть ее. Заметив это, я начал держать дверь открытой.

Они входили взволнованные, напуганные и всегда спрашивали редактора. Одни приезжали за книгами или подписаться на газету. Другие просили посоветовать им хорошего доктора или «лойера»⁴⁵. Третьи, с изумлением оглядев голые стены редакции, задавали вопрос: «Что продаете?». Услышав, что книги и газеты, они спрашивали: «А часы продаете?». Газета была для этих читателей универсальным магазином. Они внимательно читали в ней все объявления, а их было тогда много, но не обращали внимания на адреса в этих объявлениях. Очень часто они присылали в редакцию заказы на разные предметы и их приходилось пересылать объявителям⁴⁶, — вспоминал на закате жизни М. Е. Вейнбаум.

В самом начале 1917 года в редакции *Русского слова* произошел раскол на идеологической почве, после которого «левые» И. К. Окунцов, М. Е. Вейнбаум и И. Л. Дурмашкин⁴⁷ ушли в газету *Русский голос*. Обновленный состав редакции *Русского голоса*, возглавляемый вернувшимся И. К. Окунцовым, разместился в новом помещении — двух снятых для

Главный редактор и издатель газеты НРС
М. Е. Вейнбаум.
Нач. 1950-х гг.

Журналист И. Л. Дурмашкин.
Нач. 1930-х гг.

этой цели комнатах; газета также приобрела в кредит линотип. Поскольку революция в России вызвала огромный интерес иммигрантов к событиям на их бывшей родине, то тираж сильно политизированной в леворадикальном направлении газеты начал быстро расти, она стала окупаться и, как указывалось выше, надолго укоренилась на рынке периодической печати США⁴⁸.

На посту редактора *Русского слова* Ивана Окунцова сменил Лео Пасвольский (1893–1953), сын М. Л. Пасвольского, одного из соиздателей газеты. Так, *Нью-Йорк таймс* в своем выпуске от 17 июля 1917 года уведомляет читателей⁴⁹, что в связи с прибытием в США делегации из революционной России *Русское слово* делает специальный выпуск на русском и английском языках. При этом цитируются слова ее редактора Лео Пасвольского, который от имени американского народа с пафосом заявляет, что:

Рождение Новой России является источником вдохновения и надежд для свободолюбивых людей во всем мире. Америка всячески приветствует великий русский народ, вставший на путь демократического развития. <...> Мы гордимся дружбой с великим русским народом и готовы оказать всяческую поддержку великой русской республике⁵⁰.

Лео Пасвольский выказывал недюжинные задатки талантливого публициста. Помимо *Русского слова*, он редактировал ежедневную газету на русском языке *Американский вестник*⁵¹, писал статьи для англоязычной

The Russian Review (Русское обозрение)⁵² и вел активную политическую деятельность в среде эмигрантов. Он был знаком со Львом Троцким⁵³, в то время жившем в Нью-Йорке, и идею революции в России принимал с оптимизмом. По его мнению, монархия должна была уйти в историю.

После Февральской революции Л. М. Пасвольский стал секретарем посланника Временного правительства в США Бориса Александровича Бахметьева. Совершенный большевиками Октябрьский переворот он встретил враждебно. Как пишет американский историк Стивен Шлезингер:

Политолог и журналист
Лео Пасвольский.
Кон. 1930-х гг.

Пасвольский горячо верил, что приход к власти в начале 1917 года умеренного режима Александра Керенского станет началом новой эры в истории России. Но после того, как в конце того же года произошел организованный Лениным переворот, он перешел на антикоммунистические позиции⁵⁴.

Хотя первые шаги на стезе русской журналистики Л. Пасвольским были сделаны весьма удачно, для газетного дела, по мнению М. Е. Вейнбаума, он был непригоден, так как «у него отсутствовало то газетное чутье, которое делает человека „газетчиком“»⁵⁵. Выпуск газеты требовал от главного редактора наличия изощренного нюха на запросы и ожидания читательской аудитории, преданности делу и концентрации на нем всех сил и энергии, а Л. Пасвольского больше всего интересовала политика, в том числе международная. По этой причине вскоре он ушел из газеты и уже никогда больше не сотрудничал в русской прессе США.

Л. Пасвольский сделал блестящую карьеру в США, став одним из самых ярких представителей русской эмиграции, прославившихся на политической арене этой страны. В 1919 году Пасвольский, закончивший к тому времени Нью-Йоркский колледж, а затем Колумбийский университет, стал заниматься политологией. Как публицист он сотрудничал только в англоязычной американской прессе — газетах *New York Tribune*, *Brooklyn Eagle*, *Baltimore Sun* и др. В качестве корреспондента двух нью-йоркских газет вел репортажи с Парижской мирной конференции 1919 года. В 1920–1930-х годах его взгляды эволюционируют

от категорического непризнания Советов в сторону развития взаимоотношений между СССР и США. Исходя из сугубо прагматических соображений, он даже ратует за принятие советского государства в Лигу Наций.

С 1922 года Л. Пасвольский в качестве экономиста начинает свою деятельность в Брукингском институте, ставшем его «альма-матер», — здесь в 1930-х годах он защищает докторскую диссертацию. В середине 1920-х годов несколько лет работает ассистентом известного американского политика-демократа Корделла Халла⁵⁶. За годы работы в Брукингском институте Пасвольский опубликовал целый ряд научных работ на тему экономики межвоенного периода и влияния Первой мировой войны на экономическое положение центральной Европы.

Вскоре Л. Пасвольский становится специальным помощником Госсекретаря США Корделла Халла по экономике и под его началом работает на руководящих постах в Государственном департаменте США. Являясь членом Совета по международным отношениям (CFR), Пасвольский уже в начале Второй мировой войны составил предложение американскому правительству относительно послевоенного преемника Лиги Наций. Госсекретарь Халл поддержал эту идею, и в 1941 году Пасвольский назначается Главным директором Отдела специальных исследований, а в 1942 году становится Исполнительным директором этой организации (информация о работе Совета в военное время была засекречена). В 1943 году им была составлена «Хартия Объединенных Наций» («*Charter of the United Nations*»), утвержденная президентом Франклином Д. Рузвельтом и послужившая основой всех последующих переговоров между союзниками о создании ООН, в которых Пасвольский непосредственно участвовал. С 1946 года и вплоть до своей преждевременной кончины в 1953 году он возглавляет отделение международных исследований в Брукингском институте⁵⁷.

В новейшей истории Л. Пасвольский оставил след как выдающийся экономист, аналитик, журналист, редактор, писатель и переводчик⁵⁸. Но самое главное — как автор Устава ООН, документа, положенного в основу всей современной международно-правовой системы. Сегодня ООН занимает центральное место в международных отношениях и является единственным механизмом поддержания мира и глобальной безопасности, а работы Пасвольского, в их числе книга «История Устава ООН», которую после смерти завершила его помощница⁵⁹, находят своих читателей и по сей день.

Как человек Л. Пасвольский был исключительно скромным и всегда держался в тени. Так, посол США в Организации Объединенных Наций Ричард Холбрук⁶⁰ писал о нем: «Он был из тех, кто характерен для

Вашингтона, — цепкий бюрократ, единственной целью которого было оставить после себя огромное наследие, практически исчезнув из истории». А шеф Пасвольского, Госсекретарь К. Халл, считал своего помощника мозговым центром, состоящим из одного человека, который предпочитал оставаться совершенно незаметным⁶¹.

В 1920 году отец и сын Пасвольские в газете уже не работали, и за ее издание полностью отвечал В. И. Шимкин⁶², который изменил ее название, добавив к нему многозначительное слово «Новое», ибо былой символ родины — либерально-демократическая московская газета *Русское слово*, была навсегда закрыта большевиками. Первые номера НРС, ставшей с уходом И. К. Окунцова газетой с выраженной антибольшевистской направленностью, относятся к августу 1920 года, а ее издателем на выпускных полосах числился только Виктор Шимкин.

Как отмечалось выше, В. И. Шимкин, не будучи литератором, еще работая «вместе с И. К. Окунцовым <...>», с самого начала вел финансовую часть газеты⁶³, предпочитая не вмешиваться ни в публицистическую, ни в редакторскую политику. Однако в идеологическом плане он твердо стоял на либерально-демократических, антибольшевистских позициях. Как издатель он остро нуждался в опытном главном редакторе, разделявшем его политические убеждения. Найти такого человека было непросто, поскольку значительная часть русских эмигрантов-интеллектуалов в США в те годы сочувственно относилась к Советам.

Падение царского режима в России в 1917 году, победа демократической революции и конец еврейского бесправия вызвали энтузиазм в миллионной массе русско-еврейских эмигрантов в Америке. Правда, только ее незначительная часть, состоящая из молодых и активных деятелей, связанных с общественной жизнью в России, поехали обратно на освобожденную старую родину, и притом большинство этих реэмигрантов, обжегшись на пламени большевистской революции, вскоре вернулось в Америку. Но все, что происходило в далекой России, вызывало сильнейший отклик в широких эмигрантских кругах.

Постигая Февральскую революцию неудача и приход к власти радикального крыла в лице партии Ленина и Троцкого (Троцкого, кстати, знали в Нью-Йорке, так как он вместе с Бухариным редактировал здесь газету Новый Мир накануне революции и пропагандировал максималистские идеи большевизма) произвели сильнейшее впечатление в широких еврейских социалистических кругах в Америке.

Как это сейчас ни кажется странным, но после Октябрьского переворота в среде еврейской интеллигенции, в студенчестве, среди людей свободных профессий и особенно среди журналистов и рабочих лидеров

стали распространяться просоветские иллюзии. В России все партии, кроме правящих большевиков, находились вне закона. Свободная и независимая печать была закрыта. Поэтому информация, идущая из России за границу и, в частности, в Америку, была тенденциозной и давала совершенно ложное освещение деятельности большевистского правительства⁶⁴.

В этом контексте легко можно понять причины «редакторской чехарды», наблюдавшейся тогда в НРС: за два года в редакторском кресле газеты сменилось более шести человек!⁶⁵

Среди первых редакторов начала 1920-х годов следует выделить незаурядную фигуру журналиста Марка Ефимовича Вильчура⁶⁶, эмигрировавшего в США в начале 1910-х годов и вскоре ставшего сотрудничать с окупцовским *Русским словом*.

М. Е. Вильчур (1883–1940) учился в Миргородской художественно-промышленной школе им. Н. В. Гоголя. Публиковал статьи по политико-экономическим вопросам в южнорусских газетах *Вестник Юга*, *Приднепровский край*, *Утро России*, *Вокруг света*, *Одесский листок* и др., издал ряд брошюр, включая «О партии мирного обновления» (Мариуполь, 1906). В США основал «Первое русское издательство в Америке», просуществовавшее до 1918 года, в котором издавал собственные книги и сборники произведений русских литераторов, в том числе и живущих в США эмигрантов. Примером такого издания является выпущенный в свет в 1918 году первый и, к сожалению, оказавшийся последним, сборник рассказов стихотворений и рисунков «Досуг»⁶⁷ под редакцией писателя Н. Н. Сергиевского⁶⁸. В эту книгу, помимо прозы издателя и редактора-составителя, вошли также стихи таких поэтов, как К. Р. и Иван Суриков, критические и библиографические заметки, хроника событий и объявления⁶⁹.

Сборники очерков Вильчура «В американском горниле (Из записок иммигранта)» (Нью-Йорк, 1914) и «Русские в Америке» (Нью-Йорк, 1918) рассказывают о жизни и быте русских иммигрантов в Новом Свете, об их экономических, культурных и духовных завоеваниях. Вильчур был одним из первых, кто обратился к истории русских колоний, русской печати и русских организаций в Америке, создал документальные портреты русских хлеборобов, сектантов и революционеров, обрисовал особенности их быта и духовной жизни. Он писал:

Чуткие и восприимчивые совершенно перерождаются в пять-шесть лет. Их кругозор расширяется, потребности становятся выше. <...> Русский крестьянин-иммигрант в воскресенье и праздничные дни

преображается в настоящего американского джентльмена, который носит снежно-белый воротничок, а в вагоне трамвая или железной дороги по-американски «подбирает» брюки, обнаруживая полушёлковые носки. Родная деревня едва ли узнала бы в этом молодом «барине» того самого землероба, который уехал за океан, и решила бы при взгляде на такого франта, что это какой-нибудь белоручка-капиталист»⁷⁰.

Интересно отметить, что это его описание во многом совпадает с колоритными образами эмигрантов из Российской империи в известном рассказе В. Г. Короленко «Без языка», впервые опубликованном в 1895 году.

Как общественный деятель М. Е. Вильчур оставил о себе память тем, что был одним из основателей и первых председателей Литературного фонда. О его деятельности в этом качестве упоминает Г. Д. Гребенщиков, сообщая Бунину о кончине еще «одного из наших»⁷¹.

В 1922 году Шимкин нашел, наконец, достойную кандидатуру — прежнего сотрудника *Русского голоса* и *Русского слова* Марка Ефимовича Вейнбаума. Ему он сразу же предложил не только пост главного редактора газеты, но и право стать его компаньоном «на равных началах». С тех пор, на протяжении полувека М. Е. Вейнбаум неизменно возглавлял редакцию *НРС* и участвовал в его издании. Благодаря его усилиям газета «постепенно превратилась» во влиятельный русско-американский орган печати с разнообразным и обширным составом сотрудников»⁷².

С приходом Вейнбаума в газету В. И. Шимкин на выпускных полосах *НРС* фигурировал как «Почетный президент», но, по свидетельству последнего ее владельца Валерия Вайнберга⁷³, до самой своей смерти в 1967 году оставался в деле. Таким образом, «тихий еврей» В. И. Шимкин фактически являлся издателем *НРС* в течение рекордных 57 лет!⁷⁴

Что касается личности Марка Ефимовича Вейнбаума (1890–1973), то, согласно биографической справке из его архива в библиотеке Йельского университета⁷⁵, будущий журналист, редактор и издатель *НРС* родился в украинском городе Проскурове, в обеспеченной адвокатской семье. Окончив в 1913 году Коммерческое училище, юноша был послан родителями в США продолжать свое образование, но по воле обстоятельств — началась Первая мировая война, затем произошла революция в России — остался в Новом Свете навсегда. В Нью-Йорке, где он прожил всю жизнь, М. Вейнбаум учился в городском колледже, а затем в местном университете на юридическом факультете. Начав сотрудничать в русской печати — газетах *Русский голос* и *Русское слово*, он прилип к журналистике, что называется, всерьез и надолго.

Вейнбаум пришел в НРС с началом первой волны русской эмиграции. На посту главного редактора газеты он проработал 51 год (1922–1973 гг.), выказав недюжинные организаторские и публицистические способности. Как в свое время Влас Дорошевич⁷⁶ в сытинском *Русском слове*, он единолично определял литературные предпочтения и общественно-политическую направленность газеты. Начав в 1920-е годы с перепечатки текстов из европейских эмигрантских газет, НРС постепенно приобрело свое собственное лицо — политически неангажированная русская газета либерально-демократической ориентации (т. е., по сути своей, наследница закрытого большевиками *Русского слова*) — и стала весьма авторитетным печатным органом в кругах русской эмиграции. У него появляются новые авторы:

<...> регулярно присылают свои статьи, очерки, рассказы Бунин, Аверченко, Зайцев, Куприн, Адамович, Дон Аминадо, <...> Айхенвальд и другие видные парижские и берлинские авторы. Перепечатывались советские писатели, делались литературные, театральные и кинематографические обзоры. Словом, всё как в большой, уважающей себя газете. Но провинциальность собственных тем вытравить было нельзя. Такое впечатление, что яркой жизни русская заокеанская колония была лишена. Хотя, конечно же, яркая жизнь была. Но не хватало местных талантов, чтобы это отразить⁷⁷.

В это время газета переживала серьезные трудности не только из-за дефицита профессионалов, но и по сугубо экономическим причинам, причем последний фактор довлел над НРС все годы ее существования. Вот что писал об этом М. Вейнбаум:

Временами газета окупала себя, временами ее положение становилось до того катастрофическим, что ее дни существования казались считанными. Так оно было в начале 20-х годов. Таким, или даже хуже, оно было в годы (1929–<19>33) тяжелой депрессии <...>. Спасала положение жертвенность всех сотрудников газеты, поддержка моральная и финансовая друзей-читателей <...>.

Последний кризис Новое русское слово испытало в 1946 г., когда в связи с переездом в <новое> помещение не хватило средств на то, чтобы приспособить его для нужд редакции. Тогда под председательством <...> проф. М. М. Карповича, при деятельном участии Андрея Седых и других сотрудников было создано Общество друзей Нового русского слова <...>. С помощью небольших денежных взносов и крупных беспроцентных ссуд газету удалось спасти⁷⁸.

Здесь хотелось бы отметить, что в 2012 году *НРС* прекратило свое существование именно из-за отсутствия должного финансирования, не сумев найти поддержки ни у «друзей-читателей», ни у российских институций, ни у меценатов.

В 1930-е годы *НРС* вело бескомпромиссную борьбу с советской пропагандой. Влияние разоблачительных материалов о политике массового произвола и беззакония, проводимой сталинским режимом, на общественное мнение русскоязычного иммигрантского сообщества Соединенных Штатов было весьма ощутимо, что вызывало открытую враждебность просоветских организаций, которые до войны приобрели большую силу в США и, по инициативе из Москвы, всячески вредили газете.

По воспоминаниям М. Вейнбаума, коммунисты уничтожали номера газеты в киосках, грозили продавцам бойкотом за ее распространение, срывали антикоммунистические собрания, нередко избивали политических противников. Самой редакции также неоднократно угрожала опасность. Так, в 1933 году, когда *НРС* оказалась первой в США газетой, сообщившей о страшном голоде в СССР, тысячная толпа коммунистов бросилась в редакцию, находившуюся тогда на 14-й улице, однако вызванная полиция успела предотвратить расправу⁷⁹.

Значительную поддержку в борьбе с коммунистическим влиянием *НРС* нашла среди существовавших в те годы в Америке Союзов Русских Рабочих (СРР), а также отдельных обществ взаимопомощи, впоследствии объединившихся в Русское Объединенное общество взаимопонимания в Америке (РООВА). Члены СРР считали себя анархистами, или «безвластниками» (как они себя называли), являясь стойкими противниками «коммунистической диктатуры» и ее пропагандистов. Участвуя в противостоянии политических сил, *НРС* позже открыто встало на сторону РООВА в борьбе против коммунистически настроенных сил⁸⁰.

По авторитетному свидетельству И. М. Троцкого⁸¹:

К концу 20-х годов среди эмигрантов, продолжавших говорить по-русски <...>, демократическая газета Новое русское слово, основанная В. И. Шимкиным⁸² и редактируемая М. Е. Вейнбаумом, стала приобретать все большее влияние. <...> Её стремление внедрить в умы своих читателей основы американской демократии, как и все более выдержанный курс на борьбу с коммунизмом и его попутчиками, стали приносить плоды. К началу Второй мировой войны газета уже заняла положение ведущего демократического органа на русском языке в странах всего русского рассеяния⁸³.

В 1930-х годах на страницах *НРС* появились имена С. В. Животовского, Л. М. Камышникова, Я. И. Лисицына, И. И. Остромысленского, И. Л. Тартака, Н. С. Калашникова, А. Я. Браиловского, Н. Н. Алла, В. Д. Крымского⁸⁴ и многих других. Из Парижа присылали корреспонденции А. Б. Петрищев, И. Кольшко-Баян⁸⁵, несколько позже — Андрей Седых. В подшивках газеты за 1924–1925 годы можно встретить перепечатки его статей из парижских *Последних новостей*, *Иллюстрированной России* и рижской *Сегодня*. Сам автор, обнаружив, что его материалы регулярно перепечатываются *НРС*, написал М. Е. Вейнбауму, что весьма польщен вниманием к своему творчеству, ничего против перепечаток не имеет, но хотел бы получать гонорар. Редактор ответил, что *НРС* — газета бедная, денег на гонорары практически не имеет, но если автор согласится присылать копии статей воздушной почтой, то редакция будет платить ему 12 долларов в месяц. И в течение ряда лет, до Второй мировой войны, как вспоминал А. Седых, он аккуратно получал от *НРС* свои двенадцатидолларовые чеки.

Александр Яковлевич Браиловский, как впоследствии и А. Седых, стал постоянным членом коллектива редакции. Браиловский был известен в среде иммиграции не только своим ярким революционным прошлым — в 1905 году его приговорили к смертной казни, затем помиловали и отправили в ссылку на Акатуевскую каторгу, откуда он бежал, а затем эмигрировал в Европу, — но и считался незаурядным литератором и имел, к тому же, сатирические способности. В 1940-х годах он выпустил книгу своих переводов западноевропейской классики, а в середине 50-х опубликовал два поэтических сборника: один лирики — «Дорогою свободной», а второй — политические басни и пародии «Временщики в Кремле»⁸⁶.

Сотрудничал с газетой земляк и старый знакомый А. Седых — В. Д. Крымский (Гейман), бывший юрист, до эмиграции работавший в Феодосии помощником присяжного поверенного и публиковавшийся в местной печати. Помимо всего прочего, он был страстный краевед, историк Крыма, и в этом качестве с 1917 года являлся членом Таврической ученой археографической комиссии, а в 1918–1920 годах возглавлял феодосийский Музей древностей, который спас в годы Гражданской войны от разграбления. В *НРС* В. Д. Крымский многие годы вел рубрику «Разъяснения по иммиграции». 24 января 1925 года на первой странице *НРС* было опубликовано анонимная заметка «Вор у В. Крымского»:

В комнату сотрудника Н. Р. Сл. В. Крымского (уг. 2-ой Авеню и Сейнт Марк Плейс), вышедшего утром к соседу-жильцу, забрался вор, унесший его костюм. В. Крымский успел выбежать и поднял тревогу,

симулируя наличие целой рати жильцов и крича: «Стреляй в него! Окружай его!» и пр. В заключение, за отсутствием на лестнице другого оружия, он использовал пожарное ведро и вылил <воду> на голову сбежавшего вниз вора-юнца 15-ти лет в солдатской шинели. Вор бросил костюм и сбежал»⁸⁷.

Из отдаленного американского штата Вермонт присылал свои обстоятельные статьи в газету генерал Н. М. Храбров⁸⁸, фактически выполнявший в ней работу внештатного корреспондента.

Аргус, он же М. К. Айзенштадт-Железнов⁸⁹, готовил телеграммы для первой полосы, а кроме того, публиковал фельетоны в прозе и стихах в колонке «О чем говорят слухи-факты», которые имели у читателей большой успех. Так, И. А. Бунин писал ему в 1952 году, что обычно начинает просматривать НРС с фельетонов Аргуса: «*опять мне захотелось сказать Вам, сколько блестящих строк есть всегда в Ваших фельетонах*»⁹⁰. Высоко оценивал его литературный талант и Георгий Адамович:

Аргус — прирожденный юморист, едва ли не последний у нас оставшийся. Не сатирик, а именно юморист, зорко и пристально глядящий в наше здешнее житье-бытье, все смешное или даже все досадное подмечающий, но к обличению не склонный... Для человека, который поставил бы себе целью изучить и понять, как в течение десятилетий жили русские люди на чужой земле, фельетоны Аргуса окажутся свидетельством и документом незаменным»⁹¹.

По авторитетному свидетельству Андрея Седых, к концу 1930-х годов в газете уже работала большая группа журналистов-профессионалов⁹². Да и сам Вейнбаум писал достаточно много и качественно. Маститый Михаил Карпович⁹³ так характеризовал его публицистику:

Внимательный и вдумчивый наблюдатель, одинаково хорошо осведомленный в проблемах как русской, так и американской жизни, М. Вейнбаум знает, как рассказать о своих наблюдениях и передать свои мысли в точном, ясном и живом изложении»⁹⁴.

Помимо русскоязычной публицистики, Вейнбаум писал также статьи на английском языке для таких американских газет, как *The Sun*, *The Globe*, *The Herald Tribune*.

С началом Второй мировой войны НРС стало на патриотические антигитлеровские позиции, а после нападения Германии на СССР номера газеты

за 23 и 24 июня 1941 года были почти полностью посвящены ситуации в СССР, военным действиям, письмам-откликам русских американцев на начало войны. <...> Самым кратким и понятным стало название статьи сотрудника газеты Я. Лисицына «За Россию!». Он считал самым важным в данный момент единство русского народа в борьбе с агрессором: «Мы не можем помочь там. Но мы можем помочь здесь!»

Критика советского режима фактически была свернута на время войны, но общее негативное отношение ко всему «коммунистическому» сохранилось, не скрывалась антипатия и лично к Сталину. Автор данной статьи писал: «Гнусная политика Сталина была явно антирусской, — и предполагала, что, конечно, не вслух, но в душе, советские люди могут думать так же, как и он. — Хоть и сволочь Советы, но нужно защищать Россию»⁹⁵.

Взгляды право-монархической части русской эмиграции, возлагавшей надежды на Гитлера и его режим в борьбе с большевиками⁹⁶, были отвергнуты газетой как заведомо лживые и предательские по отношению к русскому народу, против которого, в первую очередь, вела войну нацистская Германия. «Не на Сталина напал Гитлер!» — характерный заголовок одной из статей в НРС от 18 июля 1941 года.

Названы «пораженцами» были и те, кто предлагал президенту Ф. Рузвельту не помогать СССР в начавшейся войне, так как это только укрепит сталинский режим. Против такой <политики> были и редакционные статьи <...>, и письма читателей, в том числе белогвардейцев [публиковавшиеся в газете. — М. У.]. Откровенно говоря о своем антикоммунизме, [их авторы. — М. У.] прежде всего, считали себя русскими патриотами, а Германию — историческим врагом России. <...> В начавшейся войне патриотическую позицию сразу же заняла Русская православная церковь в США, заявив о своей безусловной поддержке СССР в его борьбе против фашизма. [В этом свете. — М. У.] интересны были выступления в газете протоиерея И. Чепелева с разъяснением сложных политических проблем доступным языком⁹⁷.

Газета постоянно освещала просветительскую деятельность РПЦ в приходских школах, подчеркивая важность сохранения русских традиций, религиозных и национальных исторических праздников и памяти о военных победах в Полтавской битве, русско-прусских войнах XVIII века, Отечественной войне 1812 года. Торжественно отмечался

в газете 700-летний юбилей победоносной битвы на Чудском озере в 1242 году (см. выпуски *НРС* от 12, 16, 19 и 21 апреля 1942 года). Все деньги, собранные на торжественных мероприятиях, были переданы в Фонд помощи России в войне (Russian War Relief). Под руководством Вейнбаума газета провела с 28 апреля по 3 мая 1942 года успешную благотворительную акцию «Неделя доброты», все средства от которой были перечислены в тот же Фонд⁹⁸.

НРС в буквальном смысле слова «расцвело» с началом Второй мировой войны в результате наплыва в Нью-Йорк большого числа эмигрантов из Европы. После окончания войны Америку «накрыл» новый поток эмигрантов — вторая волна⁹⁹, состоявшая, главным образом, из так называемых ди-пи (перемещенных лиц, беженцев). Большинство публицистов из всех этих «волн» сотрудничали в *НРС*, а те, кто не имел касательства к литературе, пополняли ряды ее читателей.

С 1941 г. список сотрудников начал быстро расти. Приехал из Парижа и вошел в состав редакции Андрей Седых (Я. М. Цвибак); начал печатать свои фельетоны С. Л. Поляков-Литовцев; приехал из Франции один из столпов Последних новостей А. А. Поляков, немедленно приглашенный на пост помощника редактора. В газете стало регулярно появляться имя М. А. Алданова, который продолжал свое сотрудничество в Новом русском слове до самой смерти. Его последний роман «Самоубийство» и был опубликован полностью в Нов. русск. слове. В состав постоянных сотрудников вошел вскоре публицист Г. Я. Аронсон, писавший в Социалистическом вестнике, Новом журнале и За свободу. Был приглашен на работу В. И. Гессен¹⁰⁰, автор книги «Герои и предатели», ранее сотрудничавший в берлинском Руле. Статьи на юридические темы пишет в газете М. Л. де Бранзбург; появились знакомые по Европе имена публициста и критика Леонида Галича (Л. Е. Габриловича), А. Ю. Раппопорта, еще сотрудничавшего во Власть народа в Москве и ставшего передовиком газеты, историка и публициста П. А. Берлина, музыковеда И. С. Яссера, А. А. Гольденвейзера, С. Л. Кучерова, Г. И. Альтшулера¹⁰¹, унаследовавшего от своего покойного отца¹⁰² (друга Л. Н. Толстого и А. П. Чехова) двойной талант — врача и писателя. Ценные статьи из Израиля присылает Ю. Б. Марголин, автор трагической книги «Путешествие в страну Зека». К списку постоянных сотрудников нужно прибавить <...> И. М. Троицкого и Гершона Света. С начала сороковых годов в газете начали сотрудничать видные еврей-меньшевики и эсеры Б. Двинов, С. М. Шварц, Д. Ю. Далин, Р. А. Абрамович, С. М. Соловейчик, Д. Н. Шуб, М. В. Вишняк¹⁰³, — эти же имена мы

встречаем и на страницах Нового журнала. Это — очень характерное явление для зарубежной печати, начиная с эпохи Второй мировой войны: при довольно большом разнообразии печатных органов и их политических и общественных направлений, мы встречаем почти повсюду одних к тем же сотрудников. Множество общих сотрудников можно найти у Нового русского слова, Русской мысли в Париже, Нового журнала и Социалистического вестника. Общий либеральный демократический дух этих изданий определяет естественно и состав сотрудников¹⁰⁴.

К списку авторов НРС, перечисленных А. Седых, можно добавить такие известные в эмигрантской публицистике имена, как Н. Авксеньев, В. Варшавский, В. Вейдле, А. Бахрах, Е. Кускова, А. Жерби, В. Зензинов, М. Коряков¹⁰⁵ и многие другие. М. Вейнбаум, например, утверждал, что после войны из числа русских литераторов-эмигрантов «в газету писали практически все», а Седых, оценивая число авторов газеты в 1940–1950-е годы, называл цифру 300¹⁰⁶.

Благодаря кипучей общественной деятельности и авторитету Вейнбаума, в годы войны газета стала одним из центров оказания всесторонней помощи русским эмигрантам. На ее страницах шла прямая агитация под лозунгом «Помогите своим соотечественникам приехать в США!». С помощью газеты смогли наладить свою деятельность «Общество помощи русским детям за рубежом», «Российское объединенное общество взаимопомощи в Америке», «Литературный фонд», «Союз русских евреев» и другие эмигрантские организации.

Война преобразила Новое русское слово. Газета ожила, стала актуальной, вдумчивой, талантливой. Ее расцвет продолжался все сороковые и пятидесятые годы. Не было такого литературного имени, чтобы оно не появилось на четырех ежедневных страничках газеты. Пошли не только статьи, эссе и рассказы со стихами, полились мемуары и старопарижская, староберлинская, старобелградская полемика. Началась эпоха предварительного подведения итогов. Эмиграция стала вспоминать саму себя — и для нас, сегодняшних читателей и историков, это, конечно, самые интересные публикации¹⁰⁷.

Если в годы Второй мировой войны критика СССР и существующего в нем тоталитарного строя на страницах газеты практически сошла на нет, то с началом «холодной войны» Вейнбаум в своей редакторской политике твердо придерживался антисоветской линии¹⁰⁸. В одной из своих статей он писал¹⁰⁹:

В газете встретились люди различных группировок и различных убеждений, но объединенные своей ненавистью к коммунистической диктатуре, в своей готовности бороться за свободную Россию, за благоденствие и прогресс приютившей их Америки.

Одним из примеров, характеризующим политические убеждения Вейнбаума, является его отношение к пресловутому «украинскому вопросу»¹¹⁰. Проблема украинской «самостийности» горячо обсуждалась еще до революции, а затем, начиная с 1920-х годов, уже и в эмигрантской прессе¹¹¹. Уже в начале этого дискурса было однозначно установлено, что в сугубо антирусском и антироссийском ключе эта тема десятилетиями разрабатывалась австрийцами для русинского и ряда других западно-славянских народностей Западной Украины (главным образом Галиции, которая входила тогда в состав Австро-Венгерской монархии, но тяготела к этнически близкой России).

Вражда официальной и националистической России к украинскому движению вызвала к себе интерес и внимание в идеологах и руководителях воинствующего германизма, для которого она представлялась благоприятным фактором в случае возможной борьбы против России. <...> Война 1914 г. в известной мере явилась результатом этого рода настроений, ибо отношения между Россией и Австрией определялись по преимуществу славянофильско-националистической идеологией, в которой одно из главных мест занимало враждебное отношение к росту украинской культуры в Галиции и стремление к «воссоединению подъяремной Руси» с Россией на началах этнографического единства¹¹².

В годы Второй мировой войны этот вопрос достаточно успешно модифицировали для своих целей идеологи нацизма, сулившие украинцам «независимость» в составе Тысячелетнего Рейха, в котором русским как нации уготована была участь рабочего скота.

Позиция НРС по отношению к любым концепциям такого рода, имеющим целью разрушение единства Российского государства, независимо от того, кем они выдвигались, всегда была резко отрицательной. М. Вейнбаум, апеллируя к мнению А. Линкольна, который в эпоху Гражданской войны между Северными и Южными штатами в США считал вредным и разрушительным принцип «самоопределения вплоть до полного отделения», высказывался против идеи раздробления России так:

Западный мир ищет путей и средств к освобождению от советской угрозы. И это объясняет, почему в Вашингтоне и Лондоне охотно

прислушиваются к тем, кто на эти средства якобы указывает: <...> к украинцам из Галиции, с большой настойчивостью твердящим, что ставку надо делать на все народности СССР против русского народа, что только раздробление России <...> сделает возможным покончить с опасностью коммунистического и русского империализма.

Долг русской политической эмиграции мешать такому решению русского вопроса <...>. Главным строителем русского государства был русский народ, даровитый, деятельный и самый многочисленный из всех народов России. <...> расчленение России русского вопроса не решит, а приведет только к новым бедствиям и разрухам¹¹³.

М. Вейнбаум был не только успешным издателем, но и крупным общественным деятелем, к мнению которого прислушивались в кругах политического истеблишмента США. Он являлся членом Академии политических наук (The Academy of Political Science), Клуба иностранной прессы (The Overseas Press Club) и Общества кинокритиков-представителей прессы на иностранных языках (The Film Critics Circle for the Best Foreign Language Film). Возглавив после смерти Вильяма Литфонда — «Литературный фонд поддержки русских писателей и ученых в изгнании», основанный в 1918 году, он сумел превратить его в действенный инструмент помощи русским литераторам, особенно тем, кто, живя в разоренной послевоенной Европе, находился в тяжелом материальном положении. Среди получателей литфондовских пособий были такие «звезды» первой величины, как Иван Бунин, Алексей Ремизов, Борис Зайцев, Георгий Иванов, являвшиеся постоянными авторами НРС.

Благодаря своей общественной активности, М. Вейнбаум «был человеком номер один среди эмиграции»¹¹⁴, в которой всеми силами старался поддерживать интерес к русской духовной традиции. Со временем, увы, интерес этот все больше и больше угасал:

Авторы старели, старел и читатель. А новых не прибавлялось. Дети неизбежно превращались в американцев¹¹⁵.

Вот, например, один характерный эпизод из воспоминаний эмигрантской писательницы из поколения «второй волны» Аллы Кторовой¹¹⁶:

Я очень подружилась с Верочкой Толстой. Она тоже была диктором [на радиостанции «Голос Америки». — М. У.]. Мы с ней читали в эфир по очереди. И вот Верочка начала рассказывать мне в перерывах о жизни старой эмиграции, про свою жизнь, про своего великого деда,

про мать, про отца, который их бросил и, женившись на другой, уехал в Америку. <...> Я как-то спросила её: «Верочка! Здесь, на „Голосе“, столько русских людей. Вас хоть раз кто-нибудь попросил рассказать о семье Толстых, о Льве Николаевиче?» Она ответила: «Никто! Ты — первая!»¹¹⁷

И все же газета не сдавала своих позиций, а редакция стремилась всегда держать руку на пульсе общественной жизни русской диаспоры. Сам Вейнбаум, пользуясь своим авторитетом, активно помогал попавшим в беду русским литераторам из разряда ди-пи. Когда, например, из США собирались депортировать поэта Родиона Березова, въехавшего в страну по подложным документам, он стал одним из организаторов общественной компании в его защиту. Это дело,

позже получившее название «Березовская болезнь», дошло до вашингтонской сенатской комиссии. Очень помог сенатор Джон Кеннеди, будущий президент США, положительно рассмотреть дело Березова. Он внес в Палату представителей законопроект о легализации иммигрантов, давших о себе неверные биографические сведения с тем, чтобы избежать депортации, грозившей им по Ялтинскому соглашению. После принятия поправки к закону, множество людей получило легальный статус для постоянного проживания в США¹¹⁸.

Благодаря авторитету Вейнбаума, газета *НРС* активно распространялась администрацией западных союзников в европейских лагерях для перемещенных лиц. Можно полагать, что печатавшиеся в ней сведения о жизни в СССР спасли свободу и жизнь немалому числу людей, оказавшихся в то время перед выбором: вернуться на Родину, либо остаться на Западе. Трагическая участь десятков тысяч «возвращенцев», оказавшихся в лагерях, — наглядное тому свидетельство.

В 1950–1970-е годы, когда вторая волна эмиграции схлынула, а «третья» еще не поднялась, наблюдалось резкое уменьшение читательской аудитории. Газета страдала от материальных проблем, но держалась на плаву во многом благодаря своему выверенному десятилетиями содержанию. Газета внимательно следила за проблемами иммигрантского сообщества США и русского зарубежья в целом, постоянно информировала читателей о новинках русской литературы. При этом особый акцент делался на освещение творчества советских литераторов андеграунда и близких к нему кругов. Так, уже в 1968 году *НРС* публикует стихи Владимира Высоцкого, которые были подготовлены к печати Аргусом по текстам, переписанным с магнитофонных пленок¹¹⁹.

Правой рукой Вейнбаума в его общественной деятельности, главным образом на ниве благотворительности, был Илья Троцкий, а в редакционно-издательской работе он с середины 1942 года опирался на Андрея Седых. В 1973 году, после скоропостижной кончины Вейнбаума, Андрей Седых сменил его на посту главного редактора. Одновременно он предложил двадцатисемилетнему техническому сотруднику газеты Валерию Вайнбергу, в котором, видимо, разглядел недюжинные деловые способности, пост Генерального директора.

Кончина Вейнбаума совпала с уходом из жизни большинства старейших авторов *НРС* и одновременно с новой вспышкой эмиграции из СССР: в 1970-е годы на Запад хлынула третья волна, принесшая новые громкие литературные имена, новую аудиторию и, конечно же, острый конфликт поколений. На посту главного редактора *НРС*, которая, по словам президента США Д. Картера, сохраняла «огромное культурное и историческое наследие России»¹²⁰, Андрей Седых проявил себя как толерантный и доброжелательный человек¹²¹. Хотя его литературные вкусы и пристрастия коренились в уже давно отжившем Серебряном веке, он пустил в газету «советский молодняк». В *НРС* публиковались практически все известные литераторы «третьей волны», среди них В. Аксенов, Ю. Алешковский, И. Бродский, П. Вайль, В. Войнович, А. Генис, С. Довлатов, Э. Лимонов, А. Солженицын и др. К началу 1980-х газета перешла, что называется, на новые рельсы, продолжала развиваться.

Андрей Седых, он же Яков Моисеевич Цвибак (1902–1994)

родился 1-го августа 1902 года в Феодосии¹²². Там же он окончил гимназию. Его отец был журналистом, писал корреспонденции для газет Южные ведомости и Крымский вестник¹²³; маленький Яша еще в раннем детстве знал, что пойдет по стопам отца. Свои юные годы автор описал в некоторых крымских рассказах, вышедших отдельной книгой в 1977 году. Есть там автобиографическое, полное юмора повествование о том, как маленький феодосийский гимназист чуть не попал на цирковую арену, случайно став «учеником» борца-тяжеловеса чемпиона Украины Стыцурь. От циркового выступления будущего редактора Нового русского слова вовремя спас отец¹²⁴.

В 1920 году, закончив гимназию, восемнадцатилетний Яков Цвибак навсегда покидает Россию. Устроившись матросом, он уплывает на пароходе в Болгарию, а затем попадает в Константинополь.

Главный редактор НРС Андрей Седых.
1980-е гг.

В 1935 году на 25-летний юбилей Нового русского слова Андрей Седых ответил на запрос о его биографических данных: «Биографии у меня нет. 18-летним юношей я продавал на улицах Константинополя русские газеты. Теперь сотрудничаю в этих газетах. Это всё. И для журналиста этого вполне достаточно»¹²⁵.

Затем Я. Цвибак через Италию перебрался во Францию, и в 1921 году появился в Париже. Здесь он обратил на себя внимание видного русского государственного деятеля М. М. Фёдорова¹²⁶, который курировал дела русских студентов-эмигрантов. По его направлению молодой человек поступил в Высшую школу политических наук в Сорбонне, которую окончил в 1926 году. Еще раньше, в 1922 году, он устроился на журналистскую работу в милюковскую газету *Последние новости*, тогда же родился на свет псевдоним Андрей Седых. В 1925 году Яков Цвибак работал парламентским корреспондентом *Последних новостей*, получив официальный пропуск во французскую Ассамблею, а к началу 1930-х годов уже состоял членом редколлегии газеты. Кроме того, с конца 1920-х годов он являлся иностранным корреспондентом рижской газеты *Сегодня и Нового русского слова*, работал секретарем издательства Я. Е. Поволоцкого¹²⁷, в котором опубликовал несколько своих книг. Первые, еще под своей собственной фамилией: сборники очерков «Старый Париж» (1925), «Париж ночью» (1928, с предисловием А. Куприна), а начиная с 1930 года, печатался уже под псевдонимом Андрей Седых.

Литературный дар молодого эмигранта обратил на себя внимание видных писателей русского зарубежья — М. Алданова, Н. Тэффи, А. Ремизова, И. Бунина и др., с которыми А. Седых вскоре сблизился, а богатейший материал этого периода отразился впоследствии в его мемуарных произведениях¹²⁸. Продолжая работать в прессе, Седых выпустил две книги рассказов: «Там, где была Россия» (Париж, 1931) и «Люди за бортом» (Париж, 1933; о парижской жизни низов эмиграции). Последняя книга была высоко оценена И. Буниным: «...так отлично написана она, легко, свободно, разнообразно, без единого фальшивого слова, с живыми лицами...»¹²⁹.

В 1933 году Бунин пригласил Андрея Седых в литературные секретари, и тот сопровождал его в Стокгольм для получения Нобелевской премии по литературе, где, по отзывам прессы, проявил себя очень энергичным и волевым менеджером.

Многим, лично знавшим Андрея Седых, известно, что больше всего он любил профессию журналиста. <...> А вот к <себе как> прозаику <...> относился весьма сдержанно. «Да, я конечно писатель. Но все-таки какого-то необходимого для большого писателя качества, того, что было у Бунина, у меня, в конечном счете, нет, — сказал он мне как-то. Но журналист я хороший. Даже очень хороший». В последнем он не ошибался.

Журналистский талант Андрея Седых в период расцвета его творческих сил был поистине феноменален. Он обладал необыкновенной наблюдательностью, умел быстро схватывать важные детали, делавшие его зарисовки с натуры живыми, интересными и убедительными. Причем, метко описать он мог решительно всё. В одну из наших встреч <...> Седых сказал, глядя на официанта южно-американского облика: «Мне стоит поговорить с ним несколько минут, и я напишу о нем интересный очерк, в котором будет и его детство, и эмиграция в США, и жизнь в Нью-Йорке его семьи — жены и ребятишек»¹³⁰.

Андрей Седых с 1932 года был женат на талантливой артистке Евгении Липовской¹³¹, являвшейся энергичной помощницей во всех общественных и филантропических мероприятиях мужа. Вместе с ней он бежал в 1942 году из оккупированной немцами Франции в США.

Андрей Седых был последним представителем поколения эмигрантов первой волны, определявших лицо *Нового русского слова*.

И то, о чем забывают — что удивительно, — что Андрей Седых, хотя он был главным редактором, он не мог на этом себе просто заработать

*достаточно на жизнь. Он был страховым агентом. Он продавал страховку моим родителям и почти всем эмигрантам той волны. Он ходил по домам по вечерам, объяснял, что и как, и занимался страховкой. Иначе он и Женя, они бы умерли с голоду*¹³².

Необходимо отметить, что НРС, твердо стоявшая на антикоммунистических позициях и желая быть средством коммуникации для возможно большего числа представителей эмигрантского сообщества, сильно раздражала Москву, стремившуюся после войны к максимальному разобщению эмиграции. Мало известен факт, что профессиональные служители церкви в период, когда американские конфессиональные издания из-за нехватки средств закрылись или сократили тиражи, с успехом использовали НРС в качестве средства массовой информации и коммуникации русской диаспоры. Однако эти инициативы вызывали недовольство у подконтрольной советским властям Московской Патриархии. Вот что на сей счет пишет профессор Л. Н. Парийский¹³³ в докладе о результатах своей официальной поездки в США¹³⁴:

*М<итрополи>т Вениамин¹³⁵ рекомендовал нам газету Новое русское слово как самую лучшую русскую газету, которая может служить рупором для Патриаршего Экзархата. В самом скором времени мы убедились, что газета Новое русское слово — троцкистская, а в церковных вопросах беспринципная, охотно печатающая статьи, заметки и сообщения и за, и против Патриаршей Церкви. Мы только удивлялись, как мог М<итрополи>т Вениамин — такой умный человек — ошибаться в направлении газеты. Может быть, он боялся, что его отрицательный отзыв о газете Новое русское слово дойдет до редактора газеты, и тот его не пощадит?*¹³⁶

А вот что вспоминает о *Новом русском слове* и его редакторах художник С. Голлербах¹³⁷ — представитель второй волны эмиграции:

В начале 50-х годов редакция находилась на втором этаже небольшого здания на 56-й улице и Восьмой авеню в Манхэттене. Внизу работала типография и издательство Мартьянова, выпускавшие открытки и отрывные календари и существующие и по сей день. Длинное помещение редакции было в конце отгорожено, и там, направо, находился кабинет главного редактора Марка Ефимовича Вейнбаума, а слева — его помощника Якова Моисеевича Цвибака, он же — Андрей Седых. Марка Ефимовича я еще застал в живых. После его кончины главным редактором стал Яков Моисеевич. Под его руководством

газета расцвела. Из маленькой газетки в восемь страниц Новое русское слово превратилось в солидное периодическое издание. Оно стало источником информации и увлекательным чтением для всех живущих в Америке русскоговорящих. Газета не имела определенного политического направления, но, как говорил Андрей Седых, не признавала двух «измов» — коммунизма и фашизма. В ней печатались статьи, рассказы, поэзия, имелся отдел хроники, крестословиц и отдел юмора. Последний вел человек с псевдонимом Аргус. Помню одно его изречение: «Идеалист — это человек, который убьет вас и ваших детей для того, чтобы вашим внукам жилось лучше». <...>

Яков Моисеевич и его супруга актриса Женни Грей (Евгения Иосифовна) были представителями той российской еврейской интеллигенции, которая внесла большой вклад в культуру Русского Зарубежья. Яков Моисеевич долгое время жил во Франции, работал как журналист, был личным секретарем Ивана Бунина. Помимо редакторской работы, он возглавлял в Нью-Йорке наш эмигрантский Литфонд [после кончины М. Е. Вейнбаума. — М. У.], помогавший писателям и поэтам, оказавшимся в эмиграции во многих странах и находившимся в стесненных обстоятельствах. Собрания Литфонда, на которых присутствовал и я, проходили на его квартире на 70-й улице около Бродвея. Яков Моисеевич любил искусство, <...> знал лично Марка Шагала, который подарил ему несколько своих литографий. Они были впоследствии проданы, и вырученные деньги пошли в Литфонд.

В 1982 году мы отмечали 80-летие Якова Моисеевича, и была издана книга «Три юбилея Андрея Седых» — как журналиста, писателя и редактора газеты.

Шли годы, Яков Моисеевич старел и начал искать себе помощника в среде новоприбывших из Советского Союза эмигрантов. Однако найти подходящего по уровню культуры, эстетическим пристрастиям и убеждениям человека оказалось делом нелегким. Помню, я как-то позвонил Якову Моисеевичу, и на мой вопрос, как он поживает, престарелый редактор ответил: «Сижу и правлю поступившие рукописи, слово Бог пишу с большой буквы, зачеркиваю слово ж...» ...В конце 70-х годов в типографии Нового русского слова произошел взрыв, но злоумышленников так и не нашли. Впрочем, газета переехала, в результате этого, в лучшее помещение на 34-й улице.

Вернувшись из Парижа, я спросил Якова Моисеевича, не хочет ли он навестить город, в котором провел свои молодые годы. «Нет, Сергей Львович, — ответил он, — у меня там никого больше не осталось». Такова судьба всех стариков, достигших преклонного возраста: они переживают своих друзей, и мир вокруг них пустеет. Кончина Евгении

Иосифовны была для Якова Моисеевича тяжелым ударом, от которого он не оправился и вскоре последовал за нею. Попад в другие руки, газета Новое русское слово изменила свой облик, и не к лучшему. Вспоминаю одну статейку, озаглавленную «Наши девочки за так не танцуют»... Такого Андрей Седых не допустил бы. Конечно, времена и люди меняются. Но все же... все же... те, кто помнит старую газету, оплакивают ее исчезновение и с теплым чувством вспоминают ее старого редактора Андрея Седых¹³⁸.

В высказываниях С. Л. Голлербаха без труда улавливаются нотки «межволнового» отчуждения. Дело для эмигрантского сообщества житейское, особых комментариев тут не требуется. Новые эмигранты — «совки» из третьей волны, благодаря которым *Новое русское слово* достигло вершины своего успеха, не встретили в кругах старой русской эмиграции ни понимания, ни сочувствия. А по-иному и быть не могло, слишком велики оказались как амбиции, так и различия — возрастные, ментальные и культурные — между представителями различных «волн» в русском Зарубежье. По сути, здесь встретились даже не «отцы и дети», а «дети разных отцов».

Андрей Седых, как питомец Серебряного века, новую эмигрантскую литературу не понимал. Валерий Вайнберг вспоминает, например, такой анекдотичный случай¹³⁹:

Я помню, когда Андрей Седых пришел и рассказал историю его знакомства с Иосифом Бродским. Он сказал мне: «Я подошел к Бродскому и сказал ему: Иосиф, я не печатаю Вас только потому, что я Вас не понимаю». Иосиф посмотрел и сказал: «Ну, все в порядке».

Накануне получения Нобелевской премии я напечатал произведения Иосифа Бродского разворотом в Новом русском слове.

Александр Генис¹⁴⁰ вспоминает:

Ближе всех я знал редактора газеты — Андрея Седых, который сопровождал Бунина, когда тот ездил в Стокгольм за Нобелевской премией. Седых любил вспоминать друзей и знакомых — Мандельштама, Рахманинова, Шагала, Цветаеву. Зато нас он не замечал, считая «третьей волной» носителем уродливого советского наречия, «исчадием новояза». У Бродского Седых не понимал ни слова, Довлатова называл «вертухалем», а когда я спросил, нравятся ли ему фильмы Тарковского, ответил, зевая, что после войны в «синема» не ходил. Седых и его соратники верили, что связь между СССР и Россией такая же, как между Турцией и Византией, — общая территория, но не культура¹⁴¹.

Будучи человеком по природе доброжелательным и глубоко интеллигентным, Седых старался, как мог, интегрировать у себя в газете «третью волну». Публично он утверждал, что на этом пути

особых сложностей у нас нет, но порой мы сталкиваемся с непониманием того, какие трудности здесь ожидают людей. Они попали в совершенно чужой мир. Это люди с другой планеты. То, что нам кажется чудовищным и ненормальным, они всосали с молоком матери. Будем откровенны — только немногие руководствовались, уезжая из СССР, политическими мотивами. Я считаю, что «третья волна» — это наиболее аполитичная эмиграция из всех. Это эмиграция людей, которые хотели жить по-человечески, воспитывать детей, ездить, куда они хотят, не зависеть от чьих-то разрешений, от всяких комитетов. Словом, быть свободными в бытовом и духовном смысле слова. Что ж, в этом отношении Америка — прекрасная страна... Эта эмиграция оказалась очень живучей, очень крепкой, она привыкла в России ко многим испытаниям... Талантливый, энергичный народ! Но вот что меня поражает: новые эмигранты (даже те из них, кто преуспел материально) никогда не жертвуют деньги на благотворительные нужды. Я всю жизнь занимаюсь благотворительностью. В Париже придумал «голодную пятницу». Мы отдавали в страстную пятницу стоимость своего обеда в фонд специальной помощи. В первый же день перед редакцией выстроилась огромная очередь людей, сдающих деньги. Когда я приехал в Нью-Йорк, сразу же организовал фонд срочной помощи, потому что стариков было много, социального страхования не было никакого. Вот недавно прошел очередной сбор в фонд срочной помощи. Должен сказать, что на наш призыв откликаются в основном представители первой и второй эмиграций — третья, как правило, не жертвует. Я объясняю это тем, что в Советском Союзе нет частной благотворительности. Там это не принято. А здесь, в Америке, все построено на частной благотворительности. На пожертвования создаются оперные театры, симфонические оркестры, библиотеки, концертные залы. <...>

К сожалению, русские артисты вообще не жертвуют. И во Франции было то же самое. Я никогда не получал денег от больших артистов. Меня это огорчает, потому что они очень многим обязаны прессе: рекламой, интервью, рецензиями. А когда надо помочь этим людям, которые им же создавали популярность, внести свою лепту в Литературный фонд, — вы встречаете глухое молчание. Какой-нибудь пенсионер-старик присылает свои пять долларов, оторванные от пенсии. А люди, которые получают по 10–15 тысяч долларов за

*каждое выступление, не платят ни копейки. Иногда обещают, но не выполняют обещанного*¹⁴².

Несмотря на все «но», в начале своей эмигрантской карьеры многие из бывших советских мастеров пера, «приземлившись» в Нью-Йорке, подвизались именно в НРС. Журналистка Людмила Кафанова¹⁴³ вспоминает о своем первом знакомстве с газетой:

Первый визит в Нью-Йорке в 1975 году <...> я нанесла редакции газеты Новое русское слово. Помещалась она тогда на 256 улице, в старом, полуразвалившемся домике, пережившем свою молодость, скорее всего, в годы Войны за Независимость. На первом этаже располагалась типография, точная копия филиала Музея Ленина в Москве, около Бутырской тюрьмы, где, якобы, в первые годы XX века печаталась большевистская Искра. Сама редакция, редакторы и переводчики новостей, корректоры, отдел подписки, отдел рекламы и бухгалтерия ютились в большой комнате на втором этаже, где был выгорожен закуток для главного редактора и владельца газеты Андрея Седых, он же Яков Моисеевич Цвибак. Мне, после ультрасовременных редакционных кабинетов и типографий комбината «Правда», где помещался и печатался Огонек, было странно видеть в Нью-Йорке редакцию и типографию старейшей в мире за рубежами СССР ежедневной анти-советской газеты на русском языке в столь допотопном состоянии. Но, что есть — то есть, другого не дано.

*Вошла в закуток главного редактора, представилась, Яков Моисеевич встретил меня весело и любезно, взял принесенную статью, убей бог, не помню, о чем, посмотрел и сказал: «Нам подходит, будем печатать». После чего завел со мной очень милый разговор о том о сем*¹⁴⁴.

Евгений Рубин¹⁴⁵, в 1984 году одиннадцать месяцев проработавший в *Новом русском слове* ответственным секретарем, говорит о Седых как не только довольно симпатичном человеке, но и очень умелом журналисте:

*Он раз в неделю <по вторникам> печатал свой большой материал в «Заметках редактора» <...> на актуальные темы, и это были хорошие заметки, которые читались, и которые были одной <...> из привлекательных черт этой газеты*¹⁴⁶.

Однако прочных связей между НРС и ведущими литераторами третьей волны эмиграции в целом так и не возникло. Как уже отмечалось

выше, этого и не могло быть в силу глубокой чужеродности разных поколений эмигрантов. Напомним, что, в отличие от второй, послевоенной волны, третья волна была вполне сопоставима с первой по количеству представителей российской интеллектуальной элиты, вымытых из «исконного национального очага». Здесь была представлена как официальная советская литература — Аксенов, Алешковский, Войнович, Галич, Гладилин, Довлатов, Коржавин, Кузнецов, Максимов, В. Некрасов, Солженицын и т. д., так и андеграунд — Бродский, Лимонов, Мамлеев, С. Соколов.

Отношение бывших советских литераторов-эмигрантов к *НРС* можно, мягко говоря, охарактеризовать как презрительно-ироническое. Это издание в их глазах выглядело безнадежно устаревшим, своего рода «антисоветским приложением» к советской прессе¹⁴⁷. Слезоточивый культуроохранительный пафос старой эмигрантской газеты вызывал у них ничуть не меньшее отторжение, чем советский патриотизм. Так, несмотря на то что *НРС* в конце 1970-х годов опубликовала четыре острополюемические статьи Э. Лимонова¹⁴⁸, их автор все же насмерть рассорился как с газетой, так и с ее главным редактором.

В середине 1980-х годов между *Новым русским словом* с Андреем Седых во главе редакторского коллектива и *Новым американцем*¹⁴⁹, который представляли Сергей Довлатов, Александр Генис и Петр Вайль, развернулась жаркая полемика, переросшая, в конце концов, в типичную газетную свару¹⁵⁰. В № 65 *Нового американца* от 10–16 мая 1981 года Довлатов опубликовал «Открытое письмо главному редактору *Нового русского слова*»¹⁵¹, в котором четко сформулировал причины, породившие конфликт в эмигрантской журналистской среде США:

Уважаемый господин Седых,

Я прочитал Вашу статью «Кому это нужно» (Новое русское слово, 28 апреля <1981 года>). Мне кажется, она знаменует новый этап Вашей публицистической деятельности и потому заслуживает самого активного внимания. Статья написана абсолютно чуждым Вам языком, она напориста и агрессивна, более того, в ней попадают словечки из уголовно-милицейского жаргона, например, «вертухай», как Вы соизволили дружески меня поименовать. Я искренне радуюсь этому, как сторонник живого, не закрепощенного литературного языка. Я оставляю без внимания попытки унижить меня, моих друзей и наш еженедельник, отказываюсь реагировать на грубые передержки, фантастические домыслы и цитируемые Вами сплетни. <...> Короче, быть резким — Ваше право старшего или, если хотите, право мэтра.

Таким образом, меня не унижает форма Ваших словоизъявлений. Меня интересует не форма, а суть. Что так неожиданно вывело из равновесия умного, интеллигентного пожилого господина, что заставило его нарушить обет молчания, что побудило его ругаться и топтать ногами, опускаясь до лагерной фени? Чем мы так досадили Вам, господин Седых? Я могу ответить на этот вопрос. Мы досадили Вам фактом нашего существования. До 70-го года в эмиграции царил относительный порядок, отшумели прения и споры, распределились должности и звания, лавровые венки повисли на заслуженных шеях. Затем накатила Третья волна. Как и всякая человеческая общность, мы разнородны, среди нас есть грешники и праведники, светила математики и герои черного рынка, скрипачи и наркоманы, диссиденты и работники партаппарата, бывшие заключенные и бывшие прокуроры, евреи, православные, мусульмане и дзэн-буддисты. При этом в нас много общего — наш тоталитарный опыт, болезненная чувствительность к демагогии, идиосинкразия к пропаганде, неверие в риторику. И пороки у нас общие: нравственная и политическая дезориентация, жизнестойкость, переходящая в агрессию, то и дело проявляющаяся неразборчивость в средствах. В нас густо замешано хорошее и плохое, как и в любой человеческой общности. Мы не хуже и не лучше старых эмигрантов, мы решаем те же проблемы, нам присущи те же слабости, те же комплексы чужестранцев и неофитов. Мы так же болеем душой за нашу ужасную родину, ненавидим и проклинаем ее тиранов, вспоминаем друзей, с которыми разлучены. Мы не хуже и не лучше старых эмигрантов. Просто мы другие. Мы приехали в 70-е годы, нас радушно встретили, помогли нам адаптироваться и выстоять, приобщиться к ценностям замечательной страны. Нам удалось избежать многого, что пережили старые эмигранты, и мы благодарны всем, кто способствовал этому. Мы вывезли из Советского Союза не только палехские шкатулки, не только кораллы и янтарные брошки, не только пиджаки из кожзаменителя. Мы вывезли свои дипломы и научные работы, рукописи и партитуры, картины и математические формулы. А главное — мы вывезли неистребимый и здоровый дух русского еврейства. Наши бизнесмены уверенно прокладывают себе дорогу в капиталистических лабиринтах, наши художники экспонируются в лучших музеях Америки, наши интеллектуалы заняли кафедры в лучших университетах страны. Мы начали создавать газеты и журналы, телевизионные студии и финские бани, рестораны и симфонические оркестры. Мы ненавидим бесплодное идеологическое столоверчение, нас смешат инфантильные проекты реорганизации

тоталитарного общества. Мы поняли одну чрезвычайно существенную вещь: советская власть — не форма правления, советская власть есть образ жизни многомиллионного государства, а, следовательно, она живет в каждом из нас, в наших привычках и склонностях, в наших симпатиях и антипатиях, в нашем сознании и в нашей душе. А значит, главное для нас — победить себя, победить в себе раба и циника, труса и невежу, ханжу и карьериста. Вы пишете: «Есть только один враг — коммунизм». Это неправда. Коммунизм — не единственный враг. Есть у нас враги и помимо обветшалой коммунистической доктрины. Это наша глупость и наше безбожие, наше себялюбие и фарисейство, нетерпимость и ложь, своекорыстие и продажность. Когда Бродского спросили «Над чем вы работаете?», поэт ответил: «Над собой». <...> Вы обрушиваетесь на дерзкий, самостоятельный, формирующийся еженедельник, обвиняете его в смертных грехах. Что произошло? Чем мы Вас травмировали? И вновь я отвечу: фактом нашего существования. Была одна газета Новое русское слово, властительница дум, законодательница мод и вкусов, единственная трибуна, единственный рупор общественного мнения. В этой газете можно было прочесть любопытные вещи: что Солженицын не знает русского языка, что Россия твердо стоит на пути христианского возрождения, что Леонид Ржевский⁵² выше Набокова. И все кивали. Затем появился еженедельник Новый американец, заговорил своим языком, правда, с легким еврейским акцентом, на свои темы, в своей оптимистической манере. И началась паника в старейшей русской газете. Да как они смеют, да кто им позволил, да на что они рассчитывают? А мы-то грешным делом рассчитывали именно на Вас. Вы утверждали, господин Седых, — прогорите, лопнете, наделаете долгов. Вы многого не учили. Не учили жизнестойкости Третьей эмигрантской волны, меры нашего энтузиазма, готовности к самопожертвованию, преимуществ демократического устройства. Не учили даже обстановки собственной редакции — трое ведущих сотрудников Нового русского слова решили уволиться, лишиться теплых мест, лишиться стабильных зарплат и ринуться в новое опасное плавание. Знаете, что они мне сказали? «Мы готовы перейти в Новый американец, мы хотим работать с тобой». Поверьте, это был самый волнующий день моей эмигрантской жизни. Появился еженедельник, монополия была нарушена, возникли новые точки зрения, новые оценки, новые кумиры, и Вы, господин Седых, забили тревогу. Вы отказались поместить нашу рекламу, запретили своим авторам печататься у нас, стали обрабатывать наших партнеров и заказчиков. Теперь Вы хитроумно объявляете себя

жертвой политической критики, а нас — советскими патриотами и функционерами КГБ. Это уловка. Политическая репутация Нового русского слова безупречна, мы не подвергали Вашу газету идейной критике, мы вообще не критиковали общую позицию Нового русского слова, мы критиковали недостатки газеты, ее неуклюжий и претенциозный язык, консервативность в оформлении, ее прекраснотушние и бесконфликтность, тусклую атмосферу исторических публикаций. Мы признаем заслуги Вашей газеты, мы также признаем Ваши личные заслуги, господин Седых, однако мы сохраняем право критиковать недостатки газеты и требовать от администрации честного делового поведения в рамках федеральных законов. Вы озаглавили статью «Кому это нужно?». По всей статье рассыпаны таинственные намеки, упоминаются какие-то загадочные инстанции, какие-то зловеющие силы, какие-то непонятные органы и учреждения. Дома бытовало всеобъемлющее ругательство «еврей». Что не так — евреи виноваты. Здесь — агенты КГБ. Все плохое — дело рук госбезопасности, происки товарища Андропова. Пожар случился — КГБ тому виной, издательство рукопись вернуло — под нажимом КГБ, жена сбежала — не иначе как Андропов ее охмурил, холода наступили — знаем, откуда ветер дует. Слов нет, КГБ — зловеющая организация, но и мы порой бываем хороши, и если мы ленивы, глупы, бездарны — Андропов ни при чем, у него своих грехов хватает. А у нас — своих. Так зачем же нагнетать мистику, зачем же объяснять свои глупости и неудачи происками доблестных чекистов, зачем в благодатной Америке корчить из себя узников Лубянки? Это неприлично и смешно.

Не вдаваясь в подробности, следует отметить, что в развернувшейся полемике поколений восьмидесятилетней Андрей Седых выглядел куда благороднее, чем охотно ввязавшаяся в боевые действия эмигрантская «молодёжь», вскоре перессорившаяся и друг с другом (в результате чего так стремительно завершилась история перспективного еженедельника *Новый американец*). Впрочем, молодость, как известно, и беспощадна и безрассудна, и в этом залог ее успеха в борьбе с охранительским благородством уходящих поколений. Андрей Седых, который в качественном отношении поднял *Новое русское слово* на уровень парижских *Последних новостей*, где сам он плодотворно работал до войны и которые в его глазах являлись вершиной русской периодической печати, ушел на покой, когда СССР приказал долго жить. При новом главном редакторе Георгии Вайнере¹⁵³ газета, кардинально сменив формат и тематику, достигла к середине 1990-х годов пика своей популярности.

Главный редактор НРС Георгий Вайнер.
2010 г.

Тогда газета имела самый большой тираж среди иноязычной прессы США (150 тысяч), опережая даже испаноязычные издания. <...> Какое-то время газета даже попадала в продажу в Москве. Под это дело для офиса были сняты дорогие апартаменты. <...> Из номера в номер шли статьи писателей из Москвы, Ленинграда и прочих городов необъятной России. <...> <Однако вскоре> флагман русской прессы на Западе стал тонуть. Ведь <на> гонорар<ы для> русских гениев, <...> содержани<е> офиса с его «оргтехникой» <...> в Нью-Йорке, на фешенебельной 5-й авеню <...>, на зарплату штатных журналистов и всякие представительства уходило очень много <денег>. А доходы падали: Нью-Йорк заполнили русские газеты, которые раздавались бесплатно. Они жили за счет местной рекламы, которая стоила для бизнесов дешевле, чем в НРС¹⁵⁴.

В 2010-е годы НРС — теперь уже не «эмигрантская», а «зарубежная» русская газета, торжественно отпраздновала свое столетие¹⁵⁵, а в 2012-м тихо почил в бозе. Перед закрытием газета совместно с редакцией своего многолетнего друга — нью-йоркского *Нового Журнала* стала учредителем литературной премии имени О. Генри «Дары волхвов»¹⁵⁶. На этой знаковой акции НРС закончила свою долгую жизнь и стала частью истории культуры русского зарубежья.

Примечания

¹ *Веселовский Алексей*. Русскоязычная диаспора Соединенных Штатов в эти дни отмечает юбилей своего самого главного периодического издания // НТВ: [сайт]. URL: <http://www.ntv.ru/novosti/191118/>

² *Новак М. В. Новое Русское Слово*. Старейшая русская газета в мире. Saarbrücken: LAP LAMBERT Academic Publishing GmbH & Co., 2011.

³ Например, известная в истории русской эмиграции газета *Возрождение* издавалась в 1925–1940 гг. на деньги русского промышленника армянского происхождения А. О. Гукасова (1872–1963), а знаменитый парижский эмигрантский журнал *Континент* (1974–1992) выпускался при финансовой поддержке западногерманского медиаконцерна Axel Springer Verlag GmbH, составлявшей 200 тыс. долларов в год. — См.: Журнал *Континент* по-прежнему редактируется в Париже, но печататься будет // Коммерсант.ru. 10.12.1990. URL: <http://www.kommersant.ru/doc/266900>

⁴ *Розенфельд Борис*. Агапий Гончаренко — первый политэмигрант. Ч. 1, 2 // Terra Nova (Сан-Франциско, США). 2007. № 25, 26. URL: http://www.muza-usa.net/2007_25/2007-25-04.html; http://www.muza-usa.net/2007_26/2007-26-04.html

⁵ Кельсиев Василий Иванович (1835–1872), российский революционер, писатель, журналист и переводчик, этнограф, историк раскола. В эмиграции был сподвижником А. И. Герцена, сотрудником Вольной русской типографии в Лондоне. Основал русскую социалистическую колонию в Тульче (Турция). В 1867 г. отошел от политической деятельности, вернулся в Россию, получив прощение и права гражданства.

⁶ *Розенфельд Б. Агапий Гончаренко* — первый политэмигрант.

⁷ Сьюард (Seward) Уильям Генри (1801–1872), американский государственный деятель, 24-й государственный секретарь США (1861–1869), соратник А. Линкольна. С его именем связана покупка Аляски.

⁸ *Розенфельд Б. Агапий Гончаренко* — первый политэмигрант.

⁹ Там же.

¹⁰ *Нитобург Э. Л.* История русскоязычной прессы в США // Русская Америка. 2012. № 458. URL: <http://www.rusamny.com/chief.htm>

¹¹ *Розенфельд Б. Агапий Гончаренко* — первый политэмигрант.

¹² *Эйдельман Н.* Герцен против самодержавия. (Секретная политическая история XVIII–XIX вв. и Вольная русская печать). М.: Мысль, 1973.

¹³ *Розенфельд Б. Агапий Гончаренко* — первый политэмигрант.

¹⁴ Там же.

¹⁵ *Зайончковская Ж. А.* Эмиграция в дальнее зарубежье // Мир России: Социология, этнология. 2003. Т. 12, № 2. С. 144–150.

¹⁶ *Нитобург Э. Л.* Русские трудовые иммигранты в США (конец XIX в. — 1917 г.): Адаптация и судьбы // Отечественная история. 2002. № 5. URL: <http://vivovoco.ibmh.msk.su/vv/JOURNAL/RUHIST/EMMI.htm>

¹⁷ *Новак М. В. Новое Русское Слово*. Старейшая русская газета в мире. С. 18.

¹⁸ Первая всеобщая перепись населения России, 1897 г. Общий свод. СПб., 1905. С. 38–55.

¹⁹ *Karlowich, Robert A. We Fall and Rise: Russian-Language Newspapers in New York City, 1889–1914.* Metuchen, N. J., 1991.

²⁰ *Новак М. В. Новое Русское Слово.* Старейшая русская газета в мире. С. 18.

²¹ Ингерман Сергей Михайлович (1868–1943), деятель российского и международного социалистического движения (меньшевик-плекхановец). В эмиграции с 1889 г., жил главным образом в США.

²² *Новак М. В. Новое Русское Слово.* Старейшая русская газета в мире. С. 19.

²³ Там же. С. 20.

²⁴ Там же. С. 21.

²⁵ *Рассвет* — еженедельный орган Федерации русско-украинских сионистов (в эмиграции), а затем Всемирного союза сионистов-ревизионистов. Издавался в 1922–1924 гг. в Берлине и с 1924 г. — в Париже. Статьи из *Рассвета* часто переводились и перепечатывались другими изданиями, их широко обсуждали как сионисты, так и люди, далекие от еврейского национального движения. По сути, был единственным высокопрофессиональным русско-еврейским изданием вне России.

²⁶ *Толстой Иван. Новое русское слово — конец легенды* // Радио Свобода: [сайт]. <http://www.svoboda.org/content/transcript/1740312.html>

²⁷ *Иванян Э. А. Окунцов Иван Кузьмич* // Иванян Э. А. Энциклопедия российско-американских отношений. М.: Международные отношения, 2001: URL: <http://biblioclub.ru/index.php?page=dict&termin=868871>; *Ivan Kuzmich «John» Okuntsoff* // Find A Grave: [сайт]. URL: <http://www.findagrave.com/cgi-bin/fg.cgi?page=gr&GRid=99446702>; *Окунцов И. К. Из воспоминаний* // Былое. 1908. № 7. С. 80–86; *Кроль М. А. Страницы моей жизни.* М.: Мосты культуры/Гешарим, 2008.

²⁸ См.: URL: <http://www.amurvisit.ru/article/4145>

²⁹ См.: История Амурского края. URL: http://gulevich.net/statiy.files/amur_kray_history.htm

³⁰ «26 февраля 1906 г. (по старому стилю) военно-полевым судом Ренненкампа в Чите Мирский, Окунцов и Шинкман были приговорены к смертной казни. Доказательств против них не было. Свидетели повторяли чужие слухи. Статьи в газетах были без подписей. Поэтому смертную казнь заменили каторгой». См.: Лев Филиппович Мирский. URL: <http://old-ulan-ude.livejournal.com/30441.html>

³¹ Постников (Post) Федор Алексеевич (1872–1953), русский военный инженер, подполковник, эсперантист. В США с 1906 г. См.: *Титаев Александр. Федор Постников / Esperanto en Rusio:* [сайт]. URL: <http://historio.ru/postnikov.php>

³² Газета *Русский голос* в начале 1920-х гг. позиционировала себя как явно просоветское издание.

³³ *Толстой И. Новое русское слово — конец легенды.*

³⁴ *Троцкий Л. Затруднения читателя* // Европа в войне (1914–1918 гг.). Сочинения. Т. 9. М.; Л.: Госиздат, 1927. URL: <http://www.magister.msk.ru/library/trotsky/trotl907.htm>

³⁵ *Вейнбаум М. Е. 50 лет. Немного истории, немного воспоминаний* // Новое русское слово. 10.04.1960. С. 2–3.

³⁶ Религиозные деятели и писатели русского зарубежья: Окунцов Иван Кузьмич (1874–1939) // Религиозная деятельность русского зарубежья: библиографический справочник: [сайт]. URL: http://zarubezhje.narod.ru/mp/o_065.htm

³⁷ Название для новой газеты И. Окунцов позаимствовал у самой популярной и многотиражной российской газеты того времени, издававшейся «Товариществом И. Д. Сытина» в Москве.

³⁸ Пасвольский Михаил Львович (1860–1934), журналист, издатель, в 1905 г. эмигрировал в США. Отец Лео (Льва) Пасвольского.

³⁹ *Цынкова Ольга. Новое русское слово* – феномен долголетия // Евреи в культуре Русского Зарубежья / Сост. и издат. М. Пархомовский. Т. V. Иерусалим, 1996. С. 164.

⁴⁰ *Седых Андрей (Цвибак Як.). Русские евреи в эмигрантской литературе* // Книга о русском еврействе (1917–1967). Нью-Йорк: Союз русских евреев, 1968. С. 443.

⁴¹ *Рыжков Вадим. Устав ООН имеет украинские «корни»* // День (Днепропетровск). 2012. № 120.

⁴² *Вейнбаум М. Е.* 50 лет. Немного истории, немного воспоминаний.

⁴³ Там же. С. 2–3.

⁴⁴ Там же.

⁴⁵ «Лойер» (от *англ.* lawyer) – адвокат, часто совмещающий функции нотариуса и юридического консультанта.

⁴⁶ *Вейнбаум М. Е.* 50 лет. Немного истории, немного воспоминаний. С. 2–3.

⁴⁷ Дурмашкин Илья Львович (1884–1938), русский социал-демократ, меньшевик. В 1912–1932 гг. жил в США, работал в социал-демократической печати, в 1923 г. вступил в компартию США, в 1932 г. переехал в Москву, работал в системе «Международная книга» и в НИИ полиграфической промышленности. В 1938 г. был арестован по обвинению в шпионской деятельности и участии в контрреволюционной террористической организации. Расстрелян 22.08.1938 г. – См.: *Расстрелы в Москве* // Мемориал: [сайт]. URL: http://www.memo.ru/memory/communarka/Chapt10.htm#_KMi_2430; Лубянка. Советская элита на сталинской голгофе. 1937–1938. М.: МФД, 2011. С. 151–160.

⁴⁸ *Недогарко М. В.* Газета *Новое Русское Слово*, 1910–1950 гг.: История и типология: Дис. ... канд. филолог. наук. Ростов-на Дону, 1997.

⁴⁹ The New York Times. 07 July 1917. URL: http://query.nytimes.com/mem/archive-free/pdf?_r=1&res=9907E2DC133BE03ABC4F53DFB166838C609EDE

⁵⁰ Ibid.

⁵¹ Leo Pasvolsky // Wikipedia: [сайт]. URL: en.wikipedia.org/wiki/Leo_Pasvolsky

⁵² См.: *Pasvolsky, L.* The Economic Problems of New Russia (Экономические проблемы новой России) // The Russian Review. 1917. Vol. 3, № 1 (January).

⁵³ С января по март 1917 г. Л. Троцкий (Бронштейн) жил в США. За два месяца он успел написать немало статей, выступить с докладами на русском и немецком языках в ряде городов, поработать в библиотеке, изучая хозяйственную жизнь новой для него страны, стать одним из редакторов большевистской газеты *Новый мир*. Здесь и застала его весть о Февральской революции. – См.: *Троцкий Лев. Моя жизнь*. Т. 1. М.: Книга, 1990.

⁵⁴ *Schlesinger, Stephen E.* Act of Creation: the Founding of the United Nations: A Story of Superpowers, Secret Agents, Wartime Allies and Enemies, and Their Quest for a Peaceful World. Cambridge (MA): Westview, Perseus Books Group, 2004.

⁵⁵ *Вейнбаум М. Е.* 50 лет. Немного истории, немного воспоминаний. С. 2–3.

⁵⁶ Халл (Hull) Корделл (1871–1955), американский государственный деятель, Государственный секретарь США в 1933–1944 гг. Лауреат Нобелевской премии мира 1946 г.

⁵⁷ Среди всех «мозговых центров» Брукингский институт находится на первом месте по общему рейтингу, влиянию на государственную политику и безопасность, международное развитие, внешнюю экономическую политику, политику в области здравоохранения и внутреннюю экономическую и социальную политику. — См.: *Кочетков Г. Б., Стулян В. Б.* Ведущие «мозговые центры» США // США и Канада: экономика, политика, культура. 2010. № 6. С. 81–94.

⁵⁸ Там же. С. 87.

⁵⁹ *Russell, Ruth B.* A History of the United Nations Charter: The Role of the United States, 1940–1945. Washington: Brookings Institution, 1958.

⁶⁰ Холбрук (Holbrooke) Ричард Чарльз Альберт (1941–2010), американский государственный деятель и дипломат.

⁶¹ *Кордюкова Валентина.* Исполнилось 120 лет со дня рождения павлоградца Лео Пасвольского, одного из авторов Устава ООН // Днепрпетровск: городской сайт. 12.09.2013. URL: <http://gorod.dp.ua/news/84817>

⁶² *Цынкова О.* Новое русское слово — феномен долголетия. С. 169.

⁶³ Там же. С. 164–165.

⁶⁴ *Троцкий И. М.* Новые русско-еврейские эмигранты в Соединенных Штатах // Книга о русском еврействе (1917–1967). С. 399–401.

⁶⁵ *Цынкова О.* Новое русское слово — феномен долголетия. С. 164–165.

⁶⁶ См.: URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Вильчур,_Марк_Ефимович

⁶⁷ *Russia Beyond Russia: The André Savine Digital Library* (Россия вне России. Электронная библиотека Андрея Савина). URL: <http://dc.lib.unc.edu/cdm/item/collection/rbr/?id=24095>

⁶⁸ Сергиевский Николай Николаевич (1875, Вильно — 1955, Нью-Йорк), прозаик, автор исторических романов, поэт, биограф и драматург. Работал в газете *Виленский вестник*, журнале *Новое время*. В 1900–1914 гг. поддерживал отношения с великим князем К. К. Романовым (1858–1915), известным русским лириком, писавшим под псевдонимом «К. Р.». Ставил его пьесу «Царь Иудейский» в Эрмитажном театре, а в своем издательстве «Сергиевский» выпускал поэтические книги К. Р.: «Избранные лирические стихотворения», «Жемчужины духовной поэзии». В июле 1914 г. Н. Н. Сергиевский уехал в Лейпциг на Международную выставку книжной промышленности, где его застала Первая мировая война. Писатель был интернирован и два с лишним месяца провел в заключении, о чем впоследствии рассказал в книге «Записки пленника» (журнал «Наша старина». СПб., 1915). После освобождения вернулся в Петроград, откуда во время революции 1917 г. эмигрировал в США, жил в Нью-Йорке. — См.: Сергиевский Николай Николаевич. Краткая библиография // Lib.ru: «Классика». URL: http://az.lib.ru/s/sergievskij_n_n/text_2013_bibliografia.shtml; http://az.lib.ru/s/sergievskij_n_n/about.shtml

⁶⁹ См.: URL: <http://dc.lib.unc.edu/cdm/item/collection/rbr/?id=24095>

⁷⁰ Вильчур М. Е. Русские в Америке. Нью-Йорк: Первое русское издательство в Америке, 1918. С. 43.

⁷¹ Письмо Г. Д. Гребенщикова И. А. Бунину от 31.07.1940 // С двух берегов: Русская литература XX века в России и за рубежом. М.: ИМЛИ РАН, 2002. С. 256–257.

⁷² Седых Андрей (Цвибак Як.). Русские евреи в эмигрантской литературе. С. 443.

⁷³ Валерий Вайнберг на RUNYweb.com: Энциклопедия русской Америки. URL: http://www.runyweb.com/era/persons/valeriy_weinberg.html

⁷⁴ Цынкова О. *Новое русское слово* — феномен долголетия. С. 162.

⁷⁵ Beinecke Rare Book and Manuscript Library GEN MSS 106, Veinbaum M. E.

⁷⁶ Дорошевич Влас Михайлович (1865–1922), русский журналист, публицист, театральный критик, один из самых известных фельетонистов своего времени, редактор газеты *Русское слово*.

⁷⁷ Толстой И. *Новое русское слово* — конец легенды.

⁷⁸ Вейнбаум М. Е. 50 лет. Немного истории, немного воспоминаний. С. 2–3.

⁷⁹ В ночь с 1 на 2 января 1978 г. в редакции НРС неизвестными злоумышленниками (А. Седых полагал, что это дело рук КГБ) был совершен поджог. Типография не пострадала, и газета продолжала выходить без перерыва. Однако 14 мая 1978 г. типография все-таки была подожжена и в результате взрыва уничтожена. Но и на этот раз выпуск газеты не прервался: ее набирали сразу в трех разных типографиях в различных частях города, а печатали в четвертой. После пожара, во многом благодаря пожертвованиям читателей, было закуплено новое усовершенствованное оборудование, и газета вскоре стала выходить заметно «похорошевшей». — См.: Седых Андрей. 70-летие газеты *Новое русское слово* // НРС. 20.04.1980. С. 3.

⁸⁰ Недогарко М. В. Газета *Новое Русское Слово*, 1910–1950 гг.

⁸¹ Троцкий Илья Маркович (1879–1969). См. о нем: *Уральский М. Илья Маркович Троцкий — публицист, общественный деятель, ходатай за русских литераторов в изгнании* // Русские евреи в Америке (далее — РЕВА). Кн. 9 / Ред.-сост. Э. Зальцберг. Торонто; СПб., 2014. С. 82–162; *Уральский М., Кадаманьяни Ч. «Среди потухших маяков»: письма С. Н. Орема и Т. С. Варшар М. Троцкому* // РЕВА. Кн. 10 / Ред.-сост. Э. Зальцберг. Торонто; СПб., 2015. С. 15–38.

⁸² Поскольку НРС получило свое название и обрело «лицо» в то время, когда ею единолично руководил В. И. Шимкин, вполне правомерно считать именно его «отцом-основателем» этой газеты.

⁸³ Троцкий И. М. Новые русско-еврейские эмигранты в Соединенных Штатах. С. 404.

⁸⁴ Животовский Сергей Васильевич (1869–1936), художник-график и журналист. Автор репортерских зарисовок, сатирических шаржей и карикатур на актуальные общественно-политические темы для столичных журналов и газет *Нива*, *Всемирная иллюстрация*, *Новое время*, *Биржевые ведомости* и др. Создал много рисунков, посвященных петербургским театральным премьерам и жизни литературно-артистической богемы. В 1919 г. бежал в Финляндию, в 1922 г.

переехал в США, в Нью-Йорк; Камышников Лев Маркович (1881–1961), журналист, театральный критик, редактировал одесскую газету *Южная мысль*. После революции эмигрировал в США; Лисицын Яков Иванович (1869 – после 1941), юрист и журналист. В эмиграции с 1920 г., жил в США, сотрудничал с *НРС* и местными организациями РПЦ, активный член Комитета защиты неприкосновенности католических устоев РПЦ в Америке и ее имущества (см. *Американский православный вестник*. 1929. № 11); Остромысленский Иван Иванович (1880–1939), русский химик. В 1922 г. эмигрировал в США; Тартак Илья Львович (1889–1981), педагог, литературный критик родом из России. В 1918 г. окончил университет МакГилл в Монреале (Канада); Калашников Николай Сергеевич (1884–1961), русский революционер (эсер), литератор, участник Первой мировой и Гражданской (на стороне белых) войн. В эмиграции с 1920 г.; Браиловский Александр Яковлевич (1884–1958), революционер, социал-демократ (меньшевик), журналист, поэт, является адресатом известного стихотворения В. Брюсова «Юноша бледный со взором горящим...». В эмиграции после 1905 г., до 1917 г. жил в Европе, затем в США; Алл (Дворжицкий) Николай Николаевич (1896– после 1967), журналист, поэт. С 1920 г. в эмиграции (Китай, США). Был редактором художественно-литературного еженедельника *Дальневосточный огонек* (Харбин), сотрудничал в русских газетах и журналах Китая. В 1923 г. переехал в США. Преподавал русский язык в Гарварде, участвовал в литературной и общественной жизни русского эмигрантского сообщества; Крымский (Гейман) Вениамин Давыдович (1887 – после 1970), журналист, правовед, историк Крыма. В эмиграции с 1920 г., с 1923 г. жил в США. Сотрудник *НРС* в 1924–1970 гг.

⁸⁵ Петрищев Атанас (Афанасий) Борисович (1872–1951), педагог, публицист, писатель, редактор, общественный деятель. В 1922 г. выслан из России. Жил в Берлине, а с 1925 г. во Франции; Колышко (псевд. Баян) Иосиф Иосифович (1861–1938), русский писатель, драматург, публицист. После 1917 г. в эмиграции, жил в Германии, а с конца 1920-х гг. – во Франции.

⁸⁶ *Браиловский А. Я.* Из классиков: переводы. Нью-Йорк: Изд-во Объединения русских писателей, 1943; Дорогой свободной. Нью-Йорк: Орфей, 1955; Временщики в Кремле. Нью-Йорк: Орфей, 1956.

⁸⁷ *Иванов Е., Коронелли Дж.* Корреспондент Крымский // Русская Америка. № 447. URL: [http://rusamny.com/447/t03\(447\).htm](http://rusamny.com/447/t03(447).htm)

⁸⁸ Храбров Николай Михайлович (1869–1940), русский генерал, в эмиграции с 1920 г., жил в США. Автор воспоминаний «Судьба или случайность» (ГАРФ. Ф. 5881. Оп. 1. Д. 529. Л. 63). – См.: Россия и российская эмиграция в воспоминаниях и дневниках / Под ред. А. Г. Тартаковского, О. В. Будницкого, Т. Эммонса. Т. 4. Часть 2. М.: РОССПЭН, 2003–2006. С. 637.

⁸⁹ Аргус (наст. фам. Айзенштадт или Эйзенштадт, другой псевд. Железнов) Михаил Константинович (1900–1970), русский писатель, журналист, сатирик. С 1923 г. жил в США (Чикаго, Нью-Йорк). – См.: *Аргус*. Другая жизнь и берег дальний / Предисл. Г. В. Адамовича. Нью-Йорк: Чайка, 1969.

⁹⁰ См. «Вместо предисловия» в кн.: *Аргус М. К.* Полусерьезно полусушута. Сатира, юмор, лирика. Нью-Йорк, 1959. С. 2–6.

⁹¹ Адамович Г. Об Аргусе // М. К. Аргус. Другая жизнь и берег дальний. С. 3.

⁹² Седых Андрей (Цвибак Як.). Русские евреи в эмигрантской литературе. С. 443.

⁹³ Карпович Михаил Михайлович (1888–1959), историк литературы, один из основателей американской русистики, профессор Гарвардского университета, редактор нью-йоркского *Нового журнала* (1946–1959).

⁹⁴ Карпович М. Предисловие // М. Е. Вейнбаум. На разные темы. Нью-Йорк: Новое русское слово, 1956. С. 2–6.

⁹⁵ Семочкина Е. И. Газета *Новое Русское Слово* — организатор патриотических акций русской диаспоры в США в начале Великой Отечественной войны // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Социально-гуманитарные науки. Челябинск, 2012. № 10 (269). С. 59–61.

⁹⁶ Цурганов Ю. Белоэмигранты и Вторая мировая война. Попытки реванша. 1939–1945. М.: Центрполиграф, 2010.

⁹⁷ Семочкина Е. И. Газета *Новое Русское Слово* — организатор патриотических акций...

⁹⁸ Там же.

⁹⁹ Синкевич Валентина. Вторая волна русской эмиграции // Новый журнал. 2012. № 267. С. 42.

¹⁰⁰ Гессен Владимир Иосифович (1901–1982), русский писатель, в эмиграции с 1919 г., жил в Берлине, затем в Париже, участвовал во французском движении Сопротивления, в США с 1946 г.

¹⁰¹ Альтшул(л)ер Григорий Исаакович (1895–1983), врач, публицист, сын И. Н. Альтшулера. В эмиграции с 1920 г., жил в Праге, с 1937 г. в США. — См.: *Копришова Анастасия*. Династия врачей. Альтшуллеры // Русское слово. Издание русской диаспоры: [сайт]. URL: <http://www.ruslo.cz/articles/816/>

«Сын мой Георгий родился 1-го февраля 1925 г., в воскресенье, в полдень, в снежный вихрь. В самую секунду его рождения на полу возле кровати загорелся спирт, и он предстал во взрыве синего пламени. <...> Спас жизнь и ему <и> мне Г. И. Альтшулер, ныне, 12-го, держащий свой последний экзамен». — См.: *Марина Цветаева*. Сводные тетради 2.15, запись от февраля 1925 г. // Наследие Марины Цветаевой: [сайт]. URL: <http://www.tsvetayeva.com/prose/pr-2tet-15.php>

¹⁰² Альтшул(л)ер Исаак Наумович (1870–1943), земской врач, лечил А. П. Чехова, Л. Н. Толстого, М. Горького, состоял с ними в переписке. Основал в Ялте санаторий для врачей, заразившихся туберкулезом от своих пациентов. Дом для санатория подарила графиня С. В. Панина, одна из самых богатых и просвещенных женщин России, с которой он дружил долгие годы (см.: *Графиня Софья Владимировна Панина*. Памяти Друга; *Графиня Александра Толстая*. Памяти доктора И. Н. Альтшуллера; *Новак Ф.* Мои лучшие годы жизни. Доктор И. Н. Альтшуллер и Л. Толстой // Слово/Word. 2005. № 47. URL: <http://magazines.russ.ru/slovo/2005/47/>). С 1920 г. в эмиграции, жил в Берлине и Праге, с 1937 г. в США.

¹⁰³ С 1940 г. в США проживали: Абрамович Р. А. (1880–1963), меньшевик, в эмиграции с 1920 г.; Аронсон Г. Я. (1887–1968), российский социал-демократ, выслан из СССР в 1922 г.; Берлин М. Е. (1877–1962), историк, экономист,

в эмиграции с 1922 г.; Бранзбург М. Л., де (сведений не обнаружено); Вишняк М. В. (1883–1976), публицист, редактор, общественно-политический деятель, в эмиграции с 1919 г.; Галич (Габрилович) Л. Е. (1878–1953), математик, физик, философ, публицист, масон, в эмиграции с 1919 г.; Гольденвейзер А. А. (1890–1979), видный российский юрист, писатель и издатель, в эмиграции с 1921 г., в США с 1937 г.; Далин Д. Ю. (1889–1962), писатель, публицист, общественно-политический деятель (меньшевик), в эмиграции с 1921 г.; Двинов (Гуревич) Б. Л. (1886–1968), социал-демократ, один из лидеров меньшевиков; в 1923 г. выслан из Советской России; Кучеров С. Л. (1892–1972), юрист, общественный деятель, в эмиграции с 1919 г., с 1942 г. в США; Марголин Ю. Б. (1900–1971), писатель, публицист, в эмиграции с 1926 г., в 1939–1946 гг. находился в ГУЛАГЕ, после освобождения жил в Израиле; Поляков А. А. (1879–1971), юрист, писатель, журналист, редактор, в эмиграции с 1921 г., с 1942 г. в США; Поляков-Литовцев С. Л. (1875–1945), один из ведущих русских журналистов, поэт, драматург, прозаик, публицист, переводчик, мемуарист, в эмиграции с 1917 г.; Раппопорт А. Ю. (1879–1973), адвокат, журналист, публицист, общественный деятель, в эмиграции с 1930 г., с 1946 г. в США; Свет Г. М. (1893–1968), публицист, журналист, общественный деятель, в эмиграции с 1921 г., с 1948 г. в США; Соловейчик С. М. (1883–1957), общественный и политический деятель, сионист, публицист, историк, с 1919 г. жил в Литве, затем в Берлине, с 1933 г. в Израиле; Шварц (Монозон) С. М. (1883–1973), юрист, общественно-политический деятель, историк, публицист, в эмиграции с 1922 г., с 1960 г. в Израиле; Шуб Д. Н. (1887–1973), русский социал-демократ (правый меньшевик), публицист и писатель, в эмиграции с 1910 г.; Яссер И. С. (1893–1981), пианист, органист, хоровой дирижер, музыковед, в эмиграции с 1920 г., с 1921 г. в США.

¹⁰⁴ *Седых Андрей (Цвибак Як.)*. Русские евреи в эмигрантской литературе. С. 443–444.

¹⁰⁵ Авксеньтьев Н. Д. (1878–1943), российский общественно-политический деятель, публицист, масон, в эмиграции с 1919 г., с 1940 г. в США; Бахрах А. В. (1902–1985), литературный критик и мемуарист, в эмиграции с 1922 г., жил во Франции, Германии и Финляндии; Варшавский В. С. (1906–1978), прозаик, публицист, в эмиграции с 1919 г., в 1950–1970 гг. в США, затем снова во Франции; Вейдле В. В. (1895–1979), историк искусства и церкви, литературный критик, искусствовед, поэт, в эмиграции с 1922 г., жил в Париже; Жерби А. (наст. имя Герб Л. Г.; 1873–1966), социал-демократ, публицист, в эмиграции с 1920 г., жил во Франции, с 1942 г. в США; Зензинов В. М. (1880–1953), общественно-политический деятель, публицист, в эмиграции с 1918 г., жил в Германии, Франции, Чехословакии, с 1939 г. в США; Коряков М. М. (1911–1977), историк, литератор, журналист, в эмиграции с 1946 г., с 1950 г. в США.

¹⁰⁶ *Цыикова О. Новое русское слово* — феномен долголетия. С. 172.

¹⁰⁷ *Толстой И. Новое русское слово* — конец легенды.

¹⁰⁸ *Шугайло Т. С.* Антисоветская пропаганда в русских эмигрантских изданиях в 1950-е годы (на примере газет *Россия* и *Новое Русское Слово*) // Ойкумена. Регионоведческие исследования (г. Находка). 2010. № 4. С. 24–36.

¹⁰⁹ *Вейнбаум М. Е.* 50 лет. Немного истории, немного воспоминаний. С. 2–3.

¹¹⁰ Щеголев С. Н. Украинское движение как современный этап южнорусского сепаратизма. Киев: Типография И. Н. Кушнеревъ и К, 1912; Вернадский В. Украинский вопрос и русское общество // Дружба народов. 1990. № 3. С. 247–254 (статья 1906 г.); Аксенов-Меерсон Михаил, прот. Роль русской епархии в Америке в развязывании Первой мировой войны // Новый журнал. 2014. № 275. С. 258–318.

¹¹¹ Бицилли П. М. Проблема русско-украинских отношений в свете истории. Прага: Об-во «Единство», 1930.

¹¹² Вернадский В. Украинский вопрос и русское общество. С. 251.

¹¹³ Цыпкина О. *Новое русское слово* — феномен долголетия. С. 166–167.

¹¹⁴ Четыре жизни Аллы Кторовой // Литературная Россия: [сайт]. 02.04.2004. № 13. URL: <http://litrossia.ru/archive/108/writer/2523.php>

¹¹⁵ Толстой И. *Новое русское слово* — конец легенды.

¹¹⁶ Кторова (Sandor, урожд. Кочурова) Алла (Виктория Ивановна; род. 1926), американская русскоязычная писательница. С 1958 г. живет в США.

¹¹⁷ Кторова Алла. Жизнь и смерть цыганских певиц в Америке // Независимая газета. 05.09.1996. С. 5.

¹¹⁸ Синкевич В. Вторая волна русской эмиграции. С. 42.

¹¹⁹ О Владимире Высоцком вспоминает Миша Аллен // Владимир Высоцкий. Каталоги и статьи: [сайт]. URL: <http://v-vysotsky.com/vospominaniya/Allen/text.html>

¹²⁰ Из приветствия Президента США, адресованного А. Седых по случаю 80-летнего юбилея газеты. — См.: Цыпкина О. *Новое русское слово* — феномен долголетия. С. 177.

¹²¹ Этим редким в журналистской среде качеством отличался, по оценке Седых, также и покойный М. Е. Вейнбаум. См.: Цыпкина О. *Новое русское слово* — феномен долголетия. С. 173–174.

¹²² В Феодосии на улице Митридатской сохранился родительский дом писателя.

¹²³ Моисей Ефимович Цвибак был владельцем магазина игрушек на Итальянской улице в Феодосии, биржевым маклером и журналистом, редактором *Бюллетеня Феодосийской биржи* (1910–1913), членом правления еврейской общины города; дядя будущего писателя А. Е. Цвибак владел известной в городе типографией.

¹²⁴ Синкевич Валентина. Пути-дороги Андрея Седых // Мои встречи: русская литература Америки. Владивосток: Рубеж, 2010. С. 62.

¹²⁵ Там же. С. 68.

¹²⁶ Фёдоров Михаил Михайлович (1859–1949), российский государственный и общественный деятель, управляющий Министерства торговли и промышленности (1906). Активный участник Белого движения. В эмиграции с 1920 г., жил во Франции, где в 1922 г. основал и возглавил Центральный комитет по обеспечению высшего образования русскому юношеству за границей (так называемый «Фёдоровский комитет»), который оказывал содействие молодым русским эмигрантам (главным образом, военным) в получении высшего образования.

¹²⁷ «Общество Я. Поволоцкий и К.» — парижское книжное издательство, основанное в 1919 г. русским культурным и общественным деятелем Поволоцким (Бендерским) Якобом (Яковом) Евгеньевичем (1881–1945) и просуществовавшее до 1938 г.

¹²⁸ *Седых Андрей*. Далекие, близкие. М.: Захаров, 2005 (первое изд. — Нью-Йорк: Новое русское слово, 1962).

¹²⁹ *Бунин Иван*. Предисловие // Андрей Седых. Звездочёты с Босфора: Сборник рассказов. URL: <http://lib.rin.ru/doc/i/214689p1.html>

¹³⁰ *Синкевич В.* Пути-дороги Андрея Седых. С. 70.

¹³¹ Липовская (в замужестве Цвибак) Евгения Иосифовна (1902–1988), актриса, певица, общественная деятельница. Играла в спектаклях 2-й студии Московского Художественного театра. После революции эмигрировала во Францию. В 1931–1932 гг. играла в Париже в Русском зарубежном камерном театре, давала сольные концерты. С 1942 г. жила в США, где выступала с концертами под псевдонимом Женни Грэй (Jenny Grey), активно участвовала в деятельности Литературного фонда.

¹³² *Пешикова М.* Линн Виссон — переводчик-синхронист ООН. Воспоминание о русской эмиграции // Эхо Москвы: [сайт]. 06.07.2008. URL: <http://www.echo.msk.ru/programs/time/525462-echo/>

¹³³ Парийский Лев Николаевич (1892–1972), магистр богословия, профессор Ленинградской Духовной Академии.

¹³⁴ Поездка комиссии РПЦ в составе митрополита Григория (Чукова) и Л. Н. Парийского состоялась в 1947 г.

¹³⁵ Митрополит Вениамин, в миру Федченков Иван Афанасьевич (1880–1961), священнослужитель РПЦ, православный подвижник, миссионер, духовный писатель. В эмиграции с 1920 г., с 22 ноября 1933 г. экзарх Московской Патриархии в Америке, архиепископ (с 14 июля 1938 г. митрополит) Алеутский и Северо-Американский. С 1948 г. жил в СССР.

¹³⁶ Л. Н. Парийский о церковной ситуации в Америке в середине 1940-х гг. / Вступ. статья, публ. и примеч. А. А. Кострюкова // Вестник ПСТГУ II: История. История Русской Православной Церкви. М., 2012. Вып. 6(49). С. 65–118.

¹³⁷ Голлербах Сергей Львович (род. 1923), российский живописец, график, художественный критик и литератор. В эмиграции с 1942 г. С 1949 г. живет в США.

¹³⁸ *Голлербах Сергей*. Нью-Йоркский блокнот // Новый журнал. 2011. № 264. URL: <http://magazines.russ.ru/nj/2011/264/go27.html>

¹³⁹ Валерий Вайнберг на RUNYweb.com: Энциклопедия русской Америки. URL: http://www.runyweb.com/era/persons/valeriy_weinberg.html

¹⁴⁰ Генис Александр Александрович (род. 1953), русский писатель, эссеист, литературовед, критик, радиоведущий. С 1977 г. в эмиграции, живет в США.

¹⁴¹ *Генис Александр*. Третья волна: примерка свободы // Звезда. 2010. № 5. URL: <http://magazines.russ.ru/zvezda/2010/5/ge21.html>

¹⁴² *Цынкова О.* Новое русское слово — феномен долголетия. С. 169.

¹⁴³ Кафанова (урожд. Гороховская) Людмила Наумовна (1929–2012), советский театральный критик, публицист. В эмиграции с 1974 г., с 1975 г. — в США.

¹⁴⁴ Толстой И. *Новое русское слово* — конец легенды.

¹⁴⁵ Рубин Евгений Михайлович (род. 1929), известный советский спортивный обозреватель (работал в газете *Советский спорт*) и американский журналист. В эмиграции с 1978 г., живет в США.

¹⁴⁶ Толстой И. *Новое русское слово* — конец легенды.

¹⁴⁷ Довлатов Сергей. Речь без повода... или Колонки редактора. М.: Махаон и Международный фонд Сергея Довлатова, 2006. URL: <http://coollib.com/b/191485/read#t58>

¹⁴⁸ См: URL: <http://www.limonow.de/sonstiges/NRS.html>

¹⁴⁹ *Новый американец* — нью-йоркская еженедельная газета эмигрантов третьей волны (1980–1984). Ее создателями были Е. Рубин, С. Довлатов (последовательно гл. редакторы), П. Вайль (ответственный редактор), Борис Меттер (директор) и др.

¹⁵⁰ Орлова А., Шнейерсон М. Блеск и нищета *Нового американца* // Вестник. 2002. № 11(296). URL: <http://www.vestnik.com/issues/2002/0529/koi/orlova.htm>

¹⁵¹ Довлатов С. Речь без повода... или Колонки редактора.

¹⁵² Ржевский (наст. фам. Суражевский) Леонид Денисович (1905–1986), русский писатель из эмиграции второй волны, литературовед. После освобождения из лагеря военнопленных в 1944 г. жил под Мюнхеном, затем во Франкфурте-на-Майне, где работал редактором эмигрантского журнала *Грани*. В 1963 г. переехал в США. Профессор славистики в Оклахомском и Нью-Йоркском университетах. Автор пяти романов, большого количества повестей и рассказов. Член американского ПЕН-клуба.

¹⁵³ Вайнер Георгий (1938–2009), известный советский писатель в жанре детектива. С 1991 г. жил в США, был главным редактором газеты *НПС* в 1995–1997 гг.

¹⁵⁴ Лебедев В. Долгая смерть *Нового русского слова* (Апрельские тезисы) // Лебедь. 2012. № 653 (22 апр.). URL: <http://lebed.com/2012/art6000.htm>

¹⁵⁵ Гуткин Михаил. Старейшая русская газета отметила вековой юбилей в Нью-Йорке // Голос Америки. URL: <http://www.golos-ameriki.ru/content/povoe-russkoe-slovo-100-2010-04-20-91660909/251446.html>; Веселовский А. Русскоязычная диаспора Соединенных Штатов в эти дни отмечает юбилей своего самого главного периодического издания.

¹⁵⁶ Сайт литературной премии им. О. Генри «Дары волхвов». URL: <http://www.darohenry.com/условия/>

**Страна национально-религиозного гнета
vs. «Американский Ханаан»:
русско-еврейская эмиграция в США в конце XIX века¹**

Виктория Журавлева (Москва)

Начало 1880-х годов стало трагическим рубежом в истории русского еврейства. После убийства Александра II народолюбцами 1 марта 1881 года министр внутренних дел России Н. П. Игнатьев заявил, что «почву для тайной организации нигилистов составляют поляки и евреи», а русский историк консервативного толка, публицист и автор известных школьных учебников Д. И. Иловайский сформулировал мысль об «инородческом» характере русской революции, поставив евреев на второе место вслед за поляками среди внутренних врагов России². Тезис об участии евреев в покушении на царя-освободителя не получил широкого распространения в официальных кругах Российской империи. Газета *Новое время*, поначалу проводившая эту мысль, вскоре обратилась к идее о руководстве со стороны исконно русских подданных. Это, тем не менее, не помешало погромщикам в Киеве превратить обвиненную в подготовке заговора еврейку Г. Гелфман, о которой русская пресса писала как о недалекой и второстепенной участнице событий, в своеобразный символ «еврейского нигилистического заговора»³.

Волна еврейских погромов, прокатившаяся по югу и юго-западу Российской империи, поднялась в апреле 1881 года и окончательно схлынула лишь в 1884 году⁴. Погромы случались в России и раньше⁵, но до начала 1880-х годов они не принимали характера массового насилия в отношении еврейского населения. По времени его проявление совпало с осознанием в российском обществе опасностей капиталистического развития. Социальная мобильность евреев (их успехи в сфере экономики и образования) приобрела лавинообразный характер вследствие либеральных законов 1860–1870-х годов и начинала вызывать серьезное беспокойство в правительственных кругах, став свидетельством того,

что дальнейшие шаги по отмене правовых ограничений не только не нужны, но и опасны⁶.

Официальные власти России предприняли меры для пресечения погромов и в их организации участия не принимали, однако в конечном итоге возложили на самих евреев, «эксплуатировавших коренное население», ответственность за антиеврейские беспорядки. Эта мысль нашла подтверждение в принятых 3 (16) мая 1882 года «Временных правилах о евреях», так как одной из целей их введения провозглашалось предотвращение погромов. Майский закон, запрещавший евреям селиться вне городов и местечек Черты оседлости, а также приобретать недвижимость и арендовать землю⁷, свидетельствовал о переходе от политики ассимиляции еврейского населения к его дискриминации.

Погромы и курс на ужесточение дискриминационного законодательства не только способствовали началу массовой еврейской эмиграции из Российской империи в Соединенные Штаты Америки, но и актуализировали «еврейский вопрос» во взаимоотношениях двух стран в целом. «Еврейский вопрос» играл негативную роль в американских репрезентациях России вплоть до Февральской революции 1917 года.

Первый исход русских евреев за океан в контексте «еврейского вопроса»

«Еврейский вопрос» распадался на три части, тесно взаимосвязанные между собой: гражданско-правовой аспект отражал реакцию американцев на политику антисемитизма и бесправное положение русских евреев; массовое переселенческое движение последних за океан создавало иммиграционный аспект; а «паспортный конфликт» сводился к нежеланию официального С. - Петербурга признавать паспорта натурализованных граждан США иудейского вероисповедания и к стремлению приравнять права и свободы всех американских евреев, посещавших Россию, к правам и свободам их русских единоверцев. Вторая и третья составляющие «еврейского вопроса» напрямую затрагивали интересы американцев и осложнялись отсутствием договора о натурализации⁸.

В 1880-е годы госдепартамент уделял основное внимание защите прав американских граждан иудейской веры, как родившихся в США, так и натурализованных, которые приезжали в Российскую империю с деловыми и частными визитами.

Возникновение трений на межгосударственном уровне относится к концу 1860-х годов, когда началась еврейская эмиграция из России, способствовавшая численному росту натурализованных американцев русско-еврейского происхождения на территории США⁹. Однако проб-

лема приобрела особое звучание в связи с первым массовым исходом евреев из Российской империи после погромов начала 1880-х годов и ужесточением дискриминационных мер против еврейского меньшинства.

Позиции сторон в «паспортном вопросе» четко обозначились в связи с делом двух американских граждан иудейского вероисповедания Г. Пинкоса и М. Вильжински, высланных в 1880 году из С.-Петербурга, куда они приехали по делам своих торговых фирм. В соответствии с российскими законами Пинкос и Вильжински не имели права находиться вне Черты еврейской оседлости, причем первый оказался бывшим подданным царя. В Вашингтоне расценили эти действия как неуважение законов США, так как американский паспорт являлся гарантией равенства прав всех граждан страны вне зависимости от их веры и места рождения¹⁰. В многочисленных беседах между посланником Соединенных Штатов Дж. У. Фостером, с одной стороны, министром иностранных дел Н. К. Гирсом и министром внутренних дел М. Т. Лорис-Меликовым, с другой, в инструкциях и нотах госсекретарей У. М. Эвартса и Дж. Г. Блейна выявились основные разногласия между двумя правительствами, которые сводились к различному толкованию первой статьи Русско-американского договора о торговле и мореплавании 1832 года¹¹. Ссылаясь на нее, Вашингтон настаивал на соблюдении принципа равноправия граждан США, приезжавших в Россию по коммерческим делам, а С.-Петербург подчеркивал, что американские евреи не могут находиться в более привилегированном положении по сравнению с русскими евреями и должны подчиняться российскому законодательству в этой области. Таким образом, изменение отношения к гражданам Североамериканской республики ставилось в зависимость от либерализации положения национального меньшинства в Российской империи¹². Все попытки госдепартамента решить вопрос дипломатическим путем не привели ни к каким результатам. После погромов в Елисаветграде, Киеве и Одессе госсекретарь Блейн решил воспользоваться настроениями британских парламентариев и начал дипломатический зондаж по вопросу об организации коллективного выступления Великобритании и США против ущемления прав американских и английских евреев на территории России вследствие политики религиозной нетерпимости. Однако глава внешнеполитического ведомства Великобритании лорд Дж. Л. Грэнвилль информировал американского посланника в Лондоне Дж. Р. Лоуэлла, что *«правительство Ее Величества всегда будет счастливо выступить совместно с США в защиту религиозной свободы»*, но в данном случае не может присоединиться к дипломатическому демаршу по политическим соображениям¹³.

В дальнейшем европейские государства не поддержали США в этом вопросе. Франция, сама охваченная волной антисемитизма, не желала обострять отношения с Россией, надеясь на заключение русско-французского союза. Англия после безуспешных попыток защитить своих граждан-евреев смирилась с позицией, навязанной Российской империей: еврей-иностранцы подчиняются действующему на ее территории дискриминационному законодательству¹⁴.

В силу дружественных отношений между Россией и США оказались возможны компромиссы и своеобразные джентльменские соглашения в каждом отдельном случае, но не по проблеме в целом. Американские дипломаты в Российской империи внимательно следили за ситуацией в национально-религиозном вопросе вообще и еврейском в частности, собирали и пересылали в Вашингтон все материалы, касающиеся этого направления внутренней политики, а госдепартамент сосредоточил внимание на решении конкретных вопросов, возникавших в связи с ущемлением прав американцев иудейского вероисповедания, признав приоритет российских законов над договором 1832 года. Царское правительство, в свою очередь, шло на отдельные исключения для американских евреев по представлениям госдепартамента, последовательно отстаивая принцип невмешательства в свои внутренние дела и отсекая любые попытки интернационализации «еврейского вопроса».

Посланник в С.-Петербурге Дж. У. Фостер позже писал, что и Н. К. Гирс, с которым у него установились «сердечные отношения», и М. Т. Лорис-Меликов понимали необходимость корректировки законов против евреев как несоответствующих духу времени, однако указывали на большие сложности в решении этого вопроса. Они связывали их с различными политическими и социальными обстоятельствами, в частности с антисемитскими предрассудками, укоренившимися в русском обществе; отрицательными чертами, свойственными евреям как этнической группе; участием, преимущественно польских евреев, в незаконной экономической деятельности и революционном движении. По мнению собеседников Фостера, расовые предрассудки были свойственны не только русским, но и американцам, проявляясь, например, в отношении последних к китайским иммигрантам¹⁵. При этом Гирс в беседах с Фостером не настаивал на активной роли евреев в подготовке покушения на Александра II и революционных заговорах, а Фостер, переславший в госдепартамент первую полную подборку российских законов по «еврейскому вопросу», как раз недоумевал по поводу того, что на фоне дискриминации евреи не превратились в основную составляющую революционного движения, хотя по логике вещей это должно было бы неизбежно случиться. Забегая вперед, заметим, что, рассуждая по

поводу главных причин революционного хаоса, последовавшего после поражения Российской империи в войне с Японией, Фостер укажет на многолетнюю практику дискриминации евреев со всеми вытекающими отсюда социальными и политическими последствиями¹⁶. Пока же в порядке исключения он добился для своего соотечественника М. Вильжински разрешения на проживание в С.-Петербурге.

Итак, основной заботой госдепартамента и дипломатов США в С.-Петербурге была защита прав американских граждан иудейского вероисповедания¹⁷. А вот на общественном уровне реакция оказалась гораздо более активной, масштабной и резкой по тону, что стало очевидно после еврейских погромов в южных и юго-западных губерниях.

На многочисленных митингах протеста, на страницах газет и журналов, в петициях, направляемых в Сенат и Палату представителей, в текстах резолюций, принятых в Конгрессе, стала формироваться та риторика, которая способствовала конструированию представлений о России как о «стране Средневековья, варварства и произвола», уподоблявшейся Османской империи. И если в период Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. Александру II приписывалась освободительная миссия по отношению к христианскому населению Порты, то теперь политика религиозной нетерпимости становилась механизмом отождествления двух империй. Участники развернувшейся общественной кампании протестовали не только против ущемления прав американских евреев, но и против насилия в отношении их единоверцев в России. С этого времени гражданско-правовой аспект «еврейского вопроса» оказался в центре внимания представителей иудейской и христианской части американского общества. Отношение к политике антисемитизма позволяло американцам продемонстрировать всему миру свою приверженность демократическим идеалам и выступить в защиту принципов религиозной свободы, способствовало поддержанию мессианских настроений и распространению, пусть пока на общественном уровне, идеи «гуманитарной интервенции». В свою очередь, реалии развития Российской империи в правление Александра III создавали для этого благодатную почву.

Реакция в США на погромы начала 1880-х годов высветила новые аспекты восприятия России по другую сторону Атлантики¹⁸. В Нью-Йорке в феврале 1882 года и в Филадельфии в феврале и марте 1882 года прошли многолюдные митинги протеста, на которых была открыта подписка в пользу прибывавших в США русско-еврейских беженцев. Особым размахом отличался митинг в Нью-Йорке. На нем присутствовали член палаты представителей С. Кокс, сенатор К. Шурц, бывший государственный секретарь У. М. Эвартс, экс-президент У. Грант, три

самых известных протестантских проповедника США — Дж. Галь, Г. Кросби и Дж. Ньюмен. Открывая митинг, мэр Нью-Йорка У. Р. Грэйс подчеркнул, что его участники представляют общественное мнение всего американского населения, а не только его еврейской части, и заявил: *«Мы собрались здесь для выражения протеста против нарушений свободы совести и мысли, против гонений на народ за принадлежность его к известной расе и религии, во имя защиты дорогих нам идеалов, обеспечение которых всем народам американцы считают своим нравственным долгом. Для достижения этой цели мы не должны жалеть никаких усилий»*. *«Если же вопреки урокам политической мудрости, — продолжал развивать мысль мэра член Верховного Суда Дэвид Дэвис, — положение евреев в России не будет улучшено законодательным путем, то у американцев, кроме дружеских увещаний, найдется достаточно долларов, чтобы переселить на свободную американскую землю и обустроить там хотя бы все три миллиона граждан, не имеющих пока отечества»*¹⁹.

Автор статьи, появившейся в *The New York Times*, писал об этом митинге как о яркой демонстрации порицания «восточного варварства» со стороны представителей западной цивилизации. Журналист призывал если не к совместному дипломатическому демаршу США и Великобритании в защиту русских евреев, то хотя бы к подаче ноты, адресованной Александру III и содержащей просьбу предоставить еврейскому меньшинству равные с другими подданными гарантии жизни и собственности²⁰. Параллельно автор статьи в *The New York Herald* сравнивал религиозную дискриминацию евреев в России и армян в Османской империи, обратившись к приему, получившему впоследствии широкое распространение на страницах американских периодических изданий в графических и вербальных текстах. Он будет использоваться с целью подчеркнуть незападность России, разместить ее наряду с Турцией на варварской периферии цивилизационного развития²¹.

В то же время в упоминавшейся статье проводились аналогии между еврейскими погромами на юге России и китайскими погромами в Денвере и на Тихоокеанском побережье. И те и другие, по мнению автора, были связаны с расовыми отношениями. В свою очередь, автор статьи в журнале *Century* сравнивал антинегритянские погромы в Нью-Йорке и антикитайские в Сан-Франциско с еврейскими погромами на юге России, намереваясь отказать американцам в праве «преподавать России уроки цивилизации»²². Актуализированная им идея «стеклянного дома», в котором живут американцы²³, и проведение аналогий между расовым насилием в США и антиеврейским в Российской империи будут прочно интегрированы в американский общественно-политический дискурс о России. Этот прием возьмут на вооружение не только представители

внешнеполитического ведомства на берегах Невы и русские дипломаты в США, акцентировавшие расовый, а не религиозный мотив дискриминации евреев, но и сами американцы. Одни — посредством проведения параллелей будут подчеркивать черты сходства и обращать внимание на «больные» вопросы внутривнутриполитического развития Соединенных Штатов, другие — обозначать принципиальные различия и превращать Россию в «темного двойника» США. Дело не в том, как считает Т. Бейли, что американцам (уточним — белым американцам), протестовавшим против притеснений евреев, русская сторона поставила на вид расовую дискриминацию²⁴, а в том, что сами они ощущали дискомфорт в связи с нарастанием расового противостояния в американском обществе. Вот только преодолевали они это чувство по-разному.

Особое значение проблема дискриминации русских евреев приобрела для темнокожих граждан Америки. После погромов начала 1880-х годов они с удивлением обнаружили, «каким гонениям и изоляции подвергаются евреи Российской империи»²⁵. По мере реализации политики сегрегации и роста расового насилия в южных штатах аналогии между «еврейским вопросом» в России и негритянским в США станут для афроамериканцев поводом обратить внимание на проблемы в собственном доме. Не случайно они начнут обвинять в лицемерии своих белых сограждан, ратовавших за либерализацию положения национально-религиозных меньшинств в далекой заокеанской империи и закрывавших глаза на расовую дискриминацию в самих США²⁶.

В 1882 году в обеих палатах Конгресса были рассмотрены резолюции, принятые на митингах протеста и содержащие требования оказать давление на правительство Александра III с целью прекратить произвол и насилие в отношении русских евреев²⁷. Наиболее активным конгрессменом, будирующим «еврейский вопрос» в федеральном законодательном органе, стал депутат от штата Нью-Йорк С. Кокс. Ему принадлежит авторство резолюции от 30 января 1882 года, направленной палатой представителей президенту с целью получить информацию о переписке между госдепартаментом и американскими дипломатами в России по вопросу о дискриминации граждан США иудейского вероисповедания и притеснениях русских евреев. В мае президент удовлетворил запрос нижней палаты. Дипломатическая переписка за десять лет была опубликована и стала достоянием общественности. В июле 1882 года С. Кокс выступил в нижней палате Конгресса с обстоятельной и эмоциональной речью на тему «Гонения евреев в России». Она показательна во многих отношениях, так как в тексте намечены основные аспекты восприятия американцами «еврейского вопроса», значение которых сохранится в последующем.

Кокс обобщил все доступные материалы по погромам, представив «потрясающую воображение картину зверств в отношении евреев, несовместимую с понятием цивилизации»; назвал евреев заложниками борьбы с нигилизмом в России; не снимая вины с невежественных и униженных русских крестьян как участников погромов, объяснил их возникновение последовательной правительственной политикой дискриминации, превратившей евреев в изгоев общества и сделавшей возможным проявление средневекового фанатизма и варварства; представил эмиграцию евреев как бегство, а не добровольное переселенческое движение (тем более что правительство Александра III открыло для беженцев западную границу); призвал американское еврейство создать условия для еврейской земледельческой колонизации как механизма решения проблемы русско-еврейской эмиграции в США; подчеркнул, что большая часть информации получена от корреспондентов лондонской *Times* (а это немаловажный факт, учитывая отнюдь не дружественные отношения между Лондоном и С.-Петербургом); и, наконец, Кокс выдвинул три аргумента, подтверждая право на международное вмешательство в «еврейский вопрос» в Российской империи: чувство гуманности, характерное для цивилизованных людей; нарастающая эмиграция, требующая энергии и самоотдачи американского еврейства; международные прецеденты вмешательства во внутреннюю политику государств с целью гарантии прав религиозных меньшинств. Большая часть примеров применительно к XIX веку относилась к защите христиан в Османской империи, в том числе самой Россией, или евреев в Румынии и Марокко. Похоже, американского конгрессмена не смущал статус Российской империи как великой державы, и он был готов поставить ее в один ряд с Османской. Кокс обвинил сенатский Комитет по иностранным делам в бездействии и настаивал на том, что вашингтонской администрации, учитывая многолетние дружественные отношения с Россией, надлежит оказать давление на правительство страны с целью облегчить участь ее еврейского населения²⁸.

Активные действия Кокса и его многочисленные выступления в Конгрессе вызвали серьезное беспокойство русских дипломатов в США, т. к. и посланник К. В. Струве, и поверенный в делах русской миссии Г. Вилламов опасались назначения депутата от штата Нью-Йорк председателем сенатского Комитета по иностранным делам²⁹. В последующем любая, причем не всегда проверенная, информация о готовящихся ограничениях в отношении русских евреев или дискриминации американских граждан иудейского вероисповедания в России благодаря усилиям С. Кокса и других членов Конгресса будет иметь неизменный резонанс в обеих палатах, а результатом принятых резолюций станут запросы

дипломатов США в министерство иностранных дел России. Более того, вся эта переписка окажется достоянием общественности³⁰.

Однако позиция госдепартамента оставалась дипломатически корректной. 15 апреля 1882 года госсекретарь Ф. Т. Фрелингхайзен направил инструкцию поверенному в делах американской миссии в С.-Петербурге У. Хоффману. Глава внешнеполитического ведомства сообщал о том, что чувство гуманности не позволяет американскому народу оставаться равнодушным к страданиям евреев в России, ставших жертвой расовых и религиозных предрассудков. Госсекретарь предписывал Хоффману «в самой деликатной форме» выразить искренние надежды администрации на прекращение насилия и произвола по отношению к русским евреям, но сделать это лишь в том случае, если у дипломата будет уверенность в бездействии властей. Инструкция заканчивалась четким указанием: вмешательство правомерно лишь в случае защиты от дискриминационной политики граждан США³¹. Она вошла в майскую публикацию дипломатической переписки, о которой упоминалось выше, и была прокомментирована в *The New York Times*. Автор статьи предупреждал американских евреев о рискованности поездок в Российскую империю до тех пор, пока там не распространится дух просвещения, т. к. договор 1832 года не предоставлял гарантий их прав. Пока лишь оставалось уповать на бдительность американских дипломатов и режим наибольшего благоприятствования по отношению к гражданам США иудейского вероисповедания в силу давних дружественных отношений, существовавших между странами³².

После разговора с госсекретарем К. В. Струве сделал вывод, что правительство США «не намерено компрометировать себя каким-нибудь псевдофилантропическими и в то же время совершенно платоническими заявлениями в пользу евреев России» и объяснил инструкцию Фрелингхайзена борьбой за голоса еврейских избирателей³³. Замечание русского дипломата верно по сути. Отныне «еврейский вопрос» будет неизменно использоваться в ходе избирательных кампаний, в особенности в тех штатах Атлантического побережья, куда хлынет волна русско-еврейских эмигрантов. На этот аспект обратят внимание и журналисты, и карикатуристы, и дипломатические представители России в США. Например, после митинга в Нью-Йорке в феврале 1882 года карикатурист *Leslie's Weekly* изобразил У. Гранта, который в 1862 году инициировал приказ об ущемлении прав евреев в федеральной армии, проливающим «крокодиловы слезы» по поводу притеснений евреев в России с целью привлечь на свою сторону голоса избирателей-евреев во время президентских выборов 1884 года³⁴. Можно, конечно, порассуждать об изрядной доле цинизма, присущей делателям политики, но

нельзя, тем не менее, не обратить внимания на тот факт, что интеграция «еврейского вопроса» в предвыборную борьбу свидетельствовала о значительном общественном резонансе в ответ на события в Российской империи.

Однако в 1880-е годы (да и в последующем вплоть до Кишиневского погрома 1903 года) официальный Вашингтон никаких шагов в духе гуманитарной дипломатии не предпринимал. Обе стороны подчеркивали дружественный статус-кво. Традиция «исторической дружбы» продолжала оказывать влияние на авторов петиций, резолюций и статей в американской периодике. По крайней мере, они не забывали о ней упомянуть, выражая в то же время надежду, что сама по себе она как раз и позволяет оказать давление на Россию в «еврейском вопросе». Именно поэтому в майскую публикацию дипломатических документов не вошла переписка по поводу попыток госсекретаря Дж. Г. Блейна организовать совместное выступление США и Великобритании в защиту религиозной свободы в России в конце 1881 года. Из-за резкого тона не будет опубликована и объемная депеша посланника США в С.-Петербурге У. Г. Ханта, содержащая критику реакционной политики правительства Александра III. Дипломат, подобно авторам публикаций в американской прессе или конгрессмену С. Коксу, не обвинял официальные власти в организации погромов. Он инкриминировал царскому правительству создание атмосферы, сделавшей погромы возможными. Хант пришел к выводу о бессмысленности международных акций в пользу русских евреев. По его мнению, это приведет лишь к ухудшению их и без того незавидной участи. Американец с присущей ему верой в неизбежный прогресс уповал лишь на то, что и «в Российской империи наступит когда-нибудь время просвещения, справедливости и милосердия как для угнетаемых, так и для угнетателей»³⁵. Депеша Ханта увидит свет в 1922 году в книге, посвященной жизни дипломата. Затем С. Адлер и А. М. Маргэлис обратятся к ней в публикации документов, вышедшей в начале «холодной войны»³⁶. Одним словом, свою роль в конструировании прошлого российско-американских отношений этот документ еще сыграет.

К концу 1880-х годов в российско-американских отношениях в полной мере проявился новый фактор — иммиграционный. Он вызвал масштабную, хотя и неоднозначную, реакцию в США на общественном уровне, а на официальном — не только актуализировал необходимость подписания договора о натурализации, но и внес коррективы в обсуждение «еврейского вопроса» в целом.

Эмиграция превратилась в объективный индикатор ухудшения положения российского еврейства и важнейшую составляющую его жизни на несколько последующих десятилетий.

Американские современники событий были склонны объяснять эту массовую миграцию религиозно-политическим гнетом. В частности, в отчете Комиссии, созданной в США в 1891 году для выяснения причин эмиграции из Восточной Европы, указывалось, что эмиграционное движение вызвано отсутствием у евреев индивидуальных прав и свободы совести³⁷. К этому выводу присоединились члены Иммиграционной комиссии 1907 года, кроме того подчеркнувшие в своем отчете значение погромов³⁸. На динамику миграционного процесса, действительно, оказывали влияние массовые проявления антисемитизма и ужесточение дискриминационных мер: погромы начала 1880-х годов, выселение евреев из Москвы и Московской губернии (1891), Кишиневский погром (1903), еврейские погромы периода революции (1905–1907), разрушившей надежды на изменение правового статуса еврейского меньшинства в Российской империи, «дело М. Бейлиса» (1911–1913). Однако данный фактор нельзя считать единственным объяснением. В противном случае была бы непонятна широкомасштабная эмиграция галицийских евреев из Австро-Венгрии, политическая эмансипация которых произошла в 1867 году, и в рассматриваемый период им был вообще неведом страх погромов.

Исследователи рубежа XIX–XX веков, занимавшиеся данной проблемой, такие как Г. М. Прайс, И. А. Маневич, Н. А. Бородин, К. Форнберг, подчеркивали значение социально-экономической мотивации³⁹. Социально-экономический характер эмиграции со всей очевидностью обозначился во второй половине 1880-х годов в результате ухудшения условий жизни евреев в Черте оседлости, что стало следствием как дискриминационной политики самодержавия, так и развернувшейся в Российской империи модернизации экономики с сопровождавшими ее процессами урбанизации, внутренних миграций населения, нарастания социальной напряженности. К концу 1880-х годов наметилась интеллектуальная составляющая эмиграционного движения, т. к. в 1887 году была введена процентная норма для евреев при поступлении в высшие и средние учебные заведения, а в 1889 году закрыт доступ в число присяжных поверенных. Именно социально-экономические причины объясняли постоянное нарастание эмиграционной волны и оказывали влияние на ее состав. В свою очередь, наиболее яркие проявления религиозно-политического гнета и юдофобии послужили толчком для массовой эмиграции и определяли ее мощные всплески, оказывая психологическое воздействие на еврейское население даже в тех местностях, где никаких погромов не происходило.

В письмах, приходивших в редакции русско-еврейских периодических изданий *Рассвет*, *Русский еврей*, *Восход*, сообщалось, что эмигра-

ционное движение занимает умы жителей Черты оседлости. Тем не менее наиболее известные и влиятельные представители русского еврейства высказались против массовой эмиграции в США. Еврейский съезд, собравшийся в С.-Петербурге весной 1882 года, отверг мысль о переселении за океан. Не получила одобрения и идея формирования эмиграционного комитета. Со страниц газеты *Русский еврей* звучали призывы остаться в России и на месте добиваться гражданских прав⁴⁰. Ортодоксальное духовенство рассматривало Америку как место, где будет если не потеряна, то значительно ослаблена иудейская вера, принесенная в жертву материальному благополучию. В среде российского еврейства в этот период вообще произошел двойной раскол: и по вопросу об эмиграции, и по вопросу о конечном пункте назначения. Массовый исход евреев, начавшийся вследствие погромов, активизировал дебаты между сторонниками движения в Палестину и Соединенные Штаты. Представители интеллектуальной элиты еврейского мира выдвигали аргументы «за» и «против», разделившись на два лагеря⁴¹. Между тем, в начале 1880-х годов в Палестину попадали лишь те, кто ехал за свой счет, организовав группы, так как европейские комитеты отправляли эмигрантов только в США. В итоге переселенческое движение из России было предоставлено самому себе, а также милости и щедрости евреев Европы.

Пока столичное еврейство определяло свое отношение к эмиграции, провинция «проголосовала за нее ногами», и волна русско-еврейских беженцев захлестнула австрийский городок Броды, превратившийся в перевалочный пункт на пути следования в «страну обетованную». Так начинался массовый исход российских евреев за океан. В январе 1882 года министр внутренних дел Н. П. Игнатьев заявил, что западная граница Российской империи открыта для евреев. А после введения в этом же году «Временных правил» государственный секретарь с грустью констатировал: «...евреям остается только одно — выселиться из России»⁴².

В 1882 году их прибыло в США 10 489 человек (79,5% от общего числа еврейских иммигрантов), что по сравнению с 41 000 человек за все предыдущее десятилетие составляло внушительную цифру⁴³. С 1881 по 1889 год в США эмигрировало 139 500 российских евреев, а в последующие девять лет — 279 100⁴⁴. Всего с 1881 по 1914 год в Америку прибыло 2 млн еврейских переселенцев, среди которых выходцы из России занимали первое место (71,6%)⁴⁵, дав название данному этапу формирования еврейской общности в США.

Основная масса переселенцев (до 85%) въезжала через Нью-Йорк, которому на рубеже XIX–XX веков суждено было стать главным центром

российско-еврейской эмиграции⁴⁶. Открывшаяся еще в 1855 году иммиграционная станция Нью-Йорка «Кастл-Гарден» оказалась не подготовленной к натиску массовой иммиграции. Остальные въезжали через Филадельфию, Бостон и Балтимор. И здесь, в порту прибытия, им предстояло отстоять право на въезд в страну своих мечтаний.

Заботу о евреях из России взяли на себя представители «старой» американско-еврейской общины, которые через созданные или уже существовавшие общества начали оказывать содействие восточноевропейским единоверцам, несмотря на возраставшую тревогу в связи с их массовым наплывом. Ведущая роль принадлежала «Обществу помощи еврейским эмигрантам» (Hebrew Emigrant Aid Society – ХЕАС), возникшему в декабре 1881 года в Нью-Йорке и имевшему филиалы в крупнейших городах восточного побережья. Оно организовывало встречу беженцев, а также пыталось создавать для них земледельческие колонии.

ХЕАС прекратило свое существование в марте 1883 года. Несмотря на критику со стороны эмигрантов, злоупотребления чиновников и частые смены руководства, сокращение финансовой и психологической поддержки со стороны американской еврейской общины, отсутствие прочной позиции среди международных комитетов помощи, эта организация приняла на себя удар первой волны массовой еврейской эмиграции из России. ХЕАС действовало в очень сложных условиях, расплачиваясь за ошибки представителей еврейских комитетов Европы, которые отправляли за океан всех без разбору. За время деятельности общество оказало поддержку 14 000 переселенцам и только за 1882 год потратило на их нужды 250 000 долларов. Комитеты помощи возникли также в других крупных городах восточного побережья, прежде всего в Филадельфии, ставшей вторым важнейшим центром, где оседали русские еврей-эмигранты⁴⁷.

В Россию вскоре начали приходить известия о бедственном положении российских евреев в Бродах, о неразумной политике европейских комитетов, посылавших в США стариков и больных, о мытарствах на иммиграционной станции в Нью-Йорке и, самое главное, об обратном движении в Российскую империю⁴⁸. Реэмиграция начала 1880-х годов имела самые высокие показатели за период с 1881 по 1914 год⁴⁹, однако остановить начавшийся миграционный процесс было уже невозможно.

Госдепартамент отреагировал на рост российско-еврейской эмиграции новой попыткой подписать договор о натурализации. В России эмиграция оставалась уголовно наказуемым преступлением, так же как и агитация в пользу переселения за границу. Существовавший закон не

допускал свободный выход из русского подданства. Даже приобретая заграничный паспорт, эмигрант получал законную возможность выехать из России, но лишь на определенный срок. После этого требовалось просить русские власти об отсрочке возвращения. Оформление заграничных паспортов затягивалось в лучшем случае на 2–3 месяца и происходило при условии предоставления всех необходимых документов, что было чревато проблемами с властями, например, по поводу лиц призывного возраста. К тому же в Черте оседлости, особенно в так называемых «медвежьих углах», откуда двигалась основная масса переселенцев, отсутствовала общедоступная информация о процедуре получения заграничного паспорта и о его реальной стоимости (20–25 рублей). Местечковых евреев пугала сама необходимость письменного обращения к целому ряду чиновников. Переселенцы предпочитали платить около 100 рублей агентам, которые за эту сумму обеспечивали нелегальный переход границы и сажали на пароход до Нью-Йорка⁵⁰. Таким образом, основная масса русско-еврейских эмигрантов выезжала из Российской империи нелегально, и часть из них попадала под ответственность за уклонение от воинской службы. В то же время подавляющее большинство как легальных, так и нелегальных эмигрантов обвинялось в самовольном переходе в иностранное подданство. За последнее преступление по ст. 325 «Уложения о наказаниях» им грозило лишение всех прав, а в случае возвращения в Россию ссылка на поселение⁵¹.

В условиях нараставшей русско-еврейской эмиграции в США подписание договора о натурализации должно было снять трения, возникавшие между странами в тех случаях, когда натурализованные американские граждане подвергались аресту во владениях царя за самовольное оставление подданства и уклонение от воинской повинности. Эти случаи обсуждались на страницах прессы и будоражили общественное мнение США, т. к. все американцы, подвергавшиеся гонениям в России, неизменно давали интервью журналистам, формируя представление о ней как о стране национально-религиозного гнета, произвола и насилия⁵².

Уже в 1881 году по инициативе американской стороны возобновилось обсуждение проблемы натурализации, которое не привело к каким-либо результатам, так как сохранялось русское законодательство о подданстве⁵³. В итоге в своих инструкциях У. Г. Ханту госсекретарь Ф. Т. Фрелингхайзен в конце 1883 – начале 1884 года был вынужден признать, что отсутствие конвенции о натурализации стало серьезной опасностью для продолжения дружественных отношений между двумя странами⁵⁴.

В 1887 году, воспользовавшись заинтересованностью Российской империи в подписании конвенции об экстрадиции, государственный департамент начал новый тур переговоров по натурализации. Госсекретарь США Т. Ф. Бейард передал посланнику России К. В. Струве проект конвенции, устанавливающей порядок свободного перехода из подданства одного государства в гражданство другого. Но переговоры и на этот раз зашли в тупик по причине того, что в Российской империи продолжал действовать закон, предусматривавший уголовное наказание за самовольное принятие иностранного гражданства, блокировавший подписание любых международных соглашений по натурализации. Министр иностранных дел России обращался в МВД и настаивал на необходимости дипломатического урегулирования проблемы. Однако, несмотря на обсуждение нового закона о подданстве, он так и не был принят⁵⁵. Отсутствие конвенции о натурализации в условиях нарастающей эмиграции приводило к трениям на официальном уровне и вновь ставило Российскую империю в один ряд с Османской. И в том и в другом случае Соединенные Штаты не могли заключить соответствующего договора по причине отказа правительств этих стран следовать современным нормам международного права⁵⁶.

Какую реакцию со стороны американского общества и почему вызвал массовый исход евреев из Российской империи? Как складывались взаимоотношения жителей еврейских кварталов с их новым американским окружением? Почему в переселенческом потоке из России именно еврейские эмигранты привлекали основное внимания участников общественно-политической борьбы, развернувшейся в США по вопросу об ограничении иммиграции? Ответы на эти вопросы имеют прямое отношение не только к процессу адаптации русско-еврейских эмигрантов в Новом Свете, но и к формированию представлений американцев о России в конце XIX века в целом, поскольку еврейская эмиграция стала самой массовой составляющей миграционного движения за океан, а русский еврей-эмигрант выступал в роли носителя откровенно негативного образа покинутой им страны⁵⁷. В 1890-е годы, и в особенности в начале XX века, вследствие ужесточения национально-конфессиональной политики начнет постепенно нарастать эмиграция поляков (по численности самая представительная после евреев), финнов, литовцев и русских немцев. Это снизит в процентном соотношении долю еврейской эмиграции, которая, тем не менее, останется преобладающей этнической группой в эмиграционном потоке из России и в общем составе еврейской иммиграции в США⁵⁸.

Еврейские эмигранты из России в составе «новой иммиграции» в США: pro et contra

Российско-еврейские эмигранты влились в ряды т. н. «новых иммигрантов», прибывавших к берегам США в конце XIX — начале XX века, и наряду с галицийскими и румынскими евреями составили третью по численности этническую группу в составе «новой иммиграции» после итальянцев и славян. «Новая иммиграция» отличалась от «старого» («тевтонского») миграционного потока своим массовым характером, национальным составом (представители национальных меньшинств России, Австро-Венгрии, Турции, а также итальянцы и греки), сложностями языковой адаптации, невысокой социальной мобильностью и низким уровнем профессиональной квалификации. Кроме того, одна треть иммигрантов прибывала на определенный срок с целью улучшить свое материальное положение и не стремилась к ассимиляции.

«Американская лихорадка» была вызвана социально-экономическими факторами, характерными для перехода от традиционного общества к индустриальному, а в отдельных случаях — религиозно-политическим гнетом⁵⁹. Трансатлантическая миграция стимулировалась развитием средств сообщения между Старым и Новым Светом, пропагандистской деятельностью эмиграционных агентств и судоходных компаний, эмиграционной политикой европейских правительств и, наконец, сообщениями самих переселенцев о лучших условиях жизни за океаном.

Русский еврей оказался фигурой примечательной в составе «новой иммиграционной волны», т. к. выступал в роли «нового иммигранта» с присущими ему отличиями еврейского переселенца, со свойственными ему особыми характеристиками⁶⁰, а также выходца из России. В итоге реакция американской среды была тройственной. В первом случае речь шла об отношении американского общества к наплыву «новых иммигрантов» в целом. Во втором — об отношении американско-немецкого еврейского сообщества, являвшегося продуктом «старой иммиграции», к восточноевропейскому, и параллельно христиан-американцев к американцам-иудеям. В третьем — об отношении к России вообще. Все три аспекта восприятия тесно переплетались, что приводило к корректировке образа Российской империи и закреплению за ней определенного места в воображаемой американцами иерархии рас. Евреи оказывались далеко позади англосаксонских и романских народов, а славяне воспринимались как народ наполовину европейский, а наполовину азиатский.

Наплыв восточноевропейских и, прежде всего, российских евреев вызвал серьезную тревогу в среде их американских единоверцев. Учитывая изменившийся характер еврейской эмиграции из России,

«Объединенные еврейские филантропии» («United Hebrew Charities») в отчете за 1888 год заявили о том, что помощь не будет оказываться людям, «стремившимся в США лишь для улучшения своего материального положения», и предупредило «европейских евреев, неспособных зарабатывать на жизнь и сделаться полезными гражданами, против эмиграции в Америку»⁶¹. Наибольшую озабоченность создавшимся положением выражали организации Нью-Йорка, ощущавшие на себе мощный натиск миграционного потока⁶².

Причина беспокойства «старой» еврейской общины США крылась в этнических и социальных различиях, существовавших между ее представителями, преимущественно немецкого происхождения, принадлежавшими к средним городским слоям, и выходцами из Восточной Европы, в частности из России, приезжавшими из местечек и небольших городков Черты оседлости и пополнявшими ряды рабочего класса. Первые были приверженцами реформированного иудаизма, а последние придерживались ортодоксального варианта веры. Эмигранты говорили на идиш, не торопились отказываться от старых обычаев, селились в гетто крупных городов и создавали свои религиозные, социальные и культурные организации. К тому же, в иммигрантской среде получили распространение идеи социализма и анархизма. Все это не могло импонировать уважаемому американизировавшемуся немецкому еврейству, которое опасалось усиления антисемитизма в обществе вследствие массового переселения единоверцев.

Последние три десятилетия XIX века действительно стали временем роста антисемитских настроений в США, что было связано с социально-экономическими изменениями, происходившими в стране, общим всплеском национализма и распространением нейтивистских⁶³ настроений на общественном и официальном уровнях. Три группы населения являлись носителями антисемитских чувств: аграрии-радикалы, интеллектуалы Востока, формировавшие идейное кредо движения нейтивизма, и малообеспеченные слои городских центров. Еврей в сознании выразителей как «аристократического», так и «плебейского» антисемитизма превращался в этнический символ власти денег, золота, в представителя «международного еврейского заговора». Правда, одни ненавидели его за эксплуатацию и паразитический образ жизни, другие за успех, а третьи — за то и другое вместе взятое. Динамичная модернизация, сопровождавшаяся демографическими сдвигами, структурными изменениями в обществе и крушением мира привычных ценностей, создавала ощущение дискомфорта и актуализировала вопрос о виновниках несчастий и разочарований. Тогда на помощь приходили и образ нуворишей из числа евреев, и давняя христианская традиция.

Еврей-банкиры превращались в тех, кто препятствовал свободному обращению «дешевых» денег и, выступая за утверждение золотого стандарта, плел паутину «международного заговора».

«Новая еврейская иммиграция» внесла существенный вклад в усиление антисемитских предрассудков. Высокая степень социальной мобильности евреев-иммигрантов оживила представления о парвеню, богатом выскочке с низким уровнем культуры, вульгарными украшениями и отсутствием манер. Он активно участвовал в борьбе за положение в обществе, составляя конкуренцию, прежде всего, представителям обогащавшегося среднего класса. В то же время «новая иммиграция» высветила черты иностранного, «чужого» в образе еврея, подпитывая, в особенности в период экономических кризисов, рассуждения о пагубном влиянии извне. Евреи оказались между двух огней: с одной стороны, им приписывали пороки малообеспеченных «новых иммигрантов» и противопоставляли немецким евреям, представителям «старой» иммиграционной волны, а с другой, как только они покидали гетто и начинали повышать свой статус в обществе, их обвиняли в социальной экспансии, ростовщичестве, эксплуатации, нечестности и т. д. Антисемитские и рестрикционистские настроения, таким образом, соединились в критике представителей одной этнической группы⁶⁴. Накал страстей по данному вопросу не стоит, конечно, преувеличивать, т. к. происходившее в Соединенных Штатах не шло ни в какое сравнение с событиями в Европе. Сказывались такие факторы национального развития, как традиция религиозной терпимости, этническое многообразие американского общества, противоречивый образ еврея в массовом сознании (про- и антисемитский одновременно), существование негрофобии и антикатолических предрубеждений. Кроме того, антисемитизм стал составляющей более крупного и комплексного течения антииностранного чувства. Тем не менее, в конце XIX века в США осуществлялась социальная дискриминация евреев. Проводниками подобной политики стали владельцы фешенебельных отелей, престижных курортов и частных школ в северо-восточных штатах. К ним присоединились привилегированные клубы в крупных городах Атлантического побережья. Вывески со словами: «Не для евреев» являлись наглядным подтверждением сегрегации. Движение евреев в пригороды — место расселения представителей среднего класса — и в благоустроенные районы городов Восточного побережья вызывало недовольство владельцев домов, так как в результате здесь падали цены на недвижимость. В городских центрах Востока выразителями воинствующего антисемитизма стали иммигранты ирландского и немецкого происхождения. В такой ситуации опасения «старой» еврейской общины имели под собой почву.

Американские евреи заняли противоречивую позицию в связи с началом массовой эмиграции единоверцев из Восточной Европы. С одной стороны, они жертвовали большие средства и создавали организации для оказания помощи переселенцам, созывали многолюдные митинги протеста в ответ на очередное нарушение прав еврейского меньшинства в Российской империи, собирали денежные пожертвования и выступали против ограничений на въезд в страну. С другой стороны, выражали крайнюю озабоченность в связи с ростом еврейской эмиграции из-за океана, которая угрожала усилением антисемитизма и стимулировалась либеральным иммиграционным законодательством. И все же в 1880–1890-е годы наплыв восточноевропейских евреев пугал их гораздо больше, чем набиравшее силу рестрикционистское движение с характерными для него антисемитскими настроениями⁶⁵.

В свою очередь, российские, галицийские и румынские евреи относились с подозрительностью к «еврейским янки». В противовес англо- и немецкоговорящей «старой» еврейской общине они сделали идиш языком общения и прессы, формировали в еврейских кварталах Нью-Йорка, Бостона, Чикаго и Филадельфии особое пространство идиш-культуры, стремились держаться подальше от организаций американо-немецких евреев. В 1892 году восточноевропейские переселенцы создали свое собственное общество помощи еврейским иммигрантам «Hebrew Immigrant Aid Society» (ХИАС), которое впоследствии оказывало услуги по переводу с английского языка и юридическую помощь вновь прибывшим, предоставляло им временное жилье и обеспечивало работой, предлагало содействие при транспортировке по территории США. Агенты общества действовали на Эллис Айленде в Нью-Йорке, где в 1892 году была открыта новая иммиграционная станция, и в других центрах еврейской иммиграции Атлантического побережья, выступая в качестве посредников между выходцами из Восточной Европы и представителями федеральной иммиграционной службы⁶⁶.

Русско-еврейский эмигрант И. М. Рубинов, который прибыл в Америку из Гродно в 1893 году, получил образование в Колумбийском университете и сделал впоследствии успешную карьеру в области статистики, писал о том, что русского еврея в США одинаково не понимали и американец, и американский еврей. Причем последний *«стыдился своего русского кузена, и этот стыд лег железной преградой между двумя еврейскими группами, сделав взаимное понимание невозможным»*. В результате все успехи еврейского сообщества Нижнего Ист-Сайда (преимущественно русско-еврейского) были достигнуты безо всякой помощи американских евреев. Последние остались в стороне от этого культурного движения, а созданные ими организации не вызывали

доверия эмигрантов. Евреи-старожилы не пытались понять их, громко призывали к расселению восточноевропейских единоверцев из Нью-Йорка и американизации с целью предупредить возникновение «еврейского вопроса» на американской почве⁶⁷.

Таким образом, в конце XIX века в Соединенных Штатах параллельно сосуществовали две еврейские общины, контакты между которыми стали налаживаться в 1900-е годы по мере того, как улучшалось материальное положение иммигрантов и росло их стремление к американизации.

Тревогу «старой» еврейской общины разделяла и христианская часть американского общества, хотя в начале 1880-х годов и в первом и во втором случае преобладало сострадание к жертвам погромов и стремление оказать им помощь в обустройстве на новом месте. Уже в конце 1881 года в юмористическом еженедельнике *Puck* появилось сатирическое изображение Дяди Сэма в облике «Современного Моисея», указывающего русским евреям путь из страны репрессий и нетерпимости в «Американский Ханаан».

В свою очередь, автор статьи «Евреи из России» в июльском номере *The New York Times* за 1882 год обращал внимание на стремительный рост еврейского населения США за счет российско-еврейских беженцев, указывал на скученность переселенцев в крупных городах, осуждал

Современный Моисей.
Puck, 1881

неудовлетворительную работу европейских комитетов, которые посылали в Америку нетрудоспособных эмигрантов, пополнявших ряды нищих и пауперов. Основной вывод сводился к тому, что эмиграция из Российской империи, продолжая нарастать, может превратиться в настоящую проблему внутривнутриполитического развития Соединенных Штатов⁶⁸.

Именно русско-еврейские эмигранты начали менять устоявшиеся в американском обществе представления о еврее, который превращался из человека богатого в бедного, из хозяина в работника, из представителя среднего класса в пролетария. При этом пресса не пришла к созданию однозначного образа еврейских выходцев из России⁶⁹.

Однако вне зависимости от того, как американцы относились к российско-еврейским эмигрантам, их массовое переселенческое движение, с одной стороны, служило подтверждением осуществлявшейся по отношению к ним дискриминационной политики, а с другой — создавало ощущение дискомфорта в американском обществе. Любое усиление антисемитизма было чревато не только ухудшением положения русских евреев и ущемлением прав американских евреев, посещавших территорию России, но и всплеском русско-еврейской эмиграции. В выступлениях американцев к идеалистическим и гуманистическим рассуждениям добавились прагматические соображения. Иммиграционный фактор усилил в американском обществе интерес к «еврейскому вопросу» в России и к национально-конфессиональной политике правительства Александра III в целом. Эмиграция евреев, поляков, финнов, литовцев, русских немцев, штундистов и духоборов стала «живым свидетельством» ее проявления. Кроме того, в начале 1890-х годов движение «друзей русской свободы» в США, о чем речь пойдет в следующей главе, и выступления американцев в защиту прав российских евреев станут взаимодополняющими при создании образа России — «Империи Зла», «Тюрьмы для политических диссидентов, этнических и религиозных меньшинств»⁷⁰.

Тогда проблема дискриминации еврейского населения Российской империи не сходила со страниц американских газет и журналов, обращая внимание читателей на «варварский характер политического режима в России» и новый всплеск переселенческой волны как следствие «средневековой политики антисемитизма». Волна публикаций, захлестнувших прессу, была связана не только с актуализацией «еврейского вопроса» в связи с нараставшей иммиграцией, но и с информацией о подготовке нового ограничительного закона, направленного на ужесточение «Временных правил о евреях» (1882)⁷¹. В это время игра на дихотомиях «варварство — цивилизация», «средневековье — современность» превращалась в один из излюбленных риторических приемов для журналистов, конгрессменов, религиозных и общественных

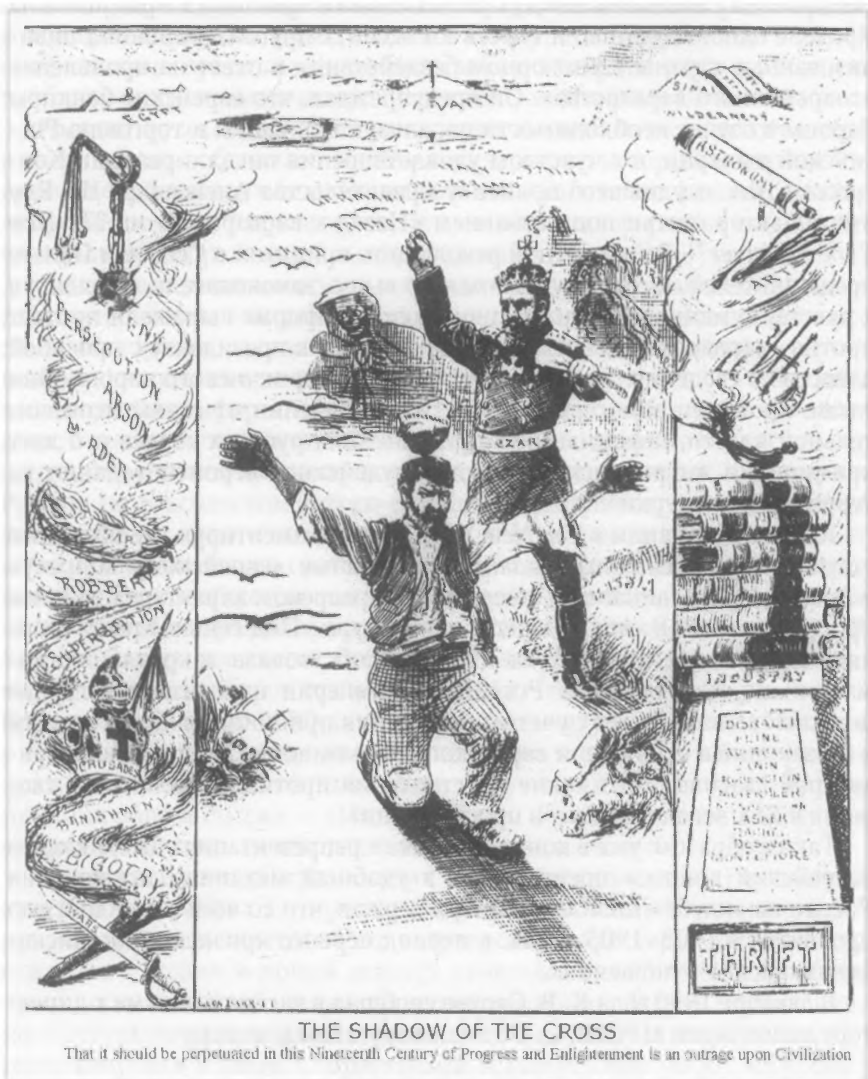
деятелей при конструировании образа России. Автор статьи в *The Omaha Bee* проводил аналогии между притеснениями христиан в Армении и на Крите, с одной стороны, и евреев в России, с другой, и обвинял цивилизованные страны в «позорном бездействии» в ответ на проявление «современного варварства». Он предупреждал, что еврейские банкиры Европы в случае необходимости парализуют финансы и торговлю Российской империи, и с чувством удовлетворения писал о реакции Конгресса США, осудившего политику правительства Александра III. Ему вторил автор статьи под названием «Назад к варварству» из *The New York Examiner*⁷². В совместной резолюции, принятой в Сенате и Палате представителей, которая упоминалась выше, законодатели, апеллируя к чувству гуманности, в достаточно жесткой форме выражали протест против «варварских действий» и обращались к президенту с просьбой довести до сведения русского царя чувства американского народа. Они также проявили заинтересованность в получении от главы исполнительной власти информации о притеснениях русских евреев и о дискриминации американских граждан иудейского вероисповедания на территории империи⁷³.

Автор публикации в *The New York Times*, комментируя две обзорные статьи в английских журналах, посвященные «еврейскому вопросу» в России, присоединялся к мнению о «варварском характере» законов против евреев⁷⁴. В свою очередь, карикатура «Под сенью Креста», появившаяся в *The Philadelphia Press*, способствовала закреплению сомнений по поводу права Российской империи находиться в группе цивилизованных стран с учетом нарушения принципа свободы совести и беззаконий в отношении еврейского меньшинства. Подпись под карикатурой гласила: «Вот какие преступления против Цивилизации творятся в XIX веке прогресса и просвещения».

Таким образом, уже в конце XIX века в репрезентациях американцев «еврейский вопрос» превращался в удобный механизм исключения России из «клуба» цивилизованных держав, что со всей очевидностью проявится в 1903–1905 годах, в период первого кризиса в российско-американских отношениях.

В декабре 1890 года К. В. Струве сообщал в частном письме к директору канцелярии МИД В. С. Оболенскому-Нелединскому:

*Агитация здешнего еврейского общества против России продолжается. Все газеты за немногими исключениями переполнены статьями против нас, а в последнее время, как я писал уже Николаю Карловичу [Гирсу. — В. Ж.], стали даже нападать на американского посланника в Петербурге за то, что он не поет в тон с ними, а говорит правду*⁷⁵.

*Под сенью креста.
Philadelphia Press, 1891*

Посланник США в С.-Петербурге после запросов во внешнеполитическое ведомство, действительно, отрицал слухи о введении нового ограничительного закона, считая их беспочвенными. Ч. Э. Смит сообщал, что Н. К. Гирс сам инициировал обсуждение этого вопроса, подтверждая тем самым озабоченность царского правительства по поводу публикаций в западной прессе, возможных «экономических санкций» со стороны еврейских банкирских домов в Европе и негативной реакцией в Соединенных Штатах. Глава МИД России отрицал информацию об ужесточении законодательства против евреев и в очередной раз объяснял их дискриминацию не религиозными, а социально-экономическими причинами. Взгляды поверенного в делах американской миссии Дж. Вуртса вообще отличал определенный налет антисемитизма. В донесении от 7 августа 1890 года он обвинял евреев других стран в необоснованных напаках на российское правительство на основе явно искаженной информации, а русских евреев в склонности к «излишней эксплуатации данных им привилегий, что вообще свойственно этой расе»⁷⁶. Новый общий закон не был принят во многом благодаря ходатайству министра финансов И. А. Вышнеградского, который опасался, что это затруднит получение внешних займов. Однако вел. кн. Сергей Александрович, вступив в должность московского генерал-губернатора, решил «обрушить» Первопрестольную. Законами от 28 марта 1891 года и 15 октября 1892 года евреям-ремесленникам и отставным николаевским солдатам запрещалось проживание в Москве и Московской губернии⁷⁷.

Лидеры американско-еврейской общины Дж. Шифф, Дж. Селигман и О. Штраус встретились с президентом Б. Гаррисоном с целью обсудить вопрос о последствиях дискриминационной политики в Российской империи для внутренней ситуации в США с учетом перспектив неизбежного всплеска русско-еврейской эмиграции⁷⁸. Итогом этой беседы стало создание специальной Комиссии для выяснения причин переселенческого движения из Восточной Европы⁷⁹.

Деятельность Комиссии заслуживает особого внимания, учитывая влияние сделанных ею выводов на позицию официального Вашингтона и общественное мнение. Изучением условий жизни еврейского населения в России занимались специальный уполномоченный по делам иммиграции порта Нью-Йорка Дж. Вебер, назначенный председателем Комиссии, и У. Кемпстер из штата Висконсин. Сопровождавшие их в поездке по Российской империи представители русского еврейства Г. Б. Слиозберг и П. Я. Левинсон сделали все возможное, чтобы посланцы США получили полное представление о происходящем в стране произволе. Они прибыли в Россию в августе 1891 года в разгар выселения евреев из Москвы. Американцы бродили по безлюдным улицам Зарядья

и Марьиной рощи с заколоченными окнами и опустевшими домами. Посетили Брестский вокзал, имевший вид лагеря, где люди сутками лежали на грязном каменном полу в ожидании поездов на Минск. Заплатив взятку, сумели пробраться в Бутырскую тюрьму и убедиться в том, что евреев, не имевших возможности выехать в срок, отправляли к месту приписки этапным порядком, т. е. скованными попарно с осужденными за уголовные преступления. Покинув Москву, Вебер и Кемпстер проехали по Черте оседлости, побывав в Минске, Вильно, Белостоке, Гродно, Варшаве. Они копировали документы о высылке, делали фотографии, собирали свидетельства и брали интервью. По собственному признанию американцев, увиденное потрясло их до глубины души и развеяло сомнения по поводу информации, появлявшейся в американской прессе. Даже Вебер, имевший опыт общения с русско-еврейскими эмигрантами в Нью-Йорке и более осведомленный об истинном положении дел в России, не ожидал увидеть такого «карнавала гонений, грабежа и террора». В свою очередь Кемпстер, который отправился в Россию с предубеждением против русских евреев и не очень доверял сенсационным газетным сообщениям, испытал настоящий шок от столкновения с российской действительностью и стал приверженцем «антицаристской веры»⁸⁰.

Вернувшись в США, Вебер и Кемпстер составили отчет, изобиловавший трагическими историями об изломанных человеческих судьбах и невыносимых условиях жизни в Черте оседлости. Он стал одним из самых репрезентативных документов по «еврейскому вопросу» в период правления Александра III, вышедших из-под пера американцев. Российско-еврейская эмиграция, по мнению Вебера и Кемпстера, была вызвана тяжелыми экономическими условиями, ставившими людей на грань голодной смерти. Однако ее основная причина, как подчеркивалось в отчете, крылась в религиозном фанатизме и дискриминации религиозных меньшинств, свидетельством чему является также эмиграция немцев-лютеран, штундистов и менонитов. Для русских евреев, делали вывод эксперты на основе наблюдений и проведенных ими интервью, эмиграция в Америку есть и останется главной целью и пределом мечтаний. Они будут стремиться туда ради гарантии собственной жизни и во имя будущего своих детей. Остановить этот переселенческий поток может лишь либерализация национально-религиозной политики в Российской империи. В заключении отчета проводилась мысль о необходимости настойчивых и убедительных протестов против дискриминации евреев в России, как во имя гуманности, так и по причине того, что толпы доведенных до нищеты и сломленных духом людей устремляются в США, создавая проблемы для самих американцев. И в данном случае речь идет не о нарушении принципа невмешательства во внутренние дела

иностранного государства, а о самозащите, об обязательствах оградить собственную страну от внешних негативных влияний⁸¹.

Действительно, нараставшая российско-еврейская эмиграция внесла коррективы в отношении Белого Дома и госдепартамента к «еврейскому вопросу».

18 февраля 1891 года госсекретарь Дж. Г. Блейн⁸² в инструкции американскому посланнику в С.-Петербурге Ч. Э. Смиты выдвинул тезис об ответственности правительств за международные последствия собственного внутривосточного курса. Российский исследователь В. В. Энгель в своем стремлении подчеркнуть неизменность позиции Вашингтона в «еврейском вопросе» не потрудился проанализировать весь текст инструкции, процитировав лишь ее отдельный фрагмент⁸³. Однако после фразы о том, что «правительство Соединенных Штатов не собирается диктовать другим державам, как им строить свою внутреннюю политику», следует продолжение:

Тем не менее, взаимные обязательства наций требуют, чтобы каждая из них учитывала влияние внутренней политики на ситуацию в других странах и в мире в целом. Именно поэтому положение евреев в России в настоящее время привлекает внимание Соединенных Штатов, у берегов которых можно ежедневно наблюдать реальное подтверждение страданий и нужды, выпавших на долю этих несчастных людей вследствие ужесточения дискриминации⁸⁴.

Скорректированная позиция американского правительства нашла отражение в меморандуме, переданном американским посланником Ч. Э. Смитом в главе российского внешнеполитического ведомства Н. К. Гирсу в декабре 1891 года, и в ежегодном послании президента Б. Гаррисона Конгрессу⁸⁵. Таким образом, несмотря на отсутствие дальнейших практических шагов со стороны официального Вашингтона по реализации нового подхода, в представлениях общественности вопрос о правовом статусе еврейского меньшинства в России начал интернационализироваться. С этого момента лидеры «старой» американо-еврейской общины стали использовать иммиграционный фактор в качестве механизма давления на госдепартамент и Белый Дом с целью лоббировать действия в духе гуманитарной дипломатии. Как считал О. Штраус, сам факт постоянного обсуждения «еврейского вопроса» американскими дипломатами с министром иностранных дел Российской империи со ссылкой на иммиграционный аспект и протесты американцев будут иметь позитивные последствия, ибо «Россия чувствительна к мнению просвещенного мира»⁸⁶.

Посланник К. В. Струве зло прокомментировал эти выступления в связи с введением полного запрета на въезд китайских иммигрантов, вновь обратив внимание на лицемерную позицию законодателей США, которые, дискриминируя китайцев, выступают в защиту русских евреев: *«Быть может, придет время, когда и наши евреи, сделавшись опасными экономическому благосостоянию американского народа, перестанут быть предметом нежных забот и якобы гуманного попечения здешних политических деятелей»*⁸⁷. Однако русский дипломат, используя привычный прием проведения аналогий между расовой дискриминацией в Соединенных Штатах и антисемитизмом в России, не уловил двух важных моментов. Во-первых, выступления и Блейна, и Гаррисона были связаны с беспокойством по поводу социально-экономических последствий еврейской эмиграции из Российской империи. Во-вторых, отношение американского общества к русско-еврейской эмиграции при всей его неоднозначности имело принципиально иную природу. Переселенческое движение русских евреев воспринималось американцами как продукт «варварской» политики по отношению к еврейскому меньшинству. Более того, объектом этой политики становились и граждане США иудейского вероисповедания по другую сторону Атлантики.

К. В. Струве не брал в расчет и тот факт, что действия американского еврейства, лоббировавшего выступления по «еврейскому вопросу», также объяснялись тревогой по поводу нараставшей эмиграции, хотя это не исключало искреннего сочувствия русским единоверцам. Представители «старой» еврейской общины были обеспокоены их массовым переселенческим движением и стремились найти выход из создавшейся ситуации. Механизмом решения возникшей проблемы, по их мнению, могло стать расселение иммигрантов по всей территории страны, дабы разрядить ситуацию в городах Атлантического побережья. С этой целью следовало расширять земледельческую колонизацию и вести целенаправленную работу по перераспределению иммигрантов, прибывавших на восточное побережье. Большие надежды американского еврейства и американского посланника в С.-Петербурге Ч. Э. Смита, стремившегося к сглаживанию противоречий между двумя странами, вызвал проект барона М. де Хирша⁸⁸. Речь шла о создании еврейских земледельческих колоний в Аргентине и оказании помощи еврейским эмигрантам в США.

Под строгим контролем МВД в С.-Петербурге начал действовать Центральный комитет «Еврейской колонизационной ассоциации»⁸⁹. Ему предоставлялось право организовывать переселение русских евреев, оставлявших российское подданство и навсегда покидавших пределы страны. Таким образом, в 1892 году царское правительство дало первую легальную санкцию на эмиграцию российских подданных⁹⁰. Комитет

оказывал необходимую помощь эмигрантам при выборе места назначения и маршрута следования, а также предоставлял информационные услуги⁹¹. Деятельность на берегах Невы представителя барона Хирша Арнольда Уайта стала предметом резкой критики со стороны лидеров русского еврейства, так как договоренности первого с царскими властями сводились к тому, что *«следует поддержать фантазию барона Хирша, который решил освободить Россию от нежелательных подданных»*. Один из известных еврейских деятелей столицы профессор Н. И. Бакст усматривал в проекте барона Хирша существенный вред интересам российского еврейства, ведь узаконение эмиграции по ходатайству европейских евреев означало признание того факта, что их русские единоверцы являются нежелательным элементом в Российской империи. Подобный подход, по его мнению, должен был стимулировать политику антисемитизма в стране⁹². В свою очередь, А. Уайт, признав жестокость мартовского закона о высылке евреев из Москвы, пытался сгладить негативное впечатление, произведенное на Западе известиями об усилении антисемитизма в России⁹³.

Помимо финансирования «Еврейской колонизационной ассоциации» барон Хирш выделил сумму в 25 000 000 долл. для формирования специального фонда. В марте 1890 года в США начал свою работу Центральный комитет, получавший по 10 000 долл. ежемесячно для облегчения ситуации в Нью-Йорке, возникшей вследствие еврейской эмиграции из Восточной Европы. При этом содействие оказывалась только тем людям, которые могли быстро встать на ноги и приносить пользу обществу⁹⁴. Созданное фондом аграрное и индустриальное общество помощи евреям (Jewish Agricultural and Industrial Aid Society) содействовало организации 160 аграрных поселений.

Однако вскоре стало ясно, что проект Хирша не решает возникшей проблемы⁹⁵. Во-первых, Комитет мог отправить лишь 25 000 эмигрантов в год, во-вторых, стала приходить информация, что часть колонистов, направлявшихся в Аргентину, затем переезжала в США⁹⁶, в-третьих, подавляющее большинство русских, румынских, галицийских евреев не стремилось заниматься сельскохозяйственным трудом, предпочитая селиться вместе большими анклавами, что при ограниченных экономических возможностях и сложностях существования в чуждой культурной и социальной среде помогало приспособляться к новому американскому окружению. Кроме того, для еврейства в силу сложившейся традиции вообще было не свойственно занятие земледелием⁹⁷.

Что же касается членов американской иммиграционной Комиссии Вебера и Кемпстера, то они стали активными оппонентами царского режима, включились в начавшийся «крестовый поход» за либерализацию

политического строя Российской империи и вносили свой вклад в формирование дискурса об особенностях ее развития. К ним обращались как к экспертам и очевидцам с просьбой выступить перед публикой и высказать свое мнение на страницах прессы. В описании Кемпстера Российская империя предстала страной, где существовала одна из самых жестоких в современном мире практик по отношению к инаковерующим⁹⁸. В свою очередь, Дж. Вебер в лекциях на тему «Россия в 1891 г.» не только цитировал собранные во время поездки документы, но и постоянно апеллировал к чувству гордости американцев за свою страну, проводя сравнения между Россией — империей деспотизма и произвола, и США — республикой свободы, равенства и демократии. Вебер призывал соотечественников к самому громкому протесту, а в случае необходимости предлагал отозвать дипломатического представителя из России, дабы не иметь ничего общего с режимом «дикости и варварства». Он заявлял о том, что будет несправедливо лишать несчастных русских евреев права на убежище в Америке. Однако не менее несправедливо по отношению к американцам вынуждать обессиленных и сломленных людей эмигрировать к берегам Соединенных Штатов⁹⁹. Текст этой лекции — своеобразная квинтэссенция отношения американцев к «еврейскому вопросу» в 1890-е годы. В нем идеалистические и прагматические мотивы представлены в равной мере и приправлены к тому же изрядной долей мессианской риторики. В 1893 году в ходе полемики с секретарем русской миссии в Вашингтоне П. С. Боткиным Вебер заявил:

Я — не враг России. Я встретил там людей самых великодушных и прекрасных из всех, с кем мне приходилось общаться, но и самых ортодоксальных. Крестьяне — по сути своей люди неплохие, хотя и не совсем цивилизованные. <...> Они более похожи на жителей азиатского Востока, чем европейского Запада. И правительство, вне сомнения, удерживает их в подобном состоянии.

Таким образом, Вебер еще раз подчеркнул то, на что обращали внимание и конгрессмен Кокс, и дипломат Хант: правительство своей политикой создает условия и для антисемитизма, и для сохранения отсталости крестьянства, которое является носителем антисемитских предрассудков. Если под влиянием развития прогресса изменится внутренняя политика России, исчезнут и условия, порождающие различные фобии. Вебер признавал специфический характер своего «русского опыта». Однако степень жестокости политики по отношению к евреям шокировала его. В ответ на заявление Боткина об экономических причинах

дискриминации евреев и о терпимости в отношении религиозного инакомыслия Вебер парировал: «Сейчас основной жертвой религиозного крестового похода стали евреи, но эта политика направлена и против католиков, и против лютеран». Стоит еврею отказаться от иудаизма, как он обретает гражданские и политические права. Вот вам и доказательство существования религиозной дискриминации. Не это ли, саркастически замечал Вебер, подтвердил и сам Петр Боткин в ответном письме на имя Г. Вейнстока, ставшем достоянием общественности¹⁰⁰. Выводы Вебера перекликались с мнением большинства американцев, видевших в русских евреях жертвы религиозной дискриминации¹⁰¹, что оказывало непосредственное влияние на формирование образа России в целом, так как в представлениях граждан Соединенных Штатов наличие свободы совести и рациональной веры являлось неотъемлемой характеристикой современного цивилизованного государства.

В то же время автор статьи в *National Review* обнаруживал главный источник предубеждений против евреев в их социально-экономических отношениях с остальным населением. Однако в отличие от Боткина, он последовательно разоблачал все обвинения, выдвинутые против них («ростовщики», «эксплуататоры, спаивающие крестьян и наживающиеся на их бедах», «контрабандисты», «фальшивомонетчики», «уклоняющиеся от воинской повинности», «нигилисты и основные участники революционных заговоров»), и предсказывал негативные для развития экономики последствия, подобные тем, что пережила Англия в правление Эдуарда I и Испания в правление Изабеллы Кастильской и Фердинанда Арагонского. Следовательно, Россия в конце XIX века проводила политику, характерную для позднего Средневековья. В том же ключе была выдержана статья в журнале *Nineteenth Century*, которая заканчивалась призывом выступить в защиту русских евреев во имя справедливости и цивилизации. В. Ярослав со страниц журнала *Arena* настаивал на необходимости оказать международное давление на правительство Александра III и тем самым решить «еврейский вопрос» в России. В свою очередь, автор публикации в *The New York Tribune* обвинял царское правительство в том, что своей политикой оно толкает евреев на путь революционной борьбы, а затем мотивирует их дискриминацию участием в революционных заговорах. *The New York Times* опубликовала обстоятельную статью своего лондонского корреспондента, в которой новые притеснения евреев вписывались в общий контекст движения России вспять, к своим «азиатским корням», к своему «славянскому варварству». Это нашло выражение в последовательном отказе от либеральных нововведений эпохи Александра II и распространении славянофильских лозунгов¹⁰².

Особый интерес вызывает статья русско-еврейского эмигранта Исаака Гурвича в журнале *Forum*. В России за свою проповедь идей марксизма он был сослан в Сибирь, где, кстати сказать, познакомился с Дж. Кеннаном, либеральным журналистом и одним из инициаторов американского «движения друзей русской свободы»¹⁰³, в 1889 году уехал в Европу, а в 1891-м переехал в США. Впоследствии Гурвич получит образование в Колумбийском университете, сделает карьеру экономиста и журналиста и превратится в одну из заметных фигур в среде американских евреев. Он станет редактором русскоязычного еженедельника *Прогресс*, выходявшего в Чикаго в 1891–1893 годах, и начнет активно сотрудничать с американскими журналами, публикуя статьи, посвященные характеристике ситуации в России. Наряду с другими радикалами-эмигрантами, в том числе и из еврейской среды, Гурвич внесет важный вклад в формирование американского радикального дискурса о России; в Соединенных Штатах его политическое кредо впишется в программу социального реформизма¹⁰⁴.

Статья, посвященная притеснениям евреев, станет первой публикацией Гурвича в американской прессе. В России, просвещал он американцев, для евреев действует отдельный закон, а их общий правовой статус определяется принципом, чуждым западному человеку: «Все, что не разрешено законом, — запрещено». Проводником политики антисемитизма является не только правительство, но и значительная часть общества, которая разделяет расовые предрассудки. Это, прежде всего, представители среднего класса, не выдерживающие социально-экономической конкуренции с еврейскими купцами, адвокатами, инженерами, врачами, ремесленниками, клерками. Для невежественных крестьян и рабочих еврей превращается в источник всех бед, в своеобразного козла отпущения. Добавьте к этому деятельность антисемитской прессы с ее «антижидовской» риторикой в условиях, когда одно за другим закрываются либеральные издания, писал Гурвич, и вы получите представления о причинах общественного ostracism в отношении евреев. Однако основная вина лежит на правительстве, так как притеснение еврейского меньшинства — это часть общего правительственного плана натравливания представителей одних национальных меньшинств на другие, а ортодоксальных русских на все остальные национальности с целью укрепления самодержавия. Статья Гурвича привлекала внимание своей логикой и системным подходом к проблеме, а его тезис о важных последствиях антисемитского «крестового похода» в Российской империи для других наций и, прежде всего, для США и Великобритании, вписывались в общий контекст рассуждений по поводу интернационализации «еврейского вопроса» в России¹⁰⁵.

Так русско-еврейские эмигранты помогали создавать образ покинутой ими страны. Политически активная и радикально настроенная часть русско-еврейской эмиграции, примкнувшая к анархистскому и социалистическому движению в Соединенных Штатах, оказывала поддержку американскому «движению за свободную Россию». А такие эмигранты, как, например, Л. Н. Гартман, вообще пытались создать на страницах американской прессы образ русского еврея — политического изгнанника¹⁰⁶.

Под влиянием публикаций в прессе и информации, приходившей из России, в Конгрессе в 1891 году обсуждалась резолюция, инициированная законодательным собранием штата Айдахо, в которой преследования евреев объявлялись «варварством прошлых веков, позором для человеческого достоинства и препятствием для развития цивилизации». К огромному разочарованию американского народа, это происходило в дружественной США стране, где царь совсем недавно даровал свободу миллионам крестьян и выступил в защиту христиан в Османской империи. В ходе дебатов в Палате представителей и Сенате озвучивались идеи, использованные госсекретарем Блейном и президентом Гаррисоном: американцы не намерены вмешиваться во внутреннюю политику России, однако, в том случае, если информация о новых ограничениях в отношении русских евреев обоснована, действия правительства Александра III нельзя считать дружественными по отношению к США, куда хлынут толпы нищих, несчастных эмигрантов. Следовательно, протесты американцев проистекали не только из чувства гуманности, но и из прагматических соображений. Представитель от штата Огайо Дж. И. Дунган, подобно Веберу, вообще предлагал прервать дипломатические отношения с Россией до тех пор, пока там не будет прекращена дискриминация российских евреев и притеснения евреев американских¹⁰⁷.

«Еврейский вопрос» имел столь заметный резонанс в США в начале 1890-х годов, что демократы и республиканцы включили в свои предвыборные платформы требования в поддержку прав русских евреев. Первые наряду с защитой прав лютеран, вторые одновременно с выступлениями в поддержку гомруля¹⁰⁸ в Ирландии¹⁰⁹.

Однако все вышесказанное не означает, что в американском обществе не существовало альтернативного взгляда на проблему.

Во-первых, появлялись публикации, разъясняющие позицию русской стороны. В 1890-е годы царское правительство становится все более чувствительным к общественному мнению в заокеанской республике, что можно объяснить деятельностью «друзей русской свободы» и волной публикаций по «еврейскому вопросу» в Соединенных Штатах

и Великобритании. В 1890 году в номере лондонской *Times* от 23 ноября было опубликовано письмо постоянно проживавшей в Англии российской публицистки славянофильского толка О. А. Новиковой в защиту политики антисемитизма, которое вызвало бурную полемику на страницах британской прессы и стало известно в США¹¹⁰. В газете *The New York Herald*, известной своей прорусской ориентацией¹¹¹, появилась статья «Правда о евреях в России», перепечатанная из европейского издания, с броскими недвусмысленными подзаголовками: «Глупые нападки на царское правительство, опровергаемые ясными и проверенными фактами», «Защита, а не притеснения», «Московский крестьянин должен получить защиту от ростовщичества», «Евреи процветают и усиливают свои позиции», «Их численность растет в три раза быстрее, чем численность славян», «Антисемитские законы как механизм мягкого администрирования», «Огульные обвинения в жестокости и тирании потеряли силу. — Реальное положение вещей должно стать достоянием общественности»¹¹². Газета *The New York Tribune* напечатала без комментариев корреспонденцию из С.-Петербурга под названием «Взгляд из России. Антиеврейские чувства», в которой выдвигались традиционные обвинения против евреев. Главной целью ограничений, имевших не религиозный, а расовый характер, объявлялась забота о простом русском мужике, подобно заботе о рабочих в США, где принимались законы, ограничивающие въезд китайских иммигрантов. Автор статьи обращал особое внимание на тот факт, что все публикации в европейской прессе финансировались за счет еврейского золота и инициировались нигилистами-эмигрантами, кстати, тоже евреями¹¹³.

Во-вторых, в Конгрессе звучали призывы прекратить обсуждение «еврейского вопроса» и предоставить его решение правительству страны, между прочим, дружественной Соединенным Штатам, ибо симпатии американского народа жертвам дискриминации были выражены достаточно внятно и с размахом¹¹⁴.

В-третьих, не всех американцев знакомство с «еврейским вопросом» в результате личных поездок в Российскую империю превращало, подобно Кемпстеру, в критиков ее порядков. Мотивация в данном случае могла быть различной. И это представляет особый интерес для понимания той неоднозначной роли, которую играл данный аспект восприятия в формировании образа России. Так, Дж. Л. Берхеймер из Чикаго обратился к аналогиям с расовыми проблемами в США, выражая недовольство очередным обсуждением в Конгрессе проблемы прав американцев иудейской веры в связи с усилением антисемитизма в Российской империи. Он заявил, что американцы имеют такое же право критиковать политику по отношению к евреям в России, в том числе и к

евреям иностранным, как русские политику по отношению к индейцам или китайским иммигрантам в США. *«И если бы русским пришло это в голову, — писал Берхеймер, — то мы бы обвинили их в нарушении принципа невмешательства в наши внутренние дела»*¹¹⁵.

В свою очередь иллюстратор из Филадельфии Дж. Пеннел в результате знакомства с еврейским населением Российской империи лишь укрепился в своих юдофобских настроениях. В книге «Еврей дома», снабженной антисемитскими иллюстрациями, Пеннел рисовал образ русского еврея, спокойно занимающегося своим бизнесом (продажей товаров низкого качества по самой высокой цене крестьянам), может быть и бесправного, но, в отличие от христианина, не желающего бороться за свои права, неопрытного, не умеющего с достоинством обставить свой магазин и жилище, культивирующего язык, который подчеркивал расовую чужеродность по отношению к остальному населению. Евреи, конечно, умнее крестьян, заявлял филадельфиец, но лишь в силу того, что последние — «самые недалекие из всех существ, созданных Богом». И в Америке, предупреждал своих сограждан Пеннел, русские евреи останутся такими же, какими они были в России. Об этом не стоит забывать американцам, озабоченным их судьбой. В отличие от Берхеймера, Пеннел проводил аналогии между отношением к евреям в России и к индейцам в США с целью подчеркнуть, что первых так же сложно цивилизовывать, как и последних¹¹⁶.

Можно ли считать реакцию американцев на события в России адекватной? Стоит заметить, что информация в американской прессе, заимствованная зачастую из британских газет, не всегда была проверенной, а краски порой сгушались. К тому же нельзя забывать и о такой характерной черте средств массовой информации, как склонность к сенсационности. Обо всем этом не раз писали не только русские дипломаты в США, но и американские в России. Особый интерес вызывают свидетельства Эндрю Диксона Уайта, сменившего в 1892 году Ч. Э. Смита на посту посланника в С.-Петербурге. Интеллектуала Уайта трудно заподозрить в симпатиях по отношению к Российской империи. По возвращении на Родину вместе со своими друзьями Г. К. Лоджем и Дж. Хэем он внесет немаловажный вклад в формирование консервативного дискурса о России в США с присущим ему стремлением к негативным характеристикам национального характера русских и с актуализацией азиатской природы Российской империи. Однако в своих мемуарах Уайт свидетельствовал об излишней доверчивости американцев к рассказам об ущемлении прав человека в России¹¹⁷.

Тем не менее Э. Д. Уайт составил самое обстоятельное донесение, когда-либо выходявшее из-под пера американских дипломатов,

о дискриминации русских евреев и последствиях данной политики для Соединенных Штатов. Посланник признавался в том, что знакомство с реальной ситуацией развеяло существовавшие у него сомнения по поводу отчета Комиссии Дж. Вебера. Уайт отмечал отсутствие единого законодательства, регулирующего положение евреев. В итоге, по его справедливому замечанию, степень жестокости дискриминационных мер зависела от действий и инициатив отдельных генерал-губернаторов. Подавляющая часть евреев в Российской империи не просто бедна, а находится на грани истощения, подчеркивал американский дипломат и объяснял рост дискриминации в отношении евреев не религиозными причинами, а национально-политическими, обнаруживая их в политике русификации. Посланник проводил мысль, тиражированную и на страницах американской прессы: в правление Александра III усиливается стремление к русской самобытности, извлеченности из общего развития. Этот всплеск реакционной русификации проявляется в оказании давления на Польшу, балтийские провинции и немецкие колонии, в обсуждении вопроса об ограничении самоуправления Финляндии¹¹⁸, в изменении названий городов, усилении позиций православной церкви и других русификаторских процессах, которые наблюдаются во всех сферах жизни русского общества. Западная пресса, продолжал свои рассуждения Уайт, обвиняется в дезинформации, англичанам предлагается заняться ирландским вопросом, американцам — проблемой линчевания негров и китайскими иммигрантами. И это, кстати, так похоже на реакцию американского общества перед Гражданской войной, когда комментарии иностранцев по поводу рабства вызывали волну негативных эмоций в США.

Ссылаясь на книгу М. Уоллеса, Уайт приходил к выводу об отсутствии религиозного фанатизма в среде крестьянства. Он указывал на тот факт, что некоторые сельские священники не только укрепляют это чувство терпимости, но, порой, встают на защиту евреев. В последнем случае мнение Уайта расходилось с точкой зрения Ханта, оказавшегося в Российской империи в разгар погромов начала 1880-х годов и апеллировавшего к реальным событиям, а не к работам европейских интеллектуалов.

Для восприятия «еврейского вопроса» и формирования образа России в США в целом особое значение приобретал авторитетный вывод Уайта о том, что вне зависимости от истинных причин политики по отношению к русским евреям, она побуждает их эмигрировать в другие страны и, прежде всего, в Соединенные Штаты. И это одни из самых худших переселенцев среди «новых иммигрантов», суммирует он свои впечатления в автобиографии, дав дополнительные аргументы противникам русско-еврейской эмиграции в период ее наибольшего

всплеска в 1905–1906 годы. Уайт также выразил в более жесткой форме мысль, уже прозвучавшую ранее в донесении американского посланника Дж. Лотропа: евреи прибывают в США с целью получить натурализованное гражданство, чтобы затем вернуться в Россию и заниматься бизнесом под защитой американского паспорта, имея преимущества перед своими единоверцами¹¹⁹. Позиция, занятая Уайтом, была характерна для большинства американцев, вовлеченных в обсуждение «еврейского вопроса» в российско-американских отношениях: они выступали с критикой в адрес дискриминации русских евреев, но не одобряли их эмиграцию в США¹²⁰.

Объяснение этой позиции следует искать в отношении американского общества к «новой иммиграции» в целом, важной составляющей которой стал еврейский переселенческий поток из Российской империи, Австро-Венгрии и Румынии. Проблема «желательных» и «нежелательных» иммигрантов, связанная с поиском национальной идентичности и ответом на вопрос о том, кто такой истинный американец — белый англосакс протестант (WASP) или человек смешанного происхождения, — обострилась в конце XIX века. Она возникла вследствие изменения характера и национального состава иммиграции и получила широкий резонанс в американском обществе, привлекая внимание к внутривнутриполитической ситуации в странах-донорах.

Опубликованные донесения Уайта¹²¹, а также его выступления в прессе оказались в центре внимания участников общественно-политической борьбы по вопросу о перспективах «новой иммиграции» в США, которая в полной мере развернулась в 1890-е годы. Среди эмигрантов из России евреи вызывали особый интерес как рестрикционистов, выступавших против иммиграционной политики «открытых дверей», так и сторонников либерального иммиграционного законодательства. Ни русские немцы, ни литовцы, ни финны не привлекали в то время столь пристального внимания американцев. Переселенческое движение представителей этих этнических групп было несопоставимо по численности с еврейской эмиграцией, с которой могла конкурировать лишь эмиграция польская¹²². Но, главное, они не создавали «этнических городов» внутри городов американских и рассредоточивались по различным штатам. Русские немцы и финны оседали на земле, будучи умелыми фермерами, а литовцы с готовностью работали на рудниках Пенсильвании и на промышленных предприятиях. Эти выходцы из Российской империи не вызывали расовых опасений, как евреи. О русских немцах, литовцах и финнах, эмиграция которых заметно нарастает с последних лет XIX века, вообще писали как о «желательных» в расовом отношении иммигрантах, т. к. они тяготели к старому «тевтонскому» потоку.

Их переселенческое движение воспринималось как результат политики русификации, вынуждавшей эмигрировать людей физически сильных, честных, обеспеченных, образованных и энергичных¹²³.

В роли оппонентов «новой иммиграции» выступали нейтивисты, активизировавшие свою деятельность в конце XIX века в условиях роста национализма¹²⁴. Они опирались на теорию «англоконформизма», отстаивая идею англосаксонского происхождения американской нации, и рассматривали итальянцев, славян, евреев как угрозу для ее расового ядра, «генетического кода». По мнению нейтивистов, общество не могло абсорбировать «новых иммигрантов», к тому же настолько отличавшихся от «коренных» американцев, что сам факт их массовой ассимиляции создавал опасность для традиций, ценностей и политических институтов Соединенных Штатов¹²⁵. Проводником программы нейтивизма стала Лига по ограничению иммиграции (Immigration Restriction League). Она была создана в 1894 году в Бостоне группой выпускников Гарвардского университета Ч. Уорреном, Р. Д. Уордом, П. Ф. Холлом и Г. К. Лоджем и видела свою цель в ужесточении иммиграционного законодательства, в частности, в борьбе за введение теста на грамотность для иммигрантов. Первым президентом Лиги стал философ и историк Джон Фиске. В своих работах он отстаивал право США на лидерство в мире, основанное на превосходстве американских идей и политических институтов, которые, воздействуя на все части Старого Света, могли, по его мнению, изменить ход цивилизации¹²⁶. С рестрикционистскими требованиями выступали в тот период лидеры рабочих организаций, социальные реформаторы, представители благотворительных обществ, чиновники иммиграционной службы и известные интеллектуалы. Подобные настроения распространились в среде конгрессменов, прежде всего, из рядов республиканской партии. Оппозиция либеральному иммиграционному законодательству опиралась на три центра. Интеллектуалы-аристократы Новой Англии обеспечивали идейную программу движения, создавая произведения в духе евгеники и пугая американское общество угрозой «расового самоубийства»¹²⁷; тред-юнионы противостояли действиям промышленников, стремившихся привлечь дешевую рабочую силу из других стран; рядовые американцы с Юга и Дальнего Запада активно включились в рестрикционистское движение, ощущая себя жителями своеобразной «ментальной» границы, защитниками белой англосаксонской культуры от нашествия извне.

В своих статьях сенатор-республиканец Г. К. Лодж, секретарь Лиги по ограничению иммиграции П. Холл, председатель сенатской Комиссии по иммиграции У. Чэндлер, лидер рабочего движения и генеральный уполномоченный по иммиграции Т. Паудерли, а также другие оппоненты

*Неразборчивая хозяйка.
Life, 1893*

иммиграционной политики «открытых дверей» призывали ограничить «нежелательную» иммиграцию, дабы не превращать Америку в «выгребную яму Европы», сохранить американские традиции, обеспечить здоровье нации и гарантировать ее будущее¹²⁸. После трагедии на площади Хеймаркет в Чикаго в мае 1886 года¹²⁹ в условиях взрыва истерии против анархистов и социалистов иностранного происхождения произошло резкое изменение в отношении к «новой иммиграции» представителей деловых кругов США¹³⁰. Антииммиграционные настроения стали постоянной темой в политической карикатуристике, что свидетельствовало об актуализации проблемы в рамках американского общественно-политического дискурса в целом.

«Новым иммигрантам» предъявлялся целый список социально-экономических претензий: снижение заработной платы, жизненных стандартов рабочих, обострение взаимоотношений между трудом и капиталом, распространение потогонной системы с ее подрядчиками и иммиграционными боссами, рост безработицы, преступности, пауперизма и инфекционных заболеваний, перенаселенность городов и создание трущоб, распространение иждивенчества, падение нравов, снижение уровня грамотности и культуры в целом. В политическом плане, как считали нейтивисты, большая часть иммигрантов не имела пред-

ставления о том, что такое избирательная система и как ею пользоваться. Отдельные этнические группы стремились выступить на выборах единым блоком, внедряя иностранные идеалы в американскую политическую жизнь и распространяя идеи анархизма, социализма, коммунизма, чуждые американцам.

Оппоненты нейтивистов апеллировали к теории «плавильного котла», согласно которой формирование американской нации происходило через свободное слияние, сплав представителей европейских народов, в результате чего возникала новая национальная общность более высокого типа. «Истинным» американцем в данном случае считался не белый англосакс протестант, а человек смешанного происхождения. За иммигрантами, таким образом, признавалось право вносить свой вклад в развитие национальной традиции при условии вхождения в единое американское сообщество¹³¹. Адвокаты «новой иммиграции» выражали уверенность в ассимиляционных способностях американского общества, в исправной работе «тигля повседневной жизни», превращавшего иммигрантов из различных стран в стопроцентных американцев. В своих выступлениях на страницах прессы сторонники «новой иммиграции» подчеркивали вклад переселенцев в экономическое процветание страны, напоминали о том, что «циркуляция крови» укрепляет здоровье нации и способствует ее прогрессивному развитию, а Соединенные Штаты, не страдая от избытка населения и недостатка продуктов питания, в состоянии обеспечить работой и куском хлеба всех желающих¹³². В противовес организации рестрикционистов в 1890-е годы возникла Лига по защите иммиграции (Immigration Protective League).

У российско-еврейских эмигрантов, с точки зрения «пессимистов» и «оптимистов», были свои особые недостатки и достоинства в общем списке характеристик «новых иммигрантов». Причем, зачастую, одни и те же качества (например высокий уровень социальной мобильности) оценивались по-разному, что объяснялось существованием антисемитских предрассудков в массовом сознании. Например, Дж. Кепплер из юмористического еженедельника *Puck* зло обыграл в своей карикатуре угрозу социальной экспансии со стороны еврейских эмигрантов, превратившихся из угнетаемых в угнетателей.

Отношение американской прессы к русско-еврейским эмигрантам невозможно подвести под общий знаменатель. Полярные точки зрения выражали газеты *The New York Times* и *The New York Tribune*.

Первая, получавшая информацию через своих лондонских корреспондентов, печатала массу статей, направленных против дискриминационной политики царского правительства и рисовала негативный образ русско-еврейского эмигранта — нищего, ленивого, не желавшего

«Из Иерусалима». Мы – народ.
Judge, 1892

заниматься фермерским трудом, предпочитавшего селиться в трущобах Нью-Йорка и ожидавшего помощи от благотворительных организаций. Его сознание, по мнению авторов публикаций, было искажено годами угнетения, что могло стать источником социальной напряженности. Газета несколько смягчила критику в связи с появлением на ее страницах серии очерков своего лондонского корреспондента американского журналиста и писателя Ф. Гарольда, который представил иной портрет еврея: не хитрого ростовщика, а угнетенного бедняка, не революционера и анархиста, а законопослушного человека, сохранившего, несмотря на годы унижений, свой моральный облик, искреннюю веру, чувство взаимопомощи и приверженность семейным ценностям. Однако с началом экономического кризиса в США, а также под влиянием выступлений анархистов, в которых приняли участие эмигранты из России, в 1892 году *The New York Times* вернулась на старые позиции, отражавшие антииммиграционные настроения общества¹³³.

The New York Tribune, напротив, была неизменно толерантна, хотя и выражала удивление по поводу того, что эмигранты оказались гораздо беднее, чем ожидалось, и обращала внимание на проблему перенаселенности прибрежных городов. Авторы публикаций наделяли евреев добродетелями средних классов и приветствовали российско-еврейскую

эмиграцию в США. Позитивный тон статей о жизни русских евреев в Нью-Йорке и их борьбе за экономические права лишь временно изменился в период шумных митингов анархистов во главе с российско-еврейской эмигранткой Эммой Голдман¹³⁴.

Необходимо подчеркнуть, что заметная роль русских евреев в анархистском движении в США, подтверждением чему стали покушение русско-еврейского эмигранта А. Беркмана на американского миллионера Г. Фрика и анархистские беспорядки в Чикаго в апреле 1892 года¹³⁵, акцентировали внимание американцев на образе русско-еврейского эмигранта как носителя чуждых политических идей, представлявших угрозу американским политическим идеалам. И это стало дополнительным аргументом для нейтивистов¹³⁶.

Новый всплеск русско-еврейской эмиграции в начале 1890-х годов, как следствие очередного витка дискриминации в Российской империи, вызвал нараставшее беспокойство в США и стал поводом для обсуждения вопроса о перспективах русско-еврейской эмиграции в целом.

В 1893 году на страницах *The Washington Post* развернулась полемика между сенатором У. Чэндлером и одним из лидеров американского еврейства С. Вольфом. Сенатор-республиканец обвинял первую администрацию демократа Г. Кливленда в поощрении иммиграции, и прежде всего еврейской, объявлял русско-еврейских эмигрантов «нежелательными» и ратовал за принятие ограничительного закона. Вольф париловал, что как христианин и американец Чэндлер игнорирует основополагающие принципы, ставшие предметом гордости американского народа. Может ли Америка захлопнуть двери перед жертвами насилия и произвола, коими являются русские евреи? Ведь они — не столько добровольные эмигранты, сколько беженцы, вынужденные искать в Соединенных Штатах спасение от политики антисемитизма. На новом месте русско-еврейские эмигранты стремятся к ассимиляции и становятся патриотами приютившей их страны. Они пополняют ряды рабочего класса и способствуют развитию американской индустрии, а, следовательно, не представляют никакой угрозы для американцев. В ответ Чэндлер обвинил оппонента, а заодно и барона Хирша, в поощрении русско-еврейской эмиграции и предупредил жителей Нью-Йорка об очередном нашествии евреев из России¹³⁷.

Таким образом, внутренняя политика имперской России стала создавать проблемы для ситуации в самих Соединенных Штатах, а представители дискриминируемого еврейского меньшинства, оказавшись по другую сторону Атлантики, выступали в роли носителей откровенно негативного образа покинутой ими страны, оставаясь в то же время объектом критики со стороны рестрикционистов.

Русские евреи в Америке: как они жили

У. Чэндлер, о котором речь шла выше, акцентировал внимание на одном из главных обвинений в адрес русских евреев-эмигрантов: создание «еврейских городов», живущих обособленной жизнью внутри американского социума и бросающих ему вызов своим стремлением к сохранению «инаковости».

Жизнь еврейского гетто Нижнего Ист-Сайда Нью-Йорка, где селились русские евреи-эмигранты, приезжавшие в США в погоне за американской мечтой, оказалась в центре внимания американских реформаторов-прогрессистов, журналистов и публицистов.

Стоило углубиться в восточную часть о. Манхэттен и по уличному жаргону, по вывескам на дверях магазинов, по лицам, манерам и одежде людей, по ресторанам, где предлагалась кошерная пища, по обилию синагог и еврейских школ, наконец, по огромному рынку литературы на идиш можно было безошибочно догадаться о том, в каком этническом квартале вы находитесь.

Американцы получили возможность ближе познакомиться с миром «еврейского города» и жизнью его обитателей благодаря многочисленным статьям в нью-йоркской прессе Джэкоба Риса, Хатчинса Хэпгуда и Абрама Кагана. Первые два были американцами, последний — русско-еврейским эмигрантом. Их всех объединял неподдельный интерес к жизни еврейского квартала и судьбе русского еврея в США. Все они имели богатый журналистский опыт, сотрудничали с ведущими журналами Нью-Йорка и Бостона и затем обобщили свои наблюдения в отдельных книгах: публицистических, как Рис и Хэпгуд, или художественных, как Каган.

Джэкоб Рис, американский журналист и прогрессивный общественный деятель, прославился благодаря своим репортажам о жизни нью-йоркских бедных кварталов, историями о том, «how the other half lives» («как живет другая половина») ¹³⁸. Городские трущобы (slums) превратились в одну из «социальных болезней» американского общества в конце XIX века, и именно иммигрантам вменялось в вину создание подобных районов в крупных урбанистических центрах Атлантического побережья. Ну а «еврейский город» Нижнего Ист-Сайда в то время, когда Рис начал публиковать свои статьи, был классической трущобой. В качестве репортера сначала *The New York Tribune*, а затем *The New York Evening Post* Рис обследовал иммигрантские кварталы Нью-Йорка, рассказывая о нищете, болезнях, антисанитарных условиях жизни, преступности, каторжном каждодневном труде их жителей. Он представил мрачно-реалистическое описание еврейского гетто Нью-Йорка, которое стало классическим и было тиражировано на страницах прессы ¹³⁹.

Картина, созданная Рисом, отражала реалии еврейского квартала Нижнего Ист-Сайда с его многоквартирными перенаселенными домами (tenements), трудом в потогонных мастерских (sweat shops), буднями торговли вразнос, с его падением нравов и разлагающим влиянием улицы, с его физическим истощением и духовной деградацией. Именно такому гетто Рис объявил «войну» в своих публикациях и выступлениях, призывая оказать содействие и помощь жителям трущоб Нью-Йорка, прежде всего детям. Он верил в детей еврейских иммигрантов, которые тянулись к знаниям и становились первыми учениками в публичных школах и колледжах, также отдавая должное стремлению их родителей превратиться в достойных граждан приютившей их страны. Не забывал Рис писать и о самом низком уровне смертности в городе, несмотря на самый высокий уровень заболеваемости, объясняя это отсутствием пьянства среди евреев, их социальными и религиозными обычаями. Своими выступлениями прогрессивный журналист добился реальных результатов: улучшения системы водоснабжения в трущобах, принятия мер по защите детского труда, создания игровых площадок для детей, открытия классов для девочек и мальчиков, а также клубов, где желающие могли проводить свободное время. Но главное, его деятельность способствовала реализации плана по реконструкции старых tenements¹⁴⁰.

Русский еврей, представленный Дж. Рисом, был жителем еврейской трущобы, которую лучше бы было полностью реконструировать или, в крайнем случае, сделать районом более здоровым и благополучным. Он оказывался среди тех, кто попадал в орбиту внимания полицейского управления, департамента здравоохранения, филантропических организаций, становился частью того «другого», «неамериканского» мира, оставаясь обитателем «Jewtown».

Иное по духу описание гетто и иной образ русского еврея возникло под пером журналиста Хатчинса Хэпгуда, посвященного в тайны еврейского квартала Абрамом Каганом. Эти два человека стали друзьями, и один изнутри, а другой извне — смогли увидеть сходные процессы, происходившие в «еврейском городе» Нью-Йорка. В 1902 году вышла публицистическая книга Хэпгуда «Дух гетто»¹⁴¹. Она была написана на основе статей, появившихся в 1898–1902 годы в ведущих нью-йоркских и бостонских журналах, но, прежде всего, опубликованных на страницах нью-йоркской газеты *The Commercial Advertiser*.

Во время работы в штате этой газеты Хатчинс Хэпгуд как раз и познакомился с Абрамом Каганом. С 1897 года газета выходила под редакцией будущего знаменитого макрейдера¹⁴² Линкольна Стеффенса, который начинал свою журналистскую карьеру как репортер раздела полицейской хроники в газете *The New York Evening Post*. Стеффенс

обновил состав сотрудников, принцип отбора материала, а также способ подачи новостей. На рубеже XIX–XX веков *The Commercial Advertiser* уделяла повышенное внимание описанию жизни еврейского квартала Нью-Йорка, а друзья главного редактора шутили, что он стал более евреем, чем сами евреи¹⁴³.

Представитель американского социума и нееврей Хэпгуд, по признанию Кагана, уловил дух гетто, не идеализируя и не демонизируя его обитателей, не игнорируя темных сторон жизни еврейских иммигрантов, но параллельно не забывая подчеркнуть, сколь она разнообразна: от торговли вразнос и тяжелых будней в sweat shops до напряженных интеллектуальных споров в маленьких кафе и блестящих театральных постановок.

В историях Хэпгуда о русских евреях представлены яркие коллективные портреты русско-еврейских эмигрантов: приверженцев старых традиций, обращенных в прошлое; юношей, которые, испытывая воздействие ортодоксальных взглядов предков, социалистической идеологии и американского окружения, вырываются в новый для них мир; еврейских женщин «старого» и «нового» типа; интеллектуалов Ист-Сайда, радикальных в своих политических взглядах, а по пристрастиям и литературным идеалам в большей степени напоминающих европейцев, чем американцев. Но в то же время в этих рассказах, написанных беспристрастно и со знанием дела, без комизма, гротеска или стремления поразить воображение читателя экзотикой, преобладали портреты индивидуальные, герои с именами собственными. Писатели и поэты, ученые-талмудисты и философы, артисты и театральные критики, издатели газет и журналисты воплощали дух еврейского мира Ист-Сайда с его совершенно особой идишитской субкультурой. Причем само гетто, находившееся в процессе непрерывного изменения, позволяло, как представлялось Хэпгуду, по-новому взглянуть на проблемы, существовавшие внутри американского социума в целом¹⁴⁴.

Собственно, это была история о самих американцах, а не о том, как живут «другие», рассказанная Рисом. Хотя «еврейский город» последнего и гетто Хэпгуда совпадали географически, они различались по духу и по оценке перспектив взаимодействия эмигрантского сообщества с обществом американским. Образ жителей нью-йоркских трущоб, созданный Рисом, прекрасно укладывался в ту картину мировосприятия, которая формировалась в период Третьего Пробуждения в США с его «Социальным Евангелием» (Social Gospel). Это был евангелизм социальных реформаторов — покровительствующий и в сущности далекий от понимания внутреннего мира того, кто становился объектом мессианского порыва¹⁴⁵. Хэпгуду, в свою очередь, было важно подчеркнуть как раз другое: восприимчивость жителей гетто к влиянию внешнего

окружения, когда это окружение было цивилизованным; процесс разрушения «границ» еврейского мира, готового к взаимодействию с миром американским. В результате конструировался образ русско-еврейского эмигранта, пусть и не столь узнаваемый, как тот, что стал типичным на страницах газет и журналов, но принципиально значимый для американского общества, обеспокоенного «новой иммиграцией» и искавшего в ней выражение «чужого», «неамериканского».

Стопроцентный американец и нееврей Хатчинс Хэпгуд сумел постичь смысл бытия Нижнего Ист-Сайда, так как в качестве гида выбрал русско-еврейского эмигранта Абрама Кагана, писателя, политического и общественного деятеля, оказавшего заметное влияние на развитие еврейской прессы и рабочего движения в Соединенных Штатах. Каган родился в семье меламеда в Виленской губернии и эмигрировал в Америку в 1882 году, спасаясь от политических преследований. Он прибыл в Нью-Йорк, имея 40 рублей в кармане, поселился в еврейском квартале, где зарабатывал на жизнь нелегким трудом в sweat shops, изучал английский язык в вечерней школе, увлекся рабочим вопросом и принял участие в создании первых еврейских профессиональных союзов. С 1897 по 1902 год Каган сотрудничал в *The Commercial Advertiser*, а с 1903 года стал главным редактором социалистической газеты *Forward*, вышедшей на идиш¹⁴⁶.

Из русских иммигрантов конца XIX — начала XX века Каган приобрел наибольшую известность в американских литературных кругах благодаря своим произведениям о жизни русских евреев в Нью-Йорке. Он знал ее изнутри и описывал столь мастерски и правдиво, что писатель, литературный критик и поборник реалистического искусства в США Уильям Дин Хоуэллс приветствовал Кагана как своего коллегу по направлению¹⁴⁷.

В опубликованной на английском языке повести «Иекл», а затем в вышедшем сборнике коротких рассказов¹⁴⁸ обобщается социально-культурный опыт, накопленный эмигрантским сообществом в целом и лично автором к началу XX века, когда в самой жизни русско-еврейских эмигрантов обозначились позитивные изменения.

В «ист-сайдских историях» Кагана, как в тех, что были опубликованы отдельными изданиями, так и в тех, что появлялись на страницах нью-йоркских журналов, в его написанных для *The Commercial Advertiser*, *The New York Sun* и *The New York Evening Post* скетчах представлена яркая и запоминающаяся галерея портретов жителей гетто. Это, кроме всего прочего, был рассказ о том, как работал «плавильный котел» гетто, что делало его интересным англосаксонскому читателю. Каган не использует сам термин «the melting pot», однако то, как он обрисовывает жизнь

еврейского квартала и проводит психологический анализ, позволяет ему создать образ гетто — «плавильного тигля».

Термин «плавильный котел» вошел в американскую общественно-политическую практику в начале XX века. Как известно, он был связан с названием пьесы английского еврея, журналиста и драматурга И. Зангуилла, написанной им после посещения еврейского Нью-Йорка¹⁴⁹. А его гидом в путешествии по «еврейскому городу» стал уже упоминавшийся редактор *The Commercial Advertiser* Л. Стеффенс, с которым сотрудничал А. Каган¹⁵⁰.

В то время, когда в американском обществе возникла тревога по поводу создания итальянцами и евреями этнических кварталов в городах Атлантического побережья, в своих повестях и рассказах Каган наглядно показывал, что еврейское гетто не мешало работе американского тигля. Более того, именно там она и начиналась, в этом своеобразном социокультурном котле. Ведь гетто оказывалось местом, где происходил процесс адаптации основной массы еврейских эмигрантов к новым условиям жизни¹⁵¹.

Американцы не без участия Риса, Хэпгуда, Кагана¹⁵² начали проявлять повышенный интерес к «темным» и «светлым» сторонам жизни еврейского гетто, которое переставало быть для них «чужим» миром за семью печатями. А вопрос о судьбе русско-еврейских эмигрантов прочно интегрировался в более широкий американский общественно-политический дискурс, связанный с обсуждением проблемы национальной идентичности. Причем вне зависимости от того, каким иммигрантом признавался русский еврей — «нежелательным» или «желательным», сам по себе иммиграционный аспект «еврейского вопроса» способствовал «демонизации» образа России — империи национально-религиозного гнета, создающей своей «варварской, средневековой политикой» проблемы для других стран. При этом рестрикционисты подчеркивали угрозу для американских институтов и традиций, исходящую от выходцев из политически отсталых стран, а сторонники либерального иммиграционного законодательства закрепляли представления о евреях-изгнанниках, все недостатки которых есть следствие их жизни там, в России, а здесь, в Соединенных Штатах, превращавшихся в примерных граждан. Этим лишний раз подтверждалась мысль о том, сколь деспотическим, отсталым и недалеким являлся режим страны, вынуждавший эмигрировать лучшую часть населения, хотя не снимало беспокойства в связи с ростом русско-еврейской эмиграции в целом, так как ее массовый характер замедлял процесс ассимиляции. В любом случае политический режим Российской империи становился источником проблем самих американцев.

С середины 1890-х годов под влиянием информации о кризисных явлениях в экономике США, а также в связи с надеждами на отказ от политики реакции в царствование Николая II произошел временный спад русско-еврейской эмиграции¹⁵³. Новое звучание эта проблема получит в условиях второго массового исхода русских евреев после Кишиневского погрома и погромной волны периода революции 1905 года.

В 1894 году в США завершился и первый этап «движения за свободную Россию», частью которого стали выступления с критикой политики антисемитизма и национально-религиозного гнета в Российской империи. Однако «еврейский вопрос» во второй половине 1890-х годов оставался важной частью общественно-политического дискурса о России в целом вследствие развития «паспортного конфликта».

Американские евреи как объект дискриминационной политики русского царя

В связи с выселением евреев из Москвы и Московской губернии и информацией о подготовке нового дискриминационного закона в России, в Конгрессе США в начале 1890-х годов активизировалось обсуждение прав американских евреев, посещавших ее территорию. На имя президента последовали новые запросы с просьбой представить всю переписку госдепартамента и американских дипломатов в С.-Петербурге по данной проблеме с учетом интерпретации содержания Русско-американского торгового договора 1832 года. Причем текст резолюций, принятый в обеих палатах федерального законодательного органа, становился все более жестким. Достаточно вспомнить предложение конгрессмена от штата Огайо Дж. И. Дунгана прервать дипломатические отношения между странами¹⁵⁴. Официальный Вашингтон не мог представить новой информации по «еврейскому вопросу», неизменно следуя избранной линии на защиту прав граждан США иудейского вероисповедания вне зависимости от их происхождения, а вот официальный С.-Петербург внес коррективы в свою позицию. Они стали поводом для «визового скандала», положившего начало «паспортному конфликту», который осложнял отношения двух стран вплоть до Февральской революции 1917 года.

В 1893 году натурализованная гражданка США русского происхождения М. Лерин не смогла въехать на территорию России с целью посетить своих родителей, так как российский генеральный консул в Нью-Йорке А. Е. Оларовский по указанию из МИДа отказался поставить визу в ее американский паспорт на том основании, что Лерин — еврейка. Этот случай актуализировал «паспортный вопрос» и стал первым в длинном ряду конфликтов по поводу практики тестирования американцев,

посещавших Россию по своим частным делам, на предмет их вероисповедания. Так правительство Александра III стремилось оградить себя от наплыва «нежелательных элементов». Действия русских консулов были восприняты и на официальном, и на общественном уровнях как нарушение законов и традиций США. Впервые представитель иностранного государства проводил тест на вероисповедание среди американских граждан на территории Соединенных Штатов, бросая тем самым вызов одному из основополагающих принципов Конституции.

По поручению госдепартамента посланник Э. Д. Уайт обратился в МИД России¹⁵⁵ и составил уже упоминавшуюся депешу по «еврейскому вопросу». Однако основные переговоры с министром иностранных дел А. Б. Лобановым-Ростовским и главой Департамента внутренних сношений МИД Ф. Р. Остен-Сакеном вели посланник США в России К. Р. Брекинридж и временный поверенный в делах американской миссии Г. Д. Пирс.

В очередной раз стороны пытались обосновать свои позиции. Госдепартамент обвинял правительство России в том, что оно, во-первых, присваивает себе право проводить религиозное тестирование на американской территории, демонстрируя тем самым полное пренебрежение к документам, подтверждающим факт гражданства США; во-вторых, нарушает ст. 1 торгового договора, которая должна обеспечивать равноправие всем гражданам США, приезжающим в Российскую империю по коммерческим делам, и ст. 10 того же договора, разрешающую американцам въезд на территорию империи для урегулирования своих частных дел. Со своей стороны, министерство иностранных дел подчеркивало, что притеснения евреев в России объясняются мерами экономического характера и основаны не на религиозном, а на расовом (национальном) принципе, а такая дискриминация существует и в Соединенных Штатах; что царское правительство следует букве и духу договора 1832 года и не может поставить американских евреев в более привилегированное положение по сравнению с евреями своей страны; что действия русских консулов объясняются законами Российской империи, которые обязательны для всех иностранцев, а вовсе не желанием нарушить американскую Конституцию. Более того, как подчеркивал С.-Петербург, русские консулы, отказывая в визе американцам иудейского вероисповедания, тем самым предостерегали их от опасностей, угрожавших при въезде на территорию России¹⁵⁶.

Несмотря на усилия, предпринятые госдепартаментом, практика религиозного тестирования осталась в силе. Единственным результатом переговоров на межгосударственном уровне стало введение правила регулярного обмена текстами законодательных актов, посредством

которых осуществлялась национально-конфессиональная политика в обеих странах.

Переписка по вопросу о визировании паспортов натурализованных граждан США иудейской веры была, естественно, опубликована и стала достоянием общественности. Проблема активно обсуждалась на страницах американских газет, добавляя изрядную долю темных красок в палитру представлений о России¹⁵⁷. Много шума наделал случай Адольфа Кутнера в 1897 году. Известный бизнесмен из Сан-Франциско не смог получить разрешение на посещение своих родственников в Российской империи на том основании, что он еврей. Дело слушалось в Сенате и послужило толчком для нового всплеска антирусских настроений в Соединенных Штатах на исходе XIX века¹⁵⁸.

* * *

В 1880–1890-е годы «еврейский вопрос» занял одно из центральных мест в российско-американских отношениях и в репрезентациях американцев, хотя и вызвал их неоднозначную реакцию.

В представлениях подавляющего большинства граждан США русский антисемитизм превращался в символ политики религиозной нетерпимости, проводимой государством и характерной для недостаточно цивилизованных стран, например, Османской империи. В итоге при конструировании образа России в контексте «еврейского вопроса» широко использовалась оппозиция «варварство—цивилизация», «средневековье—современность», а сама Российская империя начинала смещаться на азиатскую периферию мирового развития. Антисемитизм становился одним из маркеров отсталости России, так как для протестантов англосаксонского происхождения свобода вероисповедания была одним из ключевых условий прогресса.

Дело не обходилось без преувеличений, публикации в прессе непроверенных данных и стремления к излишней «демонизации» образа России. Русские дипломаты усматривали в этом «происки Лондона» и последствия «еврейской агитации». Не будем отрицать, что и первое, и второе имело место, но не давало беспристрастного и полного ответа на вопрос, почему американцы оказались готовы воспринимать эту информацию.

Объяснения нужно искать в том значении, которое приобрел «еврейский вопрос» в российско-американских отношениях в конце XIX века с учетом реалий развития самих Соединенных Штатов. Во-первых, начиная с 1880-х годов, реакция на проявление антиеврейского насилия в России становится важным смысловым кодом в конструировании ее образа в целом. Во-вторых, русско-еврейские эмигранты вливались

в состав «новой иммиграции», а спор об их судьбе — в более широкий общественно-политический дискурс по проблеме национальной идентичности с характерными для викторианской идеологии расовыми страхами и предрассудками, что добавляло прагматических аргументов в риторику американских критиков политики антисемитизма. Причем вне зависимости от отношения к русско-еврейским переселенцам (признавались ли они «нежелательными» иммигрантами, перед которыми необходимо было захлопнуть дверь в США, так как русские евреи были носителями негативных черт, свойственных их расе и всем русским как подданным политически отсталой страны; или воспринимались в качестве жертв религиозных гонений, беженцев в землю Свободы и Равенства, которые неизбежно изменятся в новых условиях и станут примерными гражданами приютившей их страны) иммиграционный аспект «еврейского вопроса» вызывал беспокойство в американском обществе и способствовал негативизации образа России. В-третьих, объектом дискриминации становились американские евреи, приезжавшие на ее территорию. А это уже создавало почву для выступлений против нарушений гражданских прав самих американцев, как рожденных в США, так и натурализованных. В свою очередь, отсутствие договора о натурализации приводило к трениям на межгосударственном уровне и акцентировало внимание на нежелании русского царя, опять же подобно турецкому султану, следовать современным нормам международного права в отношении к своим подданным. Таким образом, иммиграционный и паспортный аспекты «еврейского вопроса» оказывались напрямую связаны с интересами самих американцев.

Реакция на дискриминацию русских евреев, наряду с критикой в адрес политики по отношению к другим религиозным меньшинствам, позволяла американскому обществу продемонстрировать свою приверженность принципу свободы совести и готовность к международным действиям по его защите. В ходе митингов протестов, общественных выступлений тех, кто стал очевидцами произвола, царившего в Российской империи, на страницах газет и журналов, в стенах Конгресса выработывалась та мессианская риторика, которая станет неотъемлемой частью американского дискурса о России, превращавшейся в объект миссии США по реформированию мира. Эта идея будет артикулирована в США еще до начала движения «друзей русской свободы» как реакция на еврейские погромы. Затем она получит свое развитие в ходе первого «крестового похода» американцев за создание Свободной России, начавшегося в конце 1880-х годов.

В то же время позиция, озвученная в 1891 году госсекретарем и Президентом США по вопросу о еврейской иммиграции, укрепляла

мессианские настроения участников общественных, религиозных и филантропических движений и вселяла надежду на готовность Вашингтонской администрации к осуществлению шагов в духе гуманитарной дипломатии, особенно в случаях, когда они могли быть подкреплены прагматическими соображениями.

Интерес к «еврейскому вопросу» актуализировался посредством проведения аналогий между политикой антисемитизма в России и расовой дискриминации в США. Они использовались политическими и общественными деятелями, журналистами и карикатуристами с различными целями и свидетельствовали об ощущении дискомфорта в то время, когда американцы переживали период расовых смут и роста нейтивистских настроений. Одни проводили эти сравнения, дабы подчеркнуть проблемы в собственном доме и обратить внимание на лицемерие критиков политики антисемитизма в России. Другие для того, чтобы, следуя расовым предрассудкам, показать одинаковую сложность решения сходных вопросов. Третьи — пытались отвлечь внимание от этих проблем и преодолеть сомнения в праве Америки служить «маяком для всего человечества», а американцев — вести борьбу с несправедливостью как внутри собственной страны, так и далеко за ее пределами. Если до отмены крепостного права в России и рабства в США излюбленным приемом было проведение аналогий между положением русских крестьян и темнокожих невольников, то теперь — между положением русских евреев, с одной стороны, афроамериканцев, индейцев и китайских иммигрантов — с другой. Данный ракурс восприятия свидетельствовал о той роли, которую русский «Другой» играл в американском дискурсе идентичности в рассматриваемый период.

Позиция американского общества (как его еврейской части, так и христианской) не была лишена противоречий. И дело здесь не только в том, что, критикуя дискриминацию русских евреев, американцы выражали беспокойство по поводу их эмиграции в США, как верно заметил Н. Сол¹⁵⁹, но и в том, что своими шумными и резкими выступлениями они стимулировали эту эмиграцию, ставшую ярким подтверждением бедственного положения российского еврейства. Нельзя забывать и об антисемитизме, характерном для данной эпохи и отличавшем позицию нейтивистов. В более широком плане объяснение этих противоречий следует искать в характерном для американского мировосприятия в целом соединении прагматизма и идеализма.

В межгосударственных отношениях «еврейский вопрос» начал создавать трения в связи с массовым исходом русских евреев и «паспортным конфликтом». Однако никаких шагов в духе гуманитарной дипломатии предпринято не было. Вашингтон стремился к сохранению

дружественных отношений с С.-Петербургом. В 1901 году госдепартамент признался в своем бессилии сделать что-либо в «паспортном вопросе» и предупредил американских евреев о возможных последствиях поездок в Российскую империю¹⁶⁰. На общественном уровне к «исторической дружбе» апеллировали как критики политики антисемитизма, так и сторонники невмешательства в «еврейский вопрос». С этим фактором придется столкнуться и организаторам американского «движения за свободную Россию». Для использования антирусских настроений на официальном уровне и интеграции идеологического фактора во внешнюю политику США время еще не пришло.

С конца 1880-х годов выступления против политики антисемитизма стали важной дополняющей первого американского «крестового похода» за либерализацию России, хотя «еврейский вопрос» ни тогда, ни в последующем не потерял своего самостоятельного значения в российско-американских отношениях. Более тесное взаимодействие между представителями американо-еврейской общины и «друзьями русской свободы» в США установятся в начале XX века после Кишиневского погрома.

Примечания

¹ Статья основана на материалах одной из глав книги «Понимание России в США: образы и мифы» (М.: РГГУ, 2012). См. также рецензию на книгу: *Обухова-Зелиньска И.* О понимании России и русских евреев в США // Русские евреи в Америке (далее — РЕВА). Кн. 10 / Ред.-сост. Э. Звльцберг. Торонто; СПб., 2015. С. 296–311.

² См.: *Будницкий О. В.* Российские евреи между красными и белыми. 1917–1920. М., 2005. С. 52–53; *Rogger, H.* Russian Ministers and the Jewish Question, 1881–1917 // *California Slavic Studies*. 1975. Vol. 8. P. 15–22.

³ *Pogroms: Anti-Jewish Violence in Modern Russian History*. Cambridge, 1992. P. 39.

⁴ Наиболее масштабные погромы произошли: в 1881 г. — в Елисаветграде, Одессе, Киеве, Варшаве; в 1882 г. — в Балте; в 1883 г. — в Екатеринославе. В июне 1884 г. в Нижнем Новгороде случился последний погром начала 1880-х гг. Об этом подробнее см.: *Pogroms*. P. 40–134.

⁵ В более ранний период еврейские погромы имели единичный характер и возникали в основном на почве конкуренции между евреями и греками в Одессе. См.: *Klier, J. D.* The Pogrom Paradigm in Russian History // *Pogroms*. P. 15–18.

⁶ *Миллер А.* Империя Романовых и национализм: Эссе по методологии исторического исследования. М., 2006. С. 136–139.

⁷ *Собрание узаконений и распоряжений правительства за 1882 г.* СПб., 1882. № 43. Ст. 272. Исключения допускались только в отношении существовавших до 1882 г. еврейских земледельческих колоний.

⁸ Впервые проект конвенции о натурализации был предложен американской стороной в 1867 г. В начале 1870-х гг. госдепартамент вновь акцентировал внимание на необходимости подписания специального соглашения. Однако, несмотря на начавшиеся переговоры, этого сделать не удалось вследствие разного подхода двух государств к институту гражданства. См.: Архив внешней политики Российской империи (далее — АВПРИ). Ф. Посольство в Вашингтоне. Оп. 512/1. Д. 27. Л. 23–24; см. также: *Куропятник Г. П.* Россия и США. М., 1981. С. 229–234.

⁹ С 1871 по 1880 г. в США прибыла 41 тыс. евреев-эмигрантов из России. См.: *Форнберг К.* Еврейская эмиграция. Опыт статистического исследования. Киев, 1908. С. 17. Известный демограф Я. Лещинский называет цифру в 50 тыс. См.: *Frankel, J.* Prophecy and Politics: Socialism, Nationalism and the Russian Jews, 1862–1917. Cambridge, 1981. P. 50.

¹⁰ Дипломатическая переписка по данному вопросу опубликована: *Papers Relating to the Foreign Relations of the United States* (далее — FRUS). Vol. 36. Washington, 1880. P. 874–882; Vol. 37. Washington, 1882. P. 990–993, 996–1005; *With Firmness in the Right. American Diplomatic Action Affecting Jews. 1840–1945* / Ed. by C. M. Adler, A. M. Margalith. N. Y., 1946. P. 179–193.

¹¹ В ст. 1 говорилось, что жителям договаривающихся государств «не воспрещено будет останавливаться <...> и проживать везде в упомянутых владениях, где им по делам их будет надобность; <...> они ограждены будут той же самой безопасностью и покровительством <...> с тем, однако же, что они подчинены будут существующим там законам и учреждениям» (цит. по: Собрание ныне действующих торговых трактатов России с иностранными государствами. СПб., 1877. С. 187).

¹² Позиция вашингтонской администрации отражена в инструкции Дж. Г. Блейна Дж. У. Фостеру от 29 июля 1881 г., копия которой была передана Н. К. Гирсу (FRUS. Vol. 37. P. 1030–1036). В своем ответе Н. К. Гирс еще раз обозначил подход русской стороны (Ibid. P. 1036–137).

¹³ Дж. У. Фостер — Дж. Г. Блейну, 24 мая 1881 г. // *National Archives and Record Service* (далее — NARS). Record Group (далее — RG) 59. *Dispatches from the United States Ministers to Russia* (далее — DUSMR). M. 35. R. 35; Дж. Г. Блейн — временно поверенному в делах американской миссии У. Хоффману, 23 ноября 1881 г. // NARS. RG 59. *Diplomatic Instructions of the Department of State, Russia* (далее — DIDS). M. 77. R. 138. P. 251–252; У. Хоффман — Дж. Г. Блейну, 13 декабря 1881 г. // NARS. RG 59. DUSMR. M. 35. R. 36. См. также: *With Firmness in the Right*. P. 205–207.

¹⁴ Об этом подробнее см.: *Szajkowski, Z.* The European Aspect of the American-Russian Passport Question // *Publications of the American Jewish Historical Society* (далее — PAJHS). 1956–1957. Vol. 46, № 1–4. P. 86–100.

¹⁵ В результате общественного движения за ограничение китайской иммиграции, во главе которого стояли власти Калифорнии и рабочие организации США, в мае 1882 г. был принят первый в истории страны «исключительный закон», запрещающий на 10 лет въезд китайских иммигрантов на территорию Соединенных Штатов.

¹⁶ *Foster, J. W.* Diplomatic Memoirs. In 2 vols. Boston; N. Y., 1909. Vol. 1. P. 163–167.

¹⁷ См., например, инструкцию У. М. Эвартса Дж. У. Фостеру от 3 марта 1881 г. // FRUS. Vol. 37. P. 1007.

¹⁸ См., например: *The New York Tribune*. Jan. 21, 23, 24, 29; Feb. 2, 1881; *The New York Times*. May 11, 13, 1881; May 19, 1882. См. также статью по поводу погрома в Екатеринославе в *The New York Times* от 26 августа 1883 г.

¹⁹ АВПРИ. Ф. Канцелярия. Оп. 470. Д. 105. 1882 г. Л. 20–23, 46–50, 53–54; *The New York Times*. Feb. 2, 16, 1882; *The Evening Post*. Feb. 1, 1882; *The Philadelphia Chronicle*. Feb. 19, 1882; *The Commercial Advertiser*. March 15, 1882; *Harper's Weekly*. Feb. 11, 1882. Впечатления о митингах см. также: *Петриковский И. М.* В Америку! Из памятной книжки студента-эмигранта. Киев, 1884. С. 32–34.

²⁰ *The New York Times*. Feb. 3, 1882.

²¹ Подборку газетных статей из *The New York Herald* см.: АВПРИ. Ф. Посольство в Вашингтоне. Оп. 512/1. Д. 6. Л. 3–5.

²² *The Outrages in Russia // Century*. 1882. April. P. 949.

²³ Метафора «стеклянного дома» с этого времени будет неизменно использоваться при конструировании образа России, отсылая американцев к английской пословице: «Живущий в стеклянном доме не должен бросать в других камни», т. е. не следует осуждать кого-то, если ты и сам небезупречен.

²⁴ *Bailey, T. A. America Faces Russia: Russian-American relations from Early Times to Our Day*. Ithaca; New York, 1950. P. 125.

²⁵ *The New York Sun*. May 22, 1883.

²⁶ Об этом см.: *Shankman, A. Brothers Across the Sea. Afro-Americans on the Persecution of Russian Jews, 1881–1917 // Jewish Social Studies*. 1975. Vol. 27, № 2. P. 114–121.

²⁷ *Congressional Record*. 47th Congress. 1st Session. Vol. 13. Part 1. P. 645, 738; Part 2. P. 1240, 1258, 1326, 1367, 1628, 1647; Part 3. P. 2026, 2044, 2096, 2141; Part 7. P. 6691.

²⁸ См., например: *Congressional Record*. 47th Congress. 1st Session. Vol. 13. Part 7. Appendix. P. 651–658; *The Miscellaneous Documents of the House of Representatives for the Second Session of the 49th Congress*. 1886–1887. Washington, 1887. Mis. Doc. № 42; *FRUS*. Vol. 41. Washington, 1886. P. 655–657.

²⁹ АВПРИ. Ф. Канцелярия. Оп. 470. Д. 137. 1883 г. Л. 40–40 об.

³⁰ *Congressional Record*. 48th Congress. 1st Session. Vol. 15. Part 1. P. 279; Part 6. P. 5798; 49th Congress. 2nd Session. Vol. 18. Part 1. P. 288.

³¹ Ф. Т. Фрелингхайзен — У. Хоффману, 15 апреля 1882 г. // *FRUS*. Vol. 38. Washington, 1883. P. 451.

³² *American Jews in Russia // The New York Times*. May 19, 1882.

³³ К. В. Струве — Н. К. Гирсу, 30 апреля/12 мая, 7/19 мая 1882 г. // АВПРИ. Ф. Канцелярия. Оп. 470. Д. 105. 1882 г. Л. 65 об., 133–134. См. также: Л. 153.

³⁴ *Leslie's Weekly*. Feb. 15, 1882.

³⁵ *Hunt, W. H. Condition of Public Affairs and Opinion in Russia and of the Jews in Empire // NARS. RG 59. DUSMR. M. 35. R. 37.*

³⁶ *Hunt, T. The Life of William H. Hunt*. Brattleboro, 1922. P. 271–283; *With Firmness in the Right*. P. 211–214.

³⁷ *Report of the Commissioners of Immigration upon the Causes Which Incite Immigration to the United States // 52nd Congress. House of Representatives. Ex. Doc. 235. Part 1. Washington, 1892. P. 100.*

³⁸ U. S. Immigration Commission, 1907–1910. Reports of the Immigration Commission. Emigration Conditions in Europe. Washington, 1911. P. 280–281.

³⁹ *Прайс Г. М.* Русские евреи в Америке. Очерки из истории жизни и быта русско-еврейских эмигрантов в Соединенных Штатах Северной Америки с 1881 по 1891 г. СПб., 1893. С. 1; *Форнберг К.* Еврейская эмиграция. С. 56; *Бородина Н. А.* Северо-Американские Соединенные Штаты и Россия. Пг.; М., 1915. С. 296; *Маневич И. А.* Эмиграция евреев. М., 1916. С. 1, 20–21.

⁴⁰ Русский еврей. 1882. 29 января С. 161–164; 5 февраля. С. 201–204; 26 февраля. С. 321–325; 4 марта. С. 363–366; 12 марта. С. 404–408; 16 марта. С. 577–581; 26 мая. С. 785–787; 2 июня. С. 824–827. Критика деятельности столичного еврейства дана на страницах журнала *Восход*. См., например: Раздел «Современная летопись. За прошлый год» // *Восход*. 1883. № 3. С. 41–44.

⁴¹ *Kabakoff, J.* The View from the Old World: East European Jewish Perspectives // The Americanization of the Jews. N. Y.; L., 1995. P. 45–46.

⁴² *Перетц Е. А.* Дневник Государственного секретаря. М.; Л., 1927. С. 131.

⁴³ *Форнберг К.* Еврейская эмиграция. С. 17; *Joseph, S.* Jewish Immigration to the United States from 1881 to 1910. N. Y., 1914. P. 93–94.

⁴⁴ *Kuznets, S.* Immigration of Russian Jews to the United States: Background and Structure // American Jewish History. Vol. 3. East European Jews in America, 1880–1920: Immigration and Adaptation (Далее – ЕЕЈА). In 3 Parts. N. Y.; L., 1998. Part 1. P. 39. В. М. Кабузан приводит следующие данные: 1881–1890 гг. – 154,4 тыс. чел. (77,2 % от общего числа еврейских иммигрантов, прибывших в США); 1891–1900 гг. – 234,2 тыс. чел. (78,1% от общего числа еврейских иммигрантов, прибывших в США): *Кабузан В. М.* Эмиграция и реэмиграция в России в XVIII – начале XX века. М., 1998. С. 144.

⁴⁵ Второе место занимали галицийские евреи, выходцы из Австро-Венгрии (17,9%), третьи – румынские (4,3%).

⁴⁶ Из полутора миллионов переселенцев, въехавших в Нью-Йорк между 1881 и 1911 гг., в городе осталось 70%. См.: *Simon, R. J.* In the Golden Land. A Century of Russian and Soviet Jewish Immigration in America. Westport; L., 1997. P. 23–24.

⁴⁷ См.: *Петриковский И. М.* В Америку! С. 135–137, 238–239; *Прайс Г. М.* Из воспоминаний эмигранта // *Восход*. 1891. № 4–9. С. 9–18; *Соколовский С.* Нью-йоркские впечатления // *Восход*. 1882. № 11–12. С. 83–84; *Maschbir, E.* От Брод до Нью-Йорка. Из дневника русско-еврейского эмигранта // *Восход*. 1882. № 6. С. 13–17; Нью-йоркские корреспонденции А. Кагана // *Русский еврей*. 1, 7, 14, 28 октября, 30 декабря 1882. См. также: *The New York World*. June 5, July 15, 1882; *Pollak, G.* Michael Heilprin and His Sons. A Biography. N. Y., 1912. P. 205–220. О деятельности ХЕАС см. также: *Osofsky, G.* The Hebrew Emigrant Aid Society of the United States (1881–1883) // *PAJHS*. 1960. Vol. 49. P. 173–187; *The Russian Jew in the United States*. Philadelphia, 1905. P. 64, 76–77.

⁴⁸ См. подшивки *Русского еврея* и *Восхода* за 1882–1883 гг.

⁴⁹ Для начала 1880-х гг. исследователи называют цифру в 29%, для периода 1880–1890-х гг. в целом – 15–20%. См.: *Sarna, J. D.* The Myth of No Return: Jewish Return Migration to Eastern Europe, 1881–1914 // ЕЕЈА. Part 1. P. 172.

⁵⁰ АВПРИ. Ф. Посольство в Вашингтоне. Оп. 512/1. Д. 110. Л. 19–19 об.

⁵¹ Уголовное уложение. СПб., 1903. Ст. 188, п. 3; Уложение о наказаниях уголовных и исправительных. СПб., 1909. Ст. 325.

⁵² См., например: *The New York Times*. May 25, 1890; *Wallis, W. S. A Russian Incident: 1894–1897* // PAJHS. 1949. N 39. P. 67–86. Обо всех случаях ареста натурализованных американских граждан русского происхождения см.: *Expatriation: Law of Russia // A Digest of International Law / Ed. by J. V. Moore*. Vol. 3. Washington, 1906. P. 622–656.

⁵³ АВПРИ. Ф. Канцелярия. Оп. 470. Д. 137. 1883 г. Л. 68–72.

⁵⁴ Ф. Т. Фрелинхайзен — У. Г. Ханту, 22 декабря 1883 г., 17 января 1884 г. // NARS. RG 59. DIDSR. M. 77. R. 138.

⁵⁵ АВПРИ. Ф. Посольство в Вашингтоне. Оп. 512/1. Д. 27 «Naturalization. Принятие американского гражданства». В особенности: Л. 7–22; Ф. Отчеты МИД. Оп. 135. Отчет МИД за 1887 г. Л. 107 об.–108 об. Обсуждение нового закона о подданстве см.: *Журнал министерства юстиции*. 1895. № 10. С. 111–120.

⁵⁶ См., например: *The Washington Post*. July 13, 1896.

⁵⁷ С 1881 по 1910 г. из России прибыло: евреев — 765 536 чел., не евреев — 983 539 чел. Следующей по численности этнической группой после евреев были поляки (не учитывались иммиграционной службой США до 1899 г.), затем шли финны, литовцы и русские немцы. В составе русской эмиграции исконно русских было всего 4,2 %. См.: U. S. Immigration Commission, 1907–1910. Abstracts of Reports of the Immigration Commission with Conclusions and Recommendations and Views of the Minority. In 2 Vols. Washington, 1910. Vol. 1. P. 86–96; *Joseph, S. Jewish Immigration...* P. 164; *Govorchin, G. G. From Russia to America with Love. A Study of the Russian Immigrants in the US*. Pittsburgh, 1993. P. 45. Следует подчеркнуть, что лишь с 1899 г. статистика США, хотя и недостаточно полно, стала фиксировать национальность въезжавших в страну лиц.

⁵⁸ *Кабузан В. М. Эмиграция и реэмиграция в России...* С. 175–177.

⁵⁹ U. S. Immigration Commission, 1907–1910. P. 25, 185–187.

⁶⁰ Еврейская иммиграция была семейным движением, в ней преобладали квалифицированные работники, к тому же еврейские иммигранты не стремились вернуться обратно на старую Родину. В начале XX в. процент возвращавшихся снизился до 7%, в то время как для нееврейских иммигрантов он составлял 32%. См.: *Kuznets, S. Immigration of Russian Jews to the United States*. P. 38–43, 60–78, 88–89.

⁶¹ Цит. по: *Прайс Г. М. Русские в Америке*. С. 20.

⁶² *Szajkowski, Z. The Attitude of American Jews to East European Jewish Immigration (1881–1893)* // PAJHS. 1951. Vol. 40. March. P. 237–244.

⁶³ Термин «нейтивизм» применяется для обозначения широкого комплекса антииностранных идей и настроений, основанных на убеждении в том, что иностранцы тем или иным образом подрывают культурные основы общества, угрожая будущему США. (*Примеч. ред.-сост.*)

⁶⁴ Об антисемитизме в США подробнее см.: *North American Review*. 1881. Vol. 133. P. 265–275; *Independent*. 1908. Vol. 65. Sept. P. 640–642; Nov. P. 1212–1215; Dec. 1451–1456; *Atlantic Monthly*. 1908. Vol. 101. Apr. P. 433–439; *Forum*. 1914. Vol. 52. July. P. 31–40. См. также: *Higham, J. Send These to Me*.

Jews and Other Immigrants in Urban America. N. Y., 1975. P. 117–137, 144–157; *Sorin, G.* A Time for Building. The Third Migration 1880–1920. Baltimore; L., 1992. P. 51–55; *Handlin, O.* American Views of the Jew at the Opening of the Twentieth Century // PAJHS. 1951. Vol. 40. June. P. 325, 328; *Dobkowski, M.* The Tarnished Dream: The Basis of American Anti-Semitism. Westport; L., 1979.

⁶⁵ *Berman, M.* The Attitude of American Jewry towards East European Jewish Immigration. 1881–1914. Ph. D. Dissertation. N. Y., 1980. P. 153–161, 191–192.

⁶⁶ *Sorin, G.* A Time for Building. P. 49–50.

⁶⁷ *Рубинов И.* Еврейский вопрос в Нью-Йорке // Книжки Восхода. 1903. № 6. С. 110–117; № 7. С. 133–137. Характеристику публицистической деятельности И. М. Рубинова см.: *Журавлева В. И.* Русский еврей в Америке: Прайс и Рубинов о себе и судьбах эмиграции // РЕВА. Кн. 9 / Ред.-сост. Э. Зальцберг. Торонто; СПб., 2014. С. 18–43.

⁶⁸ The New York Times. July 16, 1882.

⁶⁹ Об этом см. подробнее: *Мауо, L. A.* The Ambivalent Image. Nineteenth Century America's Perception of the Jew. L.; Toronto, 1988.

⁷⁰ См., например: Free Russia (здесь и далее, кроме особо оговоренных случаев, используется американское издание). 1891. Feb. P. 9; March. P. 9; July. P. 7–8, 10; Aug. P. 4–6; Nov. P. 5–6; 1893. April. P. 11.

⁷¹ См., например: The Chicago Inter Ocean. April 8, 1890; The Philadelphia Inquirer. Aug. 2, 1890.

⁷² The Omaha Bee. Oct. 22, 1890; The New York Examiner. Aug. 21, 1890.

⁷³ Congressional Record. 51st Congress, 1st Session. Vol. 21. Part 9. P. 8529, 8882.

⁷⁴ The New York Times. Oct. 19, 1890.

⁷⁵ АВПРИ. Ф. Канцелярия. Оп. 470. Д. 100. 1891 г. Л. 83 об.; см. также: Ф. Польшество в Вашингтоне. Оп. 512/1. Д. 42. Л. 52–53; Д. 50. Л. 101–103.

⁷⁶ Дж. Вуртс – У. Ф. Вартону, 1, 7, 9 августа 1890 г., Ч. Э. Смит – Дж. Г. Блейну, 25 сентября 1890 г., 10 февраля 1891 г. // NARS. RG 59. DUSMR. M. 35. R. 41, 42. См. также: Russia and the Hebrews // The Courier Journal (Louisville). Sept. 14, 1890.

⁷⁷ Всего за 1891–1892 гг. было выселено около 20 тыс. евреев. См.: *Зайончковский П. А.* Российское самодержавие в конце XIX столетия. М., 1970. С. 131–138.

⁷⁸ 1890 г. – 20 981 чел.; 1891 г. – 43 457 чел.; 1892 г. – 64 253 чел. (*Joseph, S.* Jewish Immigration... P. 93); 1890 г. – 33 147 чел.; 1891 г. – 42 145 чел.; 1892 г. – 76 417 чел. (*Форнберг К.* Еврейская эмиграция. С. 19).

⁷⁹ О. Штраус – барону Гиршу, 7 июля 1891 г. // Library of Congress (далее – LC). Manuscript Division (далее – MD). Oscar S. Straus Papers. Box 17; *Adler, C.* Jacob H. Schiff. His Life and Letters. In 2 Vols. N. Y., 1928. Vol. 2. P. 114–115.

⁸⁰ *Слиозберг Г. Б.* Дела минувших дней. Записки русского еврея: В 2 т. Париж, 1933–1934. Т. 2. С. 42–67; [*Weber, J. B.*] Autobiography of John B. Weber. N. Y.; Buffalo, 1924. P. 112–128. Об изменениях в восприятии Кемпстера см. его лекцию, опубликованную в *The American Israelite* (April 19, 1894).

⁸¹ Report of the Commissioners of Immigration upon the Causes Which Incite Immigration to the United States // 52nd Congress. 1st Session. House of Representatives. Ex. Doc. 235. Part 1. Washington, 1892. P. 26–101. В особенности: P. 47–48, 71, 83, 85, 88, 94, 100–101. Впоследствии отчет был переведен на

французский язык и издан в Брюсселе отдельной брошюрой. Все экземпляры, посланные в Россию различным официальным лицам, вернулись во Францию и Англию отправителям. Об этом см.: For Russia's Benefit Only // The New York Times. June 26, 1893.

⁸² Н. Сол ошибочно приписывает авторство этой инструкции У. Ф. Вартону, исполнявшему обязанности госсекретаря. См.: *Saul, N. E. Concord and Conflict. The United States and Russia, 1867–1914.* Lawrence, 1996. P. 294–295.

⁸³ *Энгель В. В.* «Еврейский вопрос» в русско-американских отношениях (На примере «паспортного» вопроса, 1864–1913). М., 1998. С. 23.

⁸⁴ Дж. Г. Блейн — Ч. Э. Смит, 18 февраля 1891 г. // NARS. RG 59. DIDSR. M. 77. R. 138. Опубликовано: FRUS. Vol. 48. Washington, 1892. P. 737–739.

⁸⁵ АВПРИ. Ф. Секретный архив министра. Оп. 467. Д. 118/124. Л. 8–11 об.; A Compilation of the Messages and Papers of the Presidents. N. Y., 1897. Vol. 12. P. 5623. См. также: *Tyler, A. F. The Foreign Policy of James G. Blaine.* Washington, 1927. P. 277–279.

⁸⁶ См., например, письма О. Штрауса барону Морису де Хиршу от 5 июня, 7 июля 1891 г. // LC. MD. Oscar S. Straus Papers. Box 17.

⁸⁷ АВПРИ. Ф. Канцелярия. Оп. 470. Д. 94. 1892 г. Л. 19.

⁸⁸ Terms of the Great Gift // The New York Times. February 10, 1891; Ч. Э. Смит — У. Ф. Вартону, 20 октября 1891 г.; Ч. Э. Смит — Дж. Г. Блейну, 17 ноября, 24 декабря 1891 г.; 16 января 1892 г., 11, 12 апреля, 16 июня, 24 августа 1892 г. // NARS. RG 59. DUSMR. M. 35. R. 43.

⁸⁹ Нередко эту организацию называли также «Еврейским колонизационным обществом» (ЕКО). (*Примеч. ред.-сост.*)

⁹⁰ Собрание узаконений и распоряжений правительства за 1892 г. № 73. СПб., 1892. Ст. 773. С. 17. См. также: *Яновский С. Я.* Русское законодательство и эмиграция // Журнал министерства юстиции. 1909. Апрель. С. 107.

⁹¹ *Joseph, S.* History of the Baron de Hirsch Fund. The Americanization of the Jewish Immigrant. N. Y., 1935. P. 13; *Hirsh, M. de.* Refuge for Russian Jews // Forum. 1891. Vol. 11. Aug. P. 627–633; The New York Times. Feb. 10, May 3, 1891.

⁹² Об этом см.: *Слиозберг Г. Б.* Дела минувших дней. С. 34–41.

⁹³ Mr. Arnold White upon the Jews in Russia // Free Russia. 1891. Aug. P. 4–6.

⁹⁴ *Joseph, S.* History of the Baron de Hirsch Fund. P. 22–47, 245–252.

⁹⁵ Об этом см.: *Зальцберг Э.* Сельскохозяйственные колонии евреев из России в Аргентине // РЕВА. Кн. 8 / Ред.-сост. Э. Зальцберг. Торонто; СПб., 2013. С. 23–33. (*Примеч. ред.-сост.*)

⁹⁶ Э. Д. Уайт-У. К. Грэшаму, 17 февраля 1894 г. // FRUS. Vol. 51. Washington, 1895. P. 538.

⁹⁷ См.: *Durland, K.* Immigrants on the Land. Jewish Farmers // Chautauquan. 1908. Vol. 50. Apr. P. 248–265; *Sorin, G.* A Time for Building. P. 63–67.

⁹⁸ The American Israelite. April 19, 1894.

⁹⁹ Полный текст лекции опубликован: Autobiography of John B. Weber. P. 113–125. В особенности: P. 117, 120, 124–125.

¹⁰⁰ Russian Coercive Measures: What Col. Weber Says of the Treatment of the Jews // The New York Times. June 13, 1893.

¹⁰¹ См. также: *Adler, H.* Russian Barbarities and Their Apologist // North American Review. 1891. Vol. 153. Nov. P. 518–520.

¹⁰² *Roylance, Kent C. B.* The Persecuted Russian Jews // National Review. Печатаемо в: Living Age. 1891. Vol. 25. Sept. 748–753; *Desart, E.* Tsar vs. Jew // Nineteenth Century. 1891. Jan.–June. Vol. 29. P. 969–978; *Yarros, V.* The «Jewish Question» in Russia // Arena. 1891. Vol. 3. P. 118–121; The New York Tribune. June 21, 1891; An Indictment of Russia. The Great Empire Marching Back to Barbarism // The New York Times. Sept. 14, 1891.

¹⁰³ *Кеннан Дж.* Сибирь и ссылка. Путевые заметки: В 2 т. Т. 2. СПб., 1999. С. 304. Кеннан упоминает и о статье Гурвича в журнале *Forum*.

¹⁰⁴ О деятельности И. Гурвича подробнее см.: *Бухбиндер Н. А.* Иосиф Адольфович (Аронович) Гурвич // Каторга и ссылка. 1926. № 5(26). С. 239–240; *Epstein, M.* Profiles of Eleven Men Who Guided the Destiny of an Immigrant Society and Stimulated Social Consciousnesses among the American People. Detroit, 1965. P. 255–261.

¹⁰⁵ *Hourwitch, I. A.* The Persecution of the Jews // The Forum. 1891. Aug. P. 611–626.

¹⁰⁶ На этот факт обратил внимание Н. Сол. См.: *Saul, N. E.* Concord and Conflict. P. 292.

¹⁰⁷ Congressional Record. 51st Congress. 2nd Session. Vol. 22. Part 1. P. 705; Part 2. P. 1752; Part 3. P. 2219; 52nd Congress. 1st Session. Vol. 23. Part 1. P. 3003; Part 6. P. 5228.

¹⁰⁸ Гóмруль (англ. home rule, «самоуправление») — движение за автономию Ирландии на рубеже XIX–XX вв. (*Примеч. ред.-сост.*)

¹⁰⁹ *Porter, K. H., Johnson, D. B.* National Party Platforms: 1840–1964. Urbana, 1966. P. 88, 94.

¹¹⁰ Подборку вырезок из британских и американских газет см.: АВПРИ. Ф. 2-я газетная экспедиция. Оп. 476. Д. 413–414.

¹¹¹ См., например, донесение К. В. Струве: АВПРИ. Ф. Посольство в Вашингтоне. Оп. 512/1. Д. 13. Л. 146.

¹¹² The New York Herald. Apr. 6, 1891.

¹¹³ The New York Tribune. Nov. 30, 1890.

¹¹⁴ Views of the Minority // Congressional Record. 52nd Congress. 1st Session. Vol. 23. Part 4. P. 3666.

¹¹⁵ The New York Star. Aug. 9, 1890.

¹¹⁶ *Pennell, J.* The Jew at Home, Impressions of a Summer and Autumn Spent with Him. N. Y., 1892. P. 73, 81–82, 84–86, 88–91.

¹¹⁷ *White, A. D.* Autobiography of Andrew Dickson White. In 2 Vols. N. Y., 1905. Vol. 2. P. 103.

¹¹⁸ С 1891 г. вся официальная переписка между С.-Петербургом и генерал-губернатором Финляндии, с одной стороны, и генерал-губернатором и финляндским сенатом, с другой, начала вестись на русском языке. Специальный комитет по делам Финляндии, учрежденный в С.-Петербурге и однажды уже упраздненный (с 1826 по 1857 год), был окончательно закрыт. Почтовые ведомства обеих стран объединялись. Впрочем, финны добились права сохранить собственные

почтовые марки. Все эти меры, мало затрагивая внутреннюю жизнь Финляндии, тем не менее, актуализировали финляндский вопрос.

¹¹⁹ Э. Д. Уайт — У. К. Грэшему, 6 июля 1893 г. // NARS. RG 59. DUSMR. M. 35. R. 45; FRUS. Vol. 51. Washington, 1895. P. 525–535; *White, A. D. Autobiography of Andrew Dickson White. Vol. 2. P. 52*; Дж. Лотроп — Т. Ф. Бейарду, 14 июня 1885 г. // NARS. RG 59. DUSMR. M 35. R 38.

¹²⁰ См., например: *Hubert, P. G. Russia's Treatment of Jewish Subjects // Forum. 1891. Vol. 15. March. P. 101–114.*

¹²¹ См. переписку Уайта с госдепартаментом с июля 1893 г. по сентябрь 1894 г. в разделе «Condition of Israelites in Russia: Their Emigration to the United States» (FRUS. Vol. 51. Washington, 1895. P. 525–546).

¹²² Еще раз напомним, что до 1899 г. поляки фиксировались иммиграционной службой США в качестве выходцев из Российской империи.

¹²³ Об этом см., например, статью представителя службы здравоохранения США А. Маклафлина: *McLaughlin, A. The Bright Side of Russian Immigration // Popular Science Monthly. 1903. Vol. 64. Nov. P. 66–70.*

¹²⁴ О нейтивизме см. подробнее: *Higham, J. Strangers in the Land. Patterns of American Nativism. 1860–1925. New Brunswick, 1955. Chapter 3, 4, 7; Higham, J. Send These to Me. P. 29–115.*

¹²⁵ *Чертина З. С. Плавильный котел. Парадигмы этнического развития США. М., 2000. С. 36–61; Berkson, I. B. Theories of Americanization. A Critical Study. N. Y., 1969. P. 55–72.*

¹²⁶ См., например: *Fiske, J. American Political Ideas Viewed from the Standpoint of Universal History. N. Y., 1885.*

¹²⁷ Страху по поводу «расового самоубийства» нации были вообще характерны для викторианской идеологии и подкреплялись рассуждениями о высоком уровне рождаемости не только в первом, но и во втором поколении «новых иммигрантов». Об этом подробнее см.: *King, M., Ruggles, S. American Immigration, Fertility and Race Suicide at the Turn of the Century // Journal of Interdisciplinary History. 1990. Vol. 20. N 3. Winter. P. 347–369.*

¹²⁸ *Lodge, H. C. Lynch Law and Unrestricted Immigration // North American Review. 1891. Vol. 152. Jan. P. 27–36; May. P. 602–612; Hall, P. F. Immigration and the Educational Test // North American Review. 1897. Vol. 165. Oct. P. 393–402; Hall, P. F. New Problems of Immigration // Forum. 1901. Vol. 30. Jan. P. 555–567; Chandler, W. E. Shall Immigration Be Suspended? // North American Review. 1893. Vol. 156. Jan. P. 1–8; Powderly, T. V. Immigration Menace to the National Health // North American Review. 1902. Vol. 175. July. P. 53–60. См. также: *Boyesen, H. H. Danger of Unrestricted Immigration // Forum. 1887. Vol. 3. P. 532–542; Ander, P. Our Foreign Immigration. Its Social Aspects // Arena. 1890. Vol. 2. Aug. P. 269–277.**

¹²⁹ В ходе митинга протеста, ставшего кульминацией движения американских рабочих за 8-часовой рабочий день, были убиты несколько участников и полицейских.

¹³⁰ Об этом см.: *Heald, M. Business Attitudes Toward European Immigration, 1880–1900 // Journal of Economic History. 1953. Vol. 13. P. 302–303.*

¹³¹ *Чертина* З. С. Плавильный котел. С. 62–84; *Berkson, I. B.* Theories of Americanization. P. 73–93.

¹³² См., например: *Croswell, S. G.* Should Immigration be Restricted? // *North American Review*. 1897. Vol. 156. P. 526–536. *Altgeld, J. P.* The Immigrant's Answer // *Forum*. 1890. Vol. 8. Feb. P. 684–696. См. также: *World's Work*. 1901. Vol. 1. Feb. P. 379–387.

¹³³ *The New York Times*. Aug. 8, Oct. 5, 15, 1882; July 12, 1883; July 24, 1884; Aug. 26, Oct. 19, Nov. 9, Dec. 14, 1890; Feb. 6, 13, Apr. 13, May 24, July 17, Aug. 7, 17, Sept. 7, 14, 28, Oct. 5, 12, 19, 26, Nov. 2, 9, 16, 23, 30, Dec. 7, 14, 21, 1891; March 6, May 7, July 30, Aug. 25, Sept. 12, Dec. 11, 1893; Aug. 27, Sept. 6, 1895; Nov. 14, 1897.

¹³⁴ *The New York Tribune*. Aug. 12, 1890; May 31, June 5, 28, 1891; May 3, 1892; Aug. 18, 20, 22, 23, 1893; Aug. 11, 1895; Aug. 2, 1896; Jan. 9, Sept. 15, 1898; Aug. 20, Sept. 9, 1899; Feb. 25, Apr. 22, Sept. 30, 1900; Oct. 5, 1902.

¹³⁵ См. также: *Куксин И.* Рабочее движение в русско-еврейском Чикаго // РЕВА. Кн. 5 / Ред.-сост. Э. Зальцберг. Иерусалим; Торонто; СПб., 2011. С. 21–36; *Куксин И.* Эмма Гольдман // РЕВА. Кн. 7 / Ред.-сост. Э. Зальцберг. Торонто; СПб., 2013. С. 38–55. (*Примеч. ред.-сост.*)

¹³⁶ *Saul, N. E.* Concord and Conflict. P. 396–397.

¹³⁷ *The Washington Post*. Apr. 25, 26, 27, 1893. В защиту русско-еврейских эмигрантов также см.: *Van Etten, I. M.* Russian Jews as Desirable Immigrants // *Forum*. 1893. Vol. 15. April. P. 172–182.

¹³⁸ *Riis, J.* How the Other Half Lives. N. Y., 1890; *Idem.* The Children of the Poor. N. Y., 1892; *Idem.* Out of the Mulberry Street. N. Y., 1898; *Idem.* The Making of an American. N. Y., 1901; *Idem.* The Battle with the Slum. N. Y., 1902; *Idem.* The Children of the Tenement. N. Y., 1903.

¹³⁹ *Riis, J.* How the Other Half Lives. N. Y., 1957. P. 76–87; *Idem.* The Children of the Poor. P. 35–43; *Idem.* The Children of the Tenement. P. 252–253.

¹⁴⁰ О деятельности Дж. Риса подробнее см.: *Lubove, R.* Jacob A. Riis: Portrait of a Reformer // *The Progressives and the Slum*. Pittsburgh, 1962; *Steffens, L.* The Autobiography of Lincoln Steffens. N. Y., 1931. P. 203–204; *A Dictionary of American Biography*. Vol. VIII. N. Y., 1935. P. 607.

¹⁴¹ *Hargood, H.* The Spirit of the Ghetto. N. Y., 1902.

¹⁴² Макрейкер (*англ.* muckraker, «разгребатель грязи») — журналист, обличающий коррупцию в структурах государственной власти. (*Примеч. ред.-сост.*)

¹⁴³ *Steffens, L.* The Autobiography of Lincoln Steffens. P. 244.

¹⁴⁴ *Ibid.* P. XXV; *Hargood, H.* The Spirit of the Ghetto. Cambridge, 1967. P. 37.

¹⁴⁵ См., например: *Riis, J.* How the Other Half Lives. N. Y., 1957. P. 83.

¹⁴⁶ О жизни и деятельности Кагана см. подробнее: *Steffens, L.* The Autobiography of Lincoln Steffens. P. 311–318; *Hargood, H.* The Spirit of the Ghetto. Cambridge, 1967. P. 230–253. *Rischin, M.* Abraham Cahan and the New York Commercial Advertiser: A Study in Acculturation // *PAJHS*. Vol. XLIII. 1953. Sept. P. 10–36; *Epstein, M.* Profiles of Eleven Men... P. 51–82. *Howe, I.* World of Our Fathers. The Journey of the East European Jews to America and the Life They Found and Made. N. Y.; L., 1976. P. 523–530.

¹⁴⁷ Рецензию У. Д. Хоуэллса на «Иекл» см. в газете: *The New York World*. July 26, 1896. См. также отзыв У. Д. Хоуэллса на сборник рассказов А. Кагана «*The Imported Bridegroom and Other Stories of the New York Ghetto*» (*Literature*. Dec. 31, 1898).

¹⁴⁸ *Cahan*, A. Yekl. N. Y., 1896; *Idem*. *The Imported Bridegroom and Other Stories of the New York Ghetto*. N. Y., 1898.

¹⁴⁹ В уста молодого иммигранта из России автор пьесы «Плавильный котел» вложил следующие слова: «Америка — это созданный Богом величайший плавильный котел, в котором сплавляются все народы Европы... Немцы и французы, ирландцы и англичане, евреи и русские — все в этот тигель. Так Господь создает великую нацию американцев» (*Zangwill*, I. *The Melting Pot*. N. Y., 1909. P. 37). Пьеса была поставлена в Вашингтоне и имела большой успех, дав название одной из двух ассимиляционных парадигм, сформировавшихся в США на рубеже XIX–XX вв.

¹⁵⁰ *Steffens*, L. *The Autobiography of Lincoln Steffens*. P. 244.

¹⁵¹ См. также статью А. Кагана: *The Russian Jew in America* // *Atlantic Monthly*. 1895. Vol. 82. July. P. 128–139. Более подробный анализ ранних произведений Кагана о жизни русско-еврейских эмигрантов см.: *Журавлева В. И.* Повесть из жизни нью-йоркского гетто: опыт реконтекстуализации художественного произведения // *История и культура российского и восточноевропейского еврейства. Новые источники, новые подходы*. М., 2004. С. 172–194.

¹⁵² См. также: *Me Kenna*, M. J. *Our Brethren of the Tenements and the Ghetto*. N. Y., 1899.

¹⁵³ Самая низкая цифра — 13 063 чел. приходится на 1897 г. (*Joseph*, S. *Jewish Immigration...* P. 93).

¹⁵⁴ *Congressional Record*. 52nd Congress, 1st Session. Vol. 23. Part 3. P. 3003; Part 6. P. 5228.

¹⁵⁵ *FRUS*. Vol. 50. Washington, 1893. P. 536–537.

¹⁵⁶ Дипломатическая переписка по данному вопросу опубликована: *FRUS*. Vol. 52. Part II. Washington, 1896. P. 1056–1074.

¹⁵⁷ См., например: *The Russian Consul's Action* // *The Washington Star*. March 31, 1893; *Passport for Hebrew Citizen Refused* // *The Washington Post*. May 3, 1893; *Free Russia*. 1894. June/July. P. 9, 12–17; *Russian Passport to Jews* // *The New York Times*. Sept. 25, 1895. О «визовом скандале» также см.: *Saul*, N. E. *Concord and Conflict*. P. 398–401.

¹⁵⁸ *АВПРИ*. Ф. Посольство в Вашингтоне. Оп. 512/1. Д. 127. Л. 224–225, 464–465, 737; Д. 128/1. Л. 565.

¹⁵⁹ *Saul*, N. E. *Concord and Conflict*. P. 296.

¹⁶⁰ *With Firmness in the Right*. P. 259–260.

Несбывшаяся любовь (Известно-неизвестная переписка Софьи Прегель и Генриха Манна)

Хана Кунелт (Вена)

Тема отношений между Генрихом Манном и Софьей Юльевной Прегель не раз возникала на страницах литературных публикаций¹.

Письма знаменитого немецкого писателя к Софье Юльевне, так же как и документы о его сотрудничестве в журнале *Новоселье*, хранящиеся в архиве Иллинойского университета, были исследованы и опубликованы ранее. Однако письма С. Прегель к Генриху Манну были обнаружены гораздо позднее в архивах университета Южной Калифорнии и публикуются впервые².

С. Прегель — писательница, издатель и редактор, была инициатором этой переписки. Она обращается к живущему в изгнании в Калифорнии немецкому писателю и убежденному критику фашистской Германии с просьбой принять участие в ее журнале. Переписке предшествовало возникновение журнала *Новоселье* в 1942 году в Нью-Йорке. Будучи основателем и издателем, С. Прегель была и его бессменным главным редактором. Она находила авторов для статей, налаживала контакты с деятелями американских газет и журналов, завязывала деловые связи с бизнесменами, вела переписку с подписчиками. При этом она не прерывала своего стихотворного творчества.

Журнал скоро стал лучшим русскоязычным периодическим изданием того времени в Нью-Йорке. Одной из главных причин такого успеха *Новоселья* был удачный подбор тематики статей и авторов, что свидетельствовало о способностях и талантах главного редактора. В военные годы читателей, большинство которых составляли русские эмигранты из России, меньше всего занимали вопросы политических и идеологических разногласий между различными эмигрантскими группировками

и больше всего — судьбы России и исход войны³. К сотрудничеству в *Новоселье* привлекались не только известные авторы из эмигрантской среды, но и видные литературные и общественные деятели того времени, непосредственно с ней не связанные.

Началом переписки Софьи Юльевны и Генриха Манна послужило ее письмо как главного редактора с приглашением писателя к участию в журнале. Генрих Манн откликнулся на это предложение Прегель — за время существования журнала (1942–1950) в нем были опубликованы в переводе на русский язык четыре его статьи и отрывки из романов⁴.

Публикации Генриха Манна в журнале пользовались большим успехом. Его критическая статья «Будущее немецкого народа», наряду с другими статьями, привлекла большое внимание русской интеллигенции, проживающей не только в Америке, но и за ее пределами. Статья прежде всего знаменательна позицией автора, для которого Германия, его бывшая родина, стала чужой страной. Беспощадно критикуя политическую обстановку в Германии и будучи прекрасным знатоком национального немецкого характера, он подчеркивает, что не является частью этой нации.

Единственная встреча Генриха Манна с Софьей Юльевной состоялась во время поездки последней в Калифорнию в 1945 году. Судя по последующим письмам писателя, Софья Юльевна произвела на него большое впечатление. Их активная переписка началась спустя полгода после самоубийства жены Манна, Нэлли⁵, и становится значительно более эмоциональной после решения Софьи Прегель вернуться в Париж. Реакция Манна на это известие отразилась в его письме с подробным описанием парижской жизни и их воображаемой встречи в любимом им городе.

<...> Вы желаете адрес какого-нибудь цветочного магазина. Прошу Вас, давайте не говорить об этом. («Just skip it», — как говорят невоспитанные дети). Мне достаточно знать, что у Вас есть какие-то адреса в некоторых центрах старой бедной Европы! Главное, пишите мне! Для меня это — как <...> нежное объятие⁶.

Переписка конца 1945 года посвящается актуальным событиям из жизни освобожденной Франции. Прегель не скрывает своего разочарования «девальвацией» культурной жизни в стране.

<...> В данный момент моя жизнь ни веселая, ни простая. Новости, которые я непрерывно получаю после освобождения Франции, — одна хуже другой. Иногда я спрашиваю себя: уехала бы я в Париж, если бы

знала, что многие мои друзья, которых я так любила, были или убиты, или сбежали. Моя корреспонденция день за днем увеличивается. Оставшиеся друзья желают стихи, статьи и проч. Однако, у меня нет желания писать для них что-нибудь. Вместо этого я посылаю им одну за другой посылки. С другой стороны, «материал», который я от них получаю, настолько плохой (в прямом смысле слова), что меня одолевает страх. Как долго это продолжится? Кто знает?»⁷

Всю корреспонденцию, продолжавшуюся с 1944 по 1948 год, можно разделить на два периода, первый из которых посвящен в основном опыту американской жизни обоих писателей. В переписке второго периода, с 1946 по 1948 год, обсуждается важная тема возвращения в Европу. Начиная с 1946 года, письма Генриха Манна и Софьи Юльевны приобретают все более личный характер. Генрих Манн стал называть корреспондентку «мой милый друг», «мой прекрасный друг», «дорогая подруга», «любимая подруга»... Несколько раз упомянул, что он ее любит. Когда Софья Юльевна сообщила Генриху Манну о своем разводе, то в ответ получила от него весточку, в которой он сообщил, что только возраст мешает ему сделать ей предложение. Переписка была нерегулярной, несколько раз случалось, что Софья Юльевна долго не отвечала на его письма, и тогда Генрих Манн начинал сильно волноваться. Софья Юльевна планировала еще раз навестить писателя в Калифорнии. О том, состоялась ли когда-либо их вторая встреча, ничего не известно. С окончательным переездом Софьи Юльевны в Париж в 1948 году переписка постепенно заглохла. Генрих Манн скончался в г. Санта-Моника в Калифорнии в 1950 году.

Несмотря на продолжительные годы жизни обоих писателей в Соединенных Штатах, европейская тема никогда не сходила со страниц их писем. Еще ранее Г. Адамович ввел термин «внутренняя эмиграция», которым определил ощущение замкнутости и отчуждения, глубокой тоски по прошлому, свойственное эмигрантской среде. И Софье Юльевне, и Генриху Манну были знакомы эти чувства, и они находили выражение на страницах их писем.

Интересно отметить, что в письмах нет никакого намека на иерархические различия. В Софье Прегель Манн находит друга, равного и близкого не только по литературному ремеслу. Первоначальный деловой тон писем очень скоро сменяется личным. Кроме актуальных политических тем, которых Софья Юльевна старалась предусмотрительно избегать, в переписке часто обсуждались моральные проблемы эмигрантов в Соединенных Штатах, тема изгнания, потерянной любви и, после окончания войны, приближающегося отъезда Софьи Юльевны в Париж.

Исследование переписки открывает малоизвестные аспекты последних лет жизни немецкого писателя. Центральными темами его писем становятся подведение итогов жизни, интерес к европейской культуре и восхищение Францией.

Приведенные в настоящей публикации переводы нескольких писем Софьи Юльевны после ее возвращения из Америки в Европу могут послужить дополнительным материалом о ее жизни в послевоенном Париже.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Письма С. Ю. Прегель Г. Манну

31.3.1947

Дорогой мой, преданный друг,

Мы в конце концов восторжествовали. Жизнь опять начинает идти своим чередом и, как обычно, отмечена хлопотами и беспокойством. Вечер *Новоселья* имел невероятно большой успех. Пришли все (за исключением «плутократов», которых я ненавижу).

Мою работу осложняют неожиданные события, которых, впрочем, можно было ожидать. Править кораблем сложно. Все время надо руководствоваться здравым рассудком... Настанет день, когда мы с Вами поговорим обо всех сложностях, хотя Вы можете их с легкостью представить. Что касается моего путешествия, то окончательное решение я смогу принять только в начале мая или даже в июне. Для меня легче уехать во Францию, чем приехать обратно в США.

Дорогой, верный друг, мне настолько хочется с Вами увидеться и поговорить, что желание почти переходит в одержимость. Я Вам послала кое-какие сладости. Вероятно, Вы их получите перед Пасхой. В данный момент я должна довольствоваться тем, что с любовью Вас вспоминаю.

Всегда всем сердцем только Ваша,

Софья Прегель

19.6.1947

Дорогой бесценный друг,

На этот раз у меня действительно не было сил Вам писать. Было бы очень некрасиво написать всего несколько строчек, но я устала и измучена до изнеможения.

Здесь властвуют условия, которые трудно объяснить в письме. Однако, уверяю Вас, дорогой друг, что я твердо и ожесточенно воюю, чтобы вновь обрести свою личную свободу. Надеюсь, что все скоро закончится, так как мои силы уже подходят к концу. Тогда, возможно, начнется моя настоящая жизнь без всех этих хлопот. Пока работаю как обычно, может быть, даже больше обычного, и ожидаю приезда брата⁸ для того, чтобы вместе с ним обсудить дату отъезда.

Много раз в эти мрачные и даже трагичные дни я мысленно обращалась к Вам! Поверьте, мой дорогой, теперь мне все больше нужны Ваши мудрые и нежные слова.

Хотя у меня достаточно смелости и мужества, я чувствую себя очень одиноко.

Вы сможете понять, насколько я откровенна и подавлена.

Ваша Софья Прегель

31.7.1947

Дорогой и бесценный друг,

Очень надеюсь, что смогу Вас посетить после моего приезда. Вероятно, я уеду 10 сентября, но до этого мне нужно завершить массу не очень приятных дел. Я имею в виду *Новоселье*. <...> Его дальнейшее издание находится под вопросом. К счастью, «abroad»⁹ я буду всего два месяца. Я хочу понять ситуацию, так как у меня плохое предчувствие, что в какой-то день не останется другой возможности, и мне по-настоящему придется уехать. Вы правы, мой самый дорогой, что впредь больше всего меня будет занимать «личная жизнь». Пока что множество всяких дел требует больших эмоций. Честно говоря, хотелось бы с Вами увидеться еще до моего отъезда. Так хочется просто поговорить, но не могу далее откладывать поездку в Париж.

С самыми нежными объятиями и тайными воспоминаниями.

Ваша

Софья Прегель.

16.10.47

Дорогой и бесценный друг,

Вы правильно угадали — в Париже я чувствую себя счастливой, несмотря на забастовки и плохие известия. Местные люди очень страдают, однако все женщины неизменно красивы, а мужчины — галантны (по крайней мере, стараются быть таковыми).

Мои земляки отнимают у меня почти все время. Очень надеюсь, что забастовка закончится до выборов в воскресенье и что мне еще удастся повидать много всего, возможности здесь безграничны. Я уверена, что смогу увидеть больше, чем обычный журналист.

Отъезд я отложу на 27 ноября — это неизбежно. Сразу после окончания забастовки я позвоню господину Пербауксу¹⁰.

Пока прощайте, дорогой, дорогой друг. Я о Вас думаю с нежной любовью и очень жалею, что Вы здесь не со мной, в этом городе, который я так обожаю.

Ваша

Софья Прегель.

14.8.1948

Дорогой бесценный друг,

Благодарю Вас за Ваше письмо, которое меня бесконечно тронуло. Я пока веду переговоры с несколькими издателями, и хотя сейчас разгар лета, в городе много народу.

Несмотря на некоторую атмосферу «обожания», которая меня здесь окружает, чувствую себя одинокой, иногда даже хочется плакать. Но главное — это чувство свободы. Трудно, почти невозможно осознать, какое это счастье — вырваться из тысячи раз проклятых уз¹¹. Сначала я хотела на короткое время поехать в Швейцарию и Италию, но пока остаюсь здесь, так как совершенно не хочется уезжать из Парижа.

Признаюсь, что в последнее время мне пришлось несколько раз испытывать сильное разочарование. Это жестокие и тяжелые времена. Давайте надеяться, что настанет день, когда все будет по-другому...

Итак, самый дорогой друг, думайте обо мне, как я думаю о Вас.

Напрасно добавлять, что о Вас я думаю с такой любовью, которую никогда так сильно не испытывала раньше.

Всегда Ваша

Софья Прегель.

Примечания

¹ *Пустыльник Любовь*. Генрих Манн — Софии Прегель: «Я о Вас много думаю...» // Новое русское слово. 27–28.3.1999. С. 42; *Flügge, Manfred*. Heinrich Mann. Eine Biographie. Hamburg: Rowohlt Verlag, 2006. S. 399–452; *Евтушенко Евгений*. Женщина с правой рукой наготове, из антологии «Десять веков

русской поэзии» // Новые известия. 31.08.2007. URL: <http://www.newizv.ru/culture/2007-08-31/75269-zhenshina-s-pravoj-rukoj-nagotove.html>.

² Переписка хранится в архиве университета Южной Калифорнии, Lion Feuchtwanger Collection: Heinrich Mann Collection, Series 1 correspondence, BOX 6 Folder 38.

³ О журнале *Новоселье* и С. Ю. Прегель см. также: *Кунелт Х.* Неопубликованный рассказ С. Прегель // Русские евреи в Америке (далее – РЕВА). Кн. 9 / Ред.-сост. Э. Зальцберг. Торонто; СПб., 2014. С. 163–172; *Хазан В.* «Вы делаете прекрасное дело» (Письма С. Прегель к Р. Чеквер) // РЕВА. Кн. 10 / Ред.-сост. Э. Зальцберг. Торонто; СПб., 2015. С. 45–105.

⁴ Будущее немецкого народа (1944. № 12–13. С. 83–90), Россия и немцы (1945. № 20. С. 41–48), Воображаемая встреча (1946. № 27–28. С. 82–92).

⁵ Nelly Kröger (15.02.1898–17.12.1944), вторая жена Г. Манна, с которой он познакомился в 1929 г.; они поженились в 1939 г. В 1944 г. она покончила с собой в Лос-Анджелесе.

⁶ Письмо от 25.11.1946. Здесь и далее перевод писем с французского принадлежит автору статьи.

⁷ Письмо от 25.9.1945.

⁸ Борис Юльевич Прегель (1890, Одесса – 1976, Нью-Йорк), брат С. Ю. Прегель. См. о нем также: *Кунелт Х.* Неопубликованный рассказ С. Прегель // РЕВА. Кн. 9. С. 163–172; *Серков А.* Российские евреи-масоны в США // Там же. С. 44–61.

⁹ Abroad (англ.) – заграница.

¹⁰ Неустановленная личность.

¹¹ Окончательному отъезду С. Прегель из США в Париж летом 1948 г. предшествовало начало ее бракоразводного процесса с Чарльзом Брейнером (Charles Breynner).

Самуэль Писар

Илья Куксин (Чикаго)

В рамках третьего Большого фестиваля Российского национального оркестра, 11 сентября 2011 года в Москве в Концертном зале имени Чайковского в память жертв теракта 11 сентября 2001 года в Нью-Йорке прозвучали две выдающиеся симфонии XX века: симфония № 13 («Бабий Яр») Дмитрия Шостаковича и Третья симфония Леонарда Бернштейна («Кадиш»), которая исполнялась в Москве впервые¹. Симфония американского композитора сопровождается текстом («Диалог с Богом»), который читал его автор, человек удивительной и уникальной судьбы, Самуэль Писар. Ниже на основе его книги *«Of Blood and Hope»*², интервью в российских и зарубежных СМИ мы попытаемся рассказать о нем.

Самуэль родился в 1929 году в городе Белостоке, входившем тогда в состав Польши. Город имел сложную историю. В результате третьего раздела Польши в 1795 году он отошел к Пруссии. После разгрома Пруссии Наполеоном, в соответствии с Тильзитским мирным договором 1808 года, Белосток стал частью России и оставался в ее составе до 1919 года. Как пишет Писар, тогда *«это был очень культурный многонациональный город и индустриальный центр, в котором евреев жило больше, чем поляков, русских, немцев»*. В своей книге Писар перечисляет выходцев из Белостока, имена которых получили мировую известность: это создатель международного языка эсперанто Людвиг Земенгоф, российский революционер, а впоследствии советский нарком иностранных дел Максим Литвинов (Меер Валлах). Мы бы еще добавили к ним советского кинематографиста Дзигу Вертова (Давида Кауфмана) и братьев Фридляндов — старшего Михаила, который под псевдонимом Кольцов был известным не только в СССР, но и за его пределами журналистом и общественным деятелем. К сожалению, его жизнь была прервана безжалостным катком сталинских репрессий. Младший Фридлянд стал

известным карикатуристом и писателем Борисом Ефимовым и прожил до 108 лет³. Белосток является родиной «Бунда» — социалистической партии еврейских рабочих Польши, Литвы и России, которую ненавидели большевики от Ленина до Сталина и его преемников.

Самуэль родился в преуспевавшей семье еврейского бизнесмена Давида Писара. Его мать, образованная и культурная женщина, занималась домом и воспитанием детей. Как вспоминает Самуэль, его родители знали пять языков. Они родились и получили образование еще в то время, когда Белосток входил в состав Российской империи, и учились в русской школе. Поэтому, когда отец с матерью хотели скрыть что-то от Самуэля и его младшей сестры, то переходили на русский язык.

Первого сентября 1939 года началась Вторая мировая война, а 15 сентября Белосток был занят немецкими войсками. Однако в соответствии с пактом Молотова — Риббентропа Белосток отошел к СССР, в город вошли войска Красной армии, и была установлена советская власть. Все частные предприятия были национализированы, а их владельцев с семьями стали выселять в Сибирь и Казахстан. Такая же судьба ждала владельца крупного таксопарка Давида Писара и его семью. Но контактный, прекрасно владевший русским языком и автомобильным делом Давид пришелся ко двору командованию советских войск.

Хотя по советским канонам он был буржуем и подлежал высылке, военные признали его рабочим, и он продолжал обслуживать воинские части. В одном из своих интервью Писар вспоминает, как это произошло. Специальная комиссия обходила дома бывших владельцев национализированных предприятий. Пришли и к ним. Давид Писар в это время ремонтировал одну из своих машин. Комиссия потребовала у него предъявить паспорт. Он сказал, что через пять минут закончит ремонт, войдет в дом, снимет замасленную спецовку, помоем руки и принесет паспорт. В нем должны были поставить специальный штамп, удостоверяющий, кто его владелец: буржуй или рабочий. Члены комиссии, наблюдая за работой Давида, поставили штамп «рабочий». Это спасло семью от депортации. Более того, его назначили председателем транспортной комиссии города. Дети стали учиться в русской школе. Как утверждает Самуэль, школа привила ему интерес к русскому языку, он читал много русских книг. Стал пионером и с гордостью носил красный галстук.

После нападения Германии на Советский Союз, 26 июня 1941 года в Белосток вошли немецкие войска, и сразу начались массовые убийства еврейского населения. В первую пятницу после оккупации немцы устроили облаву на евреев на улицах города. Всех схваченных заперли в центральной синагоге и подожгли ее.

Вскоре все еврейское население Белостока переселили в гетто. Массовые акции уничтожения продолжались. В ответ возникло движение сопротивления, в котором принял участие Давид Писар. Его арестовало гестапо, и вскоре он был расстрелян. В гетто вспыхнуло восстание, в подавлении которого нацистам пришлось применять танки и артиллерию. После этого оставшихся в гетто евреев решили разослать по разным концлагерям на оккупированной немцами территории. Мать Самуэля чувствовала, что она с детьми приговорена к смерти. Уговорила сына одеться так, чтобы он мог сойти за мужчину. Когда эсэсовцы отделяли мужчин от женщин с детьми, его спросили, сколько ему лет. Ответ «восемнадцать» не смутил стражника, и Самуэля вместе с мужчинами загнали в вагон для перевозки скота и куда-то повезли. Оказался он в лагере уничтожения Майданеке. На первом же апелле (пересчете узников) он услышал объяснение, что из этого лагеря есть только один выход — в виде дыма из трубы крематория. На очередном апелле приказали остаться портным, остальным разойтись. Эсэсовец спросил Самуэля, портной ли он. Тот объяснил, что портными были его отец и дед, а он пришивальщик пуговиц и работал на специальной машине, которая выполняла трудоемкую работу по подготовке петель для пуговиц. Недалеко от их дома в Белостоке было швейное ателье, ребенком он любил наблюдать, как работала эта машина, и сумел достаточно ясно объяснить детали этой технологии. Вместе с остальными портными он попадает в рабочий лагерь, а оттуда в Освенцим. При приближении Красной армии его вместе с другими заключенными колонной повели в лагерь Дахау. О том, как Самуэлю удалось сбежать, он написал в газете *The New York Times* 27 января 2010 года:

Шестьдесят пять лет назад советские войска освободили Освенцим, в то время как американцы приближались к Дахау. Человеку, выжившему в том и в другом пекле, кажется почти нереальным быть живым и здоровым, иметь новую и счастливую семью, которая воскресила для меня ту, что я потерял. Вступая в возрасте 13 лет в мрачный мир Эйхмана и Менгеле, я полагал, что жить мне остается считанные дни, в лучшем случае недели. Начало зимы 1944 года. Вторая мировая война подходила к концу. Но мы в лагерях ничего не знали. <...> Известие о высадке в Нормандии нескоро проникло в Освенцим. Ходили слухи о том, что Красная армия быстро продвигается на Восточном фронте. Нервозность нацистов становилась ощутимой. Газовые камеры стали работать с удвоенной силой. Однажды серым морозным утром охранники приказали нам построиться в колонну и вывели нас через главные

ворота Аушвица—Биркенау с этой дикой надписью «Arbeit Macht Frei» («Труд освобождает»). Тех из нас, кто был еще пригоден для рабского труда, должны были погнать на запад, в глубь Германии. Я был вне себя от волнения. Спасение вдруг показалось таким близким — и таким далеким. В последний момент они, безусловно, убиты и нас. «Окончательное решение» должно быть доведено до конца, последние живые свидетели должны быть уничтожены. Ах, продержаться бы еще чуть-чуть. Наши марши смерти из лагеря в лагерь продолжались днем и ночью, пока мы и наши мучители не начали слышать мощные взрывы, похожие на огонь артиллерии. Однажды нас атаковала на бреющем полете эскадрилья истребителей союзников, которые приняли нашу колонну за войска вермахта. Пока эсэсовцы, укрывшись в траншее, строчили из своих пулеметов во всех направлениях, кто-то из бывших рядом со мной крикнул: «Да беги же!» Я сбросил деревянные башмаки и рванул в близлежащий лесок. Там я прятался несколько недель, пока меня не нашли американские солдаты.

Эти молодые ребята были всего на несколько лет старше Самуэля. Они накормили и одели подростка и, согласно его воспоминаниям, привили ему первый настоящий вкус свободы. Самуэль не захотел возвращаться в Польшу — там у него никого не было. Остался в Баварии, промышлял мелким бизнесом на черном рынке. Но его нашла тетка, сестра его матери, которая жила в Париже. Она увидела в списках спасенных узников имя Самуэля Писара и вспомнила, что у ее сестры в Белостоке был мальчик, которого звали Муля. Попросила мужа, известного французского журналиста, поехать в Германию и попытаться найти племянника. Он и нашел его в небольшом немецком городке под Мюнхеном и привез в Париж. Там выяснилось, что в Австралии живут два брата его матери. Родственники подумали, что для Самуэля лучшим вариантом будет не Европа, в которой он так настрадался, а тихая и благополучная Австралия. И вот он оказывается в Мельбурне. Как вспоминает Самуэль, братья его матери совершили чудо. Они убедили не верившего ни во что племянника, что только образование вернет его к жизни. Самуэль оканчивает школу и колледж в Австралии, потом его отправили в Оксфорд, затем в Гарвард. Он получает докторскую степень в Гарварде, затем в Сорбонне. Докторская диссертация Писара была посвящена проблемам экономических, человеческих и политических отношений между Востоком и Западом. Изданная впоследствии как книга⁴, она, как утверждает Самуэль, наделала много шума. Во время учебы в Гарварде знакомится с сенатором Джоном Кеннеди.

После избрания его президентом США он пригласил Писара стать его советником. Три года Самуэль проработал в Вашингтоне как советник президента, советник госдепартамента и советник экономической комиссии Конгресса. В этот период возник вопрос о гражданстве Писара. Он уже достаточно долго прожил в США, чтобы иметь право подать прошение о гражданстве. Более того, он мог получить его как человек, женатый на американке. Но сенатор от штата Оклахома Майк Манрони предложил предоставить американское гражданство Самуэлю Писару за его заслуги как консультанта высших органов власти страны. Этот законопроект был поставлен на голосование в Сенате и Палате представителей Конгресса США. После его одобрения президент США Кеннеди с удовольствием подписал закон о предоставлении Писару американского гражданства и послал ему в подарок фотокопию резолюции Конгресса и ручку, которой он подписал закон.

Прошло 20 лет с того дня, как нацисты увезли Самуэля из родного города. Оказавшись по служебным делам в Варшаве, он попросил американского посла помочь ему посетить Белосток. Писару предоставили машину с шофером. Не родственников он пытался найти в Белостоке, так как знал, что из 60 тысяч евреев уцелело всего девять человек. Самуэль хотел найти могилу отца, расстрелянного нацистами. В Белостоке ему показали место, где гестаповцы убивали своих узников. Воздвигнутый здесь бетонный монумент он счел местом погребения своего отца. Затем Писар поехал к дому, где прошло его детство. В нем жили совершенно незнакомые люди. Когда он спросил одного из них, куда девались прежние жильцы, то получил ответ — все погибли от рук фашистов. Затем добавил, что газеты писали о маленьком мальчике, который уцелел. То ли после этого визита, или после того, как Самуэль прочел стихотворение Евгения Евтушенко «Бабий Яр», он стал считать себя именно тем мальчиком из Белостока, о котором упоминал поэт.

Писар становится известным международным адвокатом в Нью-Йорке, Париже и Лондоне в области торговли и инвестиций. Самуэль был советником Дэвида Рокфеллера. Его поразил тот факт, что этот известный американский бизнесмен открыл в России свой банк в самом центре Москвы, на улице Карла Маркса, дом 1, рядом с Красной площадью. Долгие годы Самуэль был советником Арманда Хаммера, который начинал работать с большевиками еще при Ленине. Хаммер пригласил Писара стать его адвокатом, и они вместе ездили в Москву договариваться о сделках Хаммера с советским государством. Останавливались они всегда в отеле «Националь». Когда приезжали вдвоем,

то Хаммер снимал номер, в котором жил Ленин после переезда советского правительства в Москву. Если Писару приходилось приезжать одному, то и он не мог отказать себе в удовольствии снять именно тот же номер.

Как вспоминает Самуэль, ему приходилось встречаться с Л. Брежневым, А. Косыгиным, затем с М. Горбачевым и Б. Ельциным. Так как в течение 22-х лет Писар был адвокатом МОК (Международного олимпийского комитета) и постоянным советником его президента Хуана Самаранча, он неоднократно встречался с В. Путиным.

Во времена Брежнева существовал специальный американо-советский комитет для обсуждения проблем между двумя странами, по которым пока еще не было договоренности. В него входило 24 человека, по 12 с каждой стороны. Заседания комитета проходили один год в США, другой — в СССР. Белый дом включил Писара в его состав. А теперь предоставим слово Самуэлю об одном из запомнившихся ему заседаний комитета:

Со стороны США в него входили Рокфеллер, Эйзенхауэр — брат президента, генерал Гавин, несколько министров. С советской стороны — А. Корнейчук, Б. Полевой, академики Е. Федоров, Е. Примаков. Недельку переговоров мы провели в Киеве, потом такая совместная встреча проходила в Тбилиси, помню, что в ней принял участие сенатор Эд. Кеннеди. Все было гладко. Но вот выступил Е. Примаков, и произошел инцидент. В своей речи он назвал израильтян фашистами. Это был политический антисемитский выпад. Он еще говорил об американских еврейских экстремистах, в частности, о раве Кахане, и говорил, говорил. Я не мог перенести эту антисемитскую речь. Мне не хотелось устраивать скандал, сорвать встречу, потому что она была важна для Вашингтона и Москвы. Но я попросил сопредседателя со стороны США генерала Гавина дать мне возможность выступить. Моя речь, разумеется, была взволнованной и спонтанной. Я дал отпор антисемитским выпадам Примакова и закончил свое выступление такими словами: «Вы нам показали Киев. Это было приятно. Но вы нам показали памятник Богдану Хмельницкому на коне и сказали, что это большой герой. Для меня это не герой, а палач, который безжалостно уничтожил евреев. Недалеко от Киева есть овраг. Это Бабий Яр — в нем нацисты тоже уничтожали евреев. Поэт Евгений Евтушенко написал поэму про Бабий Яр и вспомнил в ней про мальчика из Белостока — это про меня. После того, что говорил о евреях Примаков, я бы хотел, чтобы вы показали нам Бабий Яр».

Советские члены комитета были в шоке от моих слов. Они не знали, что делать, что ответить. А мои американские коллеги после этого заявили: «Ты сказал, что надо посмотреть Бабий Яр. Мы тоже хотим поехать и увидеть его». Нас стали уговаривать, что не стоит туда ехать. Плохая, разбитая дорога, и это далеко. Но мы продолжали настаивать. Тогда нам дали автобус, и мы поехали. Экскурсоводом была девушка, она рассказывала о Бабьем Яре по-английски и сама плакала. Вдруг появляется второй автобус, и из него выходят Корнейчук, Полевой, Примаков — все члены делегации с советской стороны. Оказалось, что они звонили в Москву и там им сказали: надо ехать! Мол, мы не можем саботировать желание американцев. После этого была поездка по Днепру и состоялось пленарное заседание, на котором я выступил с речью. Помню только, что позволил себе закончить ее известным еврейским призывом: «Отпусти народ мой!»

Об этих выступлениях Писара в Киеве стало известно в Израиле и, как он вспоминает:

Вскоре тогдашний премьер-министр Голда Меир попросила меня приехать. Это была эмоциональная встреча. Она сказала: «Ты должен что-то сделать, чтобы евреев стали выпускать в Израиль. Ты можешь это сделать, потому что при встречах напрямую говоришь с Брежневым, с премьером Косыгиным. Ты представляешь самые большие банки, русские хотят от них получать кредиты, а от американской промышленности — новую технологию. Ведь ты об этом писал в своих книгах. Я тебя прошу об этом, потому что ты хорошо знаешь чувства бесправного еврея, который находится в заключении. Ты сам был во время войны в Аушвице».

Писара взволновал разговор с Голдой Меир, и он продолжил во время многочисленных поездок в Москву делать свое благородное дело. Пришлось ему даже выступать там в судебном процессе. Предоставим слово Писару:

Да, я выступал в московском суде и защищал пять молодых еврейских парней. В этот раз я оказался в Москве вместе с моим другом Эли Визелем. Был праздник Симхат Тора, и мы пошли в Московскую хоральную синагогу на улице Архипова. Народу там оказалось очень много. В 10 часов утра милиция в форме и гражданской одежде стала разгонять собравшихся евреев. Они их избивали и кричали в мегафон:

«Разойдись!» Но молодежь не слушала эту команду. Тогда милиционеры стали хватать и арестовывать первых попавшихся. Так оказались перед судом пять симпатичных парней. Конечно, в тот момент об их судьбе забеспокоились родители. Думаю, кто-то им сказал, что в Москве находится известный парижский адвокат. Я не хотел вмешиваться и браться за это дело. Но Эли Визель сказал мне на идиш: «Ду дарфст гейн!» («Ты должен идти!»). Помню маму одного из арестованных ребят — она была врачом и сказала мне: «Если ты ничего не сделаешь, их отправят в Сибирь. И мы их больше не увидим». И я пошел в суд и согласился их защищать. Там я встретился с председателем суда. Мы с ним говорили по-русски. Но моя речь была старомодной. Он мне сказал, что должен отлучиться, и попросил подождать его. Он пошел в другую комнату позвонить куда надо. И там, где надо, ему, вероятно, объяснили, кто я, и председатель суда неожиданно разрешил мне участвовать в процессе и передал ведение этого дела женщине-судье. Суд длился четыре, может быть, пять часов. Я помню, что среди подсудимых был парень, который хорошо говорил на иврите. Мои аргументы в ходе суда возымели действие. За что их хотели осудить? Только за то, что они пришли на свой еврейский праздник к синагоге? Чистейшее нарушение прав человека. Тогда советские лидеры на словах выступали за их соблюдение, и я использовал это. Когда первого из подсудимых оправдали, я вывел его из зала суда. Нас встречала на улице толпа евреев. Они кричали «Ура!». Так я добился освобождения четырех подсудимых — еврейских ребят. Пятый был очень сложный человек. Религиозный, с бородой и пейсами. Когда судья его оправдала, он отказался идти на свободу. Я спросил у него: «Почему? Какая у тебя проблема?» Он ответил: «При аресте они отобрали у меня ремень. Я хочу, чтобы мне его вернули». Я с трудом сдержал себя: «Слушайся меня!», и снял свой ремень. Но он отказался его взять. И я сказал ему: «Это я делаю тебе подарок». А он заупрямился: «Не хочу. Хочу только мой». Конфликт продолжался, наверное, полчаса. Наконец мой последний подзащитный сдался. После этого мы вышли, и я показал собравшимся евреям растопыренную ладонь с пятью пальцами: «Я освободил всех пятерых!»

Тогда собравшиеся меня подхватили на руки, как футболиста победившей команды, и стали качать с криками «Ура!». Потом меня обнимали и целовали.

Конечно, в своей адвокатской практике я не имел ничего подобного, и этот эпизод я никогда не забуду.

Самуэль Писар вступил уже в девятый десяток жизни, но по-прежнему активен. Он живет в Париже, но зачастую его можно увидеть в разных местах мира, где он консультирует, выступает в концертах (читает собственный текст в симфонии его друга Леонарда Бернштейна). Писар познакомился с Бернштейном, когда работал консультантом президента Кеннеди. Он был в восхищении от грандиозного концерта, который устроил композитор при инаугурации президента.

Далее выяснилось, что их родители из Российской империи: Бернштейна — с Украины, а Писара — из Польши. Симфония Бернштейна «Кадиш» была написана после убийства Кеннеди и впервые прозвучала в Тель-Авиве в 1963 году. Композитору не очень нравился собственный текст, сопровождавший музыку. Когда же он прочитал мемуары Писара, то решил заменить текст и попросил Писара сделать это. Последний отказывался, но после смерти композитора выполнил его просьбу. Новый текст «Диалог с Богом», основанный на личном опыте автора, был написан в 1990 году. Премьера симфонии Бернштейна с этим текстом состоялась в 2003 году в Чикаго, и с тех пор она триумфально шествует по миру.

Это совместное произведение Леонарда Бернштейна и Самуэля Писара не только достойный памятник шести миллионам евреев, сгоревшим в огненном вихре Холокоста, но и обращение уходящего поколения к памяти поколений грядущих.

В упомянутой выше статье Писара в газете *The New York Times* он писал:

Сегодня мы, последние из тех, кто пережил величайшую катастрофу, устроенную человеком для человека, потихоньку исчезаем. Вскоре история будет говорить об Освенциме, в лучшем случае, безличным голосом исследователей и романистов, а в худшем — зловещим тоном ревизионистов и фальсификаторов, которые называют Холокост «мифом». Этот процесс уже начался. Именно поэтому мы испытываем настоящую потребность передать другим людям память о том, что вынесли наши тела и души. Предупредить наших детей о том, что фанатизм и насилие, распространяющиеся в нашем вновь беспокойном мире, могут уничтожить их вселенную так же, как тогда уничтожили мою.

Примечания

¹ Обе симфонии были исполнены оркестром под управлением немецкого дирижера Томаса Зандерлинга (род. 1942, Новосибирск). (*Примеч. ред.-сост.*)

² Первое издание книги на идиш вышло в Израиле. Затем последовало несколько изданий на английском и многих других языках — книга стала бестселлером. При написании статьи автор пользовался следующим изданием: *Pizar, S. Of Blood and Hope*. Boston: Little, Brawn and Company, 1980.

³ К этому списку можно добавить также Боруха (Бориса) Кауфмана (1906, Белосток — 1980, Нью-Йорк), франко-американского кинооператора, младшего брата Д. Вертова; Моисея (Михаила) Кауфмана (1897–1980, Москва), советского кинорежиссера, среднего брата Д. Вертова; драматурга и писателя Осипа Дымова (Перельмана, 1878, Белосток — 1959, Нью-Йорк) и его младшего брата, советского ученого и писателя Якова (Якова-Соломона) Перельмана (1882, Белосток — 1942, Ленинград). (*Примеч. ред.-сост.*)

⁴ *Pizar, S. Coexistence and Commerce. Guidelines for Transaction Between East and West*. N. Y.: McGraw Hill, 1970.

ЛИТЕРАТУРА

Лев Лосев в США*

Игорь Ефимов (Обурн, Пенсильвания, США)

Prof. Lev Loseff
4 Mourlyn Rd.
Hanover, N. H. 03755

January 5, 1991

Сначала человек грешит по слабости своей...
Затем впадает в отчаяние
и вновь грешит уже с отчаяния.

Кьеркегор

Дорогой Леша!

Куда ты запропастился? Не думаешь ли ты, что я точу на тебя зуб за антологию? Конечно, я рад был бы ее получить. Но тогда придет моя пора чувствовать себя виноватым. Потому что не представляю, когда я смогу отправить ее в типографию. Все же лучше прислать ее в полу-готовом виде. Тогда она будет как бы двигаться в очереди к печатному станку, а ты будешь присылать исправления и улучшения. А то она сейчас никуда не движется.

При всей кризисно-катастрофической ситуации с русскими книгами, я жду также третий сборник твоих стихов. Или ты уже нашел для них издателя в Союзе? Сообщи, потому что мне надо знать для составления каталога. <...>

* Продолжение. Начало см.: *Ефимов И.* Лев Лосев в Америке // Русские евреи в Америке (далее — РЕВА). Кн. 10 / Ред.-сост. Э. Зальцберг. Торонто; СПб., 2015. С. 106–125.

Мы съездили в Чикаго с Сашей Грибановым¹, который сейчас активно сотрудничает с «Эрмитажем». Удачно, что ты пригласил его на AAASS² во Флориду, — мы и туда поедem с ним вдвоем на машине³.

Целуй Нину, с Новым годом, твой
Игорь

1. Александр Грибанов — литературовед, переводчик, диссидент, эмигрировал в 1987 г.

2. American Association for Advancement of Slavic Studies.

3. Поездка не состоялась.

Prof. Lev Loseff
4 Mourlyn Rd.
Hanover, N. H. 03755

February 11, 1992

Дорогой Леша!

Ты у меня получишь прозвище «Пенелопа с компьютером». Опять, небось, ночами стираешь то, что днем напярл на экране? Кого ждешь, кого тянешь, какого Одиссея тебе еще надобно? Или ждешь, чтобы позвонил тебе какой-нибудь Prentice Hall¹? Не будет его. Прыгай в последний держащийся на плаву ковчег *Эрмитаж*, присылай обещанные страницы. И тогда решим, влезают твои полиграфические мечты в суровую реальность или нет.

Теперь по поводу летней конференции. Название, как я понимаю, остается в силе. Свой доклад о Достоевском я прочту 7 марта в [университете] Фордэм, у Бернис Розенталь². А тебе хотел бы предложить статью о «Старике» Трифонова. Я когда-то напечатал первый вариант у Перельмана³, но в качестве доклада нигде не предлагал и сильно переработал для сборника своих статей. Сообщи, годится ли. <...>

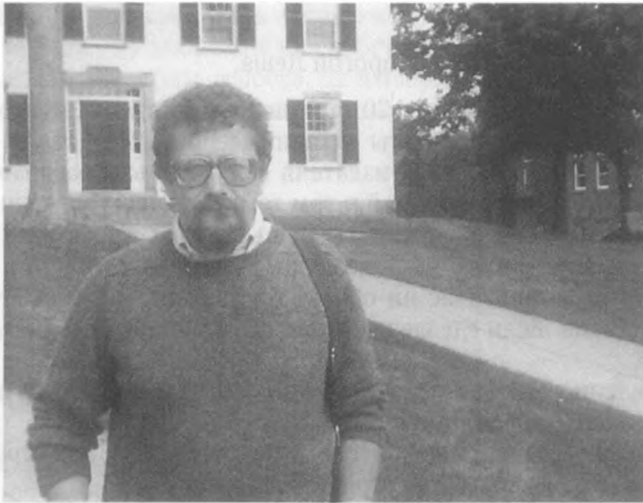
Жму руку и деру ухо,

издатель И. Е.

1. Крупное американское издательство.

2. Бернис Розенталь — профессор кафедры славянских литератур в университете Фордэм (Нью-Йорк).

3. Виктор Перельман (1929–2003), главный редактор журнала *Время и мы*. Статья о романе Юрия Трифонова «Старик» была напечатана там в № 71, 1983. В переработанном виде включена в сборник статей И. Ефимова «Бремя добра» (Tenafly, N. J.: Эрмитаж, 1993).

Л. Лосев.
1983 г.

Prof. Lev Loseff
4 Mourlyn Rd.
Hanover, N. H. 03755

March 23, 1992

Дорогой Леша!

Присланные странички произвели сильное впечатление на издателя. Чувствую, что труд твой по основательности и изяществу оставит позади имеющиеся ныне антологии. Зажмурил глаза, готов прыгнуть в финансовую бездну и согласиться на большой формат и прочие излишества. Но, но, но, — умоляю! ВРЕМЯ! СРОКИ! Мы обещаем книгу четвертый год, и это убийственно для репутации издательства. Можешь ли ты обещать мне поднажать? Если бы мы сдали макет в типографию в апреле, у меня был бы шанс привезти книгу в Норвич, показать народу, и тогда бы кто-то смог заказать ее уже для осеннего семестра. <...>

Выпустив антологию, вернемся к идее издания третьего сборника стихов Лосева. Видимо, это уже пойдет по плану 1993 года. (Название — «Память империи»?)

Посылаю свою статью про Трифонова. Надеюсь, ты найдешь ее подходящей для симпозиума. Иначе просто не знаю, когда смогу написать доклад. <...>

Сердечно, Игорь

April 10, 1992

Дорогой Леша,

Возвращаю вычитанные 120 страниц антологии. Конечно, теперь я вижу, насколько любовно ты ею занимаешься. При таком настроен-подходе приставания деляги-издателя могут только раздражать. Поэтому, Господь с тобой — делай в том темпе, в каком можешь. (Боюсь лишь, что без моего давления ты дашь другим проектам оттеснить этот — но тут уж ничего не поделаешь.) Пока из каталога я ее выну, потому что не ясен сейчас ни объем, ни формат, ни, соответственно, продажная цена. Если сделаешь в этом году, постараюсь не задержать с печатью.

Исправление ошибок найдешь на полях. Плюс к этому несколько соображений и комментариев.

Ты еще не дошел до Лермонтова, а уже набралось 120 страниц. Это значит, что первый том будет страниц 350, так?

Пропорции мне не всегда понятны. «Светлана» Жуковского непомерно длинна, а к ней ты еще добавляешь «Епископа Гаттона».

Уверен ли ты, что Мятлев уместен в этой антологии?

Название «Русская поэзия XIX века» ставит под сомнение права Ломоносова, Кантемира и пр.

Мне показалось, что слишком много стихов вакхического и фаталистически-предсмертного содержания. Надеюсь, это не отражает настроений составителя?¹ <...>

Жму руку, твой

И. Ефимов

1. Антология не была издана.

Prof. Lev Loseff
4 Mourlyn Rd.
Hanover, N. H. 03755

11 ноября, 1992

Дорогой Леша!

Прочитал в газете, что добрые выпускники засыпают ваш колледж миллионами долларов. Хорошо, знать, учили. И теперь будут строиться новые здания библиотеки. А на закупку книг-то останется? Уж пусть там проверят наличие «эрмитажных» изданий, пока мы не распродали.

Спасибо, что рекламируешь нас заезжему Евтушенке. Но звонить ему я все же не буду — у американских собственная гордость, на советских и антисоветских смотрим свысока. Да и очередь книг на производственном конвейере так длинна, что и не знаешь, как управиться <...>.

Дружески,
Игорь

Prof. Lev Loseff
4 Mourlyn Rd.
Hanover, N. H. 03755

28 мая, 1993

Дорогой Леша!

<...> А интересно тебе, как продаются книги Лосева? Сообщаем, что на май 1993 продано:

«Закрытый распределитель» [1984] — 607 шт.

«Чудесный десант» [1985] — 444

«Тайный советник» [1987] — 291

«Поэтика Бродского» [1986] — 657

Работаете над чем-то новым? Ищете издателя? Увидимся в Норвиче?

Сердечно,
Игорь Ефимов

Prof. Lev Loseff
4 Mourlyn Rd.
Hanover, N. H. 03755

26 ноября, 1993

Дорогой Леша!

Во-первых, посылаю новую книгу стихов Горбаневской¹. Надеюсь, вы еще дружите и читаете друг друга. А то прямо не уследить за разрывами и разводами среди друзей.

Во-вторых, рецензию на книгу Я. Гордина² из *Славик ревью* — вдруг она поможет тебе в хлопотах по его очередному приглашению. Кстати, Елена Александровна Якобсон намерена нанять Тату³ для перевода ее мемуаров на русский язык, так что есть надежда, что у них будут деньги на проезд вдвоем.

В-третьих, спасибо тебе за добрый отклик на готовящееся английское издание моей «Седьмой жены»⁴. Издатели, видимо, выдернули твое имя и адрес из моей CV — могу ли я осуждать их? Но все же, что ты имел в виду, употребив эпитет impractical? Роман дает самый реалистичный двойной портрет Америки, обалдевшей от погони за счастьем, и России, охмелевшей от погони за невиноватостью <...>.

Обнимаю,
Игорь

1. Наталья Горбаневская. Цвет вереска. Tenafly, N. J.: Эрмитаж, 1993.

2. Яков Аркадьевич Гордин — поэт, историк, главный редактор журнала *Звезда*. Его книга «Лев Толстой и русская история» была опубликована в Эрми-таже в 1992 г.

3. Наталья Леонидовна Рахманова, переводчица, жена Якова Гордина.

4. Перевод романа «Седьмая жена» на английский был опубликован в 1994 г. (The Seventh Wife. Dallas: Baskerville Publishers).

Prof. Lev Loseff
4 Mourlyn Rd.
Hanover, N. H. 03755

25 апреля, 1994

Дорогой Леша!

Получил проспект энциклопедии, ознакомился, взгляделся в сроки, не поверил глазам своим. Сопроводительное письмо можно приложить как иллюстрацию к статье «штурм». До 1-го июля! Я мог бы всерьез подумать о своем участии, если бы речь шла о 1995 г. А так ни я, ни Марина¹ в ближайшие два месяца даже головы не сможем повернуть в сторону, отвлечься от собственной текучки.

Желая помочь тебе, готов передать проспект кому-то из своих авторов. В конце недели увижу Люду Штерн² — может быть, ей? Бойко пишет также на подобные темы Владимир Шляпентох³ (Университет в Ист Лансинге, Мичиган). Мише Глинке⁴ я сказал, он, видимо, уже звонил тебе.

Как благожелательному читателю-критику посылаю первые отзывы на английское издание «Седьмой жены». Эх, продать бы теперь в Голливуд!

До встречи в Италии, сердечно,
Игорь

1. Марина Ефимова (Рачко, род. 1937, Ленинград) — журналистка, поэт, жена И. Ефимова.

2. Людмила Штерн (род. 1936, Ленинград) — писательница, мемуаристка, старинная приятельница Ефимовых.

3. Владимир Шляпентох (род. 1926, Киев) — социолог, профессор Мичиганского университета.

4. Михаил Глинка (род. 1936) — ленинградский писатель.

Prof. Lev Loseff
4 Mourlyn Rd.
Hanover, N. H. 03755

14 декабря, 1995

Дорогой Леша!

Поздней порой паковал недавно книжки в подвале, достал экземпляр «Тайного советника» для какой-то университетской библиотеки, машинально открыл и зачитался. Очаровательные, иронией и грустью до сердца достающие стихи! Глянул на дату выпуска — мать честная! Скоро уже будет десять лет.

Что у тебя происходило с публикациями за это время? Знаю про российские журналы — но вышла ли книжка? Нет ли стихов на новый сборник? Как это ни фантастично, «Эрмитаж» все еще бодро ныряет в волны, и я мог бы в конце 1996-го издать твой новый сборничек страниц на сто. Если набирается и есть желание — присылай до февраля, когда я планирую выпускать очередной каталог.

Моя преподавательская карьера в Хантере¹ временно закончена, но удовольствие я получил большое. Говоришь, говоришь — и никто не посмеет встрять тебе поперек. Времени уходит много, но все же сумел закончить свою древнеримскую эпопею. Называется «Невеста императора»². Неужели Брайтон-бич опять не клонет, не оценит?

Поклон семейству, с Рождеством,

Игорь Ефимов

1. И. Ефимов преподавал в Hunter College (Нью-Йорк) в 1995 г. два семестра.

2. Этот роман был опубликован в журнале *Звезда* (1996. № 9–10) под названием «Не мир, но меч», затем вышел отдельной книгой в издательстве «Тerra» (Москва) под названием «Пелагий Британец» (1998), переиздан «Азбукой» в 2008 г. под названием «Невеста императора».

Prof. Lev Loseff
4 Mourlyn Rd.
Hanover, N. H. 03755

7 января, 1996

В страшный Рождественский снегопад,
из Ньюджерсийской берлоги в Ньюхемпширскую

Дорогой Леша!

<...> Это хорошо, что издатель Комаров¹ собрался издать твой очередной сборник. Все же он издал Бродского — глядишь, и не окажется таким обманщиком, как предыдущие три.

Что касается 60-летнего юбилея поэта Лосева, то надо бы его отметить с заслуженным блеском и треском. Но настоящий юбилейный сборник мне, конечно, не вытянуть. В этом году продажа книг упала еще на 10%, нашему кораблику все труднее держаться на поверхности. Я наловчился выпускать книжечки толщиной в 100–120 страниц, крошечным тиражом (200 экз.) — это я и имел в виду, когда писал тебе о выпуске нового сборника. А ведь ты, наверное, имеешь в виду страниц 200, да тиражом не менее 500? Это я не сдую. Если вдруг в России выйдет в ближайшее время, пришли мне экземпляр — я могу включить его в свой каталог, в раздел «Книги других издательств».

Моя преподавательская карьера пока прервалась. А жаль — это дело очень по мне, да и студенты, похоже, были увлечены. <...>

Поздравления всему семейству, дружески

Игорь

1. Геннадий Комаров — ленинградский поэт и издатель.

Prof. Lev Loseff
4 Mourlyn Rd.
Hanover, N. H. 03755

2 мая, 1996

Дорогой Леша!

<...> Теперь о твоей статье. Тема мне очень близка — то есть вообще примеры полного отталкивания одного крупного писателя от другого. Своих студентов в Хантере я часто тревожил историями Толстой против

Шекспира, Достоевский против Тургенева и т. д. Но понятно, что если разрабатывать эту коллизию всерьез, то придешь к разрушению главной мечты сегодняшнего литературоведения: что в оценке и анализе литературных произведений можно обойтись объективно-научным рассмотрением текстов, не привлекая такие мистические понятия, как «душа», «духовный мир», или, пользуясь выражением Бродского, «истинно духовные задачи». Ведь если Ахматова ниспровергает Чехова, а Розанов поливает Гоголя, а Владимир Соловьев присуждает Лермонтова к высшей мере христианской защиты — горению в аду, то ясно, что стройная шкала оценок в литературе рушится.

В конце статьи ты сам к этому осторожно подводишь и признаешь, что «неприязнь Ахматовой к Чехову <...> иррациональна, загадочна, и все объяснения чисто литературного порядка неудовлетворительны». К моему великому сожалению, мы с тобой общаемся раз в год, поэтому я не знаю, насколько сдержанность этой концовки — дань канонам мышления, восторжествовавшим в сегодняшнем академическом мире, а насколько — твое собственное искреннее удивление. Но, в любом случае, если бы меня попросили кратко-кратко изъяснить для студентов феномен этого отталкивания, я бы сказал примерно следующее: сходство и родство между юной Ахматовой и чеховскими барышнями — они услышали с юности неясный, сладко-томительный зов — куда-то вверх и прочь отсюда — любой ценой; разница же и отталкивание начались с того момента, когда Ахматова спросила себя: «да Кто же зовет меня?» и услышала в ответ что-то вроде «Да, это я, душа твоя, Джон Донн»; а Чехов и его герои остались при вопросе «куда зовут?» (в Москву, на Сахалин, на осушение болот, на защиту вишневого сада). Лидия Чуковская и миллионы других замечательных интеллигентов так благодарны Чехову именно за то, что он подтверждает их выбор — остаться с богатым миром знакомых человеческих чувств, спиной к непостижимому; Ахматова же говорит об отсутствии именно того мужества в мире Чехова, которое требуется человеку — и поэту, чтобы стать лицом к лицу с непостижимым (см. Тиллих «Мужество быть», Шестов «Sola Fide», весь Кьеркегор и т. д.).

Что меня немного удивило: что не включил в статью упоминание о диспуте между Бродским (наследником Ахматовой) и Кундерой (обожателем Чехова)¹, который так же заплелся вокруг Достоевского, как вокруг пробного камня («Но что на свете есть сильнее, но что сильнее, чем страсть?»²).

Так или иначе, статья замечательная и получает мою полную поддержку, которая может оказаться губительной, если о ней узнает редактор намеченного тобой журнала.

Разговор о сборнике стихов 60-летнего Лосева мы просто отложили в надежде, что Комаров — Гордин исполнят свое обещание и выпустят в России — так?»³

Обнимаю тебя в твоей комфортабельной Орегонской глуши,⁴

И. Ефимов

1. Этот диспут был опубликован в газете *New York Times*, в номерах за 6 января и 17 февраля 1985 г.

2. Строка из поэмы Бродского «Шествие».

3. Сборник стихов Лосева «Послесловие» был выпущен издательством «Пушкинский фонд» в С.-Петербурге в 1998 г. под редакцией Г. Ф. Комарова.

4. Весной 1996 г. Лосев преподавал в Университете Орегона в городе Юджин.

Prof. Lev Loseff
4 Mourlyn Rd.
Hanover, N. H. 03755

16 августа, 1996

Дорогой Леша!

«А не осталось ли еще какого удовольствия напоследок?» — спрашиваешь себя в конце дня, запихнув все рукописи в папки, книжки — на полки, опустевшую рюмку — в посудомойку.

«Ах да — почитать Лёшин сборник на ночь глядя», — отвечал я себе всю прошедшую неделю¹.

Нет, дорогие наши слависты, не объяснить, не поделиться нам с вами этим щекотанием в горле от строчки «Рейхнулаь Германия с рильке в пуху...». Или этими превращениями «за холмом» в «за бугром», так неожиданно, детективно — за ниточку рифмы — вытаскивающими и «погром», и «багром», и «пером». Или этим путешествием на пиро-скафе вслед за Баратынским, Кушнером, Бродским. <...>

А какая неслыханная, изощренная непристойность зарифмована на страницах 54–55! Это уж для журнала *Хастлер*², не меньше. Я как-то высказал идею, что Набоков мучался эротической страстью не к «лолитам», а к бабочкам. И вот вам — поэт объяснил, как это можно было осуществить. <...>

Ах, «на вершок бы мне только издательской удачи, на горчичное только зерно»³ — и я бы издал тебе «Избранное» к юбилею с большой и тщеславной радостью. Пока же не могу издать собственный роман.

Могу только обнимать, поздравлять и приветствовать,

Игорь

1. Лосев Л. Новые сведения о Карле и Кларе. СПб.: Пушкинский фонд; изд-во «Звезда», 1996.

2. *Hustler* — американский порнографический журнал.

3. Неточная цитата из стихотворения Мандельштама «День стоял о пяти головах». Правильная цитата: «На вершок бы мне синего моря, на игольное только ушко».

Prof. Lev Loseff
4 Mourlyn Rd.
Hanover, N. H. 03755

16 марта, 1997

Дорогой Леша!

Посылаю по твоей просьбе три странички с дарственными надписями, сделанными Иосифом на книжках. При публикации, видимо, следует давать расшифровку текста — не всякий поймет его почерк.

У кого еще можно было бы спросить-поискать? Обращался ли ты к россиянам? Зарубежных ты всех знаешь, наверное, лучше меня. Гарик Восков? Эллендея? Русские кафедры, на которых он работал? Маша Эткин?¹ Если вспомню других, дам знать. <...>

Если мы заключим договор и Барышников уплатит аванс, я готов снять с тебя и взять на себя рассылку писем с просьбами о присылке автографов, уговоры, лесть, обещания, угрозы адвокатов, объяснения с Энн Кжелберг² и т. д. <...>

В Норвиче нам следует собраться с тобой и устроить самим себе скромный банкет по случаю собственного 60-летия — от других ведь не дождешься. Выпустил ли Комаров книжку твоих стихов? Очень надеюсь на экземпляр.

Всего доброго, поклон Нине, дружески

Дедулька Ефимов

1. Гарик Восков — друг юности Бродского, эмигрировал в Америку; Эллендея Проффер — жена Карла Проффера (1938–1984), совладелица издательства «Ардис»; Маша Эткин — дочь Ефима Григорьевича Эткина (1918–1999), приятельница Бродского.

2. Энн Кжелберг — приятельница и душеприказчица Бродского, накладывавшая всевозможные ограничения на любые публикации, связанные с творчеством и судьбой покойного поэта (Иосиф Бродский умер 28 января 1996 г.).

Prof. Lev Loseff
4 Mourlyn Rd.
Hanover, N. H. 03755

5 марта, 1998

(славная годовщина — «умер проклятый грузинский тиран...»¹)

Дорогой Леша!

Спасибо за копию твоего письма Парамонову² по поводу его «последней правды о Довлатове». Согласен в нем со всем — и со смыслом, и с тоном. Оказывается, ваш разрыв с Довлатовым пришелся почти на те же годы, что и у меня (1985 — и до конца). Моя версия его судьбы, таланта, характера тебе известна из моего письма к нему, которое я переслал тебе два года назад. Я недавно приводил в порядок нашу с ним переписку за годы 1978–1989 и подумал, что в письмах он раскрывался, пожалуй, ярче и свободнее, чем даже в прозе. Вообще эта переписка вылилась в том объеме 400 страниц (он писал мне порой несколько раз в неделю). И складывается она в такое цельное и драматическое произведение — «Судьба русского писателя в Америке», — что прямо руки чешутся отдать кому-то для печати. Удерживают смутные этические опасения, нежелание огорчать живых людей, представленных там карикатурно, и т. д.³ При случае хотел бы узнать твое мнение на этот счет. <...>

Сердечно,

Игорь

1. Начальная строка из стихотворения Лосева (сборник «Чудесный десант». Тенафлу, N. J.: Эрмитаж, 1985. С. 44).

2. Борис Михайлович Парамонов (род. 1937, Ленинград) — философ, эссеист, сотрудник американской радиостанции «Свобода».

3. Переписка Ефимова с Довлатовым была опубликована под названием «Эпистолярный роман» (М.: Захаров, 2001).

Prof. Lev Loseff
4 Mourlyn Rd.
Hanover, N. H. 03755

10 июня, 2000

Дорогой Леша!

Получил письменное приглашение из Орегона. Еще раз — низкий вам поклон. Ужо и мы что-нибудь хорошее для вас сделаем¹.

Спасибо за книжку². Читал новое, перечитывал старое — все с каким-то теплом и словесно-душевной вкусом. Вся семья очень смеялась, что на Псковщине есть только один «Гораций — чай»³.

По разным поводам заглядывал несколько раз в «Избранное» Бродского, находил ошибки. А одна пробралась и в четырехтомник: Сервета⁴ сожгли не в 1653, а в 1553. Иосифу простительно, а Гордину — нет. Проверь в своем томе.

Кстати, перечитывая «Зимним вечером в Ялте», я, кажется, понял, с кого написан портрет «сухое левантинское лицо...». Однажды зимой я провел месяц в Ялтинском доме творчества на семинаре драматургов (вышла лафа!). Там познакомился с молдавским писменником Андреем (в имени не очень уверен) Стрымбану. Помню, что потом он позвонил мне из Ялты в Ленинград страшно возбужденный только для того, чтобы сказать, что вот он сейчас выпивает с самим Бродским. Кажется, Иосиф взял трубку и пробурчал какой-то привет (интонация говорила: ну и знакомые у тебя!). Но портрет — копия Стрымбану. Он был, как мне кажется, молдавский вариант Марамзина⁵. Правда, мне помнится другая дата: не 1969, а 1970 или даже 1971. Можно ли верить датировке этих двух ялтинских вещей? Сколько раз Иосиф бывал в Ялте зимой?

В *Вопросах литературы* за март–апрель напечатана статья Эммы Герштейн⁶ о дуэли Пушкина. Читал с понятной ревностью и был разочарован. Она хочет снять с Пушкина обвинение в слепой и бешеной ревности (с чем я вполне согласен), но приходит к выводу, что трагедия произошла от кипения темных страстей совсем в другом человеке. В ком же? В Геккерне-старшем. Он, дескать, так любил Дантеса, что ревновал его к Н. Н. и хотел их поссорить. Спрашивается: так любил, что толкал любимого под пулю Пушкина?

Моя статья на эту тему будет напечатана в *Звезде* № 6.

А вот чего никак не ожидал: *Новый мир* в 5-м номере напечатал полностью мою отповедь Солженицыну за Бродского.

Обнимаю,
Игорь

1. Орегонский университет в городе Юджин по рекомендации Лосева пригласил И. Ефимова на один семестр вести курс по русской литературе (весна 2001 г.).

2. *Лосев Лев*. Стихотворения. СПб.: Пушкинский фонд, 1999.

3. Шутка Лосева на тему цокающего выговора жителей Псковщины: так они произносят слова «горячий чай».

4. Мигель Сервет (1511–1553) — испанский врач, теолог, мыслитель, сожженный в Женеве.

5. Владимир Марамзин (наст. имя Владимир Рафаилович Кацнельсон, род. 1934, Ленинград) — ленинградский писатель, имевший репутацию донжуана.

6. Эмма Герштейн (1903–2002) — литературовед, близкая приятельница супругов Мандельштам.

Prof. Lev Loseff
4 Mourlyn Rd.
Hanover, N. H. 03755

27 июля, 2001

Дорогой Леша!

От вчерашнего разговора по телефону у меня осталось какое-то беспокойство. Напрягся и вспомнил: оно возникло, когда ты сказал, что на симпозиуме в Мидлбери то, что говорил Парамонов и Генис,¹ было уж наверняка интереснее, чем то, что говорил председательствующий Лосев.

И мне стало обидно, что Лосев себя так мало ценит. Поэтому хочу тебе доложить, что всех трех авторов мне приходится часто читать «по долгу службы» — в радиопередачах моей Марины. И каждый раз, когда она вставляет эссе Парамонова или Гениса, я не могу избавиться от чувства разочарования: «Опять умелое и самоупоенное скольжение по поверхности». А когда вставляет беседы с Лосевым, я каждый раз думаю: «Ах, как хорошо, как точно, как по сути и про главное!»

Так что кончайте это ваше отшельническое ньюхемпширское самобичевание! Мы вам нашего любимого автора Лосева не отдадим! <...>

Обнимаю и буду рад повидаться

И. Е.

1. Александр Генис (род. 1953, Рязань) — эссеист, журналист, сотрудник радиостанции «Свобода».

Prof. Lev Loseff
4 Mourlyn Rd.
Hanover, N. H. 03755

24 декабря, 2004

Дорогой Леша!

Уж и не припомню, когда мне доводилось искренне и горячо благодарить за присланную в подарок книжку¹. Всегда буду гордиться, что этого поэта я первым представил читающей публике. Отдельные стихи из нового сборника читал за столом семье, вызывая смех, одобрительные возгласы и многозначительные вздохи. Про Довлатова — правдиво и страшно. Радиостанция «Зоотечественники» — смешно до сладкой щекотки в животе. Елена Шварц² из Бродского ребра — безжалостно, точно, не

простит. «Как в романе» — это Гандлевскому³? И дымка усталости чудно прорывается — завершается — чертой, которую последний поэт, разобраный структуралистами на запчасти, проводит бритвой по запястью.

Посмею и я послать тебе под елку свой последний роман «Новгородский толмач». По крайней мере, смею думать, что какие-то реалии Новгородско-Московской свары в 15-м веке даже тебе покажутся новыми и занятными. Используя материалы к этому роману, я уже выступал с лекциями в университете Юты, Флоренции, у нас в Колумбийском. Фрумкин⁴ хочет устроить разговор в эфире об этой книге, кажется, с твоим участием. А сейчас пишу новый роман, весь пронизанный русской филологией, который, боюсь, закроет для меня двери последних университетских кафедр, где меня еще привечали⁵.

С праздниками все ваше семейство, Марина присоединяется, Игорь

1. Лосев Л. Как я сказал. СПб.: Пушкинский фонд, 2004.

2. Елена Шварц (1948, Ленинград — 2010, Санкт-Петербург) — ленинградская поэтесса.

3. Сергей Гандлевский (род. 1952, Москва) — московский поэт.

4. Владимир Фрумкин (род. 1929) — музыковед, сотрудник радиостанции «Голос Америки».

5. Роман «Неверная» был опубликован в журнале *Нева* (2006. № 2–3), затем отдельной книгой в издательстве «Азбука» (СПб., 2006).

Lev Loseff

Lev.loseff@dartmouth.edu

18 апреля, 2006

Дорогой Леша!

<...> В *Неве* № 2–3, 2006, опубликован мой новый роман «Неверная», в котором любознательный читатель найдет исповедь нашей современницы — соэмигранницы — по профессии филолога, — а также ее страстные письма к таким русским классикам, как Герцен, Тютчев, Тургенев, Блок, Бунин, Маяковский. Конечно, мне бы очень хотелось, чтобы ты заглянул в роман своим филологическим и дружески расположенным глазом, но заставлять тебя читать с экрана (*Нева* уже вывесила текст в Интернете) — грешно и жестоко. Поэтому будем ждать, когда у меня появятся экземпляры или «Азбука» выполнит обещание и издаст роман отдельной книгой.

Обнимаю и восхваляю, И. Е.

Lev Loseff

20 апреля, 2006

Дорогой Леша!

Твое приглашение звучит очень заманчиво. Конференция в Норвиче будет проходить 4–8 июля. Можно ли устроить мое выступление в один из этих дней? Или это слишком тесно примыкает к 4-му июля, и студенты будут в праздничном разброде? Тогда останется понедельник, 10-е. Наверное, на все эти вопросы ты сможешь ответить только тогда, когда утрясется летнее расписание — так? У меня есть лекция-статья «Толстой и Достоевский: несовместимые миры». Я вполне могу пересказать ее по-английски. Подойдет?

Еще пересылаю тебе гневный вопль Ирины Машинской¹ про какую-то очередную гадость про Бродского, сочиненную и напечатанную Соловьёвыми² у Ларисы Шенкер³. Я их давно не читаю, даже когда они пишут про Ефимова — Довлатова, но, может быть, тебе пригодится для полноты твоей Бродскианы.

Вышел ли том в «Библиотеке поэта» с твоими комментариями?⁴ Жажду взглянуть.

Обнимаю, И. Е.

1. Ирина Машинская (род. 1958, Москва) — поэтесса и эссеистка, живет в Нью-Йорке.

2. Владимир Соловьёв и его жена, Елена Клепикова, — эмигрантские литераторы.

3. Лариса Шенкер (род. 1932, Одесса) — главный редактор журнала *Слово/Word* (Нью-Йорк).

4. Двухтомник Бродского в серии «Библиотека поэта» с комментариями Лосева вышел уже после его смерти в 2010 г.

Prof. Lev Loseff
4 Mourlyn Rd.
Hanover, N. H. 03755

21 сентября, 2006

Дорогой Леша!

Спасибо за присланную книгу¹. Почитываю на ночь там и тут — с каким-то опережающим чтением удовольствием, приятием, почтением. Сейчас у нас гостят друзья Подгурские, Марк читает и приговаривает: «Да, вот это всерьез! Это — про главное! Не то что Людмила Штерн».

И как замечательно, что тебе удалось сломать их традицию и включить и указатель имен, и подробные примечания, и библиографию. Даже Быков в своей издательской вотчине не сделал такого для своего «Пастернака»².

<...>

Обнимаю, поклоны Нине, И. Е. и евовная жена Марина

1. Лосев Л. Иосиф Бродский: Опыт литературной биографии. М.: Молодая гвардия (Жизнь замечательных людей: Серия биографий), 2006.

2. Быков Дмитрий. Борис Пастернак. Изд. 2-е, исправ. М.: Молодая гвардия (Жизнь замечательных людей: Серия биографий), 2006.

Lev Losev

Lev.losev@mail.ru

2 мая, 2009

Дорогой Леша!

<...> Между тем по-прежнему «пальцы тянутся к перу, перо к бумаге». И вдруг меня занесло в проект — затею — океан, который тебе хорошо известен: Толстовиана. Пишу телесценарий в восьми частях под названием «Ясная Поляна». (Кстати, как принято писать это название: оба слова с заглавной?) Накупил и наодалживал кучу книг. Жили бы мы поближе, нагрязнул бы и к тебе, чтобы прочесть твою домашнюю библиотеку. Небось, у тебя там гора материалов, мне позарез нужных. Можно, я буду время от времени скрестись у порога и канючить: «Нет ли таких-то писем, таких-то воспоминаний?»

Сейчас, например, дошел до эпизода «Бык убил пастуха в поместье, и с Толстого следователь взял подписку о невыезде» (сентябрь, 1872). Толстой был в такой ярости, что грозил уехать в Англию. Но все выглядит довольно странно: какой мог быть спрос с Толстого, который в момент происшествия находился за тысячу верст, в Самаре? И еще более странно: через год другой бык снова убил другого пастуха. Прямо какая-то тульская коррида! Знаешь ли ты какие-нибудь детали и обстоятельства этой истории? <...>

Недавно одна читательница-поклонница из России спросила, как я отношусь к стихам и прозе Льва Лосева. Я ответил, что не только ценю-люблю и то, и другое, но был гордым первым издателем и того, и другого.

Обнимаю, поклон Нине, И. Е.

**Связь литературных пространств.
Журнал *Время и место* — для писателей и читателей
русской диаспоры**

Дмитрий Волошин (Нью-Йорк)

...Восемь лет назад, в один из летних вечеров, два человека, обвеваемые бризом, бродили по знаменитому брайтонскому бордвоку в Нью-Йорке. Они были хорошо знакомы много лет, еще по Москве, где оба занимались журналистикой. Друзья обсуждали идею, которая все более захватывала их: начать выпускать международный литературный журнал для писателей и читателей иммиграции, не только живущих в Америке, но разбросанных по странам и континентам. Одним из них был бизнесмен и литератор Игорь Шихман, другим — Давид Гай, в чью беспокойную голову и пришла мысль о журнале.

Через некоторое время смелый и одновременно рискованный замысел стал воплощаться в реалии. Рискованный — потому что делать такой журнал очень непросто, можно потратить средства и ничего не добиться. Шихман стал издателем и главным редактором, Гай — его замом, по-американски, исполнительным редактором. И — завертелось, закрутилось...

Активно помогали известные писатели, прежде всего Семен Резник, любимая многими Дина Рубина, обещавшая отдавать именно нам главы своих новых произведений до выхода их книгами, собратья по перу из Чикаго Рэм Никифорович и Евсей Цейтлин; чуть позже полпредом журнала в Израиле стал поэт Марк Вейцман, в Германии — публицист Михаил Румер-Зараев, появились заинтересованные в успехе нового дела в Англии (Андрей Остальский), Франции (Виталий Амурский). Члены редколлегии находили талантливых авторов, уже известных и только начинающих тернистый путь в литературе. Стало ясно: интерес к новому журналу *Время и место* большой, в нем охотно печатаются, его читают.

Сразу же создатели *Времени и места* вывели три правила, которым неукоснительно следуют: высокий критерий отбора рукописей, заслон графоманам, никакой рекламы. Издатель придумал форму цветной обложки: воспроизводить работы художников-иммигрантов. Журнал, таким образом, стал отличаться от всех подобных изданий как в зарубежье, так и в России, привлекая взоры внешним видом.

И вот уже девять лет выходит на русском языке *Время и место*. Выходит, заметим, без какой-либо материальной поддержки извне. Филантропический проект осуществляет Игорь Шихман, тратящий на него собственные средства. Он говорит:

Журнал преследует главную цель: дать возможность печататься литераторам-иммигрантам, пишущим на русском и живущим в разных государствах. Журнал стал их трибуной, мостом, связывающим страны и континенты. Страницы издания открыты и для писателей постсоветских республик. Наши авторы живут в Америке, Германии, Канаде, Франции, Израиле, Англии, Швеции, Финляндии, Испании, Украине, Беларуси, России, Казахстане, Греции, Австралии, Новой Зеландии и других странах... Хочется поговорить на тему, близкую мне как издателю и литератору. К сожалению, мировая книжная индустрия сдает позиции. Скажем, в США 7 книг из 10 оказываются убыточными. Эксперты отмечают падение интереса к чтению (в России, например, каждый год 2% жителей перестают читать, и такой же процент перестает читать активно). В итоге во всех странах резко снижаются тиражи, все сложнее донести до читающей публики художественную литературу высокого уровня. Так называемые бестселлеры типа «Пятьдесят оттенков серого» британской писательницы Э. Л. Джеймс на поверку оказываются низкопробным варевом, расчитанным на невзыскательного англоязычного читателя. Крупные издательства объединяются, мелкие сокращают выход продукции или вообще уходят с рынка, уменьшается число книжных магазинов. И это на фоне всепоглощающего «Амазона», ставшего главным удачливым конкурентом издательств. Замещение с его помощью обычных книг электронными становится повсеместным явлением. Что же делать? Издатели наверняка будут искать альтернативный путь заставить цифровую революцию работать на себя.

Я нахожу странным, что большинство публикаторов не решаются продавать своим читателям электронные книги, — говорит И. Сильверберг, литературный директор Национального фонда искусств США. — Издательская отрасль слишком цепляется за пережитки

прошлого, за способности работы в ней, сложившиеся на протяжении последних полутора столетий. В ДНК издателей отсутствует программа по продаже виртуальных книг, но некоторые, наиболее смелые из них, собираются заняться этим в не столь далеком будущем. Впрочем, сейчас еще слишком рано судить об этом. Пройдет 5 или 10 лет, прежде чем мы узнаем судьбу книжной индустрии.

Однако сейчас публикаторов изрядно штормит, даже тех, чьи позиции крепче, чем у остальных. Как выжить в таких условиях нашему журналу, который представляет собой скромный островок посреди моря печатной продукции? Да, мы — маленькое издание, наш проект — филантропический, но мы заинтересованы в притоке читателей-подписчиков. Нет, мы не собираемся переходить на электронную версию — вы, дорогие друзья, многие в солидном возрасте, читающие по-русски, воспитаны на уважении к книге или журналу в их первоизданном, то есть бумажном виде. И тем не менее, мы обновили наш сайт www.vnzshurlal.com, с его помощью начали вести подписку на *Время и место* и осуществлять продажу книг наших авторов.

Журнал можно также увидеть на весьма популярном портале «Читальный зал».

Что же касается кризиса печатной продукции... Он есть, с ним следует бороться и не обязательно победить. Но издания на бумаге были, есть и будут, ибо не переведутся люди, для которых перелистывание страниц, неповторимый аромат типографской краски, красивые цветные обложки составляют предмет радости, отвечают их эстетическим потребностям.

«О, дух словесности российской, ужель навеки отмерцал ты?» — с горечью вопрошал Борис Чичибабин в стихотворении «Современные ямбы» (1991), печалась о судьбе нашей литературы, казавшейся в тот период беззащитного захвата собственности и массового бегства из бывшего СССР никому не нужной, брошенной на произвол судьбы. Ничего подобного, литература жива, притом весомый вклад в ее развитие вносят писатели эмиграции. Одно из подтверждений — публикации в журнале *Время и место*.

...Изредка листаю страницы журнала, выходящего раз в три месяца, освежаю в памяти тексты — и впрямь, сколько же интересного, по-настоящему талантливого в прозе, поэзии, публицистике уже опубликовано в 32 номерах! Имена известные, привожу на выбор: Борис Хазанов, Владимир Некляев, Владимир Порудоминский, Давид Маркиш, Лев Лосев, Борис Кушнер, Михаил Румер-Зараев, Борис Румер,

Виктор Норд, Юрий Окунев, Владимир Батшев, Семен Резник, Дина Рубина, Давид Гай, Вера Зубарева, Равиль Бухараев, Софья Богатырева, Александр и Владимир Матлины, Андрей Грицман, Павел Грушко, Наум Коржавин, Геннадий Кацов, Виталий Амурский, Михаил Веллер, Григорий Канович, Марк Вейцман, Марк Гинзбург, Юрий Солодкин, Рэм Никифорович, Евсей Цейтлин — перечислять можно еще долго.

Заслуживают внимания рубрики «Политика, экономика», «Судьбы», «Имена в литературе», «Реминисценции», «Наш архив», «Неизвестное об известном», «Вечная тема» (имеется в виду антисемитизм), «Эмиграция», СИПиП — саркастически-ироническая проза и поэзия.

Издание обрело себя, свое лицо, его аудитория расширяется, о нем пишут. И нельзя не согласиться с живущим в Германии публицистом Михаилом Румером-Зараевым, который, говоря об идее, с которой наш журнал вошел в культуру, определил ее как идею возвращения к подлинности — той подлинности, что противостоит незатейливой игре, заданности, имитации правды, губящих литературу. Подлинности, подразумевающей искренность, исповедальность, обращение к вечным темам любви и смерти, бегство от пустоты повседневности. Под таким флагом идет журнал к своему читателю в США и других странах, таково его *время и место*.

Редакция получила такое письмо читательницы и опубликовала его в № 1 (25) за 2013 год¹:

Уважаемые господа! Я являюсь подписчиком журнала Время и место уже пятый год. Номера, которые выходили прежде, видела на интернете. Что могу сказать... Молодцы! Не сочтите это дежурным комплиментом.

Написала я вам не случайно и не только ради похвалы. Мне уже за восемьдесят, для меня литература была и есть постоянный спутник жизни, и в Киеве, где работала в проектном институте, и в Калифорнии, где живу последние 18 лет. Так вот, мне очень грустно — наши внуки не читают по-русски, за редким исключением. А чаще всего вообще ничего не читают, посвящая свободные часы разным компьютерным играм. Я не старая брюзга, я все понимаю: мир изменился, изменились и интересы молодежи. Такова данность... Редко в какой иммигрантской семье удастся привить ребенку интерес к книге, тем более на русском, уже чужом ему языке.

Что же касается наших детей, то они очень заняты и если читают, то, как правило, на английском, и большей частью электронные книги. В моей семье, увы, именно так.

В этой связи у меня горький вопрос: для кого вы издаете ваш журнал? Для нас, пожилых людей, для которых английский так и остался неосуществленной мечтой? Много ли у вас подписчиков среднего и молодого возраста? Есть ли молодые авторы? Не кажется ли вам, что в один далеко не прекрасный момент придется прекратить издание Времени и места из-за отсутствия читателей? Полина Р.

Издатель Игорь Шихман дал читательнице ответ:

Уважаемая Полина! Спасибо за письмо. Мы полностью согласны с постановкой вопроса: неужели русский язык в Америке обречен? Да, повод для тревоги имеется, во многом вы правы, однако, мне кажется, не все так мрачно. И подписчики у нас среднего и молодого возраста есть, хотя их меньше, нежели пожилых, и авторы молодые есть. Назову лишь несколько имен, чьи прозу и стихи вы читали. Это Миротвор Шварц, Елена Брук, Даниэль Аксельрод, Виктория Климчук, Дмитрий Песков... Омоложение читательской аудитории — для нас сверхактуально. Мы обязательно придем в университетские аудитории, где немало студентов, изучающих русский язык, им наш журнал станет хорошим подспорьем. Есть смысл объявить литературный конкурс «Дебют» и широко его разрекламировать. Возможно, сделать это совместно с телевидением RTN, которому я благодарен за поддержку. И тогда, мне кажется, мы убедимся, что все-таки есть немало молодых людей, читающих по-русски.

Примечание

¹ Печатается с сокращениями. (Примеч. ред.-сост.)

Памяти Э. И. Бобровой (1911–2012)

Эрнст Зальцберг (Торонто)

13 июля 2012 года в австрийском городе Иббсе скончалась Элла Ивановна Боброва¹ (в девичестве — Рунг)². Она не была ни автором РЕВА, ни героиней его публикаций.

Единственное, что в какой-то мере связывало ее с этим изданием, было то, что она родилась в России и затем много лет прожила в Канаде. Однако в действительности связь Эллы Ивановны с РЕВА была гораздо глубже. Со времени выхода из печати первого тома серии она горячо поддерживала это начинание, всячески стремилась помочь новому делу и охотно делилась со мной своим богатым жизненным и литературным опытом.

Элла Ивановна родилась 12 декабря 1911 года в г. Николаеве, затем жила в г. Ворошиловграде (Луганске). В конце Второй мировой войны она оказалась в Германии, а в 1950 году — в Торонто, где прожила более полувека. Здесь она начала писать стихи и активно участвовать в литературной жизни города в качестве поэта, литературного критика и переводчицы. В 60-е и 70-е годы Элла Ивановна была одним из редакторов первого и единственного в Канаде «толстого» литературного журнала на русском языке *Современник*. На его страницах, а затем отдельным изданием увидела свет ее повесть в стихах «Ирина Истомина»³, переведенная на многие языки и принесшая поэтессе международную известность.

Элла Ивановна — автор трех поэтических сборников⁴, двух детских сказок в стихах⁵, книги о творчестве И. Одоевцевой⁶, с которой она была хорошо знакома, многочисленных рецензий и литературных обзоров, опубликованных в *Современнике*.

Владея в совершенстве несколькими языками, она переводила собственные произведения с русского на английский и немецкий и англоязычных авторов — на русский. Многие стихи Эллы Ивановны были положены на музыку ее мужем, композитором Леоном Цукертом⁷.

*Н. Майер и Э. Боброва.
2011 г.*

Помимо литературного дара она обладала замечательным даром рассказчицы. «Вечно живому минувшему» — эпитафия к одному из разделов ее книги «Я чуда жду». В рассказах Эллы Ивановны минувшее оживало, становилось зримым и осязаемым, и слушать ее было истинным наслаждением.

Последние годы она прожила у дочери Норы Майер в Австрии. Несмотря на преклонный возраст, Элла Ивановна продолжала много трудиться: часто выступала перед студентами университетов с чтением стихов и рассказами о своей литературной деятельности, переводила на немецкий язык произведения И. Одоевцевой, собирала книгу избранных стихотворений и искала для нее издателя.

В моей памяти Элла Ивановна остается образцом оптимизма, глубокой веры в доброе начало, заложенное в человеке, в то, что хороших

людей вокруг больше, чем плохих. Она всегда была готова прийти на помощь, поддержать и приободрить в трудную минуту тех, кто нуждался в такой поддержке, будь то коллега-литератор, просто знакомый, а порой и незнакомый человек.

Мир праху ее.

Рассвета сонный вздох,
Дня многоликий шум,
Грусть сумерек, огней
вечерних искушение —
скажи, чем заглушить
мне зов мятежных дум?
Ушедшей радости
Где мне найти забвеньё?

(Из книги «Я чуда жду»)

Июль,
Жара,
Полупрозрачным газом
Белеют клочья лёгких облаков.
Вдали встают холмы как бы на страже
Лениво развалившихся лугов.

Бежим от улиц, запылённых, душных,
Чтоб синевы и тишины испить,
Чтоб жалобы подслушать звёзд падучих,
Не думать ни о чём, а просто быть...

А вот и лес. Свернули с автострады,
Мила нам даже лёгкая здесь пыль,
Нам скоро скажет озера прохлада
неслышно:

небоскрёбы? — это были!

Забыта раскалённая земля:
Здесь небо в озере...

и радость бытия.

(Из книги «Янтарный сок»)

На полях Фландрии

Джон МакКрей⁸

Во Фландрии, в чужих полях,
Между могил склонился мак.
Кресты, кресты... — мест наших знак.
И жаворонки в небесах
Поют, хоть редко над землёй
Их слышно сквозь орудий вой.

Нас больше нет. Была пора:
Рассвет мы знали, вечера...
Любили нас, любили мы —
И вот лежим, погребены
Во Фландрии.

Несите вы наш спор к врагу!
Вам из слабеющих мы рук
Бросаем стяг; и если он
Не будет вами вознесён —
Мы не уснём,
Хоть рдеет в поле маков сонм
Во Фландрии.

(Из книги «Янтарный сок»)

Примечания

¹ Подробнее об Э. И. Бобровой см.: *Зальцберг Э.* К 90-летию Э. И. Бобровой // *Новый Журнал*. Кн. 224. Нью-Йорк, 2001. С. 267–277; *Зальцберг Э.* Памяти Э. И. Бобровой // *Берега: Информационно-аналитический сборник о русском зарубежье*. Вып. 18. СПб., 2014. С. 60–63.

² Автор приносит благодарность д-ру Г. Кратцу за уточнение даты и места смерти Э. И. Бобровой.

³ *Боброва Э.* Ирина Истомина: повесть в стихах. Торонто: Современник, 1967. Через 30 лет повесть была напечатана в России (М.: Наследие, 1997).

⁴ *Боброва Э. И.* Я чуда жду: стихи. Торонто: Современник, 1970; *Ее же.* Янтарный сок: стихи, легенды, переводы. Торонто: Современник, 1977; *Bobrova, E.* Autumn Cadenza. Oakville: Mosaic Press, 1985.

⁵ Боброва Э. Сказка о том, как смелые снежинки помогли девочке Маринке. Торонто: Лионелла, 1961. Другая сказка — «Король в космосе» — была напечатана на русском и немецком языках в Казахстане и Киргизстане.

⁶ Боброва Э. Ирина Одоевцева. Литературный портрет. М.: Наследие, 1995.

⁷ Подробнее о творческом содружестве Л. Цукерта и Э. Бобровой см.: Зальцберг Э. Леон Цукерт — композитор, скрипач, дирижер // Русское еврейство в зарубежье. Т. 5 (10) / Сост., гл. ред. и издатель М. Пархомовский. Иерусалим, 2003. С. 63–72.

⁸ Перевод Э. Бобровой. Джон МакКрей (John McCrae, 1872–1918), канадский врач, педагог, поэт. В составе английской армии участвовал во Второй битве на Ипре в качестве полевого хирурга. Гибель его друга и бывшего ученика А. Хельмера вдохновила поэта написание этого стихотворения, которое включено во многие канадские учебники по литературе и поэтические антологии. МакКрей умер на фронте в январе 1918 г. от воспаления легких.

ИСКУССТВО

Молли Пикон¹

Джоан Грин (Бостон)

Подначивание бывшего «под мухой» пассажира троллейбуса пятилетней девчушки² дало толчок карьере Молли Пикон, ставшей любимицей зрителей еврейского музыкального театра. Со временем ее озорные глаза, темная шевелюра и акробатические способности помогли ей завоевать сердца зрителей и слушателей в США и Европе, Палестине и Израиле, Южной Африке и Австралии. За более чем 80 лет артистической карьеры Молли восхищала аудиторию исполнением ролей в радиопередачах, фильмах, театральных и телевизионных постановках. Впрочем, один американский режиссер посоветовал ей не так энергично жестикулировать на сцене, поскольку, по его мнению, это было «слишком по-еврейски». Пикон использовала все средства выразительности, чтобы донести до слушателей юмор, остроту и эмоциональность исполняемых ею песен. Ее главным персонажем поначалу был симпатичный и сообразительный беспризорник, который смеялся, плакал, кувыркался, делал шпагат, распевал песни, играл на музыкальных инструментах и в конце концов, благодаря счастливой случайности, успешно вступал во взрослый мир.

Остальные персонажи Молли Пикон – проворные, находчивые и упорные люди. В ее характере были ярко выражены и американские, и еврейские черты. Через всю жизнь она пронесла любовь к идиш, вела активную концертную и общественную деятельность в пользу еврейских беженцев и Государства Израиль. Верная сторонница президента Рузвельта, она была воплощением честности и добросовестности во время и после Второй мировой войны. Ее чувство юмора и сочувствие людям несли столь нужное им утешение везде, где бы она ни выступала. Молли дарила зрителям смех и слезы. Для своих приемных детей она создала домашний уют и привила им ясный взгляд на будущее.

Ее настоящее имя было Маргарет Пикун³. Она родилась 28 февраля 1898 года на *Broome Street* в Нижнем Ист-Сайде на Манхэттене, хотя ее бабушка-фантазерка утверждала, что будущая артистка появилась на свет в знойный день 1 июля того же года. Это расхождение позволило неизменно молодой (на сцене) Молли праздновать оба дня рождения. Ее мать, Клара Островская (в Америке — Остров), покинула небольшой городок⁴ под Киевом в 1890 году вместе с одиннадцатью братьями и сестрами, отцом Ароном и матерью Сарой.

Отец Молли Луис Пикон⁵ учился на раввина в Варшаве, женился и, не разведясь с женой, уехал в Америку. Здесь он вступил в брак вторично

и был очень недоволен тем, что его первым американским ребенком была девочка. После рождения второй девочки, Хелен, он практически ушел из дома. Клара вместе с матерью и детьми перебралась в Филадельфию, где стала работать швеей в еврейском театре и сдавать комнату жильцам.

Когда Молли было пять лет, она выиграла первый приз — пять долларов — на конкурсе детей-исполнителей в театре «Бийо». Это положило начало ее артистической карьере. Девочка стала брать уроки игры на фортепиано у Фанни Томашевской, жены Майка Томашевского⁶. Она всю жизнь училась: искусству импровизации — у актеров комедии дель арте, лазанью по канату — у арабских акробатов (ей тогда уже было за тридцать) и т. п.

Молли выступала с еврейской труппой Майка Томашевского в театре на *Arch Street* в Филадельфии. В 15 лет она играла в «Хижине дяди Тома» и на идиш, и на английском. Бросив школу, в 1912–1915 годах юная актриса выступала одновременно в театре и кабаре. В 1918 году она исполнила роль Зимы в водевиле «Времена года», который давала гастролировавшая труппа. Разразившаяся в следующем году эпидемия гриппа застала Молли в Бостоне, где все театры закрылись, оставив ее без работы. Единственным действующим театром был еврейский *Grand Opera House* под руководством Якоба Калиша⁷. Театру требовалась

Молли Пикон

актриса на амплуа «бойкой инженеру»; Молли была идеальной кандидаткой, и ее приняли в труппу.

Через год, после нескольких фраз, произнесенных Якобом на шести языках, включая ломаный английский, Молли и Якоб прямо со сцены объявили о своей помолвке. Свадьба состоялась 29 июня 1919 года в Филадельфии, в задней комнате местной булочной. Свадебное платье было сшито из старого театрального занавеса.

В пятницу 13 августа 1920 года Молли родила недоношенную мертвую девочку. «Поразительно, каким образом идеальная любовь могла породить мертвый плод», — писала она. Детей у них больше не было.

Янкель, как Пикон всегда называла Калиша, увез ее на два года в Европу для того, чтобы она получше научилась говорить на идиш и расширила артистический кругозор, что могло способствовать ее сценической карьере в Америке. Они ходили в известные театры, включая еврейские, видели представления знаменитой Виленской труппы.

В 1922–1925 годах Пикон играла в Театре на Второй авеню в Нью-Йорке, где в ее репертуаре, помимо «Янкеле»⁸, в котором, по ее словам, она выступала 3000 раз, были такие еврейские оперетты, как «*Tzipke*» («Ципке»), «*Mamele*» («Мамочка»), «*Raisele*» («Райзеле»), «*Oy Is Dus a Meydl*» («О, что за девушка») и «*The Circus Girl*» («Циркачка»)». В последней артистка по ходу действия висела вниз головой на канате, зацепившись за него одной ногой.

Дэвид Гриффит¹⁰, считавший ее «самой интересной американской актрисой», пытался собрать деньги на съемки фильма «*The Yiddish baby*» («Еврейский ребенок») с участием Пикон, но потерпел неудачу.

Ее первые фильмы были сняты в Европе. Она дебютировала в кинокартине «*Das Judenmadel*» («Еврейская девушка») режиссера Отто Фрайстера, вышедшей в Австрии в 1921 году. В следующем году она снялась в далекой от еврейской тематики ленте «*Hünter Eure Tüchter*» («Смотри за своей дочерью»). В еврейском фильме «*Ost und West*» («Восток и Запад», 1923) Молли играла вместе с Калишем; сокращенный вариант картины демонстрировался в США. В 1931 году вышла его новая звуковая версия. Как писал один критик, «фильм дышит еврейскими характеристиками, но не удовлетворяет высоким литературным стандартам».

В фильме «*Yidn Fun Siber*» («Евреи из Сибири», 1925) Пикон снялась с прославленной звездой оперетты Кларой Юнг¹¹. Четырьмя годами позже состоялся дебют Молли в звуковом кино в фильме «*Little Girl with Big Ideas*» («Маленькая девочка с большими идеями»). Пикон исполняла в нем главную роль на английском языке, но с сильным еврейским акцентом. За участие в фильме 1937 года «*Yiddle Mitn Fidle*» («Идл со скрипкой»)», режиссер Д. Грин¹³, музыка А. Эльштейна¹⁴, стихи

Молли Пикон.
1938 г.

И. Магера¹⁵) Пикон получила рекордный гонорар — 10 000 долларов, самый высокий среди еврейских киноактеров того времени. В 1961 году картина была дублирована на английский и вышла в прокат под названием «*Castles in the Air*» («Воздушные замки»).

В фильме «*Mamele*» (1938), комической мелодраме по пьесе Меира Шварца, сорокалетняя Пикон играла энергичного двенадцатилетнего мальчишку, который взял на себя заботы об овдовевшем отце и шестерых братьях и сестрах.

Это был последний еврейский фильм, снятый в довоенной Польше.

Осенью 1930 года Молли вернулась в Театр на Второй авеню, который теперь носил ее имя. Здесь она играла в «*The Girl of Yesterday*» («Девушка из прошлого»)¹⁶, спускаясь на сцену по канату, и «*The Love Thief*» («Похититель любви»)¹⁷. Обе оперетты шли при переполненном зале. Затем последовал тур по США и Палестине, где ее хозяином был Х. Н. Бялик, вместе с которым она совершила поездку в кибуц.

В 1933 году Пикон выступила в своем первом мюзикле «*Birdie*»¹⁸. В конце 1930-х годов, опасаясь, что идиш и идишская аудитория исчезают, она охотно согласилась сыграть роль неординарной еврейской женщины в драме американки Сильвии Рейган¹⁹ «*Morning Star*» («Утренняя звезда»)²⁰. Несмотря на то что режиссером постановки была прославленная Стелла Адлер²¹, спектакль продержался на сцене всего восемь недель.

В годы войны Молли часто выступала в американских военных частях, расквартированных в США, а после ее окончания — в лагерях для

перемещенных лиц и детских приютах в Европе. Эти концерты были организованы Еврейским рабочим комитетом, который также распределял среди слушателей продукты питания и предметы первой необходимости.

Вскоре после войны супруги переехали из Манхэттена в загородный дом в Махомаке, штат Нью-Йорк, названный ими «У Шмендрика». Артистка продолжала блистать во многих опереттах и водевилях, включая «*For Heaven's Sake, Mother*» («Ради Бога, мама») ²², «*Abi Gesunt*» («Будь здоров») ²³, «*Sadie is a Lady*» («Леди Сади») ²⁴, «*Mazel Tov, Molly*» («Поздравляем, Молли») ²⁵ и других. В 1949 году она начала вести популярную телевизионную передачу «*Molly Picon Show*» («Шоу Молли Пикон»), неизменно привлекая миллионы зрителей.

В 1950-е годы Калиш стал писать воспоминания «*I'm Talking about Molly*» («Я говорю о Молли»), основанные на дневниках жены. Он же написал для нее пьесы «*Farblinjet Honeymoon*» («Потерянный медовый месяц») и «*Ghetto Gaeties*» («Веселое гетто»). В первой Молли играла роль молодой служанки, вышедшей замуж за владельца поместья, во второй исполняла переведенные на английский песни из своего репертуара.

Во время второго турне в Израиль в 1955 году Пикон выступала перед членами кнессета. Поездка была примечательна еще и тем, что супруги удочерили свою дальнюю родственницу Мойру. Еще раньше, в 1942 году Пикон и Калиш усыновили семнадцатилетнего юношу из Бельгии Джорджа Вейнштейна.

В 1959 году в Нью-Йорке была поставлена драма Калиша «*The Kosher Widow*» («Кошерная вдова»), в которой Молли исполняла сразу две роли — жены и любовницы. Один из восторженных зрителей назвал пьесу «величайшим событием после возникновения сионистского движения».

В 1963 году артистка сначала отвергла, а потом приняла приглашение сыграть итальянскую мать в кинематографической версии пьесы Неила Симона ²⁶ «*Come Blow Your Horn*» («Приди и протруби в свой рог»). За эту роль Пикон была номинирована на «Оскар» по разряду «лучшая актриса второго плана».

Артистка продолжала часто выступать на телевидении в передачах «*A Family Affair*» («Дела семейные»), «*The Jack Paar Show*» («Шоу Джека Паара»), «*Car 54, Where are you*» («Машина 54, где вы?»), «*Dr. Kildare*» («Доктор Килдэйр»). В 1962 году она издала свою столь богатую событиями биографию ²⁷.

Большим успехом Пикон на Бродвее была роль благородной вдовы Клары Вейс в мюзикле «*Milk and Honey*» («Молоко и мед») ²⁸. Несколько следующих ролей оказались не характерными для артистки: ворчливая теща в «*Madame Moissez*» («Мадам Мойзес»), мать доктора гарема в «*Rubaiyat of Sofia Klein*» («Рубайат Софии Клейн») и главная героиня

в «*Chu Chem*» («Чу Чем»), абсурдной пьесе о поиске евреев в Китае.

В 1967 году Пикон приняла предложение Нормана Джуисона²⁹ сыграть сваху Йентл в фильме «*Fiddler on the Roof*» («Скрипач на крыше»), в котором небольшую роль исполнял и Калиш. А в 1975 году ей была вручена специальная премия Музея Нью-Йорка в честь столетней годовщины еврейского театра. В музее была открыта выставка ее костюмов, фотографий, программ и газетных рецензий. Двенадцатого октября того же года Молли выступила на сцене Карнеги-холла; концерт сопровождался показом диапозитивов, иллюстрировавших ее жизнь.

Молли Пикон.
1980 г.

Через год после смерти мужа, в 1976 году, Молли продала загородный дом и передала все хранившиеся в нем картины, настенные украшения и книги Института еврейских исследований (YIVO) в Нью-Йорке. Ее временным жильем стал дом, который она снимала в Кортленде.

В 1979 году актриса еще сыграла главную роль в написанном специально для нее шоу «*Hello, Molly*» («Привет, Молли»). Вскоре она переехала в квартиру вблизи Линкольн-центра, где жила вдвоем с овдовевшей сестрой Хелен Силверблат, причем обе поклялись говорить друг с другом только на идиш.

28 июня 1980 года Пикон получила премию за творческие достижения от Союза артистов. Через пять лет она удостоилась премии «Голди» (названной в честь А. Гольдфадена) от Еврейского культурного конгресса за выдающийся вклад в еврейское исполнительское искусство. Во время церемонии награждения артистка была одета в черный смокинг в память о многих мужских ролях, которые она сыграла в молодые годы.

Молли Пикон, «девушка, которая каждый год становилась старше, но с каждым днем молодела», оставалась живой и энергичной до тех пор, пока ее не поразила болезнь Альцгеймера. Она скончалась 5 апреля 1992 года в г. Ланкастере, штат Пенсильвания. Через всю жизнь она пронесла наказ любимого мужа: «Молли, это наша работа. Мы должны заставить их смеяться!»

ПРИЛОЖЕНИЕ

Ниже приводятся несколько отрывков из автобиографической книги Молли Пикон («*Molly! An Autobiography*» by Molly Picon with Jean Bergantini Grillo. New York: Simon and Shuster, 1980). Они дополняют сведения о богатом жизненном и творческом пути артистки, приведенные в краткой вступительной статье Джоан Грин.

Когда бы Янкель и я ни встречались со знакомыми и ни начинали рассказывать истории и анекдоты из нашей театральной жизни, кто-нибудь обязательно восклицал: «Вы должны написать книгу! Вы обязаны написать книгу! Это ваш долг!» Но прежде позвольте мне объяснить тем, кто этого не знает, что значит имя Янкель. Янкель на идиш — это Джейкоб на английском, а идиш — это еврейский язык для евреев. Сам Янкель всегда говорил, что все друзья-гои (неевреи) зовут его Янкель, а евреи — Джек.

Я спросила его, прекрасного писателя, бывшего студента, изучавшего Тору, и, замечу, моего мужа на протяжении 50 с лишним лет: «Как ты начинаешь книгу? С чего ты ее начинаешь?» В типичной еврейской манере он ответил на вопрос вопросом: «С чего я начинаю? Как сказано в Торе, с начала».

Таким образом, в начале в роду моей матери были дедушка и бабушка Островские (потом они, конечно, поменяли эту фамилию на Остров). Они и несколько поколений их предков жили в деревушке Ризшиштехов (см. примеч. 4) недалеко от Киева. Дедушка был хлеборобом, у него было большое хозяйство и еще большая семья.

Однажды ночью сосед прибежал на кухню к бабушке, чтобы предупредить ее, что к деревне приближаются казаки, которые убьют всех Островских. Еврейские погромы проходили тогда по всей России, и бабушке этой информации было достаточно. Она разбудила детей, схватила самовар и перину, быстро собрала в дорогу хлеба и чаю, а дедушка взял с собой талес и Тору, и они побежали. Их бег закончился в Филадельфии, где уже несколько лет жил дедушкин брат. На новом месте дедушка занялся изготовлением чемоданов, а моя мама, которой было тогда 13 лет, стала работать на трикотажной фабрике. Остальные дети тоже не сидели дома — продавали газеты, чистили ботинки, каждый стремился заработать хоть несколько пенни.

Я никогда не видела родственников по отцовской линии и мало знала самого отца. Луи Пикон родился в Варшаве и одно время учился на раввина. Он никогда не говорил о своем прошлом и о причинах отъезда в Америку. Все, что мы знали — это то, что он встретил здесь маму, и они поженились. Вскоре после моего рождения, в 1898 г. мама

обнаружила, что у мужа в Варшаве есть дети от первой жены, с которой он не развелся. Таким образом, я и моя сестра Хелен были незаконнорожденными. Конечно, в этом не было ничего необычного во времена массовой эмиграции. В нашей газете *The Jewish Daily Forward* регулярно печаталась колонка под рубрикой «Стопка писем», и часто их авторами были жены, мужья которых уехали в Америку с обещанием прислать деньги оставшимся членам семьи для того, чтобы и они перебрались в «Эльдорадо». По-видимому, именно так мама и обнаружила первую жену отца. Она тут же стала посылать ей деньги, хотя переписки между ними никогда не было — обе женщины не умели писать.

Много лет спустя, в 1936 году Янкель и я снимали в Варшаве фильм «*Yiddel with His Fiddle*» («Идл со скрипкой»), который, к слову, все еще демонстрируется в США (особенно в Майами) и Израиле. В один из дней, заполненных съемками, ко мне подошел странный человек с густой черной бородой и сказал на идиш: «Я ваш брат». Он был похож на меня, особенно глаза. Его мать, которую Луи оставил, уехал в Америку, слышала обо мне и перед смертью сказала, что, если ему потребуется помощь, он может написать моей маме. Все, что он сказал, было: «Моя дочь мечтает уехать в Израиль, но я не в состоянии помочь ей». Разумеется, Янкель дал ему требуемую сумму. А папа — что ж, он пренебрежительно относился к жизни в целом и ко мне в частности. Он никогда не работал, будучи «слишком образованным» для того, чтобы заниматься физическим трудом. Папа был противником всего: капитализма, религии, труда, детей-девочек. После моего рождения он год не разговаривал с мамой, а после появления на свет Хелен стал практически жить отдельно от нас. Для него было большим трудом принести из мастерской пакеты с вещами, которые мама дошивала дома. Папа всегда что-то изучал, будь то философия, астрономия или греческий язык. Он много читал и всегда находил в нас недостатки. Брак родителей не был счастливым, но никто из них, особенно мама, и не заикался о разводе: «а что скажут соседи?..».

В последние годы папа был на нашем полном иждивении — каждую неделю он приходил в театр за своей «зарплатой». Один раз он даже увидел меня на сцене, однако это было ниже его достоинства — гордиться мною или говорить о том, что я делаю в театре, хотя именно это обеспечивало его существование. Однажды, придя за чеком, он попросил прибавки и угрожал Янкелю, что, не получив ее, пойдет работать, но так этого никогда и не сделал. В конце концов он исчез из нашей жизни и умер в 1943 году. Папа никогда не обнял и не поцеловал ни меня, ни Хелен, и мне жаль, что я его по-настоящему не знала.

Но мама — о, мама! Она была всем, кем не был папа. Ее имя — Клара Островская, но все звали ее «мамаша Пикон». Она была небольшого роста, с темными, всегда аккуратно причесанными волосами. Всю жизнь мама тяжело работала и никогда не жаловалась. Она любила смеяться и петь и могла устроить праздник из ничего. Мама всегда была готова поделиться тем немногим, что имела, и учила нас: «Никогда не ходите с пустыми руками». Даже идя в итальянскую булочную, она приносила продавцу свое домашнее печенье. В эту же булочную часто ходил итальянский священник. Однажды булочник сказал: «Мамаша Пикон, я хочу познакомить вас со святым отцом», на что Клара ответила: «Добрый день, святой отец, как поживает святая мать?»

Мамина философия и взгляды на жизнь были предельно просты: если что-то хорошо, то это не навсегда, если что-то плохо — это тоже не навечно. Однажды мы взяли ее в румынское кабаре на *Allen Street* в Нижнем Ист-Сайде. Сади Бэнкс, которая называла себя еврейской Софи Такер³⁰, исполняла песенки несколько фривольного содержания, которым это кабаре и славилось. Зная, что мама со мной, она подошла к нашему столику и сказала извиняющимся голосом: «Вы знаете, мамаша Пикон, здесь — другой мир, и я должна к нему приспособливаться», на что мама ответила: «Не беспокойся — я принимаю все таким, как есть».

Я почти не помню первые пять лет своей жизни, о которых знаю только со слов мамы. В моей памяти не сохранилось то, как мы переезжали с квартиры на квартиру, когда подходило время квартплаты, или как мама советовалась, у кого можно было бы занять денег. Она часто делилась со мной своими радостями и горестями, считая, что у меня *alter kop* («старая голова») на юных плечах.

В Филадельфии мы жили с бабушкой и дедушкой. «Мы» включало всех двоюродных братьев и сестер (восемь или девять), маму, Хелен и меня. Иногда появлялся папа, но потом снова как бы растворялся в воздухе. Временами наш небольшой двухэтажный дом оказывался перенаселенным, и тогда мама отправляла меня к Мэйми Эмануэль, которая жила на одной улице с нами, была незамужней и очень любила детей. Мы сидели на крыльце, и она учила меня простым песням и танцам — это был мой первый репертуар.

Мы жили на *Orianna Street*, рядом с театром «Колумбия», в котором выступала еврейская труппа Майка Томашевского, брата прославленного Бориса Томашевского³¹, внук которого, Тилсон Томас Майкл³², стал известным дирижером.

Мама шила и перешивала костюмы актрисам театра. Однажды к ней пришла Фанни, жена Майка. В это время я пела, танцевала и кувыркалась одновременно — примерно так же, как я делала это в бродвейском

шоу «Молоко и мед» 60 лет спустя. На Фанни мое «исполнение» произвело впечатление. Она сказала, что у меня талант и надо попробовать меня на сцене. Мама решила, что это хорошая идея, и сшила мне необычное платье. В одну из пятниц мы сели в троллейбус и поехали в театр «Бийо». Это был театр-бурлеск, где каждую пятницу вечером артисты-любители выступали для детей. Среди пассажиров оказался подвыпивший господин, который обратил на меня внимание: «Эй, детка, почему ты так странно одета?» Я ответила своим тонким голоском: «Я — артистка и еду в театр для того, чтобы выиграть первый приз в пять долларов». Господин откликнулся: «Собираешься там петь? А знаешь ли ты, как это делается?» Тут немедленно вступила мама: «Молли, покажи ему, на что ты способна!» Я поднялась со своего места и исполнила все, чему меня научила Мэйми. Господин снял шляпу, пустил ее по троллейбусу и передал мне два собранных доллара. Это было моим первым публичным выступлением. Мы приехали в театр, и я повторила его. Как тогда было принято, зрители бросали монеты на сцену, и я во время танцев смущенно подбирала их. Кроме этого, я получила первый приз. Мы вернулись домой и высыпали на кухонный стол десять долларов мелочью. Дедушка никогда не зарабатывал больше 15 долларов в неделю, поэтому бабушка, увидев столько денег, воскликнула: «Ой, мне дурно! Как же ты их заработала?»

Мама рассказала ей про троллейбус, театр «Бийо» и в заключение сказала: «Я буду брать Молли каждый день в другой театр, она будет выигрывать первый приз, и мы переедем в собственную квартиру». Бабушка покачала головой и тихо промолвила: «Клара, в Филадельфии всего пять или шесть театров. Лучше ей выступать в троллейбусах».

Как я уже говорила, мама работала швейей-костюмершей в театре М. Томашевского. В те дни не было проходящих нянь, поэтому она брала с собой в театр Хелен и меня. Мы смотрели представления из-за кулис, а спали на расшатанном диване или в старом чемодане. Когда Майк поставил «Хижину дяди Тома», он взял очаровательную Хелен на роль малютки Евы. В одной из сцен она должна была лежать мертвой в постели, и луч прожектора направлялся ей в лицо. Хелен не выдержала яркого света, заморгала и отвернула голову — на этом и закончилась ее артистическая карьера.

В этой же постановке я играла Топси, и могу себе представить, каково было зрителям слышать мой идиш с южным акцентом! И все же моя песня «Shoo Fly, Don't Bother me; I Belong to the Company B» стала хитом. Конечно, я кончала ее южным «Yeah, man!», небольшой джигой и кульбитом, за которым следовали долгие аплодисменты, звучавшие сладкой музыкой для моих ушей.

Единственная трудность была в том, чтобы встать утром в школу. Наши шоу состояли из четырех или пяти действий и заканчивались далеко за полночь, поэтому подняться на следующий день в семь утра было нелегко. Но нам позарез нужны были 50 центов, которые я получала за каждый вечер, поэтому, как много лет спустя говорил Янкель, «оставьте это Молли, она все сделает как надо».

Другим местом для выступлений несовершеннолетних артистов были никельдеоны, или дешевые кинотеатры, где демонстрировались короткие немые фильмы и театральные представления. Аудитория была в основном детской и принимала меня очень хорошо. Здесь я была известна как «бэби Маргарет, международная комедиантка», так как пела на английском, декламировала на голландском и танцевала русский танец.

Постепенно я начала присматриваться к актерам. В нашем театре выступали звезды из Нью-Йорка: Яков и Сара Адлеры³³, Борис и Бесси Томашевские³⁴, Давид Кесслер³⁵ и другие. Если в их спектаклях была детская роль, они приглашали меня, дочку Клары Пикон. Я наблюдала, училась, имитировала знаменитых актрис и впервые поняла, что тоже хочу стать артисткой — не для того, чтобы получать 50 центов, а чтобы заставлять людей смеяться и плакать. И конечно, для аплодисментов и путешествий!

В Филадельфии тогда царили пуританские нравы — по субботам не выступали, по воскресеньям все было закрыто. В эти дни мы гастролировали в Балтиморе, иногда в Вашингтоне, добираясь туда, конечно, в общем вагоне. Однажды мы попали в тот же поезд, где специальный вагон-салон занимала Сара Бернар³⁶ со своей труппой (не знаю, были с ней ее знаменитый гроб³⁷). Майк Томашевский, которого ничто не могло остановить, взял меня за руку и сказал: «Пошли, Молли, я познакомлю тебя с величайшей в мире актрисой!» И он привел меня к великой Саре. Сам Майк представился как король идишского театра и затем назвал меня. Но я смотрела совсем в другую сторону, на очаровательную маленькую девочку из французской труппы с длинными светлыми локонами. На ней было отороченное горностаем платье, на ногах — туфли с пуговицами, обтянутыми кожей.

На обратном пути в наш вагон Томашевский объяснил мне: «Когда-нибудь ты будешь вспоминать, что видела королевскую особу, и не будешь обращать внимания на всякую ерунду». Должно быть, он был провидцем. В 1946 году мы с Янкелем отплыли в Европу на бесплатные выступления в лагерях DP³⁸. Первая остановка была в Париже, где нас опекал Еврейский комитет, большинство членов которого были связаны с театром Сары Бернар. Впервые после ее смерти они открыли двери

гардеробной актрисы для посторонних. 36 лет тому назад я упустила возможность узнать божественную Сару, так как мое внимание привлекли необычные детские туфельки, а теперь я сфотографировалась под ее портретом. <...>

Мы жили тогда в Нью-Йорке в небольшом двухэтажном доме на *Nevada Street*. Наверху были две комнаты. Одну из них, с жестяной ванной, занимали мы с Хелен, в другой жили мама и папа (когда он бывал дома). На первом этаже располагались еще две комнаты, кухня и гостиная, в которой стояли вельветовый диван красного дерева, два кресла и пианино. По воскресеньям все окрестные мальчишки собирались у нас, мы сидели на крыльце, которое я дважды в неделю скребла песком с мылом, и распевали рифмованную бессмыслицу типа «*Yip Ei Yadi Ei Aye*», «*Pony Boy*» и другие песни до тех пор, пока мама не звала нас на горячий шоколад с печеньем. И тогда мы с мамой пели для всей компании наши любимые дуэты.

Я часто ездила на велосипеде в парк, собирала там незабудки и сидела под деревом, пытаясь представить себя маленькой девочкой с симпатичными кудряшками, вроде той, что я видела в вагоне Сары Бернар. Но у меня были безнадежно прямые волосы, и я была очень худой. И все же какое-то внутреннее чувство подсказывало, что я навсегда буду связана с театром. Кто знает, будь я сыном Луи Пикона, то, может быть, стала бы ученым. Но поскольку я была дочерью костюмерши, то унаследовала любовь к сцене. Здесь я могла преобразаться в тех, кем никогда не могла стать в реальной жизни. <...>

Театр на Второй авеню занимал все время. Дела шли так успешно, что у нас и в мыслях не было переносить представления на Бродвей. Однако весной 1929 года театральный агент Д. Джейкобс предложила мне 2500 долларов в неделю за выступления в бродвейском «Паласе». Она соблазняла меня не только огромным вознаграждением, но и колоссальным престижем этих выступлений. Я сказала «да», и Янкель поддержал меня. Однако тут же возник вопрос: что будет делать Молли в «Паласе»? До сих пор я исполняла еврейские песни, которые сама писала для представлений. Теперь мне нужно было что-то понятное более широкой аудитории. Я обратилась к владельцам крупных бродвейских музыкальных издательств и попросила подобрать репертуар, но они лишь отмахивались от меня. В конце концов один из них сказал откровенно, что любая бродвейская хористка исполнит его песни лучше меня — в этом я и не сомневалась. Он же посоветовал перевести мои песни на английский. Все советчики добавляли, чтобы я не слишком жестикулировала во время исполнения.

Первый совет выполнить было нетрудно, тем более что часть моих песен была на английском. Но второе... Я общалась с публикой при помощи рук — об этом была одна из моих самых известных песен. Здесь же, чтобы не рисковать, я решила вообще не жестикулировать. Во время первого выступления в «Паласе» я стояла с руками, крепко сомкнутыми за спиной, хотя и пела для своей обычной аудитории — все зрители со Второй авеню пришли на Бродвей, чтобы убедиться, что их девочка не подкачала!

Я также получила неожиданную помощь. Софи Такер, которая выступала вместе со мной в первую неделю, знала, что почитатели с Ист-Сайда захотят послушать меня и на Бродвее, поэтому половину своей программы она пела на идиш, и делала это замечательно. *Variety*, наша театральная Библия, писала: «Бродвейская актриса представила шоу со Второй авеню, а актриса со Второй авеню выдала бродвейское шоу». Мой контракт был продлен еще на три недели, и все барьеры между мной и гоями (неевреями) пали.

После Бродвее я выступала в чикагском «Паласе». Я знала, что зрители здесь не такие, как в Нью-Йорке, и была рада, когда менеджер пришел за кулисы и сказал, что мое выступление стало хитом. Я спросила, были ли в зале местные критики, в ответ он рассмеялся: «Кому они нужны, если там был сам Капоне³⁹?» Знаменитый гангстер и 30 его подручных занимали три ряда и оказались моими лучшими слушателями. После шоу один из них пришел за кулисы и пригласил всю труппу в кабаре Капоне в чикагском районе Цицерио. В 1929 году, если приглашал Капоне, отказаться было невозможно. Несколько раньше сестры Дункан⁴⁰ не откликнулись на приглашение, и вскоре одна из них была избита, поэтому мы пошли без возражений. Артисты сидели за одним столиком, Капоне и его свита за другим. Меня не покидало ощущение, что каждый из них сжимает в кармане рукоятку пистолета. Капоне не говорил со мной и не приближался к нам. Вместо этого один из его ребят подошел и спросил, не могу ли я исполнить песню «Мальчик-эмигрант», так понравившуюся боссу. Янкель сразу определил, что он имел в виду «Мелодию рабби»⁴¹, грустную песню о маленьком мальчике, который приехал в Америку из Польши и тоскует об оставленном родном городке. Аккомпаниатор был с нами. Я встала и спела. Каково же было мое изумление, когда я увидела, что во время исполнения легендарный гангстер рыдал как ребенок! В знак благодарности он прислал нам корзину вина и предоставил в наше распоряжение машину. Впоследствии, где бы я ни пела «Мелодию рабби», я предвляла ее замечанием, что это именно та песня, которая заставила плакать Аль Капоне.

Продолжение этой истории связано с моим первым выступлением в лондонском «Палладиуме» в 1932 году и предшествовавшей ему пресс-конференцией в отеле «Савой». Я начала ее с перечисления знаменитостей, перед которыми мне привелось выступать: Альберт Эйнштейн, Д. Уокер, Грета Гарбо, король и королева Румынии — все эти имена не произвели ни малейшего впечатления на газетчиков. Тогда Янкель выпалил: «Молли пела также для Аль Капоне!» Перья тут же усиленно закрипели, и на следующий день заголовки всех газет оповещали, что «Молли Пикон выступала перед Аль Капоне».

В 1929 году разразился биржевой кризис, всем было не до смеха. Мы почти мгновенно потеряли все деньги (45 000 долларов). Во время этой катастрофы Янкель находился в Европе в поисках новой пьесы для меня. Я телеграфировала ему, что все в порядке, хотя это было далеко не так. Все театры, и наш в том числе, пострадали от депрессии. Янкель вернулся из Европы и попытался спасти хоть что-то. Зрители исчезали, мы не могли платить арендную плату и потеряли несколько площадок для выступлений. Каким-то образом Янкелю удалось продлить аренду Народного театра на Второй авеню, и 30 сентября 1930 года мы открыли новый сезон. Отныне театр стал называться моим именем. Я так никогда и не узнала, как муж сумел вытащить нас из кризиса. Казалось, что он устроил это без особых усилий, и мы никогда не говорили на эту тему.

В следующие два года мы с Янкелем судорожно цеплялись за все подряд, чтобы избежать худшего, и, к счастью, нам это удалось. Мы поставили «*The Girl of Yesterday*» и «*The Love Thief*» и часто оставались единственным театром, который платил актерам зарплату. Наши финансы поддерживались также моими постоянными выступлениями в водевилях, особенно когда театр «Fox» в Бруклине повысил мой недельный заработок до фантастической суммы в 2700 долларов.

Несмотря на растущий успех в Америке, мы с Янкелем регулярно ездили в Европу, чтобы сохранить связь с еврейскими корнями. Мы выступали в Бухаресте, Галаце, Яссах, Кишиневе и Бельцах.

Мы также гастролировали в Париже и Лондоне, но самым захватывающим было шестимесячное турне по Южной Америке в 1932 г., для которого нашелся спонсор родом из Варшавы. Мы знали о нем только то, он согласен оплатить расходы по нашему (моему, Янкеля и А. Эльштейна) переезду из Вены в Буэнос-Айрес и по дальнейшим гастролям в Южной Америке. Будучи подростком, он всегда стоял у задней двери варшавского театра Каминской, где проходили наши выступления, так как у него не было денег на билет. Янкель заметил парнишку и дал ему пропуск на все представления — это было в 1922 году!

Потом он эмигрировал в Буэнос-Айрес, огляделся и решил, что Аргентине очень не хватает хороших матрасов. Чтобы восполнить этот пробел, он открыл небольшую матрасную фабрику и в конце концов стал «королем матрасов» и миллионером. Услышав, что Еврейский театр пытается организовать нашу поездку в Буэнос-Айрес, этот благодетель предложил финансовую помощь и, начиная с первого представления, уже не стоял у задней двери, как прежде, а сидел в собственной ложе и был самым благодарным зрителем.

После возвращения из Южной Америки мы вновь встретились со столь любимой нами американской аудиторией в Вашингтоне, Балтиморе, Чикаго и Нью-Йорке. Но вскоре страсть к путешествиям привела нас снова в Европу и в долгожданную Палестину, куда мы приехали по приглашению выдающегося еврейского поэта Х. Бялика. Он сразу повез нас в кибуц Эйн Харод, один из старейших на Святой Земле, где нам предстояло выступить с концертом.

В то время евреи Палестины были полны решимости говорить только на иврите. Идиш был вне закона, и кровавые стычки часто происходили между приверженцами этих языков. Перед концертом Бялик попросил, чтобы слушатели отнеслись с должным уважением к нашему идиш, и подчеркнул, что мы — не политики, а лишь артисты.

Выступление проходило на открытом воздухе, и все кибуцники расселись на импровизированных скамьях. Некоторые разместились в телегах, другие оставались верхом на лошадях. Среди зрителей было несколько арабов, восседавших на верблюдах. Все внимательно слушали, смеялись и аплодировали. Потом кибуцники показали свое шоу на иврите, и я пела и танцевала *хору*⁴² вместе с ними до полуночи.

Мы вернулись в США в сентябре 1933 года. К этому времени относится мой первый звуковой фильм, снятый на студии «Уорнер Бразерс» (*Warner Brothers*). Для тех дней это было что-то: более 60 участников, массовые танцевальные номера и езда на велосипедах! Я пела в нем песни из старых водевилей. Не знаю, почему, но фильм назывался «*Money Talks*» («Разговоры о деньгах»), режиссер — Хеннебюри, мой главный партнер — Джей Вели⁴³. Думаю, что сегодня эта лента — музейная редкость.

11 декабря 1933 года в театре «Маджестик» в Бруклине состоялась премьера моего первого мюзикла «*Birdie*», поставленного Монти Вули. До самой премьеры все шло не так как надо, и Вули казалось, что провал неизбежен. Наш близкий друг Джек Сейдмен советовал прекратить репетиции, забыть о расходах и в следующий раз сделать все лучше — сколько раз мне приходилось слышать такой же совет в будущем!

Во время первой недели репетиций помощник постановщика попросил об увольнении — он получил предложение от Театральной гильдии сыграть небольшую роль и хотел попробовать себя в ней. Имя молодого человека было Генри Фонда⁴⁴, и мне интересно, помнит ли он еще о «*Birdie*».

Я много путешествовала и нередко замечала антисемитские настроения во многих странах, включая собственную. Вплотную я столкнулась с этим отвратительным явлением в мае 1935 года. За год до этого мы с Янкелем начали наше первое радиошоу, выпуская на идиш пять программ в неделю в течение всей зимы и весны. Одновременно я выступала в театре, играла в водевилях и очень устала от такой нагрузки. Янкель уехал в Палестину в поисках нового репертуара, а я решила взять короткий отпуск. Спросив у друзей-артистов, куда поехать, где бы никто меня не знал, я отправилась в Оганквит в штате Мэн. Я села в поезд и приехала в этот городок в 10 часов вечера. Окликнув такси, сказала водителю, что никого здесь не знаю и попрошу его остановиться у первого понравившегося мне отеля. Увидев очаровательную старую гостиницу, я решила выйти из машины. Водитель повернулся ко мне и спросил: «Леди, а вы не еврейка?» Я ответила ему шутливо: «Да, и уже много лет». — «Леди, они не пустят вас — евреям и собакам вход воспрещен». Я сидела ошарашенная — только что я выступала в «Паласе» на Бродвее, мое имя светилось в рекламных надписях, я зарабатывала 3500 долларов в неделю, и они не пустят меня в эту гостиницу? Я спросила у водителя, куда же нам теперь ехать, и он ответил: «Не знаю». Мы стали колесить от отеля к отелю, выкрикивая: «Эй, вы принимаете евреев?», и везде получали в ответ: «Никогда не принимали и не собираемся этого делать». К полуночи, когда уже не было обратных поездов в Нью-Йорк, водитель любезно предложил переночевать в его доме. Утром я попросила его повозить меня по окрестным фермам и в конце концов нашла фермершу-норвежку, которая тепло меня приняла и сдала отличную комнату. <...>

1936 год был очень напряженным. Я снова снималась на студии «Уорнер Бразерс» в короткометражном фильме, где спела «Симфонию Ист-Сайда» («*East Side Symphony*»). Продолжались мои выступления в «Паласе», где однажды прославленный Хэнк Гринберг⁴⁵ (ростом шесть футов и четыре дюйма⁴⁶ — вот это настоящий еврей!) пришел за кулисы, чтобы приветствовать меня.

Мои пути на Бродвее снова пересеклись с Софи Такер. Я рассказала ей, что приглашена в Париж, и на вопрос, знаю ли французский, ответила, что нет. «Французы — большие шовинисты, и если они не поймут ни слова, то освистают тебя. Я однажды прошла через это». Я вняла совету и стала учить язык.

27 марта 1936 года мы отплыли в Париж. Наш менеджер Курт Робичек (мы звали его Роби) ждал нас в Гавре. Здесь мы пересели на речной пароход, добрались до Парижа и остановились в отеле «Модерн» недалеко от театра «Альгамбра». Вечером Роби повел нас на представление, которое оказалось необычным — выступали акробаты, фокусники, дрессировщики зверей и даже один поэт с чтением стихов.

10 апреля состоялся дебют в «Альгамбре». Поскольку театр находился в еврейском квартале и была Пасха, в зале собралось немало людей, видевших мое выступление в 1921 году, — они ожидали триумфа своей девочки!

Мое появление на эстраде было встречено аплодисментами, я спела первую песню, которая всегда сопровождалась смехом в Америке, а здесь — ни одного смешка. «Плохо дело, они не понимают мой французский», — подумала я. Затем вышла вперед и спросила: «Вы меня понимаете? Если нет, я перейду на английский». В ответ из зала понеслись выкрики: «Нет, нет, продолжайте на французском». После выступления Роби подошел и спросил, была ли моя реплика задумана заранее. Услышав, что нет, он посоветовал оставить ее в последующих выступлениях, что я и сделала.

Во время гастролей произошло одно непредвиденное событие. Профсоюз французских артистов разрешил музыкальным театрам занимать в представлениях не более 50% иностранцев. Возможно, что Роби не знал об этом нововведении, ведь в нашем шоу 80% исполнителей были иностранцами. Французские артисты организовали своеобразный протест. Когда в первом отделении на сцене появился итальянский аккордеонист, в проходе между креслами стал расхаживать французский аккордеонист, который перемежал свою игру выкриками: «Посмотрите на меня, я француз и могу делать то же самое!» Зал стал шикать на итальянца, и ему пришлось покинуть сцену. Затем выступали восемь польских акробатов, и восемь французов стали копировать их движения. Под свист публики поляки тоже ретировались. Когда подошла очередь следующего номера — гимнастки на трапеции, — какая-то девушка сбросила с балкона веревку и, раскачиваясь на ней, кричала в зал: «Я французенка и могу делать то же самое!»

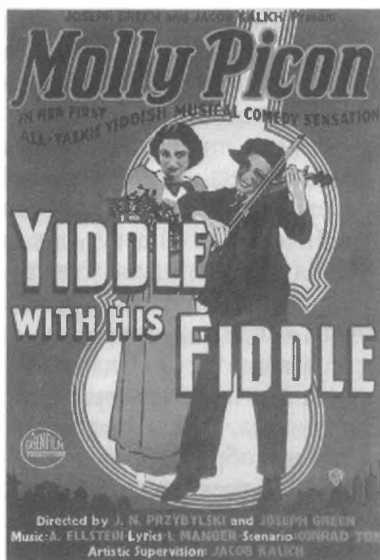
Наступил крошечный ад. Роби прибежал за кулисы и попросил меня немедленно, не дожидаясь своей очереди, идти на сцену, уверяя, что среди французских артисток не найдется такой же. Я вышла, спела свои песни — раздались аплодисменты и выкрики: «Браво, Молли, отлично!» Конечно, Роби был прав: протестующие не могли найти певицу весом 43 кг, да еще и крутившую такие кульбиты!

Из Парижа мы поехали в Лондон, Глазго и Лидс и вернулись обратно в Лондон. Янкель уехал в Варшаву для завершения сценария нашего первого еврейского музыкального фильма «*Yiddel Mitn Fiddle*» («Иدل со скрипкой»). Композитор и дирижер Эйб Эльштейн остался со мной, чтобы работать над песнями на слова еврейского поэта Мангера. Потом и мы поехали в Польшу. Проезжая через Германию, я отчетливо ощущала окружающую нас атмосферу ненависти. В Варшаву мы приехали с тяжелым чувством от увиденного в пути. К счастью, очутившись в обществе артистов, музыкантов, рабочих сцены и польского режиссера Пшебыльского⁴⁷, мы избавились от депрессии и приступили к работе. Продюсер Джозеф Грин и его жена Аннет раздали всем роли, и мы работали над ними по 12 часов в день, прежде чем отправиться на съемки в Казимеж, захудалый и заброшенный городок, где когда-то правил король Казимир со своей королевой-еврейкой⁴⁸.

Я никогда не видела такой нищеты: туалеты во дворе, рахитичные деревянные домишки самой причудливой формы и очень бедно одетые люди. Худые мальчики с длинными пейсами и в ермолках носили залатанные брюки и обувь, подвязанную веревками. Видя их, мое сердце обливалось кровью. Мы раздавали мелочь (они не брали еды — она была некошерной), дети покупали на нее виноград и делились им с нами.

Наш фильм был о девушке, которая носила мужскую одежду и взяла себе мужское имя Идл. Она играла на скрипке, а ее отец — на контрабасе. Вместе с двумя другими музыкантами они ходили по польским местечкам, играли во дворах и тем зарабатывали на жизнь. Во время наших съемок к нам сбегался весь городок. Жители следовали за нами, как овцы за пастухом. Работа продолжалась с раннего утра и до захода солнца, который сопровождался дружными проклятиями оператора, подсобных рабочих и зрителей.

Сцена свадьбы потребовала более 30 съемочных часов. Так как в массовке участвовали местные ортодоксальные евреи, еда была строго кошерной, ее приходилось все время восполнять по мере продолжения

Афиша кинофильма
«Иدل со скрипкой». 1936 г.

съемок. Похоже, что наши статисты не совсем понимали, что происходит вокруг, и думали, что приглашены на действительную свадьбу. Одна женщина спросила меня, почему так много еды, и в ответ на мое объяснение, что это только съемки фильма (не думаю, чтобы она видела хотя бы один из них в своей жизни), ответила: «Что же вы не сказали мне заранее? Здесь столько еды, что я бы привела дочь (у нее есть жених, но нет приданого), и мы бы сыграли настоящую свадьбу». Подозреваю, что Янкель дал ей денег, так как позже она подошла ко мне и сказала: «Какая вы счастливая, у вас такой богатый муж!»

Спустя много лет, когда Норман Джуисон пригласил меня на роль Бнтл в «Скрипаче на крыше», он специально поехал в Израиль для того, чтобы посмотреть «Идл», окунуться в атмосферу и познакомиться с типажам жителям *штетла*⁴⁹, в котором будет разворачиваться действие его фильма. После просмотра он заметил, что «Идл» опередил свое время на добрых 50 лет. <...>

В 1943 году я много выступала на армейских базах — это был мой вклад в военные усилия страны. Я пела для 1400 парней в лагере Ритчи в Мериленде, мы выступали на военно-морской базе в Портсмуте и участвовали в концертах USO⁵⁰. В перерывах я играла в водевиле в Гринвич Виллидж⁵¹ в Нью-Йорке, выступала в театре «Loew» и искала дом для покупки. Добравшись до кровати к четырем утра, я вставала на следующее утро с головной болью, которая мучила меня весь следующий день. Надо было хотя бы на время уехать куда-то, и когда пришло неожиданное приглашение из Голливуда, я сразу его приняла. Мой агент организовала только один концерт, и с финансовой точки зрения голливудский дебют был неудачей. Одна из причин состояла в том, что евреи Западного побережья утратили свое культурное наследие (включая идиш, на котором я исполняла песни). Все вращались в узких профессиональных кругах: режиссеры с режиссерами, артисты с артистами, операторы с операторами. Придя на прием, вы должны были исполнить свой номер и потом раствориться в толпе. <...>

Мы дали еще несколько концертов, но они не пользовались успехом, и в целом гастрольная поездка в Калифорнию была ошибкой — но нельзя же выигрывать всегда и везде.

По возвращении в Нью-Йорк я выступала в гостинице «Уолдорф» и убедилась, что местная аудитория все еще понимает идиш. И в то же время становилось все более очевидным, что для того, чтобы выступать за пределами Нью-Йорка, наш еврейский репертуар необходимо англоязычить. Все этнические группы в США столкнулись с проблемой, как сохранить свое культурное наследие и при этом войти в новую культурную среду и усвоить ее язык. Большинство из нас не сумело сделать

этого, и мы потеряли целый мир — мир Шолом-Алейхема, местечек, удивительных раввинов. В нашей профессии компромисс невозможен. Мы были вынуждены расстаться с идиш. Мы с Янкелем смогли продолжить свою творческую жизнь только потому, что перешли, по словам Шолома Аша⁵², на новый язык своего народа — английский!

Памятным было выступление для *Harlem Christmas Fund* (Гарлемский рождественский фонд) в театре «Apollo». Билл Робинсон представил меня и, хотя я была единственной «беловой» участницей, но почувствовала, что меня приняли и оценили — то, чего не хватало великим черным артистам, когда они выступали перед чужой аудиторией. Вспоминаю случай, происшедший несколько лет спустя, когда мы с Янкелем навестили Конрада Берковичи, цыганского писателя из Румынии, который жил в районе Западного центрального парка. Когда мы вошли в лифт, то услышали, как лифтер сказал кому-то позади нас: «Вы должны пройти в другой, служебный лифт». Обернувшись, мы увидели, что это был Поль Робсон⁵³ с женой (к слову сказать, лифтер тоже был негром).

Мы с Янкелем продолжали выступать перед военнослужащими в 1944 году. Мы побывали на базе Патрик, где дали два представления в военных клубах и одно, в пятницу вечером, специально для еврейских мальчиков. Пожилые евреи из соседних городков привезли рубленую куриную печенку и штрудель. Ребята остались очень довольны этим вечером. Следующей базой был Норфолк. После того как я спела десять песен, один солдат крикнул: «Молли, можешь больше не петь. Позволь нам только смотреть на тебя!»

В Дайтоне *The Jewish Welfare Board* (Еврейский благотворительный фонд) организовал для солдат-евреев воскресный завтрак с баранками, красной рыбой и мною — для поднятия духа. В Индианаполисе и Чикаго еврейские мальчики просили у меня автографы для своих мам. Многие из них в жизни не видели еврейского шоу — потребовалась война, чтобы напомнить им об их еврейских корнях.

Янкель был незаменим на этих концертах. Он знал, что и как сказать ребятам, и они любили его. Солдаты давали ему телефоны родных и, вернувшись домой, мы их обзванивали. Многие еврейские мамы спрашивали: «Хорошо ли там питается мой мальчик?»

Среди всего этого мы улучили время, чтобы пойти на званый вечер к миссис Гершвин и ее «Джорджи»⁵⁴. Мы приехали поздно, и я сказала хозяину, что очень жаль, что не услышу его игру. Было уже за полночь, но композитор сразу сел за рояль и исполнил «Рапсодию в стиле блюз». Он играл замечательно, а потом и пел для нас, сказав при этом: «Я пою плохо, но громко». Гершвин рассказал, что мечтал поехать в Польшу,

прожить там год и полностью окунуться в еврейскую жизнь. После такой поездки он хотел сочинить оперу на сюжет Диббука, но эти планы остались неосуществленными из-за ранней смерти музыканта. Примерно в это же время мы узнали о другом музыкальном таланте — двадцатипятилетнем Леонарде Бернштейне, который дирижировал в Карнеги-холле своей симфонией «Иеремия». Мы были так горды за него!

Мы жадно ловили военные новости. Поражение Германии было не за горами, и я, охваченная безудержным оптимизмом, стала учить русский для следующего европейского тура. Вскоре радио сообщило, что союзники освободили Рим. Президент Рузвельт молился за успехи нашей армии и предсказывал скорое крупное наступление русских. Похоже, что мои планы не были так уж фантастичны.

Что мы могли делать до их осуществления? Выступать, выступать и выступать! Мы дали концерт на базе Оглторп в Четтануге и специальное шоу для женщин-военнослужащих. Все последующие события были окрашены в цвет хаки: база Вилер в Джорджии, где блески на моем платье плавилась от почти сорокаградусной жары, Аннистон и Форт Маклеллан, Кислер и Аугуста. Все выступления шли при нестерпимой жаре, моя грудь шелушилась от загара, но я продолжала петь. Под конец турне Еврейский благотворительный фонд подарил мне чудесный серебряный браслет, каждое звено которого символизировало определенный род войск.

1945 год был полон волнений. Неожиданно умер президент Рузвельт, и с этим трудно было примириться. Затем последовала капитуляция Германии. У меня не вызвало особой радости известие о том, что атомная бомба сброшена на Хиросиму. Мы не обсуждали это событие и еще не знали всех его последствий. Когда война закончилась, мы воскликнули вместе со всеми: «Ура, наконец-то!»

Почти сразу мы с Янкелем подали заявление в Еврейский комитет труда о желании бесплатно выступать в Европе. У нас сняли отпечатки пальцев, мы заполнили все анкеты и молились о том, чтобы получить разрешение. Наш план состоял в том, чтобы отплыть из США ранней весной будущего года и дать в Европе серию концертов жертвам войны. Янкель объявил об этом в радишоу, и спонсор поездки предложил отправить следом за нами корабль с продовольствием для нуждающихся. Слушатели тоже стали делать пожертвования, и мы с нетерпением ожидали отплытия.

Сразу после Нового года пришли паспорта вместе с обескураживающими известиями о том, какие трудности и болезни нас ожидают в Старом Свете. Все сообщения из Европы не сулили ничего хорошего, но мы были полны решимости ехать⁵⁵. <...>

В 1957 году у нас практически не было работы в Нью-Йорке, и мы отправились в очередное турне — играли кое-что из водевилей то здесь, то там, выступали в местах, где раньше они пользовались успехом. В Монреале, в театре «Monument National» мы показали один акт из «Молли, Долли», и один — из «Янкеле». В свои 59 лет я играла 13-летнего ученика ешивы Янкеле и не находила в этом ничего странного. Янкеле был нашим Питером Пэнном⁵⁶, и я всегда с радостью выступала в этой роли. Он был глубоко во мне, я была Янкелем и все еще остаюсь им.

Маршрут наших выступлений включал Филадельфию, Эль Пасо и Чикаго, откуда мы отправились на Западное побережье с музыкальной комедией «*Farblinjet Honeymoon*» («Потерянный медовый месяц»),

которую играли в театре «Carmel» в Голливуде. Здесь мне не повезло. Помещение театра, который раньше был кинозалом, находилось в ужасном состоянии. По ходу действия молодой актер, игравший ребенка, толкнул меня, я оступилась на потертом ковре, упала и приземлилась на правую кисть. Будучи в шоке от боли, я поднялась и медленно удалилась со сцены, пытаясь представить все происшедшее как шутку. Я еще исполнила песню, жестикулируя одной рукой, и закончила шоу в совершенном тумане. Меня отвезли в госпиталь, где врач определил перелом кисти. На следующее утро был вызван специалист-травматолог, который вправил кисть и наложил гипс от пальцев до локтя. К шести часам вечера я была уже на ногах и отправилась в театр. Пришедший на представление Эдвард Робинсон⁵⁷ говорил, что надо было видеть, как я управляюсь с одной рукой!

Шоу пользовалось успехом, но я была беспомощна и не могла умыться, одеться и причесаться без посторонней помощи. Янкель был моим ангелом-хранителем, но я смертельно устала. На поправку ушло восемь недель, и с приближением Нового года я молила, чтобы он принес исцеление от всех бед.

Молли Пикон в мюзикле
«*Abi Gezunt*», 1949 г.

Ф. Синатра и М. Пикон.
1963 г.

1958 год выдался в Голливуде жарким и сухим. Если прибавить к этому сломанную руку, то можно понять мое настроение. И хотя наши дела шли хорошо, я, как обычно, не была счастлива в этом городе. Люди казались милыми, но я чувствовала их неискренность, которая раздражала меня. Здесь никто никому не верил, особенно людям со стороны, но, конечно, напрямую этого не говорили. Мы приехали в Голливуд, встретились с его ведущими деятелями, пели и танцевали для них на званых вечерах, и все говорили, как они нас любят. Однако лишь через 15 лет после первого выступления здесь мы дождались нового приглашения. В театрах на Второй авеню не было такой паранойи, там обстановка была более здоровой.

Вернувшись в Нью-Йорк, мы вошли в обычную колею, выступая повсюду от Флориды до Фоллборо. Неожиданно Янкеля пригласили сыграть роль в телевизионной серии Ли Трейси⁵⁸ «Специально для Нью-Йорка», и я решила отдохнуть. Я была рада за мужа, так как обычно еврейская и англоязычная печать недооценивали его роль в моих успехах и его усилия по сохранению еврейского театра. <...>

Прошло пять лет со дня маминой смерти, но я все еще ощущала ее присутствие в каждом уголке нашего дома, и мне все больше не хватало ее. Однако жизнь шла своим чередом, и однажды мы были приглашены

к Адлерам. Стелла устроила званый вечер в честь рождения племянника, сына Лютера Адлера⁵⁹ и Сильвии Сидни⁶⁰. Все было очень стильно: гости в вечерних туалетах, два дворецких. Янкель подарил Стелле 20-томное собрание мировых драм, которое вызвало у нее живой интерес. На вечере была и родоначальница клана Сара, которая, несмотря на свой возраст, выглядела восхитительно. По просьбе гостей она сказала несколько нетривиальных слов о новорожденном. Чувствовалось, что перед нами звезда. Я спела песни, вечер закончился около трех часов ночи.

Дома меня ждали хорошие новости. Мой агент звонил по поводу новой пьесы под названием «Большинством в один голос», которую ставил Дор Шери⁶¹. Это была история еврейской женщины средних лет, которая влюбилась в немолодого японца. Сюжет показался мне интересным, и я договорилась о встрече на следующий день с Дор и автором пьесы, Леонардом Шпигельгласом. Во время встречи Д. Шери был несговорчив. Он считал, что для 60-летней героини я выгляжу слишком молодо, хотя мой возраст был примерно таким же. Все же они дали мне роль и попросили прочитать ее на следующей встрече. Я никогда раньше не проходила прослушиваний, особенно для бродвейских постановок. Начиная с ранних лет карьеры, меня рассматривали как «слишком еврейскую» исполнительницу, или, говоря современным языком, «слишком ярко этнически выраженную» актрису. Даже когда я выступала на Бродвее (например, в «Утренней звезде»), обозреватели подчеркивали эту особенность моего дарования. В данном же случае я могла сыграть женщину моей расы, цвета кожи, вероисповедания и возраста. Идя на вторую встречу с Шери и автором, я думала, что получу роль. После чтения Шпигельглас поцеловал меня и сказал: «Молли, это как раз то, что я задумал!» И все же, уходя, я знала, что роль достанется Гертруде Берг⁶². Почему? Шери был откровенен: «Вы не выглядите, как типичная еврейская мама — слишком моложавы, жизнерадостны и к тому же маленького роста». Возможно, он был прав. Трудно спорить, когда тебе не дают роль и сопровождают это такими комплиментами. Конечно, они не сказали твердое «нет», поэтому в ожидании ответа я встретила с Падди Чаевским⁶³. Он ставил «*Middle of the Night*» («Полночь») с Фредриком Марчем⁶⁴ и хотел взглянуть на меня и Янкеля для нашего возможного участия в съемках. Постановщик и его команда оглядели меня (все те же четыре фута и 11 дюймов⁶⁵) и были очень милы. Теперь у нас было уже два проекта, но я чувствовала, что ни один из них не воплотится в жизнь. И действительно, Гертруда Берг получила роль в «Большинстве», мне же снова было сказано, что я слишком моложава. Я пыталась не обращать на это внимания, но до сих пор убеждена, что мне не дали шанса показать все, на что я способна.

Примечания

¹ Источник: URL: http://jwa.org/encyclopedia/article/picon_molly (дата обращения: 11.08.14). Сокр. и авториз. пер. с англ. вступительной статьи Джоан Грин и Приложения, а также примечания — Э. Зальцберга.

² Этот эпизод описан в Приложении.

³ В действительности Малка Опекун. URL: http://en.wikipedia.org/wiki/Molly_Picon

⁴ М. Пикон и следом за ней автор статьи пишут его как Rizshishtehov. Возможно, речь идет о городе Ржищев Киевской губернии.

⁵ Настоящая фамилия Луиса была Опекун, в Америке — Пикон.

⁶ Томашевский Майк (Мордехай, Макс) (Tomashefsky Mike (Mordekhai, Max), 1872, Украина — 1932, Нью-Йорк), артист и режиссер еврейского театра, брат Бориса Томашевского.

⁷ Калиш Якоб (Янкель) (1896–1975), актер, постановщик и драматург еврейского театра, муж М. Пикон.

⁸ «Янке́ле» («*Yankele*»), еврейская оперетта (1923), музыка И. Румшинского (J. Rumshinsky, 1881–1956). См. об И. Румшинском также: *Обухова-Зелиньска И.* «Bei Mir Bist Du Schoen...» — от Нью-Йорка до самых до окраин... // Русские евреи в Америке (далее — РЕВА). Кн. 7 / Ред.-сост. Э. Зальцберг. Торонто; СПб., 2013. С. 145–168.

⁹ Музыка ко всем пяти опереттам написал И. Румшинский, либретто — Я. Калиш.

¹⁰ Дэвид Гриффит (David Llewelin Wark Griffith, 1875–1948), американский режиссер, снявший около 500 фильмов, в т. ч. ставшие мировой классикой «Рождение нации» (1915), «Нетерпимость» (1916), «Сердце мира» (1918), «Сломанные побеги» (1919).

¹¹ Юнг Клара (Yong Clara, 1876 (?), Галиция — 1952, Москва), артистка еврейского театра, оперетты и эстрады. В раннем возрасте попала в США. Выступала во многих еврейских театрах Нью-Йорка, гастролировала в Европе и Южной Америке. В 1934 г. приняла предложение стать ведущей актрисой Еврейского театра оперетты в Москве.

¹² В русской литературе его также называют «Еврей со скрипкой».

¹³ Грин Джозеф (Green Joseph, Grinberg Yosef, 1900, Лодзь — 1996, Нью-Йорк), актер еврейского театра и кино и режиссер четырех еврейских фильмов.

¹⁴ Эльштейн Абрахам (Ellstein Abraham (Abe), 1907, Нью-Йорк — 1963, там же), композитор и дирижер, автор оперетт, музыки к кинофильмам («Идл со скрипкой» и др.) и многих песен. См. также: *Зальцберг Э.* Российские композиторы-евреи в США (1880–1970) // РЕВА. Кн. 8 / Ред.-сост. Э. Зальцберг. Торонто; СПб., 2013. С. 147–162.

¹⁵ Мангер Ицик (Manger Itzik, 1901, Черновцы — 1969, Гедера, Израиль), еврейский поэт, писал на идиш.

¹⁶ «*Di maydle fun amol*» («Девушка из прошлого»), музыка И. Мишинского (Joseph Mishinsky, 1881–1956), либретто Я. Калиша и Г. Калмановича, текст песен М. Пикон.

¹⁷ *«Ganev'ishe libe»* («Похититель любви»), музыка И. Румшинского, либретто Я. Калиша по одноименной пьесе Б. Ресслера (B. Ressler), текст песен М. Пикон и Г. Голда.

¹⁸ *«Birdie»* («Бирди»), комедия К. Уэбба (K. Webb), основанная на пьесе К. Фастера (C. Fester), музыка А. Эльштейна, постановка М. Вули.

Вули Монти (Wooley Montey, 1888–1963), американский режиссер и актер театра, кино, радио и телевидения.

¹⁹ Рейган Сильвия (Regan Ellstein Sylvia, 1909–2003), американский драматург и актриса, жена композитора А. Эльштейна.

²⁰ *«Morning Star»* («Утренняя звезда», 1940), текст Сильвии Рейган, музыка Ли Вайнера (Lee Wainer) и Роберта Соура (Robert Sour).

²¹ Адлер Стелла (Adler Stella, 1901, Нью-Йорк — 1992, Лос-Анджелес; похоронена в Нью-Йорке), актриса, режиссер и театральная педагог, дочь Я. Адлера.

²² *«For Heaven's Sake, Mother»* («Ради Бога, мама»), пьеса Джули Бернс (Julie Berns, 1899–1983).

²³ *«Abi Gesunt»* («Будь здоров»), музыка А. Эльштейна, текст песен М. Пикон.

²⁴ *«Sadie is a Lady»* («Леди Сади»), музыка И. Румшинского, либретто Я. Калиша и Л. Фреймана (L. Freiman), текст песен М. Пикон.

²⁵ *«Mazel Tov, Molly»* («Поздравляем, Молли»), музыка И. Румшинского, либретто Я. Калиша, текст песен М. Пикон.

²⁶ Нейл Симон (Neil Simon, род. 1927), американский драматург и либреттист, автор около 30 театральных пьес и столько же киносценариев.

²⁷ *Picon Molly. So Laugh a Little*. N. Y.: Messner, 1962.

²⁸ *«Milk and Honey»* («Молоко и мед», 1961), бродвейский мюзикл, музыка и текст Германа Джерри (Herman Jerry).

²⁹ Джуисон Норман (Jewison Norman, род. 1928), канадский режиссер и актер. В числе его фильмов: *«Russian are coming»* («Русские идут», 1966), *«The Thomas Crown Affairs»* («Дело Томаса Крауна», 1968), *«Fiddler on the Roof»* («Скрипач на крыше», 1971), *«Jesus Christ Superstar»* («Иисус Христос — суперзвезда», 1973), *«The Hurricane»* («Ураган», 1999).

³⁰ Такер Софи (Tucker Sophie, 1887–1966), американская певица, комедийная актриса и ведущая радишоу. Дочь евреев-эмигрантов из России.

³¹ Томашевский Борис (Tomashefsky (Tomashevsky) Boris, 1866, Украина — 1939, Нью-Йорк), артист, режиссер, драматург еврейского театра. В США с 1881 г. См. также: *Обухова-Зелиньска И.* «Bei Mir Bist Du Schoen...». С. 145–168.

³² Тилсон Томас Майкл (Tilson Thomas Michael, род. 1944), американский дирижер, пианист и композитор. Сделал более 120 записей произведений Баха, Моцарта, Бетховена, Малера, Прокофьева, Стравинского, а также произведений современных американских композиторов.

³³ Адлер Яков (Adler Jacob, 1855, Одесса — 1926, Нью-Йорк), актер еврейского театра. В США с 1889 г. См. также: *Зальцберг Э.* Мемуары Якова Адлера // РЕВА. Кн. 10. Торонто; СПб., 2014. С. 139–169.

Адлер Сара (Adler Sarah, урожд. Levitskaya, 1858, Одесса — 1953, Нью-Йорк), актриса еврейского театра. В США с 1884 г. Жена Я. Адлера.

³⁴ Томашевская Бесси (Tomashefsky Bessie, 1873, Украина — 1962, Калифорния; похоронена в Нью-Йорке), актриса еврейского театра. В США с 1879 г. Жена Б. Томашевского.

³⁵ Кесслер Давид (Kessler David, 1860, Бессарабия — 1920, Нью-Йорк), актер еврейского театра. В США с 1886 г. См. также: *Зальцберг Э.* Мемуары Якова Адлера // РЕВА. Кн. 10. Торонто; СПб., 2014. С. 139–169.

³⁶ Бернар Сара (Bernhardt Sarah, 1844, Париж — 1923, там же), великая французская актриса, гастролировала во многих странах Европы и Америки, неоднократно выступала в России.

³⁷ Согласно свидетельствам некоторых очевидцев, С. Бернар возила с собой гроб, в котором спала.

³⁸ DP — Displaced Persons (*англ.*), перемещенные лица, беженцы.

³⁹ Аль Капоне (Alphonse Gabriel «Al» Capone, 1899–1947), знаменитый чикагский гангстер, прототип многих киноперсонажей.

⁴⁰ Сестры Дункан, Розетта и Вивиан (The Dunkan Sisters, Rosetta (1894–1959) and Vivian (1897–1986)), американские водевильные певицы, выступавшие дуэтом.

⁴¹ Музыка И. Румшинского.

⁴² Хора — народный танец-хоровод у евреев и народов юго-восточной Европы.

⁴³ Вели Джей (Velie Jay, 1892–1982), американский актер и певец, участник многих бродвейских шоу.

⁴⁴ Фонда Генри (Fonda Henry Jaynes «Hank», 1905–1982), один из самых выдающихся артистов американского театра и кино; обладатель «Оскара» за лучшую мужскую роль в фильме «*On Golden Pond*» («На Золотом озере», 1981).

⁴⁵ Гринберг Хэнк (Greenberg Henry Benjamin «Hank», 1905–1982), американский бейсболист.

⁴⁶ 1,93 м.

⁴⁷ Новина-Пшибыльски Ян (Nowina-Przybylski Jan, 1902, Украина — 1938, Варшава), польский кинорежиссер. В 17 лет убежал из дома и пошел добровольцем на фронт. После окончания польско-советской войны работал в кинолаборатории, в 1927 г. стал ее совладельцем, с 1929 г. совместно с Д. Каденом преобразовал ее в киностудию. С 1931-го до момента внезапной смерти снял 14 фильмов, в т. ч. на еврейские темы. В польском прокате фильм с Молли Пикон назывался «*Judel gra na skrzypcach*» («Юдель играет на скрипке»). В фильме показаны типичные клезмеры того времени.

⁴⁸ Эстерка, Эстерка Малах (польск. Esterka, Esterka Małach, XIV в.) — славившаяся своей красотой еврейка, жившая в Казимеже в XIV в. По сообщению летописца Яна Длугоша (1356 г.), Эстерка была любовницей польского короля Казимира III Великого, именно ее влиянием объясняют благожелательную политику короля по отношению к польским евреям. Однако среди историков до сих пор нет единого мнения, была ли Эстерка историческим лицом или это только легенда.

⁴⁹ Штетл — еврейское местечко в черте оседлости.

⁵⁰ *USO (The United Service Organizations)* — благотворительная организация, которая обеспечивает американские воинские части различными услугами и программами, включая развлекательные.

⁵¹ Крупный исторический жилой квартал в западной части Нижнего Манхэттена.

⁵² Аш Шолом (Asch Shalom (Shalem), 1880, Кутно, Польша — 1957, Лондон), еврейский писатель и драматург, писал на идиш. Много лет жил в США.

⁵³ Робсон Поль (Robson Paul Leroy Bustill, 1898, Принстон — 1976, Филадельфия), американский певец (бас), актер и правозащитник.

⁵⁴ Здесь память изменила мемуаристке. По-видимому, эта встреча произошла значительно раньше, так как Джордж Гершвин умер 11 июля 1937 г.

⁵⁵ М. Пикон и ее муж совершили тур по Европе в 1946 г. и выступали с концертами для перемещенных лиц — жертв войны.

⁵⁶ Питер Пэн — персонаж нескольких книг шотландского писателя Дж. Барри (Barrie James Matthew, 1860–1937), герой многих кинофильмов.

⁵⁷ Робинсон Эдвард (Robinson Edward (Goldenberg Emanuel), 1893, Бухарест — 1973, Лос-Анджелес), американский киноактер.

⁵⁸ Трейси Ли (Tracy William Lee, 1898–1968), американский актер кино и телевидения.

⁵⁹ Адлер Лютер (Adler Luther, 1903–1984), американский актер, сын Сары и Якова Адлеров.

⁶⁰ Сидни Сильвия (Sidney Sylvia, урожд. Kosow Sophia, 1910–1999), американская актриса театра и кино.

⁶¹ Шери Дор (Schery Dore, 1905–1980), американский кинорежиссер, продюсер и драматург.

⁶² Берг Гертруда (Berg Gertrude, урожд. Tilly Edelstein), 1898–1960), американская актриса и сценаристка, обладательница телевизионной премии «Эмми» (1950) и театральной премии «Тони» (1959).

⁶³ Чаевский Падди (Chaefsky Sidney Aaron «Paddy», 1923–1981), американский драматург, сценарист и романист.

⁶⁴ Марч Фредрик (March Fredric, 1897–1975), американский актер театра и кино.

⁶⁵ 1,5 м.

Художницы-еврейки из России в Нью-Йоркской Национальной академии дизайна (1928–1932 гг.)¹

Гейл Левин (Нью-Йорк)

Этих четырех студенток Национальной академии дизайна в Нью-Йорке называли «русскими еврейками». Из них только Эсфирь Слободкина² родилась в Российской империи. Ее сокурсницы, Ли (Лена) Краснер³, Эда Мирски⁴ и Китти Мирски⁵ не были уроженками России, хотя их и считали таковыми в академии, где уделялось большое внимание этническому составу студентов. Так, в регистрационной карточке Краснер в графе «место рождения» правильно указан Нью-Йорк, но справа в той же строке допечатано «Россия». Так как эта приписка появлялась в течение нескольких лет, она не могла быть случайной. В некоторые годы за словом «Россия» следуют буквы, означающие пол студента, но в данном случае они, скорее всего, связаны с местом рождения родителей⁶.

Хотя большинство учащихся академии были американцы, в ней учились и «иностранцы» студенты — выходцы из Австрии (семь человек), Китая (8), Франции (6), Венгрии (7), Канады (8), Англии (14), Италии (19) и России (35, наибольшее число). Под словом «иностранцы» подразумеваются либо иммигранты, либо выходцы из иммигрантских семей. В 1928/29 учебном году в академии было 580 студентов, из них 101 — «иностранцы», включая четырех упомянутых выше девушек. В числе студентов преобладали мужчины (342); закончили учебный год 479 человек.

В описываемое время академия находилась во временном помещении. Это была старая деревянная конюшня в Манхэттене, на пересечении 109-й улицы и авеню Амстердам, вблизи строительной площадки гигантского собора Св. Иоанна Богослова, возведение которого началось в 1892 году⁷. Академия, созданная в 1825 году, была задумана как учебное заведение для подготовки художников и архитекторов, творческая деятельность которых была бы не связана с системой ари-

стократического патроната. Основатели академии представляли себе, что учебный процесс и выставки студентов будут способствовать достижению высших художественных стандартов, воспитанию новых поколений художников и архитекторов и дадут возможность широкой публике оценить их работы.

Эсфирь Слободкина родилась в Челябинске и была старшей дочерью Соломона Ароновича Слободкина, управляющего местным отделением нефтяной компании «Мазут», принадлежавшей Ротшильдам. Ее религиозная мать, Ита Львовна Агранович-Слободкина, была портнихой, а Итин отец, дедушка Эсфири, занимался изготовлением синагогальных украшений⁸.

В 1915 году семья переехала в Уфу, куда получил назначение Соломон Слободкин. В разгар Гражданской войны они бежали во Владивосток, с тем чтобы вырваться из России. В конце концов Эсфирь с матерью и сестрой добрались до Харбина, где Ита открыла швейный салон для богатых клиентов.

Эсфирь училась в харбинской школе, где в числе прочих предметов преподавалось и рисование. Она хотела стать архитектором, но пока что брала частные уроки рисования у местного художника-импрессиониста Павла Густа.

В 1922 году остальные члены семьи приехали в Харбин, за исключением брата Рони, который эмигрировал в США в 1923 году. Слободкина попала в США по студенческой визе и поступила в Национальную академию дизайна. Ее родители и сестра хотели последовать за ней, но эти планы были нарушены введением в США ограничительных квот на иммиграцию в страну евреев и выходцев из Восточной Европы. Поэтому, для сохранения студенческой визы, Эсфирь должна была оставаться в академии независимо от того, нравилось ей там или нет. Ее отношение к этому учебному заведению осложнялось тем, что до поступления в него она уже получила некоторую подготовку в искусстве рисования и была знакома с модернизмом в живописи. Побывав в 1918 году на вдохновившей ее выставке кубофутуристов в Уфе, где были представлены работы Д. Бурлюка, Эсфирь знала о новых художественных направлениях в живописи больше, чем профессора и студенты академии.

Соученица Слободкиной Ли Краснер не была уроженкой России. Лена Краснер появилась на свет в Бруклине через девять месяцев и две недели после того, как ее мать, Хана (Анна) Вейс-Краснер, приехала в Нью-Йорк. Когда Краснер поступила в академию, она называла себя Ленор Краснер (с двумя «с»), возможно, для того, чтобы подчеркнуть русское звучание фамилии. Через несколько лет она отказалась от второго «с» и приняла уменьшительное имя Ли.

Ее родители приехали в США из украинского местечка Шпиков, расположенного в «черте оседлости» южнее Винницы⁹. Первым уехал глава семьи Иосиф с младшим сыном. Они поселились в бруклинском районе Браунсвилль, в котором оседало большинство эмигрантов из России. Иосиф начал работать для того, чтобы выслать деньги на билеты в Америку остальным членам семьи. По их приезде семья переехала в пригород Нью-Йорка, так называемый Восточный Нью-Йорк.

Хотя Лена выросла в обстановке, далекой от искусства, она рано поняла, что хочет стать художницей. Пройдя конкурс, девочка поступила в *Washington Irving High School* в Манхэттене — единственную бесплатную школу в Нью-Йорке, где уделялось серьезное внимание художественному образованию учениц. По окончании школы Лена продолжила обучение в *The Cooper Union*, бывшей в то время бесплатной женской художественной школой с упором на прикладные искусства. Следующим шагом было поступление в Национальную академию. Ее желание стать художницей совпадало с кредо академии, которое отличалось от установок в *The Cooper Union* и гласило: «В академию принимаются только те лица, для которых искусство будет профессией»¹⁰. Академия предлагала студентам «сбалансированную систему художественного образования, соединяющую практические занятия с теоретическими знаниями»¹¹.

Соученицами Краснер и Слободкиной были Китти и Эда Мирски, с которыми Краснер была в тесной дружбе. Их родители эмигрировали с Украины в Англию, где и родились обе сестры, а потом переехали в США. Семья поселилась в Нью-Йорке, сначала в Бронксе, позднее на Лонг Айленде.

Глава семьи, Самуил Мирски (1883–1980), родился в Одессе. Будучи художником-самоучкой, он уже в Нью-Йорке окончил курсы при *The Art Students League*. Самуил специализировался в портретной живописи, включая миниатюры, но рисовал также натюрморты и жанровые сцены. Его студия находилась на Юнион Сквер в Манхэттене — месте, излюбленном тогда многими американскими художниками. Здесь он писал заказные портреты, которые приносили ему приличный доход.

Китти начала занятия в академии двумя годами раньше, чем Краснер. Примером для сестер Мирски был отец-художник, который обеспечивал семье вполне достойную жизнь. Подобно Слободкиной, Китти и Эда росли в среде, недоступной Краснер, родители которой торговали рыбой, что было более типичным занятием для бедных иммигрантов. Несмотря на эти социальные различия, и Слободкина, и Краснер должны были работать, чтобы содержать себя. Последняя вспоминала: «У меня были самые разные работы — красила абажуры для ламп, наносила вертикальные полосы на фетровые шляпы»¹².

Обе сестры считались с мнением отца о своих работах и его представлениями о том, что значит быть художником. Он никогда не отговаривал их от занятий живописью. Позднее Эда рассказывала своей дочери, писательнице Эрике Йонг:

Я могла поступить в любой колледж по своему выбору, но, поскольку Китти, бросив школу, занималась в Национальной академии и всегда рассказывала истории о том, как там замечательно и весело, как много в ней симпатичных молодых людей, я тоже решила бросить школу. Папа не возражал против этого¹³.

Сестры Мирски, Краснер и Слободкина учились в академии у Чарльза Луиса Хинтона (1869–1950), которого считали старомодным художником. Пятидесятидевятилетний Хинтон преподавал начальный курс рисунка в академии, где он стал деканом, и в *The Cooper Union*. Краснер, учась у него еще в *The Cooper Union*, объявила его своей «Немезидой»¹⁴ за то, что тот оценивал ее работы как «беспорядочные». Слободкина разделяла невысокое мнение Краснер об учителе, и обе возмущались необходимостью заново проходить начальный курс рисунка. Слободкина упоминала с иронией о «нашем милом м-ре Хинтоне», «этом изящном учителе-мумии»¹⁵. Она же вспоминала:

Когда м-р Хинтон подходил ко мне сделать замечания, я терпеливо ждала, пока он «приглаживал» некоторые места на моем лишенном истинного вдохновения рисунке, и бормотала что-то о свете, тени и текучей линии. Бедный, старый, трясущийся херувим знал не более об истинном искусстве рисунка, чем школьный швейцар. И все же он много лет учил студентов, погубив бесчисленное число молодых, свежих и многообещающих талантов¹⁶.

В академии, так же как и в *The Cooper Union*, копирование античных слепков считалось главным предметом. Овладев им, студенты переходили в следующий класс, где они копировали живые модели. Несмотря на то, что Краснер еще до поступления в академию, в 1928 году нарисовала свой автопортрет¹⁷, она должна была снова начать изучение рисунка с античных копий под руководством Хинтона. Ни учитель, ни мятежная студентка не хотели повторения тех столкновений, которые были между ними в *The Cooper Union*. Позднее она вспоминала: «Мы посмотрели друг на друга, и я поняла, что при всем желании он не может избавиться от меня, переведя в следующий класс — на это требовалось специальное решение комитета академии»¹⁸.

Когда Краснер представила свой автопортрет комитету, его члены, высоко оценив работу, выразили сомнение, что он написан на открытом воздухе. «Когда вы рисуете в студии, не пытайтесь представить работу так, как будто она сделана на открытом воздухе», — выговаривали они художнице¹⁹. Председатель комитета, Перри Роджерс Нельсон, хорошо известный портретист, ворчал: «Вы проделали нечестный трюк»²⁰ (позднее он стал учителем Краснер, и она ценила его выше Хинтона).

Протестовать было бессмысленно, но Хинтон дал мне испытательный срок, во время которого я не должна была изучать работы французских импрессионистов и рисовать только то, что вижу. Это было для меня шоком. Мне представилось, что я выгляжу в его глазах как ребенок, пытающийся имитировать французов и показывающий это везде, где можно. Кажется, все они были обеспокоены влиянием на меня французской живописи²¹.

В позднейших интервью Краснер часто возвращалась к этому испытательному сроку. Между тем каталог академии четко указывает, что «все новые студенты принимаются только на испытательный срок», который истекает тогда, когда они представляют работы соответствующего качества. Академические документы Краснер свидетельствуют о том, что она была переведена в класс живой природы 26 января 1929 года на месячный испытательный срок²². Класс живой природы означал возможность рисовать не гипсовые слепки, а живые модели. Другой ее «Автопортрет», написанный на бумаге карандашом и акварельной сепией, сохранился до сих пор. На нем она изображена смотрящей через плечо в зеркало. Не только техника исполнения автопортрета, но и короткая стрижка изображенной на нем девушки указывают на то, что он был выполнен ею в юном возрасте, когда она еще не пользовалась масляными красками. Краснер объясняла, что сделала серию автопортретов «не потому, что была в восторге от своей внешности, а потому, что была единственной моделью, которая оставалась неподвижной столько времени, сколько было нужно для рисования»²³. В учетной карточке Краснер за первый год видно, что кто-то зачеркнул имя «Хинтон» и написал сверху «Нельсон». В то время ему было 42 года, и он преподавал «живой рисунок и живопись» по вторникам и пятницам вечером²⁴.

Другая сохранившаяся запись гласит: «Эта студентка всегда создает хлопоты и утверждает, что у нее свой собственный путь, отличный от правил академии. Л. М.». Манера Краснер откровенно высказывать

свое мнение и выражать протест приносила ей много неприятностей. Это не было личной причудой, но скорее поведением, коренящимся в ее натуре. Она выросла в большой бедной семье и с ранних лет сама заботилась о себе — все это превратило ее в яростного борца за свои права в соответствии с тем, как она их понимала.

Когда Краснер в начале 1929 года была переведена в класс живой природы, она поступила в студию Ивана Григорьевича Олинского (1878–1962). Он вел занятия отдельно для мужчин и женщин, как того требовали правила академии.

Олинский, еврей из Елизаветграда, в двенадцатилетнем возрасте вместе с семьей эмигрировал в США. Испытав на себе антисемитизм в России и убежав от него в Америку, он часто подчеркивал свое русское происхождение и старался скрывать свое еврейство²⁵. Олинскому повезло: его семья поселилась в Нью-Йорке, и он поступил в академию, где преподавали Д. Алден Веир, Джордж В. Мейнард и Роберт Вонно. Он также работал у Джона Лафарга, помогая ему расписывать фрески и создавать мозаики. Портреты и фигурная живопись Олинского, будучи в целом академическими по стилю, обнаруживали влияние импрессионизма. Он был настолько успешным портретистом, что мог позволить себе время от времени вообще ничего не рисовать на продажу. Его представляли главные нью-йоркские арт-дилеры, такие как галереи *Macbeth* и *Grand Central*. Среднего возраста, с установившейся репутацией и положением, Олинский воплощал для русско-еврейских студентов академии связь с их этническим прошлым. Он был также примером ассимиляции и социальной адаптации для тех, кто, подобно Краснер, происходил из бедных семей, что было столь типичным для еврейской эмиграции. Но Олинский не открывал перед студентами новые пути, они должны были находить их сами.

Похоже, что студенты академии не обратили внимания на события, связанные с крахом биржи в октябре 1929 года. Современник событий, драматург и критик Лайонел Абель, писал в ноябре того же года:

*Я даже не знал, что случилось на Уолл-стрит в прошлом месяце. Вернее, я читал об этом, но просто не придавал событию особого значения. Среди моих знакомых не было основателей финансовых империй, которые разорились или понесли крупные потери. Остальная страна стала ощущать влияние биржевой катастрофы только в последующие месяцы*²⁶.

Если крах 24 октября и произвел какое-то впечатление на учащихся академии, то записей об этом не сохранилось. Наступление глубокой

экономической депрессии стало очевидным не ранее 1930 года. Однако для многих студентов, особенно выходцев из бедных иммигрантских семей, таких как Краснер и Слободкина, денежные проблемы существовали всегда²⁷.

Другим учителем Слободкиной, Краснер и Мирски был Чарльз Куртни Курран (1861–1942). В то время ему было около семидесяти, он придерживался консервативных взглядов, но в меньшей степени, чем Хинтон. Уроженец Кентукки, он учился в Академии Жюлиана в Париже, выставлялся в Салоне и получил несколько премий в Европе и США в 1880-е и 1890-е годы. Курран был секретарем-корреспондентом академии, что свидетельствовало о его высоком престиже. Постимпрессионистские работы художника могли бы показаться Краснер глотком свежего воздуха, если бы ее не привлекли полотна, выставленные в Музее современного искусства, открытого в Нью-Йорке в ноябре 1929 года. Той осенью Краснер и Эда Мирски стали посещать класс натюрморта, что оказало большое влияние на их дальнейшее художественное развитие. Занятия вел семидесятилетний Вильям Робинсон, бывший студент той же парижской Академии Жюлиана. Класс Робинсона был открыт для «существенно продвинутых студентов, желающих писать натюрморты с натуры». Они рисовали цветы и фрукты, по-разному сочетая и располагая их на столе, при этом предполагалось знакомство учащихся с работами Сезанна и Гогена.

Фактически Краснер, Мирски и другие студенты видели работы Сезанна, Гогена, Ван Гога и Сёра на выставке 98 картин, приуроченной к открытию Музея современного искусства в начале ноября 1929 года. Толпы народа были на открытии выставки, и дирекция музея объявила, что 8 ноября вход на нее будет свободным²⁸. Директор музея Альфред Барр-мл. заявил прессе, что *«несколько знатоков искусства, известных своими антипатиями к современной живописи, были “обращены” в ее сторонников после посещения выставки»*²⁹.

Основанный тремя женщинами — сторонницами передовых течений в современном искусстве — мисс Лили Блисс, миссис Корнелиус Салливан и миссис Джон Рокфеллер-мл., музей стал вызовом консервативным взглядам, господствовавшим в Национальной академии. Обещание свободы выражения и новой художественной эстетики не могли не привлечь молодых художниц Краснер, Слободкину и сестер Мирски, склонных к поискам нового и неприятию старого в живописи.

При открытии музея в нем было шесть натюрмортов с яблоками Сезанна. Влияние двух из них чувствуется в работе Краснер «Натюрморт с яблоками»³⁰. Подобно Сезанну, художница изобразила на блюде фрукты, увиденные зрителем как бы сверху. Решение Краснер наклонить

блюдо и стол вперед восходит, скорее, к натюрморту в «Портрете Мейер де Хаан» Гогена, который демонстрировался на выставке и был воспроизведен в каталоге, бережно хранимом художницей после ее закрытия.

Это было для меня буквально потрясением, — вспоминала Краснер, говоря о современной живописи, — подобным тому, которое я испытала, читая Ницше и Шопенгауэра. Чувство свободы, открытых дверей. Я не могу описать его более точно, но оно напоминало мне состояние, испытанное много лет назад, когда я поняла, что хочу сказать что-то новое в живописи. Одно было для меня ясно: работы французских живописцев разбудили во мне злость против любой формы провинциализма. Когда я восхищалась работами этих мастеров, мне было все равно, французы они или нет³¹.

Краснер вспоминала, что в одну из суббот она с группой студентов пошла в Музей современного искусства.

Выйдя из него, мы разошлись, не обменявшись впечатлениями. В понедельник все встретились в академии. В класс вошла модель — это был негр, одетый в ярко-клетчатый мешковатый пиджак. Он стал его снимать, но мы все закричали: «Нет, оставайся в нем!»³²

Она часто говорила о том мгновенном эффекте, который произвели на нее работы Матисса и Пикассо, подчеркивая, что выставка воодушевила ее и других студентов «изображать то, что они видели перед собой»³³. Она любила рассказывать, что, когда они рисовали портрет преподавателя Сидни Эдварда Дикенсона (1890–1980), «его так рассердило увиденное, что, хотя и будучи человеком с мягким характером, он схватил чьи-то кисти, швырнул их через всю комнату и покинул класс со словами: “Я не могу научить вас чему-нибудь”»³⁴. В другой раз, рассказывая ту же историю, Краснер говорила, что Дикенсон сокрушил студенческий мольберт, схватил кисти и швырнул их на пол³⁵. Такую бурную реакцию странно было наблюдать у педагога, которого сама же Краснер описывала как человека «очень обаятельного, очаровательного, никогда не повышавшего голоса, исключительно терпеливого»³⁶. Он учился у Вильяма Чейза портретной живописи и искусству натюрморта, а у Джорджа Бридгмана — рисованию с натуры. Дикенсон был успешным портретистом и абсолютно не воспринимал модернизм³⁷.

Помимо неприятия новых течений в искусстве, Краснер и Эду Мирски не удовлетворяли в академии и многие другие вещи. Даже

правила, которые регулировали работу над натюрмортами, вызывали у них возмущение. Так, они узнали, что тот, кто хочет рисовать натюрморт с рыбой, должен делать это только в подвале, куда женщинам вход был воспрещен.

Я, как художница, впервые встретилась с подобным ограничением, и это возмутило меня, — вспоминала Краснер уже в 1970-е годы. — Вам не разрешают рисовать рыбу только потому, что Вы женщина. Это напомнило мне синагогу, где место женщины — наверху, но никак не внизу. Такие вещи до сих пор раздражают меня, и они все еще случаются³⁸.

Краснер и Мирски все же проникли в запретный подвал и рисовали там рыб. Факультетское начальство было так возмущено этим демонстративным жестом, что 7 декабря 1929 года отстранило их от занятий за «рисование с натуры без разрешения». Студенческий статус художниц был восстановлен их учителем Чарльзом Куртни Курраном. Девяностодевятилетняя Эда Мирски во время интервью автору статьи сияла улыбкой, вспоминая эту эскападу, и настаивала, что это был единственный случай, когда у нее были неприятности в академии³⁹.

Если Краснер из-за своего бунтарского характера не получила ни одной награды в академии, то ее подруга Эда Мирски была удостоена нескольких небольших премий, учрежденных для студенток-женщин. Что касается Краснер, то на втором году обучения она стала старостой, наблюдавшей за порядком в классе и работой студентов, и это помогало ей покрывать собственные расходы. По словам Слободкиной, старосту выбирали сами учащиеся⁴⁰, и если преподаватель был недоволен ее работой, то мог сместить ее с этой «должности».

Сестры Мирски работали в разных манерах: Эда рисовала цветы и детей яркими и чувственными мазками, тогда как Китти предпочитала изображать темные морские пейзажи. Эда получила в 1932 году премии в 15 долларов за классы натюрморта и рисования с натуры и была звездой академии, но в этом был и некий горький привкус:

Преподаватели всегда попрекали юношей-студентов: «Следите за Мирски — ей присудят Римскую премию» (она представляла собой стипендию для длительного пребывания в Италии), но они никогда не присуждали ее девушкам. Когда я получила две бронзовые медали, то была взбешена — это были только железки, и никакого денежного вознаграждения. И все лишь потому, что я была девушкой. Почему они говорили «Следите за Мирски» — чтобы помучить меня?⁴¹

Эда была так разочарована господствовавшей в академии дискриминацией женщин, что спустя много лет, когда ее дочь Эрика Манн поступила в Высшую школу музыки и живописи и посещала классы в *The Art Students League*, она отговаривала ее от профессии художницы⁴².

Внучка Эды, Молли Йонг-Фаст вспоминала, что бабушка «надрывалась, защищая социализм», которым так интересовалась ее подруга Краснер⁴³. Дружба Ли и Эды была настолько тесной, что последняя написала по крайней мере два портрета Краснер. С удивительным мастерством Эде удалось схватить внешность и характер Ли. На одном портрете она изображена с длинными пышными волосами, на другом, более позднем, с короткой стрижкой девушки-подростка и в модном полосатом пиджаке. Известно, что Ли подарила Эде свой портрет, написанный масляными красками в подвальном этаже дома ее родителей в Бруклине. Автопортрет, изображающий большеглазую девушку, напоминает стиль будущего учителя Краснер Леона Кроля. Ему бы наверняка понравилось решение писать автопортрет, на котором модель стоит против полузатененного зеркала, а дневной свет проникает через подвальное окно позади нее, освещая лишь цветок в горшке и половину ее лица. Портрет демонстрирует усложненную технику и мастерство художницы. Эда, высоко ценившая его, передала автопортрет Ли вместе со своими двумя портретами Краснер музею Метрополитен в 1988 году, где их можно увидеть и сегодня.

Краснер привлекал не только модернизм, но и кружок русских, которые разделяли ее увлечение новым искусством и были уроженцами страны, откуда происходили ее родители и многие родственники. Большинство российских друзей Ли, подобно Илье Болотовскому (1907–1981) или Борису Горелику (1912–1984), были евреями, но один из них, особенно привлекавший Краснер, таковым не был⁴⁴. Речь идет о высоком, интересном Игоре Пантюхове (1911–1972), бывшем на три года младше Краснер. Он гордился аристократическим происхождением, слухи о котором циркулировали сначала среди студентов,

Э. Мирски. Портрет Л. Краснер.
Ок. 1929–30 гг.

The Metropolitan Museum of Art,
New York

Л. Краснер. Автопортрет. Ок. 1929 г.
The Metropolitan Museum of Art, New York

а позднее — среди его современников. Джуп Сандерс, голландский художник, живший в Нью-Йорке, вспоминал встречу с Пантюховым в конце 1940-х годов у общего приятеля, другого голландского художника-эмигранта, Виллема де Кунига: «Игорь был очень элегантным и привлекательным мужчиной с мягкими европейскими манерами»⁴⁵. Роберт Джонас, другой художник, друживший и с Кунигом, и с Пантюховым, утверждал позднее, что отец последнего был «капитаном охраны Кремля»⁴⁶. Этим «капитаном» был уроженец Киева Олег Иванович Пантюхов (1882–1973), младший сын врача, генерала военно-медицинской службы. Олег Пантюхов был молодым энергичным полковником императорской гвардии и одним из приближенных Николая II. Царь поручил ему организовать российское отделение бойскаутов, которое было создано в Санкт-Петербурге в 1909 году⁴⁷. Полковник Пантюхов стал Главным скаутом, а сын Николая II, царевич Алексей,

первым членом этой организации, что и определило близость Олега Ивановича к царской семье.

Будучи детьми, Игорь и его старший брат Олег жили в Царском Селе, где служил отец⁴⁸; здесь была последняя резиденция императора Николая II. На зиму и весну мальчики переезжали к бабушке в Санкт-Петербург. Они остались с ней, когда отец ушел на войну. В 1918 году он был в числе защитников Кремля от штурмовавших его отрядов большевиков⁴⁹.

Пантюховы бежали в Крым; в своих воспоминаниях полковник Пантюхов описывает, как семья

страдала от недоедания. Игорь и Олег заболели желтухой; Олег так ослаб, что не мог ходить. Их мать Нина страдала от хронического воспаления легких. Несмотря на все лишения, полковник Пантюхов продолжал работать с бойскаутами, многих из которых он описал позднее как

И. Пантюхов.
Портрет Л. Краснер. Ок. 1932 г.
Из коллекции The Pollock-Krasner
House, East Hampton, New York

сыновей и внуков людей, убитых в Мировую и Гражданскую войны. <...> Недавний опыт укрепил их верность стране и церкви. <...> Даже после того, как большевики запретили организацию скаутов, многие продолжали тайно участвовать в ней⁵⁰.

Он также писал о

большой еврейской скаутской группе в Севастополе, известной под названием «Маккаби». Ее руководители производили впечатление приятных людей, а их воспитанники — умных ребят. Однажды меня и начальников местных отрядов скаутов пригласили проинспектировать «Маккаби» и спросили, не могли бы они войти в российскую скаутскую организацию.

После обсуждения с коллегами Пантюхов *«решил, что, поскольку они другой веры и на их флаге изображена Звезда Давида, наш устав не позволяет им сделать это»⁵¹*. Пантюхов пытался, не без успеха, внушить такие же «охранительные» мысли своим сыновьям в Америке. Так, брат Игоря Олег не одобрил браки дочери и внучки с евреями и отказался присутствовать на свадебных церемониях, если они будут

проводиться в синагогах⁵². Конечно, ни отец, ни брат не одобрили бы связи Игоря с Краснер.

Братья Пантюховы часто меняли школы и нередко оставались совсем без них. Полковник Пантюхов писал, что Игорь, который учился хуже Олега, «отставал в чтении», но проявлял «безусловный талант в рисовании и актерском мастерстве»⁵³.

После повторного захвата Красной армией Киева 17 декабря 1919 года белые стали откатываться к Черному морю. Полковник Пантюхов с семьей присоединился к более чем миллионной армии беженцев, пытавшихся ускользнуть от большевиков. В Севастополе семья погрузилась на пароход и 5 марта 1920 года добралась до Константинополя (ныне Стамбул), бывшего под управлением союзников⁵⁴. В начале сентября 1922 года Пантюховы отплыли в США, куда и прибыли 10 октября.

Олег решил идти по стопам отца и выбрал военную карьеру — он поступил в армию и стал военным переводчиком. Игорь унаследовал артистические задатки родителей, которые хорошо рисовали. Так, Нина в свое время училась в художественной школе Яна Францевича Ционглинского в Петербурге, страстного поклонника импрессионистов, и в Училище технического рисования (ныне — Санкт-Петербургская государственная художественно-промышленная академия им. А. Л. Штиглица).

Пантюхов-старший продолжал работать в США в Национальной организации российских скаутов в изгнании⁵⁵. Когда Игорь был ребенком, семья много раз переезжала с места на место и в конце концов осела по адресу *385 Central Park West* — в районе, далеком и географически, и в культурном отношении от иммигрантского Бруклина, где жили Краснеры. Образ жизни Пантюховых не был, однако, столь респектабельным, как это могло показаться с первого взгляда. Для того чтобы жить в таком хорошем доме, они, подобно многим иммигрантам, часть его сдавали жильцам⁵⁶.

Пантюхов проучился в академии у Нельсона и Олинского уже год, когда в нее поступила Краснер. В октябре 1928 года он заслужил похвальный отзыв за картину «*A Corner of New York: Noon Hour*» («Уголок Нью-Йорка: полдень»). Следующей весной Игорь получил несколько премий: за рисунки обнаженной натуры, фигур, натюрморта и по композиции⁵⁷. Хотя в академии он был зарегистрирован как Игорь Пантюхов, похоже, что он еще не решил, как англизировать свое имя. Эмигранты часто делали это: его русско-еврейский сокурсник Илья Болотовский стал Элиасом, итало-американец Джорджо Каваллон — Джорджем⁵⁸. Со временем Ленор Краснер превратилась в Ли Краснер.

Для Краснер Пантюхов был представителем утонченной европейской культуры и определенного стиля, то есть всего того, чего не было в ее окружении. Ей был 21 год, она обладала превосходной фигурой модели, и Пантюхов был ее «Пигмалионом». Девушка наслаждалась эффектными нарядами и экзотическими украшениями, которые Игорь выбирал для нее, даже если они не всегда были им по карману. Внимание, оказываемое Пантюховым Краснер, вызвало некоторую зависть у сокурсниц. Слободкина так пишет об этом в своих воспоминаниях:

Половина девушек академии, включая Китти и Эду Мирски, крутилась вокруг Пантюхова, однако его выбор пал на исключительно неинтересную, но элегантную и стильную Ли Краснер. У нее был большой нос, оттопыренные губы, короткая стрижка и ослепительно прекрасное, светящееся белизной тело⁵⁹.

Для Слободкиной встреча с Пантюховым была своего рода неожиданностью.

Стремительный молодой человек, любимец студенток по имени Игорь Пантюков (так!) услышал о новой студентке, молодой симпатичной девушке, к тому же русской. Однажды поздним утром он ворвался в наш женский класс, увидел меня, склоненной над извечным рисунком гипсового торса Венеры Милосской, и нежно поцеловал меня в спину, обнаженную соблазнительно низким вырезом⁶⁰.

Она повернулась и дала ему пощечину. Игорь запротестовал и объяснил, что просто хотел встретить соотечественницу и немного поболтать по-русски. Слободкина ответила резкостью — она здесь для того, чтобы говорить по-английски и учиться рисовать. «*Не могу сказать, что это произвело на него впечатление*». В своих мемуарах Слободкина много пишет о восхищении молодым человеком и связанных с ним огорчениях. Говоря о своей грузной фигуре, она не забывает упомянуть о том, что похудела на 30 фунтов⁶¹. По мнению Слободкиной, Краснер започувствовала самого эффектного молодого человека. О себе она пишет:

Если бы не дорогой добрый мистер (Артур) Кови, учитель композиции, и несколько друзей, которые у меня появились, я бы рехнулась в этой совершенно стерильной атмосфере постоянного и застывшего лицемерия⁶².

Кови был тогда 51 год, и в глазах Слободкиной не возраст, а индивидуальность отличали его от Хинтона. Она была настолько возмущена

порядками в академии, что появлялась в ней лишь для того, чтобы сохранить студенческую визу и связанный с ней статус иммигрантки. Только в 1933 году, после того как Слободкина вышла замуж за студента академии Илью Болотовского (она обратила внимание на его работы в классе композиции еще год назад), она получила гражданство и ушла из академии. Слободкина и Болотовский говорили по-русски; Илья родился в Петербурге и эмигрировал в 1923 году, в тот же год, что и брат Слободкиной. В 1933 году Слободкина нарисовала портрет мужа («Илья»), на котором он изображен в глубокой задумчивости. Хотя она получила похвальный отзыв по композиции в 1932 году, ее не покидало неудовлетворение царившим в академии консерватизмом. Это же чувство владело ее более радикально настроенными соучениками, такими как Болотовский, Краснер, Герберт Фербер (Силверс), Джорджио Каваллон и Байрон Браун; все они стали впоследствии известными художниками. Болотовский, хотя и ценил Олинского как учителя, спустя много лет заметил, что академия

была очень плохой школой. Преподаватели, за исключением Олинского, в какой-то степени модерниста, были исключительно консервативны. Меня считали бунтовщиком и плохим примером, так как я экспериментировал с цветом. Эксперименты были весьма скромными, но для академии и это было уже слишком. Нас предупредили не следовать Пикассо и Сезанну, <...> потому что первый никогда не учился рисунку, а второй — не владел красками, и давали всякие другие советы в том же роде⁶³.

Пантюхов пользовался неизменным признанием в академии. Весной 1930 года он получил *Money Travelling* — стипендию для изучения работ старых мастеров в Европе. Эта поездка разлучила на время Пантюхова и Краснер, которых, по воспоминаниям Мэй Табак, жены будущего арт-критика Гарольда Розенберга, все уже считали парой⁶⁴. В отсутствие Пантюхова Краснер усиленно совершенствовала свое мастерство — Игорь всегда поддерживал ее в этом⁶⁵. Краснер не было среди четырех студенток, получивших бронзовые медали или почетные грамоты в 1930 году. В ноябре она снова поступила в класс живой природы, который вели Курран (днем) и Олинский (вечером). В этом же году она посещала лекции по истории искусства, литографии и химии красок, а весной следующего года — по истории архитектуры, витражу и мозаике.

В классе Куррана в 1930–1931 годах был Джозеф Вогель (1911–1995), еврей-иммигрант из Польши, живший в Бронксе. Семья, как и у Краснер, была бедной и с трудом сводила концы с концами. К январю

1931 года депрессия коснулась всех. Тот же анонимный «Л. М.» записал в регистрационной карточке Вогеля: «*Ко времени взноса платы за обучение вся семья была без работы*». Такое положение доводило до отчаяния, и летом 1933 года Вогель вступил в Группу безработных художников, членами которой уже были (или вскоре станут) некоторые знакомые Краснер: Балкомб Грин и его жена Гертруда «Питер» Гласс Грин, Борис Горелик, Ибрам Лассау, Майкл Лоев и Макс Спивак. Группа была создана при клубе Джона Рида, в котором до 1935 года господствовали местные и приезжие художники коммунистической ориентации.

Осенью 1931 года Вогель занимался в классе Леона Кроля (1884–1974) вместе с Краснер. Новый преподаватель только начал работать в академии. Это был общительный невысокий еврей, поклонник Сезанна, много рассказывавший о нем. По сравнению с другими наставниками, студенты считали Кроля более прогрессивным педагогом, любившим портреты, фигурную живопись и ландшафты. Они ничего не знали о его прошлом, включавшем работу с реалистом Эдвардом Хоппером в Глочестере в 1912 году и дружбу в Париже перед Первой мировой войной с Соней Делоне-Терк (русской еврейкой) и Робером Делоне. Вогель запомнил учителя как «большевика в академии», что, учитывая политические убеждения самого студента, было комплиментом⁶⁶. Краснер вспоминала, что «*когда было объявлено, что Кроль приходит в академию, это было равносильно тому, как если бы здесь стал преподавать Пикассо*», но уже вскоре она нашла его «*очень академичным и неприязненно настроенным к новому*»⁶⁷.

Похоже, что Кроль, придя в академию и начав преподавать живую натуру, забыл авангардные работы Делоне.

Однажды в класс пришла необычная модель: ее лицо было выкрашено белым, волосы — оранжевым, ресницы подведены розовым, глаза обведены черными кругами. Я была старостой и немедленно попросила ее приступить к делу, хотя вид модели не совсем удовлетворял требованиям академии. Вошел Кроль, взглянул на нее и громко спросил, кто здесь староста. Затем он подошел ко мне, посмотрел на мою работу и закричал: «Милая девушка, идите домой и примите холодный душ!»⁶⁸

Осенью 1931 года Краснер видела в Музее современного искусства ретроспективную выставку Матисса. Она сохранила любовь к его работам на всю жизнь, но далеко не все разделяли ее энтузиазм. Ральф Флинт, рецензировавший выставку в *Art News*, высказал некоторые сомнения относительно художника и его влияния на современных живописцев:

Его ищущая сенсаций кисть разбудила воображение многих собратьев-художников. Он вбил клин в стену, которая стояла на пути поисков нового. И все же, оставаясь блестящим живописцем, он не был мастером, способным воодушевить других⁶⁹.

В связи с растущим американским национализмом и связанным с ним антисемитизмом неудивительно, что Краснер неоднократно повторяла: «Я никогда не поддержу ничего, что называется “американским искусством”»⁷⁰. Она не изменила этой позиции и после посещения второй выставки в Музее современного искусства, названной «Живопись 19 современных американских художников», и последовавшей за ней дискуссией в печати. Критик Форби Ватсон атаковал русско-еврейского художника Макса Вебера за то, что тот оторван от американских традиций и следует европейским образцам, а также защищал Эдварда Хоппера, Джона Слоана, Чарльза Бёрчфилда и Рокуэлла Кента от тех, кто находил в их работах «старомодный консерватизм» и определял степень «современности» тем, насколько работы соответствуют парижским образцам⁷¹.

На волне культурного национализма в 1930 году был основан и в следующем году открыт Музей американского искусства Витни на 8-й улице. Местные художники были в нем представлены гораздо шире, чем в Музее современного искусства, хотя американские корни некоторых из них и вызывали сомнения. В одной из ранних музейных публикаций (монографии Ги Пен Дюбуа о Хоппере) последний характеризовался как «самый яркий англосаксонский художник всех времен», хотя он был наполовину голландец и частично — француз.

4 февраля 1932 года, несмотря на холодный дождь, более трех с половиной тысяч безработных собрались на Юнион Сквер и прошли маршем протеста к зданию нью-йоркского муниципального Совета. «До тех пор, пока Совет не найдет способов предотвратить дальнейшие выселения из квартир семей безработных, Совет безработных Нью-Йорка будет применять силу для борьбы с головорезами, нанятыми домовладельцами для выселения неплательщиков», — заявили коммунистические организаторы марша. «В городе более миллиона безработных, а муниципальный Совет не делает ничего, чтобы помочь им...»⁷²

Спустя месяц, 6 марта 1932 года, на том же Юнион Сквер собралась большая группа художников, называвшая себя Советом безработных и впервые привлекая внимание к безработице и нищете среди людей свободных профессий. Их усилиями был образован Союз художников. Он был не первой организацией такого рода, но был «первым, сыгравшим важную роль в признании роли правительства в социальной защите

художников и необходимости единства среди самих творческих работников», — вспоминал Борис Горелик⁷³.

В связи с материальными трудностями, вызванными депрессией, и неопределенными перспективами для профессиональных художников Краснер ушла из академии в апреле 1932 года и поступила в нью-йоркский Городской колледж в Манхэттене на 139th Street и St. Nicholas Terrace. К этому времени она жила вместе с Пантюховым. Обучение в колледже было бесплатным, и выпускники получали сертификат на право преподавать рисование в высшей школе⁷⁴. Краснер записалась на курс «Образование 263», состоявший из пятнадцати сессий. Она изучала также «Преподавание в младшей и высшей школах» и «Проблемы обучения в средней школе».

В 1930-е годы колледж был местом интенсивного интеллектуального и идеологического брожения. 23 мая 1932 года три тысячи студентов, возглавляемых левой Национальной студенческой лигой, выступили с протестом против увеличения платы за обучение студентов вечернего отделения. Петицию протеста подписали 10 тысяч учащихся, и Совет высшего образования был вынужден отменить свое решение. Хотя Краснер училась днем, а работала вечером, вряд ли она пропустила эту акцию. Как и большинство ее сокурсников, она вела постоянную борьбу за выживание. *«Я решила заняться чем-то практическим, дающим средства на жизнь, и выбрала педагогику, чтобы получить квалификацию преподавателя живописи», — вспоминала Краснер.*

Утром я училась в колледже, а днем или вечером работала официанткой. Получив диплом, я решила, что самым последним делом, которым я хотела бы заниматься, было преподавание, поэтому я просто поврала его⁷⁵.

На получение диплома было затрачено много времени и сил, но Краснер пренебрегла всем этим для того, чтобы воплотить свою давнишнюю мечту и стать художницей.

Как раз в то время, когда она поняла, что не хочет быть педагогом, федеральное правительство во главе с президентом Ф. Д. Рузвельтом создало *Works Progress Administration (WPA)*, которая распределяла заказы или платила зарплату более чем десяти тысячам представителям свободных профессий, тем самым спасая их от нищеты. Начиная с 1934 года, Краснер, Пантюхов, Слободкина и Болотовский были среди тех, кто получал работу от WPA. Однако в августе 1939 года, в связи с продолжением глубокой депрессии, WPA перестала обеспечивать заказами тех, кто уже имел их в течение более восемнадцати месяцев,

и Краснер и Пантюхов лишились последнего источника доходов. Отчаявшись найти какую-либо работу, Пантюхов оставил Краснер и уехал в Майами-Бич во Флориду, где жили его родители и многие русские белоэмигранты; здесь он стал рисовать заказные портреты.

Слободкина продолжала карьеру художницы и получила известность как иллюстратор детских книг. Одна из них, «*Caps for Sale*» («Кепки на продажу», 1938) стала классикой. Дети до сих пор любят историю о том, как вздремнувший продавец кепок, проснувшись, обнаружил, что обезьяны утащили их на дерево. В 1936 году Слободкина и Болотовский основали Американскую группу художников-абстракционистов. Краснер присоединилась к ней только в 1940 году, после отъезда Пантюхова во Флориду. Брак Слободкиной и Болотовского оказался недолговечным — они развелись в 1938 году.

Китти и Эда Мирски продолжали рисовать. Из двух сестер только Эда была замужем и имела детей. Ее дочь, Эрика Йонг, стала известной писательницей.

Игорь Пантюхов никогда не женился, особых успехов в живописи так и не достиг. Краснер вышла замуж за художника Джексона Поллока (1912–1956) и помогла ему достичь всемирного признания в качестве представителя абстрактного экспрессионизма. После безвременной гибели Поллока в автомобильной катастрофе Краснер сосредоточилась на собственной живописи и в то же время умело распорядилась наследием мужа. Она поддерживала Игоря, переживавшего тяжелые времена. Водушевленная еврейским идеалом *Tikun Olam* (преображения мира), она завещала значительные средства на помощь нуждающимся художникам.

Оглядываясь на начало пути этих «русских» студенток в академии, никто бы не взялся предсказать такой исход.

Примечания

¹ Перевод с англ. Э. Зальцберга.

² Слободкина Эсфирь (Slobodkina Esphir, 1908, Челябинск — 2002, Нью-Йорк), американская художница-абстракционистка, иллюстратор и автор детских книг. В 2000 г. основала *The Slobodkina Foundation* для сохранения коллекций собственных работ и поощрения молодых художников. Живопись, скульптура и книжная графика Слободкиной хранятся в крупнейших американских музеях: *The Metropolitan Museum* (Нью-Йорк), *The Smithsonian* (Вашингтон), *The Philadelphia Museum of Art*, *The Whitney Museum* (Нью-Йорк), *The Museum of Fine Art* (Бостон) и др. (Примеч. ред.-сост.)

³ Краснер Ли (Krasner Lee, Krassner Lena, Krasner Leonore, 1908, Нью-Йорк — 1984, там же), американская художница, представительница абстракт-

ного экспрессионизма, жена (1945–1956) американского художника Джексона Поллока. Училась в *The Cooper Union*, Национальной академии дизайна и *The Hans Hofmann School of Fine Arts*. Автор около 600 работ. Через шесть месяцев после смерти состоялась ретроспективная выставка ее работ в Музее современного искусства в Нью-Йорке — честь, которой удостаивались считанные американские художницы. Дом в *East Hampton*, в котором она жила с Поллоком, превращен в музей *The Pollock-Krasner House and Studio*. Согласно завещанию Краснер, в 1985 г. был создан *The Pollock-Krasner Foundation*, который оказывает помощь нуждающимся художникам во всех частях света, тратя на это десятки миллионов долларов.

Актриса М. G. Harden сыграла Краснер в фильме режиссера E. Harris «*Jackson Pollock*» (2000). В романе Д. Апдайк «*Seek My Face*» прообразом главной героини послужила Л. Краснер. (Примеч. ред.-сост.)

⁴ Мирски Эда (Mirsky Mann Eda, 1911, Англия — 2012, Нью-Йорк), американская художница и дизайнер, автор сотен рисунков и холстов, включая два портрета Краснер. (Примеч. ред.-сост.)

⁵ Мирски Китти (Mirsky Kitty, 1908, Англия — 1999, Нью-Йорк), американская художница. В некрологе в *New York Times* от 19 декабря 1999 г. она была названа художницей, филантропом, другом погранных и обладательницей нежной души. (Примеч. ред.-сост.)

⁶ Слова «мужской» и «женский» на английском языке начинаются соответственно с буквы M (Male) и F (Female). С этих же букв начинаются слова «мать» (Mother) и «отец» (Father). (Примеч. ред.-сост.)

⁷ 175 West 109th Street. См.: *Slobodkina, Esphyr*. Notes of a Biographer. Great Neck, New York: Urquart-Slobodkina, Inc., 1976–1983. In 3 vols. Vol. 2. New York, 1980. P. 241.

⁸ *Stavitsky, Gail*. The Life and Art of Esphyr Slobodkina. New York: Distributed Art Publishers, 1992. P. 6. См. также: *Kraskin, Sandra, et al*. Rediscovering Slobodkina: A Pioneer of American Abstraction. New York: Hudson Hills Press, 2009. P. 15–165.

⁹ *Levin, Gail*. Lee Krasner: A Biography. New York: William Morrow, 2011.

¹⁰ Art Schools of the National Academy of Design, One Hundred and Third Year Season of 1928–1929. New York: National Academy of Design, 1929. P. 19.

¹¹ *Clark, Eliot*. History of the National Academy of Design, 1825–1953. New York: Columbia University Press, 1954. P. 211.

¹² *Rodgers, Gaby*. She Has Been There Once or Twice. A Talk with Lee Krasner // Women Artists Newsletter. December 1977. P. 3.

¹³ *Jong, Erica*. Fear of Fifty: A Midlife Memoir. New York: Harper Collins, 1994. P. 301.

¹⁴ Немезида — в древнегреческой мифологии богиня возмездия. (Примеч. ред.-сост.)

¹⁵ *Slobodkina, E*. Notes of a Biographer. Vol. 2. P. 242.

¹⁶ Ibid.

¹⁷ Находится в Еврейском музее в Нью-Йорке.

¹⁸ *Nemser, Cindy*. Art Talk: Conversations with 12 Women Artists. New York: Charles Scribner's Sons, 1975. P. 72.

¹⁹ Сообщение Ли Краснер, Archives of American Art, Smithsonian Institution, roll 3771, frame 50. См. также: *Campbell, Lawrence*. Of Lilith and Lettuce // *Art News*. March 1968. P. 63.

²⁰ *Campbell, L.* Of Lilith and Lettuce. P. 63.

²¹ Ibid.

²² Краснер позднее утверждала, что написала «Автопортрет» после первого года обучения в академии, чтобы перейти в класс живой природы. В действительности это было не так — в этот класс Краснер перешла уже 26 января 1929 г., после окончания первого осеннего семестра в 1928 г.

²³ *Nemser, C.* Art Talk: Conversations with 12 Women Artists. P. 72.

²⁴ Нельсон (Neilson) учился вместе с Вильямом Мериттом Чейзом (William Meritt Chase) в Нью-Йорке и выставлялся в парижском Салоне, где получил серебряную медаль в 1914 г. См.: *Levy, Florence N.* American Art Annual Who's Who in Art, vol. XXIV for 1927. Washington, D. C.: American Federation of Arts, 1928. P. 671.

²⁵ Иван Олински (Ivan Olinsky) родился 1 января 1878 г. (позднее он утверждал, что это был 1879 г.) в Елизаветграде. Согласно ряду публикаций, он был евреем. См.: *Simons, John*, ed. Who's Who in American Jewry. New York: National News Association, Inc., 1938–1939. Vol. 3. P. 787; *Landman, Isaac*, ed. The Universal Jewish Encyclopedia. New York: Universal Jewish Encyclopedia, Inc., 1939–1943; *Schneiderman, Harry*, ed. The American Jewish Year Book 5683. Philadelphia: Jewish Publication Society of America, 1922. P. 187. Олинский въехал в Америку 12 сентября 1910 г. через «Остров слез» (Ellis Island) в Нью-Йорке, где иммиграционные чиновники заметили со скептицизмом, что для того, чтобы подчеркнуть свое еврейство, он женился на Женевьеве Гарфункель, чье имя указывало на ее явно еврейское происхождение. См. также: *Beider, Alexander*. A Dictionary of Jewish Surnames from the Russian Empire. New Jersey: Avotaynu, 1993, где указывается, что фамилия Олински (Олинский) происходит из Елизаветграда.

²⁶ *Abel, Lionel*. The Intellectual Follies: A Memoir of Literary Adventures in New York and Paris. New York: W. W. Norton & Co., 1984. P. 12.

²⁷ *Pells, Richard H.* Radical Visions and American Dreams: Culture and Social Thought in the Depression Years. New York: Harper & Row, 1973. P. 44.

²⁸ Modern Art Museum Open Exhibitions Will be Free to the Public Today // *New York Times*. November 8, 1929. P. 6.

²⁹ New Art Museum Visited by Scores // *New York Times*. November 9, 1929. P. 24.

³⁰ *Landau, Ellen G.* Lee Krasner: A Catalogue Raisonné. New York: Harry N. Abrams, 1995. P. 27. Автор указывает, что работа подписана и датирована на обратной стороне холста и подрамника: «Lee Krasner 1932». Похоже, однако, что эта датировка не точна, и работа была создана ранее указанной даты. Позднее Краснер отдала этот холст племяннику Рональду Штейну (Ronald Stein) и, возможно, тогда же подписала и датировала работу. В пользу этого говорит и то, что в ее фамилии значится лишь одно «s». К такому написанию она стала прибегать значительно позже времени создания натюрмортов.

³¹ *Munro, Eleanor*. *Originals: American Women Artists*. New York: Simon & Schuster, 1979. P. 106–107.

³² *Campbell, L.* *Of Lilith and Lettuce*. P. 62–63.

³³ *Nemser, C.* *Art Talk: Conversations with 12 Women Artists*. P. 84.

³⁴ *Ibid.* Краснер рассказала ту же историю в интервью с Дороти Секлер (Dorothy Seckler), опубликованном в *Archives of American Art*, 1964.

³⁵ Барбара Роуз (Barbara Rose), интервью с Ли Краснер, опубликовано в *Archives of American Art*, 1972; см. также: *Campbell, L.* *Of Lilith and Lettuce*. P. 63.

³⁶ Интервью Краснер с Дороти Секлер. *Archives of American Art*, 1964.

³⁷ Дикенсон пользовался такой известностью, что в 1926 г. основатели художественного музея в Атланте, Джорджия, заказали ему портрет Хатти Хай (Hattie High), отдавшей свой дом музею, названному ее именем.

³⁸ *Munro, E.* *Originals: American Women*. P. 107. То же самое Краснер говорила и автору статьи. См. также фильм Барбары Роуз «*Lee Krasner: The Long View*» (1978).

³⁹ Интервью автора с Эдой Мирски Манн (Eda Mirsky Mann) 24 февраля 2010 г. в Нью-Йорке (архив автора).

⁴⁰ *Slobodkina, E.* *Notes of a Biographer*. Vol. 2. P. 294.

⁴¹ Эда Мирски цитируется в *Jong, E.* *Fear of Fifty...* P. 302.

⁴² Интервью автора с Эрикой Йонг (Erica Jong) 3 февраля 2010 г. (архив автора).

⁴³ *Jong-Fast, Molly.* *Sex Doctors in the Basement*. New York: Villard Books, 2005. P. 5. Мать Молли — Эрика Йонг, дочь Эды Мирски.

⁴⁴ Игорь родился в России 15 августа 1911 г. и был записан как Игорь Пантюков. Барбара Роуз в книге «*Lee Krasner*» (New York: The Museum of Modern Art, 1983. P. 16) утверждает, что Болотовский был белорус, а не еврей, однако его имя есть во втором издании *Encyclopedia Judaica*, где указано, что он выставил абстрактное полотно на первой выставке *World Alliance of Yiddish Culture (YKUF)* в 1938 г.

⁴⁵ Интервью Сандерса Джупа (Sanders Joop, род. 1921) автору 12 декабря 2007 г. (архив автора).

⁴⁶ Интервью Роберта Джонаса (Robert Jonas) Джудит Волфе (Judith Wolfe) 13 ноября 1984 г. (архив Judith Wolfe, East Hampton, NY).

⁴⁷ Col. Oleg Pantuhoff, Served In Russian Imperial Guard // *New York Times*. October 28, 1973. P. 60. В некрологе отмечено, что он умер в Ницце (Франция), но полжизни провел в США. Во время Первой мировой войны был дважды ранен и награжден за храбрость; «...основатель организации российских бойскаутов. Был человеком с твердыми моральными устоями и обладал организаторским талантом». См.: <http://histclo.com/youth/youth/org/sco/country/rus/hist/sr-hist.htm> (дата обращения: 06.08.2007). В *New York Times* от 23 сентября 1945 г. указано, что старший брат Игоря, майор Олег Пантюхов был офицером американской армии и переводчиком с русского при президенте Эйзенхауэре. Олег Пантюхов-старший (отец Игоря) женился на Нине Добровольской в Вильно

11 мая 1908 г. Их первый сын, Олег-младший, родился 2 мая 1910 г. См. также: http://www.scoutmaster.ru/ru/news/Pantuhoff_Bday.htm (дата обращения: 06.08.2007); *Pantuhoff, Oleg Ivanovich, Sr. Of Times Gone By*, воспоминания, написанные на русском и переведенные на английский. Stanford University Libraries, Palo Alto, California.

⁴⁸ См.: *Major Oleg Pantuhoff, Jr., C. A. C., A. U. S. Russia Revisited: An Emigrant Returns to His Native Country // Slavonic and East European Review (American Series)*. Vol. 3, no. 1. (May 1944). P. 71.

⁴⁹ Col. Oleg Pantuhoff, Served in Russian Imperial Guard // *New York Times*. October 28, 1973. P. 60.

⁵⁰ *Pantuhoff, Oleg Ivanovich, Sr. Of Times Gone By*. 1st English edition. Maplewood, N. J.: Durand House, 1989. P. 280.

⁵¹ Ibid.

⁵² Интервью автора с племянницами Игоря Пантюхова Лей Олшан (Leigh Olshan) и Мими Пантюховой (Mimi Pantuhova) 14 апреля 2008 г. (архив автора).

⁵³ *Pantuhoff, O. I., Sr. Of Times Gone By*. P. 283.

⁵⁴ См. примеч. 41.

⁵⁵ Позже полковник Пантюхов вернулся в Ниццу, где и умер в преклонном возрасте. См.: www.pinetreeweb.com/norsold1.htm (дата обращения: 06.08.2007). См. также статью «Youngest Soldier of Russian Guard at Fort Oswego», напечатанную в *The Oswego (NY) Palladium* (August 19, 1937), где приведена биография Олега Пантюхова-младшего, брата Игоря.

⁵⁶ Это задокументировано в переписи населения США 1930 г.

⁵⁷ В классе живой природы Пантюхов получил *Cannon Prize* в 100 долларов; в вечернем фигурном классе — серебряную медаль *The Suydam Silver Medal*; в классе натюрмортов — *The School Prize* в 10 долларов; в классе композиции — похвальный отзыв. Вместе с ним его получил Вильям Стейг (William Steig, 1907–2003), сын еврейских иммигрантов, в будущем карикатурист в *New Yorker*, детский писатель и иллюстратор детских книг.

⁵⁸ См.: *National Academy of Design, Department of Schools Annual Distribution of Awards of Merit*, публикуется весной каждого года.

⁵⁹ *Slobodkina, E. Notes of a Biographer*. Vol. 2. P. 283.

⁶⁰ Ibid. Фамилия Pantuhoff по-разному писалась на английском, чаще как Pantukof; иногда она превращалась в Pentukhov.

⁶¹ *Slobodkina, E. Notes of a Biographer*. Vol. 2. P. 280.

⁶² Ibid. P. 242.

⁶³ *Bolotowsky, Ilya. Adventures with Bolotowsky // Archives of American Art Journal*. Vol. 22, no. 1. (1982). P. 16.

⁶⁴ *Tabak (Rosenberg), May. Lee and Igor*. (Неопубликованная рукопись). Archives of American Art.

⁶⁵ Согласно Фрицу Балтману (Fritz Bultman), который цитируется в *Potter, Jeffrey. To a Violent Grave: An Oral Biography of Jackson Pollock* (Wainscott, New York: Pushcart Press, 1985. P. 65), Пантюхов «высоко ценил ее как художницу».

⁶⁶ Интервью Джозефа Вогеля (Joseph Vogel) Бетти Хоаг (Betty Hoag) 5 января 1965 г. Автор, встретившая уже пожилого Кроля (примерно в 1971 г.), может подтвердить его общительность.

⁶⁷ Сообщение Ли Краснер автору, см. фильм Роуз (1977).

⁶⁸ *Campbell, L. Of Lilith and Lettuce*. P. 63. См. также: *Friedman, B. H. Lee Krasner: Paintings, Drawings, and Collages*. London: Whitechapel Gallery, 1965; *Munro, E. Originals: American Women*. P. 107.

⁶⁹ *Flint, Ralph. Matisse Exhibit Opens Season at Modern Museum* // *Art News*. November 7, 1931; перепечатано в: *Diamonstein, Barbaralee*, ed. *The Art World: A Seventy-Five Year Treasury of Art News*. New York: Artnews Books, 1977. P. 109.

⁷⁰ Интервью Ли Краснер Барбаре Роуз, 31 июля 1966 г. *Archives of American Art*. См. также: *Munro, E. Originals: American Women*. P. 106.

⁷¹ *Watson, Forbes. The All American Nineteen* // *The Arts*. January 16, 1930. P. 308–310.

⁷² *3,500 Reds in Rally Protest on Job Aid* // *New York Times*. February 5, 1932. P. 16.

⁷³ Интервью Бориса Горелика Бетти Хоаг (Betty Hoag), 20 мая 1964 г.

⁷⁴ Интервью Ли Краснер Барбаре Новак (Barbara Novak), WGBH-TV, *Archives of American Art*, 1979.

⁷⁵ Ли Краснер часто рассказывала это автору и в своих интервью Роуз (1972) и Новак (1979), которые хранятся в *Archives of American Art*.

«Белая гвардия» Якова Шигорина

Мария Мишуrowsкая (Москва)¹

В январе 1928 года режиссер Яков Григорьевич Шигорин поставил на сцене бродвейского Hampdan's Theatre спектакль «Белая гвардия (Дни Турбиных)». Премьера спектакля, широко рекламируемого в русскоязычной прессе Нью-Йорка, стала поводом для сенсационного разоблачения. На страницах просоветской газеты *Русский голос* появилась рецензия Давида Бурлюка², в которой утверждалось, что Шигорин инсценировал не пьесу Михаила Булгакова, а ее грубую переделку, осуществленную — с белогвардейских позиций — неизвестным лицом.

О биографии американского актера и режиссера Якова Шигорина (1887, Гайсин — 1948, Нью-Йорк) до сих пор известно крайне мало. Данный текст — попытка восстановить (хотя бы в общих чертах) историю жизни этого незаурядного человека. Историю, во многом повторившую сложный рисунок времени, в котором Шигорину довелось жить: сначала в России, потом в Европе и Америке. Биография Шигорина, в некоторых деталях довольно противоречивая, может, вероятно, служить объяснением его режиссерского интереса к роману Михаила Булгакова «Белая гвардия» и основанной на нем пьесе «Дни Турбиных».

Сведения о дате и месте рождения, а также о настоящей фамилии Шигорина найдены в его прошении о получении гражданства США, рассмотренном 31 января 1929 года судом Южного округа Нью-Йорка³ (в этот же день суд удовлетворяет прошение Шигорина: приняв присягу, он становится гражданином США). В прошении о получении гражданства (№ 150910) значится Жак Тонконогий Шигорин (Jacques Tonkonogy Schigorin), по роду занятий — актер, проживающий в Нью-Йорке по адресу 178 2nd Ave. Тонконогий, по-видимому, настоящая фамилия Шигорина. В соответствующей графе указаны дата рождения — 7 августа 1887 года и место — город Гайсин, Россия (в прошении этот город в Винницкой области назван Kaisin). Документ также утверждает,

что Шигорин эмигрировал в США из Рио-де-Жанейро. Отплыв из Бразилии на пассажирском судне «Vauban» 27 декабря 1923 года, он прибыл на американскую землю 13 января 1924 года вместе с женой, актрисой Татьяной Тарыдиной⁴. Свидетелями, подтвердившими 31 января 1929 года желание Шигорина стать гражданином США, выступили актер Морис Сильверкастен и служащий Натан Розен.

Я. Шигорин

Город Гайсин Подольской губернии, в котором родился Яков Шигорин, в XIX веке был местом притяжения евреев из окрестных местечек. Если в 1834 году еврейская община города насчитывала 1692 человека, то к 1899 году в Гайсине жило около шести с половиной тысяч евреев, они составляли половину городского населения. Сухие данные о развитии города свидетельствуют о предприимчивости его жителей. В 1843 году здесь поселился состоятельный купец Израэль Розен, наладивший в Гайсине производство спирта.

В 1870 году <...> был построен кирпичный завод, в 1880 году открылась первая табачная фабрика, а в 1897 году — вторая, в 1899 году — сахароваренный завод. На рубеже веков в городе были, кроме того, два свечных завода, фабрика минеральных вод и паровая мельница, три гильзовых фабрики, две типографии, фотоателье и прочие торговые и промышленные заведения. По пятницам и воскресеньям в Гайсине устраивались базары, а раз в две недели по четвергам — ярмарки⁵.

В 1905 году, после волны погромов, начался отток евреев за границу. С 1919 по 1920 год погромы следовали один за другим; в Гражданскую войну власть в Гайсине непрерывно менялась, в губернии действовал партизанский отряд атамана А. Н. Волынца, отличавшийся особой жестокостью по отношению к еврейскому населению города. Неизвестно, в каком году Шигорин уехал из Гайсина, один или с семьей (сведений о родителях Тонконового-Шигорина пока найти не удалось).

Предположительно до 1914 года начинающий актер Шигорин жил в Петербурге, играя в фарсовых труппах, выступавших, в частности, на

сцене театра Панаева⁶. Скорее всего, не последнюю роль в театральной судьбе Шигорина сыграло его знакомство с актером труппы «Невского фарса» и театра С. Ф. Сабурова В. М. Вронским. Приехав в 1914 году на гастроли в Одессу, Вронский вскоре становится ведущим актером одесского Русского театра и его совладельцем, он также возглавляет (совместно с Михаилом Черновым) местный театр «Фарс», тесно связанный с Русским драматическим театром и бывший, по существу, его комедийным филиалом. В 1916 году в честь «театральных именин» Вронского театр «Фарс» готовит сатирическую пьесу в двух картинах «Гоголь в Одессе». Гоголя исполнял Вронский. Как писал в одесском журнале *Театр и кино* рецензент Л. Тр-ин, актер играл «просто, заразительно и смешно»⁷. Шигорин, сообщает та же короткая рецензия, исполнил в этой постановке роль «характерного гимназиста-зубрилы»⁸.

В марте 1916 года «Фарс» Русского театра гастролирует в Киеве. Здесь «*большим успехом пользуется пресловутый "Потап и Перельмутер"*, делавший полные сборы, несмотря на то, что эта пьеса идет также в театре "Соловцов"»⁹. (Театром «Соловцов» в то время руководил О. И. Рунич; в 1927 году в спектакле рижского Театра русской драмы «Семья Турбиных (Белая гвардия)» Рунич сыграет поручика Шервинского.) В начале апреля 1916 года в киевском кафе «Максим» состоялся благотворительный «капустник», организованный «местными артистическими силами». Объявлено, что сбор от капустника пойдет в пользу комитета «Красное яичко — русскому воину». Кафе, как свидетельствует обозреватель одесского *Театра и кино*, «было переполнено публикой», «у входа в кабаре дежурил артист фарса г. Львов, изображая чистильщика обуви». В оценке одесского обозревателя, после перечисления лучших и «очень хороших» выступлений актеров, отмечено, что Шигорин и г-жа Неволлина с успехом исполнили «танец "Медведя"»¹⁰.

В июле 1916 года в театре «Фарс» наступила пора бенефисов. Критики обычно отмечали игру Шигорина, но таких похвал, как маститый Вронский, Шигорин не удостоивался. Даже в небольшой роли в фарсе «Ровно в полночь» Вронский, как утверждал критик А. Любимов, «блеснул комедийной живостью»¹¹. В последнем абзаце рецензии Любимова упомянут Шигорин: «*Отметим г-жу Неволлину, Челидзе и Баранову, г. г. Чернова, Муратова, Шигорина, Скуратова и др. <...> Публики — не протолкнешься*»¹². Тот же критик в рецензии на спектакль по одноактной пьесе А. Т. Аверченко «Неразговорчивый сосед», в котором актер «Фарса» Михаил Чернов исполнил роль Семена Максимовича, замечал: «*Роль эту артист проводит ярко. Старательно подает реплики г. Шигорин*»¹³. В августе 1916 года, перед началом зимнего сезона, Шигорин

переходит из «Фарса» в труппу Одесского драматического театра, которую возглавляет режиссер Н. И. Собольщикова-Самарин. В это время летний театр «Трезвость», чей репертуар в основном был рассчитан на театральную публику одесских окраин, закрывает сезон. Это событие труппа отмечает «на квартире молодой и талантливой артистки этого театра Т. Н. Тарыдиной»¹⁴ ужином, а затем концертом: пели тенор Городского театра Одессы Р. В. Карвэ и Тарыдина, «обладательница небольшого, но очень приятного голоса»¹⁵.

Одесский драматический театр в зимнем сезоне ставит спектакль по пьесе «Наша вера» Шолома Аша, пользовавшийся большой популярностью у одесской публики. Л. М. Камышников, редактор-издатель одесского журнала *Театр и кино*, откликается на премьеру рецензией. Подчеркивая силу драматургического материала, он осторожно хвалит и спектакль. Говоря о тщательности постановки, Камышников замечает, что «колорит еврейского захолустья передан в тонах излишнего шаржа»¹⁶. Роль старого Лейзера играл Н. И. Собольщикова-Самарин, Шигорин — в списке актеров, удостоенных краткой похвалы Камышникова («недурны»)¹⁷.

В каком году Шигорин уехал из России? В кратком некрологе в *The Billboard*, напечатанном 7 февраля 1948 года и сообщающем о смерти Шигорина, говорится, что «он отправился в изгнание в 1917 году и гастролировал на Балканах со своей собственной театральной компанией»¹⁸. Однако в революционном 1917 году, по крайней мере летом, Шигорин все еще жил в Одессе. Это подтверждает заметка, помещенная в рубрике «По провинции» петроградского журнала *Театр и искусство* (1917, № 25). Заметка сообщает, что одесский театр «Трезвость»

снят на текущий летний сезон профессиональным союзом театральных тружеников г. Одессы и ее района. Сейчас формируется труппа. Пока покончено с Харламовым, Броневским. Ведутся переговоры с Мануйловой, Мрозовской и др. В нескольких спектаклях выступит Собольщикова-Самарин. Репертуар: «Вильгельм Телль», «Петр I и Алексей», «Рабочая слободка». Всеми делами, касающимися театра, ведает театральная секция союза, в которую вошли г. г. Викторов, Суслов, Шигорин и Эдемский»¹⁹.

Итак, Шигорин в июне 1917 года стал членом Союза театральных тружеников Одессы. Почти в это же время в Кисловодске формируются репертуар и актерский состав театра Курзала Владикавказской железной дороги. Среди актеров-мужчин — оперный певец М. П. Пантелеев²⁰. Пантелеев, так же как и Шигорин, впоследствии переберется

в США. В 1931 году он создаст в Нью-Йорке знаменитую *The Russian Art Grand Opera Company*. О нем еще придется вспомнить ниже, в связи с секретными донесениями Департамента полиции Болгарии, странным образом объединившими в 1936 году трех актеров эмигрантского театра.

Военным комендантом Одессы в 1917 году был генерал и доктор права Н. А. Маркс. Его младшая дочь Татьяна, взявшая себе сценический псевдоним Тарыдина, станет женой Якова Шигорина (возможно, их знакомство состоялось летом 1917 года, оба в это время работали в Одесском драматическом театре). В доме у Маркса часто бывал редактор и издатель журнала *Театр и кино* Л. М. Камышников. Теплое отношение Камышникова к актерам Тарыдиной и Шигорину во время пребывания всех троих в США было скреплено общей памятью о жизни в Одессе (Шигорин, как и Камышников, был членом Одесского землячества в Нью-Йорке²¹).

В воспоминаниях современников отец Т. Н. Тарыдиной предстает человеком умным и интеллигентным, исключительной порядочности и такта. «Маркс подавал руку нижним чинам и всякого, кто приходил в его дом, гостеприимно звал в гостиную и предлагал чашку кофе», — вспоминал о Марксе его сосед по крымскому имению Максимилиан Волошин²². Благодаря способности генерала «вести себя с большим тактом» в Одессе 1917 года сохранялся относительный порядок. В декабре 1918 года Маркс передал власть в руки большевиков, за что в 1919 году был обвинен А. И. Деникиным в государственной измене.

В марте 1920 года, благодаря помощи коменданта Феодосии генерала А. П. Кутепова, Тарыдина на пароходе «Св. Владимир» покидает Россию. 20 мая того же года, закончив гастроли в Ялте, из России уезжают актриса Е. А. Полевицкая²³ и ее муж режиссер И. Ф. Шмит. Приняв приглашение болгарского антрепренера Христова²⁴, труппа Полевицкой в июне 1920 года начинает турне по Болгарии²⁵. В ее составе — Шигорин и Тарыдина. С 13 по 17 ноября 1920 года этот коллектив гастрوليрует в болгарском городе Русе. В. И. Косик пишет:

Русенцы увидели такие спектакли, как «Дама с камелиями» Дюма-сына, «Черная пантера» Винниченко. Режиссером был Иван Федорович Шмит, муж Полевицкой. На сцене играли такие артисты, как Дуванов-Торцов, Юровский, будущий народный артист СССР, Решетникова, Тар[ы]дина, Нелидов, Шигорин²⁶.

Болгарская пресса писала о русских артистах в благожелательных, даже восторженных тонах. В спектакле «Последняя жертва» Шигорин

играл роль Салай Салтаныча, создав, как заметил болгарский критик В. Стефанов, образ «интересного русского мужика»²⁷. (Тарыдина в этой постановке исполнила роль ключницы Михеевны.) С труппой Елены Полевицкой в Болгарию приехал Ю. Д. Яковлев. В 1922 году он становится главным режиссером болгарского Народного театра. Годом позже в театре случится пожар, и Яковлев на десять лет покинет Болгарию. С ним (в болгарском эпизоде 1936 года, о котором будет сказано ниже) Шигорин окажется в одних, уже упомянутых нами ранее, секретных папках Департамента полиции.

В январе 1921 года гастроли Е. А. Полевицкой по Болгарии заканчиваются. Не позднее апреля этого года Шигорин и Тарыдина вместе с труппой Полевицкой переезжают в Берлин²⁸. Политическим фоном для прибывших в Берлин артистов стала продолжающаяся борьба в среде русской эмиграции. В начале 1921 года в Берлине создается Российское монархическое объединение, объявившее своей целью воссоздание России на основе легитимной монархии. На съезде монархистов в Висбадене было решено подготовить меморандум — «от лица всей объединенной русской эмиграции» — против участия Советской России в Генуэзской конференции.

Каким было отношение Шигорина к революции в России? Точного ответа нет²⁹, но, скорее всего, оно не было однозначным. Во всяком случае, он вряд ли разделял идеи Российского монархического объединения, даже его «конституционного крыла», выступавшего за расширение социальной опоры монархистов. Как многие люди театра, включая Полевицкую, он скорее принимал неизбежность революции (во всяком случае, Февральской), видя в ней акт народного волеизъявления. Возможно, он принимал эту неизбежность иначе, чем иные его коллеги по театральной сцене, — менее восторженно. Стоит вспомнить об известном эпизоде из «Окаянных дней» И. Бунина, встретившего в 1919 году на одной из одесских улиц Полевицкую и Шмита. Елена Александровна якобы призналась Бунину: *«Ужасно ищю роль для себя в мистерии — так хотелось бы сыграть Богоматерь!»* Бунин комментирует реплику актрисы: *«О, Боже мой, Боже мой! Да, все это в теснейшей связи с большевизмом. В литературе, в театре он уже давным-давно...»*

И. Ф. Шмит незадолго до отъезда за границу чуть не поставил в Одессе уличный спектакль — «грандиозное зрелище — на ступенях знаменитой одесской лестницы»³⁰. В апреле 1919 года Одессу заняла Красная армия, и Шмит приступил к репетициям «Антигоны» Софокла, определив главным участником спектакля хор из трехсот рабочих. Спектаклю помешала очередная смена власти в Одессе: в город снова пришли белые.

Несмотря на тяготы кочевой жизни за границей, жизнь Шигорина и Тарыдиной в Берлине была богата событиями. В апреле 1921 года Шигорин выступает в роли организатора показа на сцене Немецкого театра спектакля по инсценировке романа И. С. Тургенева «Дворянское гнездо» с Е. А. Полевицкой в главной роли (режиссер спектакля И. Ф. Шмит связан давними дружескими отношениями с главным режиссером Немецкого театра М. Рейнхардтом³¹; Тарыдина исполнила в этом спектакле роль Огарковой). Критик Г. Офросимов считал эту постановку «большой ошибкой», отмечая, что инсценировка тургеневского романа требует от исполнителей *«исключительной техники игры и, конечно, общей сыгранности и сретовки (так! — М. М.) — словом, всего того, чего так трудно достигнуть на спектаклях, носящих не постоянный, гастрольный характер, так как инсценировка, поставленная ради только одной роли, теряет уже всякий смысл своего появления»*³². Среди причин, негативно повлиявших на игру актеров, Офросимов называет неудачную инсценировку «Дворянского гнезда» («с присочиненными сценами и растянутую»). Далее он, не без раздражения, замечает: *«Совершенно непонятен буффонный, в стиле постановки немцами русских пьес, скачущий в кумачовой рубахе якобы “русский парень”; также непонятна зала у Лаврецкого, представленная в сукнах, если не ошибаюсь, кажется, из последней “Орлеанской девы”»*³³.

Игра на сцене у русских артистов чередуется с работой в кино. В Берлине активно снимается бывший руководитель одесского театра «Фарс» В. М. Вронский (в сентябре 1920 года он, вместе с Г. Кролем и О. И. Руничем, избран в правление созданного тогда Союза русских сценических деятелей в Германии³⁴). Журнал *Русский эмигрант* (издание кооператива «Русская колония в Берлине», редактор Б. С. Оречкин) писал:

В задачи союза входят охрана достоинства и интересов русского театрального искусства, организация сценических выступлений под флагом союза. <...> Членский взнос 5 герм. марок в месяц. Канцелярия союза находится в Берлине <...> в помещении столовой кооператива «Русская колония»³⁵.

14 октября 1921 года выходит в прокат фильм Й. Гутера «Черная пантера», в котором заняты русские актеры И. Ф. Булатов, Е. А. Полевицкая и Ю. И. Юровский, сценарий был написан Гутером по пьесе В. К. Винниченко «Черная пантера и Белый Медведь». (Булатов и Юровский в 1927 году сыграют в спектакле «Семья Турбиных (Белая гвардия)» рижского Театра русской драмы: Булатов воплотит на сцене образ петлюровца Урагана, Юровский сыграет Алексея Турбина.)

В кинотеатре «Decla Lichtspiele» состоялась премьера фильма, на которой присутствовали Тарыдина и Шигорин³⁶. В 1922 году они участвуют в съемках фильма «Лида Санина» по роману М. П. Арцыбашева «Санин», который снял эпатажный режиссер Ф. Цельник. (В 1922 году Тарыдина участвует еще в одном кинопроекте Цельника — экранизации «Униженных и оскорбленных» Ф. М. Достоевского.) В «Лиде Саниной» Шигорину досталась роль камердинера Егора. Фильм вышел на экраны в 1923 году. В этом же году Шигорин и Тарыдина в составе труппы Е. А. Полевицкой уезжают в Южную Америку³⁷.

В январе 1924 года они приезжают в США и поселяются в Нью-Йорке. Шигорина занимает идея создания русского репертуарного театра. Сам он принимает участие в спектаклях, поставленных разными театральными ансамблями. 19 ноября 1927 года нью-йоркская газета *Новое русское слово* сообщает:

...В пьесе «Семья преступника», кроме известного премьера Петроградского Малого театра Баратова и уже перечисленных у нас участвующих артистов, в спектакле выступит также артист Одесского Драматического театра Я. Г. Шигорин. Последние два года Я. Г. Шигорин с большим успехом играл в Нью-Йорке с «Виленской труппой» и в Ирвинг плейс театре³⁸. В прошлом сезоне он с успехом выступил в русском спектакле совместно с Баратовым³⁹.

5 октября 1926 года на сцене МХТ впервые идет пьеса М. Булгакова «Дни Турбиных». Успех на сцене Художественного театра привлекает к пьесе внимание режиссеров театров русского зарубежья: в этом же году Булгаков получает письмо от директора рижского Театра русской драмы А. И. Гришина с просьбой переслать театру экземпляр пьесы (текст «Дней Турбиных» был запрещен к печатанию в СССР). Булгаков пьесы не шлет, видимо понимая, что его третья редакция «Дней Турбиных», с трудом прошедшая цензуру Главреперткома, вряд ли подойдет рижскому театру. Но текст второй редакции пьесы, якобы переданный Гришину в Берлине «одним неизвестным лицом»⁴⁰, все же попадает в Ригу.

Спектакль по второй редакции булгаковской пьесы ставит, назвав его «Семья Турбиных»⁴¹, режиссер Р. А. Унгерн. 4 октября 1927 года состоялась премьера, которая засвидетельствовала такой же оглушительный успех пьесы Булгакова в Риге, как и в Москве. Премьерные показы «Семьи Турбиных» в Риге совпадают с другим событием: почти одновременно — в Париже и Риге — выходит роман Булгакова «Белая гвардия». Издательство «Concorde», зарегистрированное в парижском

торговом реестре на имя З. Л. Каганского⁴², выпустило первые одиннадцать глав романа, они же вышли и в рижском издательстве «Литература», принадлежавшем Карлу Расиньшу. Конец романа, которым рижское издательство не располагало, был дописан неизвестным автором по тексту второй редакции пьесы «Дни Турбиных».

Оба издания широко рекламировались в эмигрантской печати с той разницей, что достоинством рижского издания выступала его «полнота», а парижское издательство привлекало читателей «несомненной подлинностью» текста и обещанием скорого продолжения «Белой гвардии». Благодаря раскрытой в романе и пьесе животрепещущей теме выбора в эпоху гражданской смуты, вопрос о подлинности текстов Булгакова еще более укрепил и без того значительную популярность писателя.

Проблема подлинности булгаковских текстов стала едва ли не главной интригой всех историй, связанных с инсценировками произведений Булгакова русскими зарубежными театрами. Почти во всех сюжетах, связанных со сценической судьбой «Белой гвардии» в зарубежье, присутствует имя издателя З. Л. Каганского, обвиненного Булгаковым в незаконном присвоении прав на роман и пьесу. Публичная полемика Булгакова и Каганского развернулась на страницах парижской газеты *Дни зимой* и весной 1928 года, сразу после постановок истории Турбиных на трех сценах русских зарубежных театров. Если спектакль рижского Театра русской драмы имел успех и долгую жизнь, то спектакли в Париже и Нью-Йорке сопровождались скандальными разоблачениями.

После Риги за постановку спектакля «Белая гвардия (Дни Турбиных)» взялся Русский драматический театр в Париже. Заранее оповестив читателей газеты *Последние новости* о том, что дирекцией театра приобретена новая пьеса «Дни Турбиных», написанная по роману М. Булгакова, руководство театра забыло уточнить автора инсценировки. Премьера парижской постановки состоялась 4 декабря 1927 года, когда Шигорин только приступил к репетициям спектакля в Нью-Йорке, хотя сообщение о скорой постановке «Белой гвардии» в Америке появилось в тех же парижских *Последних новостях* еще 4 сентября 1927 года⁴³.

В Нью-Йорке «Белая гвардия» была показана впервые 8 января 1928 года. Режиссер спектакля Шигорин, видимо, приложил все усилия к тому, чтобы постановка имела успех, но добиться его так и не удалось. Все начиналось более чем удачно. В декабре 1927 года постановку Шигорина рекламирует *Новое русское слово*. Газета сообщает, что нашумевшая в России пьеса «Белая гвардия (Дни Турбиных)» будет поставлена в начале января в Нью-Йорке:

Спектакль этот организуется артистом Шигориным, который в течение двух сезонов ставит с большим успехом русские спектакли в Нью-Йорке. В «Белой гвардии» занята труппа в 25 актеров и несколько десятков сотрудников. «Белая гвардия» в настоящее время идет с огромным успехом в Риге, а 4-го декабря поставлена в Париже. Для постановки «Белой гвардии» Я. Шигориным уже сняты театры в Нью-Йорке и Филадельфии⁴⁴.

Редакция газеты умело подогревает интерес публики к постановке, затеянной Шигориным, одновременно со спектаклем рекламируя роман Булгакова и основанную на нем пьесу. В небольшом вступлении к публикации на страницах газеты фрагмента романа «Белая гвардия», озаглавленного «Взятие Киева Петлюрой», сообщается: *«Роман этот, как известно, переделан в пьесу, которая с исключительным успехом шла в Художественном театре в Москве, Риге и Париже, а в январе пойдет в Нью-Йорке»⁴⁵.*

Отголоски «парижского успеха» «Белой гвардии» доносит читателю *Нового русского слова* В. Н. Унковский. Любопытно, что он же вскоре напишет и напечатает в чикагской газете *Рассвет* разгромную рецензию⁴⁶ на парижские «Дни Турбиных», обвинив постановщиков и администрацию парижского театра, Н. Г. Северского и К. Я. Григоровича-Тинского в фальсификации текста пьесы, написанного, по мнению Унковского, вовсе не Булгаковым, а Е. В. Тарусским (Рыжковым).

Если верить первой корреспонденции Унковского, билеты на парижский спектакль были распроданы *«еще задолго до начала представления, театр был полон, как говорится, до отказа: заняты все места, публика толпилась в проходах»*. О содержании пьесы Унковский осторожно сообщает, что оно *«соответствует роману, в общей канве, но в отдельных деталях очень и очень разнится»⁴⁷*. Он обещает прислать в редакцию газеты «специальный фельетон» о спектакле «Дни Турбиных» в Париже, но, видимо, не присылает. Во всяком случае, такой «фельетон» Унковского в *Новом русском слове* напечатан не был.

На следующий день после публикации текста Унковского о «парижском успехе» «Белой гвардии» газета печатает заметку *«“Белая гвардия” в Нью-Йорке»*, которая информирует читателя о том, что для постановки в Нью-Йорке пьесы «Дни Турбиных» Шигориным снят «один из самых крупных бродвейских театров» — Hampdan's Theatre. Газета обещает: *«Дни Турбиных» будут поставлены в таких сценических условиях, «в которых до сих пор не шел еще ни один русский спектакль, и это представление должно напоминать зрителям времена русского театра, когда он не ютился по служебным залам, а находил*

себе соответствующую атмосферу больших настоящих театральных зданий»⁴⁸.

В следующем номере газеты помещен еще один фрагмент булгаковского романа, озаглавленный редакцией «Алексей Турбин»⁴⁹. В примечании от редакции впервые сообщается точная дата премьеры спектакля Шигорина — «*пьеса по этому роману пойдет в Нью-Йорке 8 января*».

По какому тексту Яков Шигорин готовил бродвейскую постановку истории о Турбиных? По второй редакции пьесы, текст которой был инсценирован Р. А. Унгерном на сцене Театра русской драмы в Риге? По роману «Белая гвардия»? Тогда — по какому изданию? Подготовленному рижским издательством «Литература» или вышедшему в парижском издательстве «Compordé»? Какой-то ответ могла бы подсказать публикация фрагментов романа в *Новом русском слове*, но один из этих фрагментов — тринадцатая глава романа — не вошел ни в рижское, ни в парижское издание «Белой гвардии». Тринадцатая глава была напечатана (на ней печатание романа остановилось) в советском журнале *Россия* (М.; Л., 1925. № 5), издателем которого одно время являлся З. Л. Каганский. В распоряжении Шигорина мог быть и текст романа (в частности, изданный в журнале *Россия*), и текст пьесы, а также текст некой переделки, возможно, той, авторство которой В. Н. Унковский — не без оснований — приписал Е. В. Рыжкову⁵⁰.

О чем в своей язвительной рецензии на спектакль Шигорина писал Д. Бурлюк? Он утверждал, что пьесе — «в целях наживы» — «понадобилось состряпать» местным белогвардейцам. Поэтому Бурлюк «*жалел*» «*совписателя М. Булгакова, которого <...> применили, использовали, распатронили <...> в своих целях!*». Однако именно газета Д. Бурлюка *Русский голос* помещала на своих страницах анонсы спектакля Шигорина, рекламируя «сенсационную пьесу “Дни Турбиных” в 4 д. 7 к.» (ровно столько картин в третьей, мхатовской редакции пьесы). Очень жаль, что от «Белой гвардии» в Нью-Йорке, вокруг которой до сих пор возникают споры, не осталось никаких свидетельств, кроме газетных публикаций. Спектакль Шигорина был показан лишь один раз — 8 января 1928 года (как правило, если спектакль, поставленный на арендованной сцене, имел успех, организаторы готовили его повторный показ). Шигорин собирался показать «Белую гвардию» в Филадельфии, но, видимо в связи с финансовыми трудностями, вынужден был от этой поездки отказаться. Рецензия Бурлюка так и осталась единственным откликом на нью-йоркскую постановку.

В 1928 году Шигорин становится членом Союза еврейских актеров (Hebrew Actors' Union)⁵¹, а в 1929 году он снова в Берлине. В сентябре этого года он участвует в берлинском вечере Е. А. Полевицкой,

организованном друзьями и почитателями ее таланта. Полевицкая, специально для этого приехавшая из Вены, читает произведения А. П. Чехова; среди участников, помимо Шигорина, Н. М. Волков-ский, А. Г. Левинсон и В. О. Тубенталь⁵². Последняя в октябре 1928 года тоже поставила спектакль «Дни Турбиных» — по тексту одиннадцати глав романа Булгакова и прибавленной к ним неизвестным автором концовки. Это так называемое «полное» издание романа, как уже отмечалось ранее, вышло в 1927 году в рижском издательстве «Литература». В течение 1928 года его регулярно анонсировала берлинская газета *Руль*. В октябре эта же газета активно рекламировала и спектакль Тубенталь, сообщая, что билеты на «картины по роману М. Булгакова», «переделанные для сцены В<ерой> О<сиповной> Шмидт»⁵³ можно приобрести «во всех русских книжных магазинах»⁵⁴. Премьера спектакля состоялась 28 октября в рамках вечера, организованного в Neues Theater am Zoo в пользу Комитета помощи иностранным студентам при Русском академическом союзе (РАС). Среди участников этого любительского спектакля были и профессиональные актеры, в частности Б. А. Алекин — в роли врача Алексея Турбина (в спектакле Пражской группы МХТ «Белая гвардия», с которым в 1935 году «пражане» приедут в Америку, он будет играть роль Лариосика).

В 1930 году Шигорин в составе «Виленской труппы» гастролирует в Австрии. В спектакле по пьесе Ф. Лангера «Периферия» он играет Кривого Тони. Венская газета *Die Stimme* писала, что в спектакле по пьесе Д. Пинского «Сокровище» Шигорин в роли могильщика был убедителен «от первого и до последнего момента»⁵⁵.

14 февраля 1935 года в США приезжает на гастроли Пражская группа МХТ во главе с П. А. Павловым и В. М. Греч. В репертуаре «пражан» — спектакль «Белая гвардия», поставленный по третьей, мхатовской, редакции пьесы Булгакова, прошедшей через цензуру Главреперткомма⁵⁶. Из Европы в Америку Пражскую группу МХТ привез известный импресарио Сол Юрок (С. И. Гурков)⁵⁷. В гастрольной труппе театра — В. Л. Зелицкий, актер, создатель Русского Камерного театра в Париже (вместе с Б. Н. Эспе и при участии А. М. Соломоника), полковник, в прошлом — участник Первой мировой и Гражданской войн.

Зелицкий останется в Америке: «тяжело работая на фабрике»⁵⁸, в 1937 году вместе с Шигориным и Тарыдиной откроет Драматический театр Шигорина и Зелицкого. Переименованный через год в Театр русской драмы, этот проект будет жить долго. А. М. Соломоник, коммерсант, член Общества американско-еврейских друзей Общества распространения земледельческого и ремесленного труда среди евреев (ОРТ) и по совместительству — администратор нью-йоркского Театра

*Т. Н. Гарыдина и Я. Г. Шигорин в США.
1940-е гг.*

русской драмы, вспоминал о праздновании 19 февраля 1943 года пятилетия театра (давали «Женитьбу» Гоголя): *«Как администратор театра, я с гордостью могу сказать, что в Нью-Йорке в этот день произошло невероятное событие: впервые в истории Русского театра города Нью-Йорка пришлось продавать стоячие места»*⁵⁹.

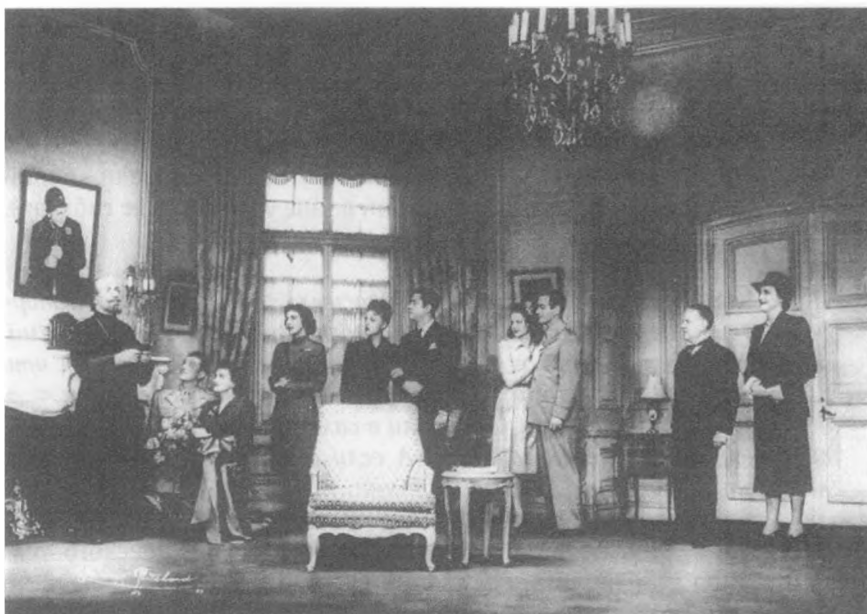
В спектакле «Белая гвардия» Пражской группы МХТ Зелицкий играл роль капитана Александра Студзинского, в программе спектакля, после слов «С. Юрок представляет», его имя вместе с именами П. А. Павлова (Мышлаевский) и В. М. Греч (Елена Тальберг) стоит на почетном месте — перед названием спектакля⁶⁰. На «Белую гвардию» «пражан» откликнулись критики. Две противоположные точки зрения об этой постановке, показанной на сцене бродвейского The Majestic Theatre, высказали Д. Бурлюк в *Русском голосе*⁶¹ и Л. Камышников — в *Новом русском слове*. Бурлюк, узнавший в инсценировке «пражан» третью, шедшую в советском МХАТ, редакцию «Дней Турбиных», на этот раз был более снисходителен к сценическому материалу. Заметив, что пьеса Булгакова «интересна как исторический документ»⁶², он переходит к объяснению необыкновенного ажиотажа, который всегда сопровождал сценические варианты «Белой гвардии» (и в Москве, и за рубежом). По мнению Бурлюка, живущим в Америке

она может быть интересна «как живописующий осколок исторического прошлого, через которое должны были пройти все мы, чтобы увидеть великую стройку нового бытия, развернувшегося в бывшей России, стране, где так недавно еще пели свои унылые кабаретные песни Турбины, пели и предсмертно думали: как им остановить красную поступь истории»⁶³. Камышников видит причину успеха пьесы в том, что зрители «Белой гвардии» — пострадавшие в Гражданской войне участники ее событий. Он пишет:

Пьеса заканчивается торжеством красных. <...> Новые люди торжествуют. Их день настал. <...> Видимость торжества необходима, а что после этого торжества только и начинается трагедия, что в расправе над вчерашним противником прольется море крови <...> об этом не надо говорить. Стоит ли в самом деле нарушать торжественное ликование победителя? А если стоит, то кто разрешит написать правду?»⁶⁴

В середине 30-х, до создания в Нью-Йорке Драматического театра Шигорина и Зелицкого, гражданин США Шигорин, возможно по приглашению Ю. Д. Яковлева, приезжает в Болгарию. Яковлев, покинув в 1933 году труппу рижского Театра русской драмы (в спектакле Р. А. Унгерна «Семья Турбиных» он играл штабс-капитана Мышлавевского), режиссирует в болгарских театрах: в Кооперативном театре он ставит оперетты, в частности спектакль «Звезды в Голливуде» по пьесе П. Абрахама (1935), в Популярном театре — спектакль по пьесе «Принять во внимание»⁶⁵, в Софийской Народной опере — первую болгарскую комическую оперу «Женское царство» В. Стоянова (1935). «Летопись Народного театра Ивана Вазова с 1904 по 2004 год» помогает установить, что с 1922 года по 1936-й включительно Яковлев поставил в этом театре 16 спектаклей, ни в одном из них Шигорин участия не принимал⁶⁶. Участие Шигорина в постановках других болгарских театров 1935/1936 годов еще предстоит установить. Может быть, поездка Шигорина в Болгарию была каким-то образом связана с подготовкой гастролей Народного театра по Америке (они состоялись летом 1937 года) — точного ответа пока нет.

В Болгарии в это же время находился некий «актер Пантелеев». Возможно, это его имя спустя годы упоминает в № 13051 газета *Новое русское слово* в объявлении о показе в Community Center Theatre спектакля «Дядя Ваня» (режиссер В. Л. Зелицкий). Номер вышел 18 января 1948 года, за несколько дней до внезапной смерти Якова Шигорина. Мог ли участвовать в постановке Зелицкого оперный певец Максим

М. П. Пантелеев (первый слева) в роли отца Николая в спектакле *The Doughgirls*. 1942 г. (?) Lyceum Theatre, New York

Петрович Пантелеев, создатель знаменитой *The Russian Art Grand Opera Company*, уже упомянутый в приведенном выше фрагменте хроники петроградского журнала *Театр и искусство* (1917, № 22), сообщающей об обновленном составе труппы театра Курзала Владикавказской железной дороги? Или участник спектакля — другой, не известный автору этой статьи, драматический актер Пантелеев?

Ответ был найден в архиве М. П. Пантелеева в ГАРФ (Ф. 10143, коллекция Музея русской культуры в Сан-Франциско): оперный певец принимал участие в драматических постановках. Об этом свидетельствует фотография сцены из спектакля *The Doughgirls*, премьера которого состоялась на сцене бродвейского Lyceum Theatre 30 декабря 1942 года. В инсценировке одноименной книги Джозефа Филдса Максим Пантелеев сыграл эпизодическую роль священника — отца Николая⁶⁷. (Еще один любопытный факт: краткая биография Пантелеева, предворяющая его довольно скудный архив, не содержит точных даты и места смерти актера. Пантелеев умер предположительно в 1958 году; в его биографии рядом с названием государства, в котором он закончил свою жизнь, поставлен вопросительный знак — «United States (?)»⁶⁸.)

Так или иначе, но некие «актер Пантелеев» и «актер Шигорин» (а чуть ранее — вполне реальный актер и режиссер Ю. Д. Яковлев) были занесены в список информаторов советского полпредства в Болгарии, составленный в 1936 году Департаментом полиции этой страны⁶⁹. Каким образом они в этот список попали, можно предположить, опираясь на сопутствовавшую актерам политическую реальность.

В июле 1934 года происходит сближение Болгарии и СССР, установлены дипломатические отношения (сначала — на уровне миссий). Советская дипломатия действует активно: в Болгарии разрешено свободное распространение советских газет и журналов, а также прокат советских фильмов и создание болгаро-советских обществ. У той части русских эмигрантов, которая не воспользовалась амнистией по декрету ВЦИК от 15 декабря 1921 года, появилась возможность, подав прошение о восстановлении в советском гражданстве, вернуться на родину. Ц. Кёсева утверждает, что *«советские дипломаты умело использовали посещение эмигрантами полпредства, <...> чтобы вербовать информаторов в среде беженцев»*⁷⁰.

Дирекция полиции Болгарии с помощью своих «разведывателей» (полицейских агентов) в ноябре 1934 года, начав слежку за сотрудниками полпредства, «регистрировала все их поступки и контакты»⁷¹, включая неформальное общение с представителями самых разных профессий, предполагавших наличие широких связей.

*Первая информация об установке связей полпредства с русскими эмигрантами зарегистрирована 19 ноября 1934 года. В этот день Е. Буравцева, жена секретаря полпредства СССР М. Буравцева, встретила с эмигрантом, гардеробщиком софийской гостиницы «Болгария», и разговаривала с ним. В декабре того же года Ф. Ф. Раскольников установил контакт с режиссером Народного театра Ю. Д. Яковлевым»*⁷².

В 1936 году Дирекцией болгарской полиции составлена справка, фрагмент которой выглядит так: *«Информаторы советской миссии. Артисты — Пантелеев, Юрицын, Фратев, Шигорин; журналисты — Косов; прямые информаторы — Вл. Кисленский; Борис Васильев, телефонист в гостинице “Болгария”»*. Никакой более подробной информации о работе актеров Пантелеева и Шигорина в качестве информаторов на сегодняшний день в открытых источниках найти не удалось⁷³.

В 1938 году при поддержке *Jewish Workmen’s Circle* (Союза еврейских рабочих) Шигорин ставит в «Фолксбине», старейшем идишском театре Нью-Йорка, фарс-комедию по пьесе Иосифа Тункеля «Шуты».

Я. Шигорин (второй слева) среди актеров Передвижного театра.
 Нью-Йорк, 1939 г. Tarydina Papers. Backhmetteff Archive

Под руководством Шигорина, как шутил корреспондент *The New York Times*, намекая на главных героев пьесы — семью мошенника-буржуа, «компания себя окупает»⁷⁴. В 1939 году Шигорин и Зелицкий открывают в Нью-Йорке Передвижной театр, репертуар которого был ориентирован на русскую классическую драматургию («Доходное место», «Таланты и поклонники» А. Н. Островского и др.).

Нью-йоркский Театр русской драмы, созданный Зелицким и Шигориным, в сентябре 1944 года отмечал 25-летие театральной деятельности В. Л. Зелицкого за границей. Для юбилейной постановки Зелицкий выбирает «Село Степанчиково» Ф. М. Достоевского. В это же время Шигорин решает самостоятельно поставить «серию комедий на русском языке»⁷⁵. Для этой цели снят Community Center Theatre на углу Бродвея и 89-й улицы, в самом центре Нью-Йорка. Первой постановкой объявлен спектакль по пьесе К. Остера «Таинственный счет». Премьера назначена на 18 ноября. Видимо, в ответ на возможные упреки в легкомысленности, неуместной во время Второй мировой войны, Тарыдина, постоянный автор *Нового русского слова*, пишет небольшую статью «Драма или комедия?», пытаясь объяснить в ней выбор своего мужа.

*Первая передача на русском языке радиостанции «Голос Америки»
17 февраля 1947 г. Я. Шигорин — второй слева.
Источник: The New York Times. Feb. 18, 1947. P. 19*

В наше мучительное время, — пишет Тарыдина, — когда каждый из нас в Америке, России или Европе несет свое горе, вечную тревогу и заботу — нам нужно, чтобы на короткие часы уйти от нашей нелегкой жизни. — Нужен смех <...>. Смех, несущий нам отдых. И эта мысль, высказанная многими зрителями, толкнула Я. Г. Шигорина и актеров, которые работают с ним, на постановку в этом сезоне ряда легких веселых комедий⁷⁶.

О том, состоялась ли премьера «Таинственного счета» на сцене Community Center Theatre, газета *Новое русское слово* — главный летописец театральной жизни русского Нью-Йорка — не упоминает. 19 ноября на ее страницах появляется текст Зелицкого, озаглавленный «Благодарность актера»⁷⁷, в котором режиссер благодарит инициатора и устроителя его юбилейного вечера А. М. Соломоника. Далее следуют благодарности сотрудникам театра, включая благодарность суфлеру С. А. Котляру. Шигорина в этом списке нет.

В декабре 1946 года Шигорин начинает работать в Департаменте международного радиовещания США. 17 февраля 1947 года, в числе шести «русских голосов», он принимает участие в первой программе

радиостанции «Голос Америки», вышедшей на русском языке⁷⁸. Спустился год, 25 января 1948 года, он умирает.

Смерть шестидесятилетнего Шигорина для многих знавших его людей стала потрясением: он умер внезапно. У его гроба в Park West Memorial Chapel (Woodlawn) собрался «весь русский театральный и артистический Нью-Йорк»⁷⁹, пришли «все сослуживцы Шигорина по “Голосу Америки”, многочисленные члены одесского землячества <...>, личные друзья Шигорина и Т. Тарыдиной». После исполнения нескольких органических «траурных вещей» началась гражданская церемония прощания.

В заметке «Похороны Я. Г. Шигорина», напечатанной в *Новом русском слове* на первой полосе, уточнялось: «Согласно воле покойного, похороны носили гражданский характер»⁸⁰. На похоронах выступил В. Л. Зелицкий, от имени «Голоса Америки» о незаменимости Шигорина говорил («на английском языке», как уточняет газета) Э. Рокелло. «Привет от имени Одесского землячества» принес покойному Л. М. Камышников. В. Ф. Курдюмов, протоиерей и настоятель храма Христа Спасителя в Нью-Йорке, выступил последним, сообщив, «что впервые за 38 лет своей священнической жизни он выступает у гроба еврея». Автор статьи, передавая, видимо, слова Курдюмова, разъясняет: «Сделал он это из уважения к покойному, с которым его связывала личная дружба, и из сочувствия Татьяне Никандровне Тарыдиной — его прихожанке»⁸¹.

В заключение репортажа с похорон неизвестный репортер *Нового русского слова* подчеркнул: «Во вчерашней радиопередаче в Москву “Голос Америки” сообщил о кончине Я. Г. Шигорина»⁸².

Примечания

¹ Автор благодарит Р. Василеву, Ц. Кёсеву, Г. Кратца, К. Толпыго, Т. Чеботареву за помощь в работе над статьей.

² Бурлюк Д. Д. Сшито белыми нитками (маленький фельетон) // *Русский голос*. Нью-Йорк, 1928. 11 янв. (№ 4438). С. 2.

³ № 150910. U. S. Department of Labor Naturalization Service United States of America: Petition for Naturalization [Jacques Tonkonogy Schigorin], 31 Jan. 1929 // *Petitions for Naturalization of the US District Court for the Southern District of New York, 1897–1944: Russia: 1929. Fold 3*: [электронный архив]. Там же: Oath of Allegiance: Jacques Tonkonogy Schigorin, 31 Jan. 1929. URL: <http://go.fold3.com/query.php?query=Shigorin> (дата обращения: 23.08.2014).

⁴ Личный архив Татьяны Тарыдиной находится в Бахметьевском собрании Колумбийского университета города Нью-Йорка (Tarydina Papers. Bakhmetteff Archive). Личных документов, писем, записных книжек ее мужа,

Якова Шигорина, в этом архиве не сохранилось. Исключение — рисунок Шигорина на кальке («Голова Нефертити»). Об архиве Т. Н. Тарьдиной см.: *Литаврина М. Г.* Москва, Крым, Нью-Йорк — далее везде...: актриса Татьяна Тарьдина в зарубежье // *Художественная культура русского зарубежья: 1917–1939*: сб. ст. М.: Индрик, 2008. С. 303–313.

⁵ Еврейское наследие Украины: Гайсин: [краеведческая справка: электронный ресурс]. URL: <http://jukraine.org/vinnicka-obl-ast/gajsin/> (дата обращения: 24.08.2014).

⁶ Упоминание о выступлении Я. Шигорина на сцене театра Панаева содержится, в частности, в сообщении о его смерти, опубликованном в № 6 *The Billboard* от 7 февраля 1948 года (С. 50).

⁷ Русский театр «Фарс» / Л. Тр-ин // Театр и кино. Одесса, 1916. № 2 (9 янв.). С. 12: 1 ил.

⁸ Там же.

⁹ Одесса // Театр и кино. Одесса, 1916. № 11 (12 марта). С. 7–8.

¹⁰ По Югу: Киев // Театр и кино. Одесса, 1916. № 15 (9 апр.). С. 11.

¹¹ А. Л. [Любимов А.] Летний «Фарс» // Театр и кино. Одесса, 1916. № 29 (16 июля). С. 9.

¹² Там же.

¹³ Любимов А. Летний «Фарс» // Театр и кино. Одесса, 1916. № 30 (23 июля). С. 12.

¹⁴ Одесса // Театр и кино. Одесса, 1916. № 33 (13 авг.). С. 6.

¹⁵ Там же.

¹⁶ К-ов Л. [Камышников Л.] Драматический театр. «Наша Вера» Шолома Аша // Театр и кино. Одесса, 1916. № 41 (8 окт.). С. 7–8.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Schugorin, 60, former Russian actor, January 25 in New York // *The Billboard*. 1948. 7 Feb. (№ 6). P. 50.

¹⁹ По провинции: Одесса / В. Кол // Театр и искусство. Пг., 1917. № 25 (18 июня). С. 439–440.

²⁰ Провинциальная летопись: Кисловодск / К-ий // Театр и искусство. Пг., 1917. № 22 (28 мая). С. 388.

²¹ О принадлежности Я. Шигорина к одесскому землячеству Нью-Йорка см.: Похороны Я. Г. Шигорина // Новое русское слово. Нью-Йорк, 1948. 28 янв. (№ 13061). С. 1.

²² Волошин М. Дневник дома поэта // М. Волошин. История моей души. М.: Аграф, 1999. С. 312–313.

Рисунок Я. Шигорина, сохранившийся в архиве Т. Тарьдиной. Tarydina Papers. Backhmetteff Archive

²³ В личном архиве Е. А. Полевицкой, хранящемся в Государственном центральном театральном музее им. А. А. Бахрушина (Ф. 380), отсутствуют вырезки с газетными и журнальными статьями, посвященными ее творчеству за границей (а их в творческой биографии Полевицкой было немало). Их место занимают машинописные копии фрагментов рецензий, в которых, как правило, упомянуты Полевицкая и Шмит. Нет и программ спектаклей. В воспоминаниях Полевицкой, в рукописи и написанной по ней книге Т. А. Путинцевой «Елена Полевицкая» (М.: Искусство, 1980) упомянуты П. Г. Баратов (Бреннер), Р. А. Унгерн и др. артисты, покинувшие Россию и работавшие в зарубежных театрах, но нет ни слова о Якове Шигорине.

²⁴ Имя болгарского антрепренера в воспоминаниях и личных бумагах Е. А. Полевицкой не упоминается. См.: Государственный центральный театральный музей им. А. А. Бахрушина. Ф. 380.

²⁵ В архиве Е. А. Полевицкой сохранилась перепечатка очерка «Елена Александровна Полевицкая», написанного артистом Николаем Балабановым и опубликованного в журнале *Театр* (София, 1958. № 11. С. 68). На машинописи рукой Полевицкой сделана запись: «В Болгарии я была (на гастролях) дважды: с июня 1920 г. по январь 1921 г. и в 1932/33 гг. с 1 дек. 1932 — 8 апр. 1933 г.». Далее следует список городов с указанием количества сыгранных спектаклей, относящийся к гастролям 1932/33 гг. О первом гастрольном турне по Болгарии Полевицкая пишет: «Сведения о гастролях (1920–1921 гг.) уничтожены пожаром во время американских бомбардировок в Берлине и в Вене в 1943 г.» (Государственный центральный театральный музей им. Бахрушина. Ф. 380. № 199. Л. 27).

²⁶ *Косик В. И.* Русские краски на балканской палитре. Художественное творчество русских на Балканах (конец XIX — начало XX века). М.: Ин-т славяноведения РАН, 2010. С. 119.

²⁷ *Стефанов В.* Последна жертва. Драма в 4 действия от А. Островски // Комедия. София, 1920. С. 4. Цит. по: *Литаврина М. Г.* Москва, Крым, Нью-Йорк — далее везде... С. 305.

²⁸ В *Chronik russischen Lebens in Deutschland* (под ред. К. Шлегеля. Берлин, 1999) имя Шигорина, актера и театрального антрепренера, встречается с 1921 по 1929 г.

²⁹ Личный архив Я. Шигорина, если он и был, обнаружить не удалось.

³⁰ *Путинцева Т. А.* Елена Полевицкая. М.: Искусство, 1980. С. 200.

³¹ О намерениях М. Рейнхардта поставить в берлинском Национальном театре (Deutsches Theater) спектакль по пьесе М. Булгакова «Дни Турбиных» сообщали в 1932 г. парижская газета *Последние новости* (21 авг., № 4169. С. 5) и пражский *Дневник* (авг., № 30. С. 4). Постановка не осуществлена.

³² *Офросимов Г. [Росимов Г. В.]* Спектакли Е. А. Полевицкой // Руль. Берлин, 1921. 6 апр. (24 марта) (№ 116). С. 3.

³³ Там же.

³⁴ *Янгиров Р. М.* Хроника кинематографической жизни русского зарубежья. Т. 1. 1918–1929. М.: Русский путь, 2010. С. 5.

³⁵ От правления союза сценических деятелей // Русский эмигрант. Париж, 1920. № 4 (1–14 нояб.). С. 14.

³⁶ Янгиров Р. М. Хроника... С. 19. В данном источнике ошибочно — Чигорин.

³⁷ О гастрольях Шигорина и Тарыдиной в Южной Америке см.: *Литаврина М. Г.* Москва, Крым, Нью-Йорк — далее везде... С. 306–307.

³⁸ Владея в одинаковой степени русским и идиш, Шигорин сотрудничал и с русскими, и с идишскими театральными коллективами.

³⁹ Русский спектакль в Бруклине // Новое русское слово. Нью-Йорк, 1927. 19 нояб. (№ 5410). С. 3.

⁴⁰ Об этом, в частности, см.: «Белая гвардия» вырвалась из СССР // Сегодня. Рига, 1927. 26 авг. (№ 190). С. 3.

⁴¹ В августе 1926 г. коллегией МХАТ было принято решение о названии спектакля по пьесе М. Булгакова — «Дни Турбиных (Белая гвардия)». В августовских репетиционных листках и журнале пьеса названа «Семья Турбиных» (см.: *Смелянский А. М.* Михаил Булгаков в Художественном театре. М.: Искусство, 1989. С. 99). Оба названия, так и не попав на афишу МХАТ, найдут свое отражение в заголовках зарубежных публикаций, посвященных спектаклю и пьесе.

⁴² До недавнего времени вопрос о том, кто был владельцем издательства «Concorde», выпустившего всего одну книгу — первый том романа Булгакова, оставался открытым. Об этом издательстве не упоминают справочники, энциклопедии и фундаментальные труды по истории русского зарубежья (сведений о нем нет в подробном справочнике «Распространение русской печати в мире. 1918–1939» В. Залевского и Е. Голлербаха (СПб., 1998)). В архиве Булгакова в РО ИРЛИ сохранилось письмо В. Л. Бинштока — доверенного лица писателя по печатанию второго тома «Белой гвардии» в Париже. В письме Биншток сообщает Булгакову: «Вчера поехал <...> в эту самую “Конкордию”, которая издала 1-ый том Ваших “Дней Турбиных”, и там я узнал, что это фирма немецкая, и владельцем ее является... наш знакомый... Каганский» (Биншток В. Л. Письмо М. А. Булгакову от 17 августа 1928 г. ОР РГБ. Ф. 562. К. 19. Ед. хр. 37). Но следов издательства «Concorde», как выяснил недавно д-р Г. Кратц, в немецких торговых реестрах нет. На запрос, отправленный в Архивную службу Департамента Парижа (Direction des services d'archives de Paris // Departement de Paris) и выполненный по нашей просьбе д-ром Г. Кратцем, пришел ответ: издательство «Concorde» принадлежало гражданину Литвы Зуселю (Захарию) Каганскому. Об этом говорит найденная в парижском Торговом реестре запись № 37217 о регистрации 22 августа 1927 г. вышеназванной издательской фирмы. При этом адрес берлинского филиала издательства — *Berlin-Charlottenburg, Mommsenstr. 49*, указанный в Торговом реестре, совпадает с адресом, указанным Каганским в выходных данных выпущенной им на немецком языке второй редакции пьесы «Дни Турбиных». Пьесу Булгакова Каганский издает в 1927 г. в издательстве З. Каганского (Verlag S. Kagansky) с припиской: «Право на постановку пьесы можно приобрести в Театральном отделе Издательства С. Фишера». По адресу *Berlin-Charlottenburg, Mommsenstr. 49*, жила Илза Розенберг (в замужестве — Дербург), взявшая после развода с мужем девичью фамилию. У переводчицы пьесы Булгакова Кати Розенберг была сестра Илза: ее адрес, «заземляя» свое летучее предприятие, использовал предприимчивый издатель.

Уполномоченным издательства «Concorde» выступает Александр Альперович, фамилия которого также значится среди владельцев издательской фирмы *Imprimerie Pascal*, в чьей типографии в 1929 г. печатался второй том булгаковского романа. Издательство «Concorde» закрылось в январе 1928 г.

⁴³ Театр и музыка // Последние новости. Париж, 1927. 4 сент. (№ 2356). С. 4.

⁴⁴ «Белая гвардия» в Нью-Йорке // Новое русское слово. Нью-Йорк, 1927. 9 дек. (№ 5430). С. 2.

⁴⁵ Булгаков М. А. Взятие Киева Петлюрой // Новое русское слово. Нью-Йорк, 1927. 14 дек. (№ 5435). С. 2.

⁴⁶ Унковский В. Н. «Дни Турбиных» и один переворот (от нашего парижского корреспондента) // Рассвет. Чикаго, 1928. 30 марта (№ 77). С. 3.

⁴⁷ Унковский В. Н. «Дни Турбиных» в Париже (письмо из Парижа) // Новое русское слово. Нью-Йорк, 1927. 20 дек. (№ 5441). С. 3.

⁴⁸ «Белая гвардия» [в] Нью-Йорке // Новое русское слово. Нью-Йорк, 1927. 21 дек. (№ 5442). С. 3.

⁴⁹ Булгаков М. А. Алексей Турбин: отрывок из романа «Дни Турбиных (Белая гвардия)» // Новое русское слово. Нью-Йорк, 1927. 22 дек. (№ 5443). С. 2.

⁵⁰ В генеральном каталоге парижского Общества драматических авторов и композиторов (Société des Auteurs et Compositeurs Dramatiques – SACD) сохранилось описание текста четырехактной пьесы «Белая гвардия», написанной для Русского драматического театра в Париже неким Е. В. Р. Скорее всего, В. Н. Унковский прав: подлинное имя автора этой инсценировки романа Булгакова — Евгений Викторович Рыжков (Тарусский).

⁵¹ Guide to the Records of the Hebrew Actors' Union 1874–1986: (bulk 1920–1970). Box I. Folder 1: 30968: Schigorin, Jacques – 1929–1930 // YIVO. Institute for Jewish Research. Center for Jewish History: [электронный ресурс]. URL: <http://findingaids.cjh.org/?pID=1692871> (дата обращения: 25.08.2014).

⁵² Chronik russischen Lebens in Deutschland, 1918–1941 / Hrsg. von Karl Schögel [et al.]. Berlin: Akad. Verl. Cop., 1999.

⁵³ В пользу студентов / Б. // Руль. Берлин, 1928. 1 ноября (№ 2413). С. 4. — (В Берлине. Театр и музыка).

⁵⁴ «Дни Турбиных» // Руль. Берлин, 1928. 26 окт. (№ 2408). С. 4. — (В Берлине. Хроника).

⁵⁵ Die Wilnaer Truppe: “Der Schatz” von David Pinski / S. W. // Die Stimme. Wien, 1930. 6 November (№ 150–6). S. 10. Шигорин как актер «Виленской труппы» также упомянут в ст.: *Rosenthal, J.* Langers “Peripherie”: Die Wilnaer Truppe // Die Stimme. Wien, 1930. 29 Mai (№ 128). S. 9; “Die pusste Kretschme”: Die zweite Premiere der Wilnaer / o. r. // Die Stimme. Wien, 1930. 31 Okt. (№ 163). S. 7.

⁵⁶ Установить, по какой именно редакции пьесы «Дни Турбиных» был поставлен спектакль «пражан», удалось, в частности, благодаря программам и афишам спектакля, сохранившимся в личном архиве В. М. Греч и П. А. Павлова (Библиотека Фонда (далее — БФ) «Русское зарубежье». Ф. 11. Оп. 1.

Ед. хр. 18). В списке действующих лиц спектакля Пражской группы МХТ 1935 г. нет Ванды и Василисы, персонажей второй редакции пьесы, в нем также отсутствует роль еврея, как известно, сцена убийства еврея («петлюровская сцена») не вошла в третью, мхатовскую, редакцию пьесы.

⁵⁷ О С. Юроке см. также: *Нехамкин Э.* Сол Юрок: импресарио – это не профессия, это любовь // Русские евреи в Америке. Кн. 2 / Ред.-сост. Э. Зальцберг. Иерусалим; Торонто; СПб., 2007. С. 204–222. (*Примеч. ред.-сост.*)

⁵⁸ *Соломоник А. М. В. Л. Зелицкий: к 25-летию его театральной деятельности за границей* // Новое русское слово. Нью-Йорк, 1944. 17 сент. (№ 11, 831). С. 4.

⁵⁹ Там же.

⁶⁰ Пражская группа МХТ (программа спектакля «Белая гвардия», гастроль в Нью-Йорке: апрель, 29 – май, 4 1935 г.; на англ. яз.) // БФ «Русское зарубежье». Ф. 11. Оп. 1. Ед. хр. 18. Л. 96–97.

⁶¹ *Бурлюк Д. Д.* «Дни Турбиных» – у художественников // Русский голос. Нью-Йорк, 1935. 7 марта (№ 7056). С. 2. Вырезка со статьей Д. Бурлюка сохранилась в личном архиве В. М. Греч и П. А. Павлова (БФ «Русское зарубежье»). Ф. 11. Оп. 1. Ед. хр. 70).

⁶² Там же.

⁶³ Там же.

⁶⁴ *Камышников Л. М.* «Дни Турбиных» («Белая гвардия»): пьеса М. Булгакова. Московские артисты в театре «Мажестик» // Новое русское слово. Нью-Йорк, 1935. 7 марта (№ 8073). С. 3. Вырезка со статьей Л. Камышникова сохранилась в личном архиве В. М. Греч и П. А. Павлова (БФ «Русское зарубежье»). Ф. 11. Оп. 1. Ед. хр. 70).

⁶⁵ Театральная энциклопедия. Т. 5: Табакова – Яшугин / Гл. ред. П. А. Марков. М.: Советская энциклопедия, 1967.

⁶⁶ Народен театър «Иван Вазов»: летопис 1904–2004: [электронный ресурс]. URL: <http://new.nationaltheatre.bg/images/files/pdf/Letopis.pdf> (дата обращения: 1.09.2014).

⁶⁷ Сцена из спектакля *The Doughgirls*, Lyceum Theatre – New York: [фото – Lucas-Pritchard; карандашом – надпись на об.: «Максим П. Пантелеев в роли о. Николая. Bro[a]dway, play – «Doughgirls», 1938] // ГАРФ. Ф. 10143. Оп. 55: Maxim Panteleieff papers, 1917–1952. Вох 1.5: фотографии, 1917–1939. Копия. Оригинал: Museum of Russian culture San Francisco. Вох 1. Folder 1.5. Год на фотографии указан ошибочно. Премьера спектакля *The Doughgirls* с участием М. П. Пантелеева состоялась 30 декабря 1942 г. Последний спектакль был сыгран 29 июля 1944 г.

⁶⁸ Краткая биография М. П. Пантелеева (на англ. яз.) // ГАРФ. Ф. 10143. Оп. 55: Maxim Panteleieff papers, 1917–1952. Вох 1. Копия. Оригинал: Museum of Russian culture San Francisco. Вох 1.

⁶⁹ Центральный государственный архив Болгарии. Ф. 370 К (Дирекция полиции). Оп. 6. Ед. хр. 432. Л. 191.

⁷⁰ *Кёсева Ц.* Болгария и русская эмиграция: 1920–1950-е годы. М.: Русский путь, 2008. С. 187.

⁷¹ Там же.

⁷² Центральный государственный архив Болгарии. Ф. 370 К (Дирекция полиции). Оп. 6. Ед. хр. 512. Л. 14. Цит. по: *Кёсева Ц.* Болгария и русская эмиграция: 1920–1950-е годы. С. 187.

⁷³ Архивы полпредства СССР в Болгарии в конце 1947 г. были вывезены в СССР. Место хранения в настоящее время – ГАРФ. Доступ к архивам пока закрыт.

⁷⁴ Bayes Theatre Comedy: Troupe Sponsored by Jewish Workmen Gives «The Jesters» / W. S. // The New York Times. March 14, 1938. P. 13.

⁷⁵ Я. Г. Шигорин организует спектакли и комедии // Новое русское слово. Нью-Йорк, 1944. 22 окт. (№ 11, 866). С. 4. — (Театр и музыка).

⁷⁶ *Тарыдина Т. Н.* Драма или комедия? // Новое русское слово. Нью-Йорк, 1944. 5 нояб. (№ 11, 880). С. 4.

⁷⁷ *Зелицкий В. Л.* Благодарность актера // Новое русское слово. Нью-Йорк, 1944. 19 нояб. (№ 11, 894). С. 4.

⁷⁸ Six voices take part in Russian program // New York Times. Feb. 18, 1947. P. 19.

⁷⁹ Похороны Я. Г. Шигорина // Новое русское слово. Нью-Йорк, 1948. 28 янв. (№ 13061). С. 1.

⁸⁰ Там же.

⁸¹ Там же.

⁸² Там же.

Лео Бирински — драматург и киносценарист

Марк Уральский (Брюль, Германия)

В середине октября 1910 года в московском *Русском слове* была опубликована статья берлинского корреспондента газеты Ильи Троцкого¹ «Молох»², в которой рассказывалось об успехе премьеры одноименной пьесы немецкого, а впоследствии американского драматурга Лео Бирински в Вене и Берлине. Автор критически отзывался о содержании пьесы, где, на его взгляд, хотя и дана «картина русской революции, русского подполья», но присутствуют

нагромождение страхов и ужасов и очень маленькая идея. Даже не идея, а один лишь контур ее. Непосильную задачу взял на себя г. Бирински. Ему нельзя отказать в наблюдательности, в знании русского революционного подполья, но уж очень слаба его философия. Эффектами вроде колокольного звона, револьверных выстрелов, погрома он покрывал недостаток истинного драматизма и действия.

Это слишком бросалось в глаза. Да, наконец, сама пьеса поразительно напоминала компиляцию из чириковских «Евреев», горьковского «На дне» и произведений Л. Андреева.

На слишком невзыскательный вкус рассчитан «Молох». Остается лишь удивляться, чем восхищались венцы. Правда, берлинской публике тоже очень понравилась пьеса. Видеть с подмостков оборотную сторону революции, с кающимися провокаторами, тайными сходками и готовящимися покушениями, — для немца интересно.

И с этой стороны пьеса имеет успех. Но только эта внешняя сторона и нравится. О внутреннем же содержании пьесы все отзываюся отрицательно.

Далее Троцкий пишет:

Известный драматург Герман Бар посвятил этой пьесе длинное письмо в одном из местных театральных журналов³, восхищаясь ее глубиной и обещая ей успех.

ключе. Такой подход к проблематике вполне устраивал западного зрителя, но неприятно раздражал рецензента, хорошо знавшего русские реалии.

Рассмотрение литературно-драматических достоинств пьесы «Молох», как и ее недостатков, не входит в задачу настоящей статьи. Отметим только, что отзыв Бара, который считался наиболее проницательным литературно-театральным критиком и выдающимся немецким культурологом первой трети XX столетия — от эпохи «натурализма» до «экспрессионизма», многого стоил.

Что же касается личности автора пьесы — Лео Бирински, драматурга, впоследствии плодовитого киносценариста, писавшего на немецком и английском языках, то она вполне заслуживает, чтобы быть выведенной из «тьмы былого».

Имя Лео Бирински для русского уха звучит явно по-родственному, но Илья Троцкий в своей статье-рецензии, впервые представляя русской публике зарубежного автора, не обращает ни малейшего внимания на происхождение своего персонажа. О причинах этого можно только гадать, но при сравнении их биографий тот факт, что Лео Бирински родился 8 июня 1884 года в местечке Лысянка Черкасской губернии, а Илья Троцкий пятью годами раньше — 10 июня 1879 года в г. Ромны тогдашней Полтавской губернии⁴, сразу же бросается в глаза. Представляется весьма вероятным, что они были лично знакомы, так как в 1906–1907 годах И. М. Троцкий жил в Вене, сотрудничал во влиятельной газете *Neues Wiener Tagblatt*, а в 1923–1926 годах оба литератора обрелись в Берлине.

Однако в обширном публицистическом и эпистолярном наследии И. М. Троцкого имя Лео Бирински нигде и никогда больше не встречается. *Mirum est autem verum!*⁵ Скорее всего, это связано с коренным различием в позиционировании этих двух русских евреев на Западе. Илья Троцкий всегда подчеркивал свою кровную связь с русской культурой и русским еврейством, Лео Бирински, напротив, покинув Россию, обрубил все концы, связывающие его с родиной, никогда не подчеркивал свое происхождение и реализовывал литературные амбиции исключительно в германоязычном и английском культурном ареале. Заметим, что Лео Бирински в этом отношении — фигура уникальная. Под стать ему из всего русского зарубежья был, пожалуй, только Осип Дымов (1878–1959), заявлявший себя, впрочем, в начале 1910-х годов исключительно как русский писатель. Однако если фигура О. Дымова сегодня хорошо представлена в мемуарно-биографической литературе⁶, то с Лео Бирински ситуация выглядит иначе. Здесь можно говорить о фактическом отсутствии подробных и выверенных сведений,

касающихся биографии и деятельности этого незаурядного человека, чье имя вошло в историю мирового кино⁷ и театра первой половины XX столетия⁸. Настоящая статья является первой попыткой привлечь внимание историков культуры к личности Лео Бирински⁹.

По всей видимости, информационный вакуум, образовавшийся со временем вокруг фигуры Лео Бирински, является следствием его равнодушия к поддержанию публичности, скрытности как черты характера и склонности к мистификациям¹⁰.

Из всех литературных источников¹¹, доступных автору статьи, явствует, что по отцу Лео носил фамилию Готесман (Gottesman), которую в 1906–1910 годах сменил на девичью фамилию матери, урожденную Бирински (Birinski).

В примерно шестилетнем возрасте Лео с семьей переехал с Черниговщины — родины его матери Карны, на Буковину, откуда происходил его отец Герш (Герман) Готесман, бывший коммивояжером. В Черновцах (Черновицах) — столице Буковины, тогда принадлежавшей Австро-Венгрии, где жил до начала XX века Лео, евреи составляли более трети населения. Австрийские власти в то время были заинтересованы в притоке еврейского населения в город, полагая, что евреи, говорившие на идиш, будут проводниками немецкой культуры. Особенно поощрялась ассимилированная немецкоязычная еврейская интеллигенция, представители которой могли без ограничений занимать государственные должности. Евреи играли важную роль в экономической жизни Черновцов, основывая промышленные предприятия и банки, выступали спонсорами культурных мероприятий. Из среды черновицких евреев вышли несколько известных литераторов¹². К их числу, несомненно, можно отнести и Лео Бирински, который впоследствии не раз указывал Черновцы как место своего рождения. Впрочем, это делалось им, скорее всего, для того, чтобы, как урожденному австрийцу, беспрепятственно проживать в имперской столице Вене, а не быть интернированным как нежелательный иностранец в период Первой мировой войны¹³.

По-видимому, в 1904 году, после окончания Лео черновицкой гимназии, семья Готесманов переселилась в Вену. Здесь Лео работал в книжном магазине, затем, покинув отчий кров, где-то чему-то учился и, появившись вновь в Вене в 1906 году, стал заниматься переводами и писать пьесы на немецком языке, которые пытался устроить в многочисленных венских театрах. Он быстро освоился в кругах венской богемы и сблизился с рядом видных представителей театрального мира, в том числе с Хуго Тимигом¹⁴ и Иозефом Кайнцем¹⁵. У последнего он подвизался в роли секретаря и ухаживал за ним во время его тяжелой

болезни вплоть до смерти артиста в сентябре 1910 года. Время от времени Бирински наезжал в Берлин и Мюнхен, где, возможно пользуясь протекцией Тимига и Кайнца, завязал необходимые для карьеры драматурга связи. В 1910 году пришел успех — его трагедия «Молох» была поставлена 21 января на «Новой венской сцене», а затем сразу на нескольких германских сценах: в берлинском «Современном театре», кёльнском «Немецком театре», мюнхенском «Народном театре» и лейпцигском «Старом городском театре».

Из венского периода до наших дней дошли пьесы «Маскарад» («*Mummenschanz*»), «Танец сумасшедших» («*Narrentanz*»), «Молох» («*Der Moloch*») и «Раскольников» («*Raskolnikow*») — по роману Достоевского «Преступление и наказание». Первые три были опубликованы и приведены в каталоге Немецкой национальной библиотеки (Die Deutsche Nationalbibliothek)¹⁶, причем «Молох» и «Танец сумасшедших» в Германии (Берлин, 1910 год и Мюнхен, 1912 год) и «Маскарад» — в Вене в 1968 году, спустя много лет после кончины драматурга.

Вплоть до начала Первой мировой войны все вышеуказанные пьесы Лео Бирински регулярно ставятся в театрах Германии и Австро-Венгрии как на немецком, так и в переводах на чешский, словенский, хорватский, польский и венгерский языки. Кроме того, пьеса «Танец сумасшедших» была поставлена в Копенгагене, Амстердаме и Париже соответственно на датском, голландском и французском языках. Примечательно, что пьесы Лео Бирински идут в восточноевропейских странах (Чехия, Венгрия, Македония, Словения, Сербия, Россия) и по сей день. Так, пьеса «Маскарад» была переведена с чешского на русский и под названием «Хоровод масок» была показана как дипломный спектакль в Ярославском государственном театральном институте 25 июня 2010 года (режиссер Олег Нагорничных).

Афиша театральной постановки пьесы Л. Бирински «Раскольников» в Княжеском придворном театре г. Гера. 1913 г.

Существует мнение, что Бирински в странах Восточной Европы воспринимался как русский драматург, переведенный на немецкий. Например, на афише спектакля «Маскарад», поставленного пражским Национальным театром в 1912 году, было указано, что пьеса написана на русском, а фамилия автора напечатана на русский манер «Биринский». Ошибочное отнесение Бирински к числу «русских драматургов еврейского происхождения» сохранялось в чешском театроведении вплоть до конца XX века.

В этом контексте отметим, что как немецкий драматург еврейского происхождения, родившийся в Российской империи, Лео Бирински фигурирует в знаменитом семитомном справочнике Саломона Винигера¹⁷ «Биографии выдающихся евреев» (1925–1936)¹⁸ и в «Справочнике австрийских писательниц и писателей еврейского происхождения XVIII–XX веков»¹⁹.

Как это ни странно, несмотря на столь явный успех Лео Бирински-драматурга, его имя не значится ни в «Перечне австрийских литераторов» («Liste österreichischer Autoren»²⁰), ни в «Перечне немецкоязычных драматургов» («Liste deutschsprachiger Dramatiker»²¹).

Весной 1920 года венские газеты публикуют сообщение, получившее широкую огласку, в том числе и за рубежом, что драматург якобы покончил с собой. На самом деле трагедия произошла с его младшим двоюродным братом, но, несмотря на опровержения, в ряде справочников первой трети XX века Лео Бирински объявляется самоубийцей. Годом позже Лео Бирински, сделав, по всей видимости, вывод, что «из всех искусств <...> важнейшим является кино», переезжает в Берлин (апрель 1921 года), бывший в то время центром европейской киноиндустрии.

Живя в Берлине, Бирински полностью переключается на кинематографию, заявляя себя с этих пор, главным образом, как сценарист. Трудно объяснить, почему после столь успешного начала своей карьеры драматурга он так решительно порвал со сценой. Ведь немецкий театр в 1920-е годы переживал период своего расцвета, а таким его выдающимся представителям, как, например, Макс Рейнхардт²², имя Бирински было, несомненно, хорошо знакомо.

С другой стороны, в начале 20-х годов немецкое кино занимало ведущее место в мире, и здесь для молодого таланта открывались огромные возможности. Можно предположить, что Бирински решил полностью реализовать свои честолюбивые замыслы в новой перспективной области искусства.

Из множества художественных направлений, бытовавших в то время в немецком кино, наиболее значительным в историческом контексте

являлся экспрессионизм, утвердивший как самостоятельный жанр фильм ужасов (хоррор-фильм)²³.

На первый взгляд, экспрессионизм с его телеграфным стилем, взрывающимися короткими фразами, восклицаниями определенно кажется упрощением выразительных средств, усложненных немцами. Но эта видимая определенность обманлива. Здесь — потребность усилить «метафорическое» значение слов, доминирующее в экспрессионистской фразеологии. Жонглирование неопределенными выражениями. Случайные комбинации слов, складывающиеся в цепочки. Надуманные мистические аллегории, лишённые какой бы то ни было логики, полные намеков. Они сводятся к пустякам, стоит только нам попытаться их понять. Этот язык, перегруженный символами и метафорами, сознательно затуманивается, дабы только посвященные могли уяснить себе его подлинный смысл. Это земля, усеянная ловушками: чтобы пройти по ней, оставаясь целым и невредимым, нужно знать пароль²⁴.

Лео Бирински внес свою лепту в историю немецкого киноэкспрессионизма не только как сценарист, но также как постановщик и продюсер. Вместе с Паулем Лени²⁵ — одним из отцов немецкого киноэкспрессионизма, он является создателем фильма ужасов «Кабинет восковых фигур» (1924), который вошел в «золотой фонд» мирового кино. Этому фильму, по мнению многих историков кино²⁶, суждено было стать

Лео Бирински (последний справа) на съемках фильма «Кабинет восковых фигур». 1923 г.

заклЮчительным в серии выдающихся кинолент, причисляемых к направлению «хоррор».

Сюжет фильма «Кабинет восковых фигур», придуманный Хенриком Галееном²⁷ <по мотивам одноименного рассказа Густава Мейринка²⁸>, можно изложить так:

Молодой поэт <...>, которому поручено подготовить тексты к экспонатам, выставленным в ярмарочном балагане, встречается в своих сновидениях с приключениями и преступлениями Гарун аль-Рашида <...>, Ивана Грозного <...> и Джека-Потрошителя <...>. Четвертая новелла, посвященная Ринальдо Ринальдини, разбойнику из популярного немецкого романа, <не была снята из-за> возник<ших> денежны<х> затруднени<й>. В конце концов фильм вышел в прокат в конце 1924 года. <...> Возникшие финансовые трудности <относятся на счет> светового решения лучших эпизодов фильма, в частности, новеллы о Джеке-Потрошителе, которая была снята на черном бархатном фоне, и именно благодаря этому режиссер достиг поразительной фантастичности изображения. Кроме этого эпизода, смонтированного энергично и впечатляюще, в фильме примечательно вторжение бесформенной декорации, вычурной и причудливой. Сбежавшие из кабинета восковых фигур Иван Грозный или Джек-Потрошитель устанавливают на земле режим невероятной жестокости и пыток, описанных маркизом де Садом. В сопоставлении с этими ужасами эпизод из «Тысячи и одной ночи» привносит несколько тяжеловесное веселье²⁹.

Подводя итог германского периода деятельности Лео Бирински, можно утверждать, что он вполне преуспел. За шесть лет пребывания в Берлине он женился на пианистке Фелиции Ашкенази, написал пьесу «Святой черт» («*Der heilige Teufel*»), главным героем которой является Распутин, и целый ряд киносценариев. Пьесу, дошедшую до наших дней лишь в английском варианте, Бирински поставить не удалось, зато с реализацией сценариев у него проблем не возникало. В 1923–1927 годах по сценариям Лео Бирински в общей сложности было снято 13 фильмов. Он работал с такими известными немецкими режиссерами, как Пауль Лени (Paul Leni, 1885–1929), Джой Май (Joe May, 1880–1954), Феликс Баш (Felix Basch, 1885–1944), Эвальд Дюпон (Ewald André Dupont, 1881–1956), Рихард Эйхберг (Richard Albert Eichberg; 1888–1952), а также с Дженао Ригелли (Gennaro Righelli, 1886–1949)³⁰, Фридрихом Фейером (Friedrich Feher, 1889–1950) и знаменитым Робертом Вине (Robert Wiene, 1873–1938)³¹, создателем одного из первых шедевров немецкого киноэкспрессионизма — фильма «Кабинет доктора Калигари» (1920).

За открытиями немецких кинематографистов внимательно следили по другую сторону океана — в Голливуде <...>. Между немецкими кинокомпаниями, в особенности концерном UFA³², и голливудскими студиями существовали дружеские связи, включавшие даже регулярные экспедиции американцев в Берлин — для обмена опытом. В свою очередь, многие немецкие режиссеры — Любич, Мурнау³³, Лени — уже в 20-е годы начали снимать фильмы в Америке³⁴.

Впоследствии большинство немецких режиссеров, с которыми сотрудничал Лео Бирински, уехали в США, где весьма преуспели в голливудских студиях. Первым совершил этот шаг Пауль Лени, и не исключено, что именно его успешная адаптация в Голливуде подвигла Лео Бирински к решению перебраться за океан. Сразу же после премьеры 2 мая 1927 года фильма «Мата Хари, красная танцовщица» («*Mata Hari, die rote Tänzerin*»), поставленного по его сценарию Фридрихом Фейером, прошедшей с большим успехом³⁵, он уехал в Америку.

В плане биографии его появление в Новом Свете, так же как и вся официально документированная история пребывания в США, — это сплошная мистификация. Дать рациональное объяснение биографическим придумкам Бирински не представляется возможным, их можно лишь перечислить как набор курьезов.

Так, при въезде в США 16 сентября 1927 года он предъявил властям никарагуанский паспорт, где местом его рождения значился некий город Блюфильдс. В графе «цель визита» Бирински указал, что прибыл посетить своего друга, торговца русской пушниной, проживающего на Манхэттене. Виза, выданная эмиграционными властями США сроком на шесть месяцев, затем продлевалась в течение почти четверти века, вплоть до кончины Бирински в 1951 году.

28 октября 1929 года таким же образом — с никарагуанскими паспортами и желанием повидать «друга, живущего на Манхэттене», — прибыла в США жена Бирински Фелиция со своей матерью. В США супруги Бирински свой брак не расторгли, хотя, по всей видимости, жили порознь.

Конкурентная борьба на киносценарном поле Голливуда была очень жесткой³⁶, а для иностранца на первый план, естественно, выходили еще и языковые проблемы.

Приход к власти в Германии национал-социалистической партии в 1933 году многократно ускорил процесс эмиграции художников и интеллектуалов, в результате чего к началу 40-х годов едва ли не весь цвет немецкой режиссуры (изрядную часть которой составляли

выходцы из венской еврейской общины) оказался в США. Практически всем им удалось найти работу на голливудских студиях³⁷.

Более того, современные историки кино³⁸ акцентируют внимание именно на «еврействе» немецких кинорежиссеров-эмигрантов, которое, по их мнению, и задало «тон» в развитии «фильма-нуар»³⁹ как особого жанра в киноискусстве США 1940–1950-х годов.

Начиная с 1920 года, из Германии в Новый Свет переехали около 500 кинематографистов. В 1930 году профессия сценариста часто являлась в киноиндустрии единственно возможной и полезной для эмигрантов, поскольку американские киностудии уже имели укомплектованные на постоянной основе команды техников, операторов, режиссеров и актеров. С 1938 года конкуренция в среде писателей-иммигрантов стала особенно сильной. <...> Все они, как правило, специализировались в каком-то одном жанре, были способны адаптироваться к новым условиям и требованиям и перенять специфику работы Голливуда, его жанровые установки и развивать их дальше. Некоторые из немецких эмигрантов приняли гражданство США⁴⁰.

Несмотря ни на что, Лео Бирински сумел-таки устроиться на работу в Голливуде — возможно, на первых порах, опираясь на поддержку Пауля Лени. Начиная с 1929 года, судя по его реализованным киносценариям, он вполне процветал на «Фабрике грез», хотя постоянного договора ни с одной из фирм-производителей у него никогда, вероятно, не было. Надо отметить, что для полноценной литературной деятельности Бирински, по всей видимости, владел английским недостаточно хорошо, поэтому в большинстве сценариев лично ему принадлежала сюжетная основа, сам же текст писали американские соавторы — Уоллес Смит (Smith, 1888–1937), Герман Манкиевич (Mankiewicz, 1897–1953) или Джером Кейди (Cady, 1903–1948).

Первой серьезной работой Лео Бирински в Голливуде является его сценарий, написанный совместно с Уолтором Энтони (Anthony, 1872–1945) для фильма «Любовь и дьявол», снятого в 1929 году будущей мировой знаменитостью Александром Корда⁴¹.

За время его работы в Голливуде по сценариям, в которых участвовал Лео Бирински, было поставлено 12 фильмов, некоторые вошли в «золотой фонд» Голливуда. Среди них «Мата Хари» («*Mata Hari*») режиссера Джорджа Фитцмориса⁴² с Гретой Гарбо в главной роли (1931) и «Песня песней» («*The Song of Songs*») с Марлен Дитрих. Это была первая актерская работа актрисы, выполненная не под руководством ее

Афиша кинофильма «Мата Хари»
режиссера Джорджа Фитцмориса
с Гретой Гарбо в главной роли.
1931 г.

Афиша кинофильма «Песня Песней»
режиссера Рубена Мамуляна
с Марлен Дитрих в главной роли.
1933 г.

кинематографического «крестного отца» Джозефа фон Штернберга⁴³, а в содружестве с режиссером Рубеном Мамуляном⁴⁴. Восемь кинопроектов по сценариям Бирински остались нереализованными.

Среди сценариев так называемых «шпионских» фильмов следует отметить «Стамбульский поиск» («*Stamboul Quest*») знаменитого американского режиссера Сэма Вуда⁴⁵, вышедший на экран в 1934 году, и его французский ремейк «Мадемуазель доктор», поставленный в 1938 году Г. В. Пабстом⁴⁶ по немецкому варианту сценария, написанному полностью Лео Бирински.

Последним известным фильмом Бирински была шпионская комедия «У леди есть планы» («*The Lady Has Plans*») режиссера Сиднея Лэнфилда⁴⁷, вышедшая на экран в 1942 году, в которой в главных ролях были заняты такие прославленные актеры Голливуда, как Полетта Годар⁴⁸ и Рей Милланд⁴⁹. На основе этого фильма был сделан цикл театральных (Lux Radio Theatre) радиопостановок с одноименным названием, которые транслировались в апреле 1943 года в сети CBS (Columbia)⁵⁰.

Однако Лео Бирински выступал не только в амплу сценариста. Он заявил себя в Голливуде также и в роли режиссера, поставив в 1936 году фильм «Флирт» («*Flirtation*»).

Сюжет картины был весьма незамысловатым. Деревенский парень Дадли со своим псом Корки приезжает в большой город, где влюбляется в певичку Нэнси. Собака начинает его ревновать и сбегает из дома. На одном из выступлений Нэнси пес появляется в зале и учиняет там всяческие безобразия. Нэнси уволена. В это же время в город приезжает ее мать, считающая, что дочь — вполне обустроенная замужняя женщина. Нэнси просит Дадли выступить в роли ее мужа. Розыгрыш удается, но молодые люди действительно влюбляются друг в друга, решают пожениться и переехать из города в родную деревню Дадли.

Знаменитый композитор-песенник Хуго Ризенфельд⁵¹ написал к фильму музыку. В нем снялась (в роли матери Нэнси) знаменитая Кисси Фитцджеральд — звезда немого кино 1910-х годов, прославившаяся своим характерным «подмигиванием»⁵². Это была ее последняя роль в кино. Фильм, снятый на киностудии Salient Pictures Corp., большого успеха в прокате не имел, хотя его демонстрировали и в Великобритании⁵³.

И все же в условиях мощного притока беженцев из нацистской Германии, среди которых было немало крупных литературных имен, имевших в своих творческих портфелях известные широкой публике книги и написанные на их основе сценарии, Бирински начал быстро сдавать завоеванные им позиции. Неопределенность социального статуса, по-видимому, еще больше усугубляла его трудности, тем не менее он продолжал свои мистификаторские игры. Так, например, выехав единственный раз в 1936 году за пределы континентальных США на Гавайи, Бирински по возвращении, заполняя в Лос-Анджелесе декларацию о намерении принять американское гражданство, почему-то указал, что он по происхождению русский (ранее писал — еврей) и, будучи никарагуанским гражданином, в свое время прибыл в США на автомобиле из Мексики (на самом деле — пароходом RMS Berengaria на Эллис Айленд в нью-йоркском порту⁵⁴). Четыре года спустя в анкете Федеральной переписи населения США⁵⁵ Бирински указал, что родился в Никарагуа, три года учился в высшем учебном заведении, женат и работает сценаристом на киностудии.

Абсолютно достоверным является лишь последнее указание. Кинематографическая деятельность Лео Бирински в Голливуде продолжалась до середины 1940-х годов, хотя в конце 1930-х он, по всей видимости, уже перебрался на жительство в Нью-Йорк.

В 1930-х годах Бирински пробует писать пьесы. Одна из них — драма «Граница нигде» («*Nowhere Bound*») о депортированных из США беженцах, была поставлена на Бродвее (The Imperial Theatre) в 1935 году

(было сыграно 15 спектаклей), другая — «И настанет день» («*The Day Will Come*»), в которой ключевым моментом является встреча Гитлера с еврейским бродягой Агасфером (прототипом Вечного жида) в заброшенной русской деревушке, шла в бродвейском Национальном театре (The National Theatre) около двух месяцев в 1944 году⁵⁶. Есть указания, что Лео Бирински, живя в Нью-Йорке, участвовал в качестве продюсера в постановках ряда бродвейских спектаклей.

О последних семи годах жизни Лео Бирински не сохранилось никаких сведений. Единственный документ того времени — свидетельство о смерти от 23 октября 1951 года, тоже пример своего рода мистификации. В нем указано, что на момент смерти Лео Бирински исполнилось 50 лет, тогда как на самом деле ему было 67 лет.

Более достоверным является утверждение, основанное на некрологе в декабрьском номере немецкоязычной газеты *Aufbau*⁵⁷, подписанном другом покойного Паулем Франклем⁵⁸, что сценарист и драматург Лео Бирински, по происхождению русский еврей, приехавший в США в 1927 году, скончался в нищете от инсульта в Линкольн-госпитале (The Lincoln Hospital) нью-йоркского района Бронкс и был похоронен на городском кладбище для нищих и бездомных Поттерс-Филд (Potter's Field) на острове Харт (Hart Island) в братской могиле (plot 45, section 2, no. 14)⁵⁹. Этот некролог послужил основой для единственной биографической справочной статьи о киносценаристе Лео Бирински в Сводном справочнике некрологов, дат рождения и кончин работников кино⁶⁰.

Вот так делаются биографии на «Фабрике грез»: одним суждено красоваться звездой на голливудской Аллее славы (Hollywood Walk of Fame), другим — покоиться в общей могильной яме.

Л. Бирински.
Карикатура худ. Ф. Долбина

Фильмография Лео Бирински, по данным IMDb⁶¹

Киносценарии

1923. Tragödie der Liebe («Трагедия любви»)

1925. Der Bastard («Незаконнорожденный»)

1925. Finale der Liebe («Финал любви»)

1926. Der Mann aus dem Jenseits («Человек из загробного мира»)

1926. Der Prinz und die Tänzerin («Принц и танцовщица»)

1926. Die Flucht in den Zirkus («Бегство в цирк»)

1927. Der Meister der Welt («Мастер мира»)

1927. Der Soldat der Marie («Солдат Марии»)

1927. Die Geliebte («Возлюбленная»)

1927. Laster der Menschheit («Пороки человечества»)

1927. Mata Hari, die rote Tänzerin («Мата Хари, красная танцовщица»)

1927. Verbotene Liebe («Запретная любовь»)

1929. Love and the Devil («Любовь и дьявол»)

1930. Olympia («Олимпия»)

1931. Mata Hari («Мата Хари»)

1933. The Song of Songs («Песня песней»)

1934. Flirtation («Флирт»)

1934. Stamboul Quest («Стамбульский поиск»)

1936. The Gay Desperado («Веселый Десперадо»)

1937. Mademoiselle Docteur («Мадемуазель доктор»)

1939. Full Confession («Полная исповедь»)

1942. The Lady Has Plans («У леди есть планы»)

Режиссерские и продюсерские работы

1924. Das Wachsfigurenkabinett («Кабинет восковых фигур»)

1934. Flirtation («Флирт»)

Примечания

¹ *Уральский Марк*. Илья Маркович Троцкий — публицист, общественный деятель, ходатай за русских литераторов в изгнании // Русские евреи в Америке (далее — РЕВА). Кн. 9 / Ред.-сост. Э. Зальцберг. Торонто; СПб., 2014. С. 82–162; *Уральский Марк, Кадамьяни Чинция*. «Среди потухших маков»: письма С. Н. Орема и Т. С. Вишер И. М. Троцкому // РЕВА. Кн. 10 / Ред.-сост. Э. Зальцберг. Торонто; СПб., 2015. С. 15–38;

² *Троцкий Илья*. Молох // Русское слово. 15(28).10.1910. № 237. С. 5.

³ *Bahr, Hermann*. Der Moloch. Ein offener Brief an den Herausgeber // Die Schaubühne. 20.10.1910. Bd. 6. S. 1059–1061.

⁴ Города Ромны и Черкассы находятся на расстоянии около 200 км друг от друга.

⁵ *Mirum est autem vera* (лат.) — Удивительно, но факт.

⁶ О нем см.: *Дымов Осип*. Вспомнилось, захотелось рассказать... Из мемуарного и эпистолярного наследия: В 2 т. / Общая ред., вступ. статья и коммент. В. Хазана. Jerusalem: Hebrew University, 2011; *Обухова-Зелинская Ирина*. Забытые классики: случай О. Дымова (переписка О. Дымова и А. Руманова, 1902–1914) // РЕВА. Кн. 5 / Ред.-сост. Э. Зальцберг. Иерусалим; Торонто; СПб., 2011. С. 72–114.

⁷ См., например: Filmlexikon. URL: <http://www.zweitausendeins.de/filmlexikon/>

⁸ Информация о работах Лео Бирински в кино имеется на сайте Internet Movie Database (IMDb) — крупнейшей в мире базе данных о кинематографе.

⁹ Чешский актер Душан Хюбл (*Dušan Hübbl*), собрал информацию о Лео Бирински на отдельном компакт-диске «Hledal jsem Birinského» («Я искал Биринского»): URL: <http://esence.mbox.cz/html/Sources/Hledani.htm>; *Hübbl, Dušan. Lev Birinskij – životopisný mumraj* (Лев Бирински — биографический маскарад). Praha: Amatérské divadlo Esence, 2004 (1. díl), 2008 (2. díl) a 2010 (Dodatky).

¹⁰ Theater (Deutschland). Liste der öffentlich getragenen Repertoiretheater Deutschlands, Leo Birinski, Deutsche Wanderbühne, Liste deutschsprachiger Theaterbühnen, Stadttheater Königsberg, Anachronistischer Zug, Dramaturgische Gesellschaft // Wikipedia-General Books, 2011: ISBN 978-1-158-85754-8.

¹¹ *Cook, Samantha*. Writers and Production Artists (International Dictionary of Films and Filmmakers, 2nd Edition). St. James: St. James Press, 1993; URL: <http://www.imdb.com/name/nm0083532/>; http://www.beck-shop.de/Quelle_Wikipedia-Theater-Deutschland/productview.aspx?product=1331934; http://de.wikipedia.org/wiki/Leo_Birinski; <http://www.kinotv.com/page/bio.php?namecode=9426&q=6&l=en>; <http://www.difarchiv.deutsches-filminstitut.de/caligari2010/nov2010.html>; <http://de.academic.ru/dic.nsf/dewiki/2277092>; http://de.inforapid.org/index.php?search=Leo_Birinski

¹² Уроженцами Черновиц являются, например, такие выдающиеся немецкие литераторы еврейского происхождения, как Роза Ауслендер (Ausländer, наст. имя Розалия Шерцер, 1901–1988) и Пауль Целан (Celan, наст. имя Пауль Анчель, 1920–1970). См.: *Уральский М.* Предисловие к циклу переводов одного стихотворения Пауля Целана // *Крещатик*. 2013. № 3 (61). С. 143–148.

¹³ *Životopis. Leo Birinski (1884–1951)*. Pokus o podrobnější encyklopedické heslo: URL: <http://esence.mbox.cz/html/Sources/Birinskij3%20Source.htm>

¹⁴ Тимиг (Thimig) Хуго Август (1854–1944), видный немецкий и австрийский актер, режиссер и театральный деятель.

¹⁵ Кайнц (Kainz) Йозеф (1858–1910), один из крупнейших немецких и австрийских актеров на рубеже XIX–XX столетий.

¹⁶ URL: <https://portal.dnb.de/opac.htm?method=simpleSearch&query=leo+Birinski>

¹⁷ Виннигер (Wininger) Саломон (1877–1968), еврейский лексикограф родом из Черновиц. С 1951 г. жил в Израиле.

¹⁸ *Wininger, Salomon*. Große Jüdische National-Biographie, Band I. Cernăuți: 1927–1936.

¹⁹ *Handbuch österreichischer Autorinnen und Autoren jüdischer Herkunft 18. bis 20. Jahrhundert*. Österreichische Nationalbibliothek Wien. Vol. 1. München:

К. G. Saur, 2002. S. 449. В этом солидном справочнике драматург указан под № 3444 как *Gottesmann Leo* (*Leo Birinski*), при этом допущены две существенные ошибки: место рождения — г. Черновцы (Буковина) (правильно — местечко Лысянка в Черкасской губернии) и дата и место смерти — 1920 г., Вена (правильно — 1951 г., Нью-Йорк).

²⁰ См.: URL: http://de.wikipedia.org/wiki/Liste_österreichischer_Autoren

²¹ См.: URL: http://de.wikipedia.org/wiki/Liste_deutschsprachiger_Dramatiker

²² Рейнхардт (*Reinhardt*) Макс (наст. имя Максимилиан Гольдман, 1873–1943), австро-немецкий и американский режиссер, актер и театральный деятель, который с 1905 г. и до прихода к власти нацистов в 1933 г. возглавлял Немецкий театр в Берлине. С 1935 г. он был женат на Елене Тимиг (*Thimig*, 1889–1974), чей отец Хуго Тимиг состоял в дружеских отношениях с Лео Бирински. В США с 1937 г.

²³ *Комм Д. Е.* Формулы страха: введение в историю и теорию фильма ужасов. СПб.: БХВ-Петербург, 2012.

²⁴ *Айснер Лотте.* Демонический экран. М.: Rosebud Publishing, 2010. С. 16.

²⁵ Лени (*Leni*) Пауль (1885–1929), немецкий художник-оформитель и режиссер еврейского происхождения, был основным постановщиком этого фильма. С 1926 г. работал в Голливуде, где с успехом продолжил совершенствовать свой стиль, сняв четыре фильма ужасов. Скончался во время подготовки к работе над своим первым звуковым фильмом.

²⁶ *Expressionist film — New perspective / Ed. by Dietrich Scheunemann.* N. Y.: Camden House, 2003.

²⁷ Галеен (*Galeen*) Хенрик (наст. фам. Визенберг, 1881–1949), немецкий кинематографист эпохи немого кино; работал как сценарист, режиссер, актер. С 1933 г. жил в Великобритании, с 1940 г. — в США, работал в Голливуде.

²⁸ Мейринк или Майринк (*Meiringk*) Густав (наст. фам. Мейер или Майер, 1868–1932), австрийский писатель-экспрессионист, драматург, переводчик и банкир. Всемирную славу принес ему роман «Голем», который стал одним из первых бестселлеров XX в.

²⁹ *Садуль Жорж.* Всеобщая история кино: В 6 т. Т. 4 (первый полутом). Последующие годы в странах Европы 1919–1929. М.: Искусство, 1982. URL: <http://www.litmir.net/br/?b=184696&p=116>

³⁰ Для неосуществленной постановки фильма Ригелли «Винниту» Лео Бирински написал сценарий на основе вестернов немецкого писателя Карла Мая (*May*, 1842–1912).

³¹ *Weniger, Kay.* Das große Personenlexikon des Films. 8 Bände. Berlin: Schwarzkopf & Schwarzkopf, 2001.

³² UFA — Universum Film AG, немецкая киностудия, основанная в 1910 г. в районе Бабельсберг в г. Потсдаме, на базе которой существовало одноименное акционерное общество.

³³ Любич (*Lubitsch*) Эрнст (1892–1947), немецкий и американский кинорежиссер еврейского происхождения, актер, сценарист, продюсер. С 1922 г. работал в Голливуде. Владелец именной звезды на голливудской Аллее славы; Мурнау (*Murnau*) Фридрих Вильгельм (наст. фам. Плумпе, 1888–1931), не-

мецкий кинорежиссер эпохи немого кино, один из крупнейших мастеров кино-экспрессионизма. С 1926 г. работал в США. Погиб в автомобильной катастрофе.

³⁴ *Комм Д. Е. Формулы страха. С. 36.*

³⁵ Этот немой фильм, вошедший в историю мирового кино как один из первых шпионских триллеров, уже 16 июля 1927 г. демонстрировался в США.

³⁶ *Asper, Helmut G. Hollywood-Hölle oder Paradies? Legende und Realität der Lebens- und Arbeitsbedingungen der Exilautoren in der amerikanischen Filmindustrie // Exilforschung. Ein internationales Jahrbuch. Bd. 10 (1992). S. 187–199.*

³⁷ *Комм Д. Е. Формулы страха. С. 36.*

³⁸ *Brook, Vincent. Driven to Darkness: Jewish Émigré Directors and the Rise of Film Noir. New Brunswick: Rutgers University Press, 2009.*

³⁹ Фильм-нуар (фр. *film noir* — «черный фильм») — жанр американского кинематографа 1940–1950-х гг., отразивший атмосферу пессимизма, недоверия, разочарования и цинизма, характерную для американского общества во время Второй мировой войны и в первые годы холодной войны. В сценарном плане фильм-нуар отталкивался от американской школы «крутого детектива» (англ. *hard-boiled fiction*), а в отношении кинематографии многие приемы были позаимствованы из арсенала немецкого экспрессионизма.

⁴⁰ *Scholz, Juliane. Deutsche Drehbuchautoren in Hollywood (1933–1945). URL: http://www.europa.clio-online.de/site/lang__de/ItemID__539/mid__11428/40208214/default.aspx*

⁴¹ Корда (Korda) Александр, сэр (наст. имя Шандор Ласло Келлнер, 1893–1956), британский кинорежиссер и продюсер, по происхождению — венгерский еврей, наиболее влиятельный деятель британской киноиндустрии накануне Второй мировой войны. В 1914–1926 гг. снимал немые ленты в Вене, Берлине, Голливуде. Его левые убеждения и участие в революционной деятельности (при Венгерской советской республике он входил в правительство и осуществлял национализацию кинематографа) заставили его навсегда покинуть Венгрию после установления диктатуры Хорти. В 1927–1931 гг. снимал фильмы в США, в 1932 г. переехал в Лондон, где основал киностудию London Films. В 1936 г. получил британское гражданство, в 1942 г. стал первым кинорежиссером, возведенным в рыцарство Британской империи.

⁴² Фитцморис (Fitzmaurice) Джордж (1885–1940), американский продюсер и режиссер. Поставил более 80 фильмов.

⁴³ Штернберг (Sternberg) Джозеф фон (1894–1969), знаменитый американский кинорежиссер, продюсер, сценарист и композитор, по происхождению австрийский еврей, открывший в 1930 г. Марлен Дитрих и сделавший ее кинозвездой. В 1930–1935 гг. снял семь фильмов с ее участием, из которых первый — звуковой фильм «Голубой ангел» («*Der blaue Engel*») на киностудии UFA в Германии, а остальные — в Голливуде. Владелец именной звезды на голливудской Аллее славы.

⁴⁴ Мамулян (Mamoulian) Рубен (1897–1987), американский кино- и театральный режиссер. Владелец именной звезды на голливудской Аллее славы.

⁴⁵ Вуд (Wood) Сэм (Сэмюэль) Гросвенор (1883–1949), американский кинорежиссер и кинопродюсер. Владелец именной звезды на голливудской Аллее славы.

⁴⁶ Пабст (Pabst), Георг Вильгельм (1885–1967), австрийский кинорежиссер, работавший в Германии, Франции и США и внесший неопределимый вклад в европейское киноискусство.

⁴⁷ Лэнфилд (Lanfield) Сидней (1898–1972), американский кинорежиссер.

⁴⁸ Годдар (Goddard) Полетт (урожд. Марион Полин Леви, 1910–1990), американская актриса, номинантка на премию «Оскар» (1944 г.). Жена Чарльза Чаплина в 1936–1942 гг. и Эриха Марии Ремарка в 1958–1970 гг.

⁴⁹ Милланд (Milland) Рэй (1905–1986), американский актер и режиссер, обладатель премии «Оскар» за лучшую мужскую роль в 1946 г. Обладатель двух именных звезд на голливудской Аллее славы.

⁵⁰ CBS (Columbia) — Columbia Broadcasting System — американская телерадиосеть, существующая с 1928 г., является одной из трех самых больших широкоэмиттерных телевизионных сетей Соединенных Штатов.

⁵¹ Ризенфельд (Riesefeld) Хуго (1879–1939), американский композитор и дирижер, по происхождению австрийский еврей. С 1907 г. жил в США. Писал музыку, главным образом, к кинофильмам и эстрадные песни. Считается одним из основоположников киномузыки XX в.

⁵² Фитцджеральд (Fitzgerald) Кисси (1873–1941), популярная англо-американская актриса, выступавшая в водевилях как певица и танцовщица. Ее имя значится в титрах первого фильма, сделанного Томасом Эдисоном в 1896 г.; постоянно снималась в кино с 1915 г.

⁵³ AFI Catalog of Feature Films. URL: <http://www.afi.com/members/catalog/DetailView.aspx?s=1&Movie=5682>

⁵⁴ My Heritage: New York Passenger Lists, 1820–1957 Free Index. URL: <http://www.myheritage.com>

⁵⁵ Ibid.

⁵⁶ IMDb: Leo Birinski. URL: http://www.imdb.com/name/nm0083532/otherworks?ref_=nm_pdt_wrk_sm

⁵⁷ Leo Birinski. Aufbau // New York City. Dezember 7, 1951. S. 12.

⁵⁸ Франкль (Frankl) Пауль (1885–1976), австрийский и американский писатель и сценарист еврейского происхождения. В США с 1942 г.

⁵⁹ Municipal Archives, New York City.

⁶⁰ Doyle, Billy H. The Ultimate Directory of Film Technicians: A Necrology of Dates and Place of Births and Deaths of More Than 9,000 Producers, Screenwriters, Composers, Cinematographers, Art Directors, Costume Designers, Choreographers, Executives, and Publicists. Metuchen, NJ: Scarecrow Press, 1999.

⁶¹ IMDb: Leo Birinski. URL: http://www.imdb.com/name/nm0083532/?ref_=tt_ov_wr#writer

Триада и Тандем¹

Вадим Скуратовский (Киев)

От редактора-составителя. Публикуемая ниже статья — о матери и дочери, страстно влюбленных в литературу и театр и сохранивших эту любовь во всех городах и странах, где им привелось жить и работать. Они щедро делились ею со своими читателями на Украине, в России и США.

Ирина Григорьевна Панченко была участницей первой книги серии «Русские евреи в Америке» (РЕВА)², работы Ксении Гамарник о М. Шагале и Б. Анисфельде появились на страницах трех книг РЕВА³. Предлагаемая статья В. Скуратовского помогает глубже проникнуть во внутренний мир двух богато одаренных женщин, внесших свой вклад в сохранение лучших образцов российской и украинской культуры на американской почве.

Триада — истина, добро, красота — ось, вокруг которой вращается удел человеческий. Но, увы, не всегда удачно. Подчас совсем неудачно. Теперь уже прошлый век, наобещав в изобилии этому уделу всего самого истинного и самого доброго, затем, без всякого стеснения, вместо того изобилия как бы конфисковал у человеческого масс и истину, и добро. Беспощадно... Значительно уменьшив при этом сам человеческий состав этих масс. Страшная демографическо-статистическая изнанка тех обещаний.

О красоте же «позаботились» сами массы. Оставив для своего «эстетического» употребления лишь то, что запуганному-заstraшенному массовому зрачку показалось «красотой». То есть то, что другому зрачку, хотя бы отчасти незамутненному повсеместно восторжествовавшем китчем, представляется всего лишь подделкой под красоту.

Но в том-то и парадокс возникшего в прошлом веке массового мира, что в нем, столь обездоленном и истиной, и добром, — в этом мире, казалось бы, беспросветно погруженном в антиэстетику всех ее чудовищных цветов и расцветок, нечасто, но непременно находились люди, как бы насмерть раненные — желанием красоты. Желанием увидеть ее.

*Ирина Панченко с дочерью Ксенией.
1984 г.*

Либо «прочсть» или услышать. Словом, так или иначе прикоснуться к ней, к ее подлинности.

Вот такими людьми мне представляются авторы этой книги. Мать и дочь. Составившие некогда крошечный, но самоотверженный семейный орден, «тандем», пустившийся в отважный поиск того, что по людскому неразумию исчезает, испаряется из мира сего — последней составной упомянутой триады и, быть может, последней нашей надежды — красоты.

Меня всегда поражала удивительная последовательность тех поисков, сама их биографическая фабула.

...Киевская девочка послевоенного советского времени, художественно уже совершенно опустошенного, случайно натолкнулась на волшебную прозу некоего загадочного автора (у книги той не было обложки, и до поры она не знала ни названия, ни имени писателя). Прозу, переполненную волшебными по своей точности образами мира, изумительными его метафорами, которые резвятся в этой прозе, словно очаровательные зверьки. «Вы прошелестели мимо меня, словно ветвь, полная цветов и листьев» («Зависть»).

Вот так Юрий Олеша навсегда остался в поле внимания Ирины Григорьевны Панченко — сперва читателя, а затем профессионального литературоведа. Десятки ее работ ему посвящены.

Но ведь уже само присутствие Юрия Олеша в трудах киевской и затем филаделфийской его исследовательницы — наиточнейшая метафора ее биографии. Главный ее пароль. И дело не только в гроссмейстере самых ослепительных метафорических фейерверков в русской прозе. Дело в том, что Юрий Олеша стал для Ирины Григорьевны главным эстетическим средством в ее поисках того, что, казалось, уже навсегда исчезает из нашего беспросветно тяжкого мира.

Юрий Олеша как своего рода литературный ткач драгоценной ариадниной нити в угрюмых лабиринтах нашего мира. Нити, которая вопреки всему, вопреки непрерывным крушениям всех истин, нескончаемым катастрофам всех попыток к добру, ведет-приглашает нас в иные, цветущие бытием миры.

Поразительна последовательность этой судьбы с ее устремленностью к тому цветущему берегу. Устремленность вовсе не теоретическая, не «академическая». Совсем не из тех, которые обрядово оканчиваются диссертацией на соответствующую тему.

Диссертацию об Олеше двадцативосьмилетняя Ирина Григорьевна, окончив Киевский университет им. Т. Г. Шевченко, конечно, написала. Да еще под гневным оком Аркадия Викторовича Белинкова, замечательнейшего литературоведа, впоследствии автора книги-парадокса о писателе, сотрясаемой и любовью к нему, и ненавистью ко всему и в самом писателе, и вокруг него — всему тому, что сгубило редчайший в мировом литературном времени дар.

Ирина Григорьевна написала ту диссертацию и «защитила» в ней поразительное художественное мастерство, увидев там притчу об умирании красоты или, скорее, о дискриминации ее взбесившейся «советской» историей.

Затем событие важнее диссертации. Ирина Григорьевна стала матерью поразительной девочки, преданнейшей соратницы матери, ищущей красоту. Так начались их поиски красоты вдвоем.

Ксения Леонидовна Гамарник (в девичестве Рыбакина) — тогда просто Ксюша — еще ребенком приступила к осуществлению, скажем так, эстетического проекта мамы.

Творчество маленькой дебютантки в ту пору — наипрозрачайшее, еще совершенно незамутненное зеркало ли, увеличительное ли стекло красоты мира. Гонимой, но вовсе не желающей покидать нас.

Вспоминается старинный спор о человеческой талантливости — она от усердного созерцания других талантов или от родителей? А если и от того, и от других?

Автор этих строк как-то показал композиции Ксюши авторитетнейшему патриарху-академику, суровому реалисту, каковой сказал:

«У этой десятилетней девочки обобщение на уровне тридцатилетнего художника».

...Вместо упомянутого спора лучше вспомнить о том, как и мать, и дочь, в своем паломничестве за красотой, создали в ту пору что-то вроде их домашней, постоянно действующей академии. Мать неутомимо знакомила дочь со всеми доступными ей художественными стилями и манерами, со всеми выдающимися и просто заметными персонами живописной и графической вселенной.

Своеобразие и литературоведения, и самой «эстетики» Ирины Григорьевны заключалось в том, что она, на красоте сосредоточенная, вместе с тем вполне владела и всей суммой, скажем так, «социологии» о тогдашней беспощадной блокаде искусства. Сказалась ученица упомянутого Аркадия Белинкова.

Упомянутая семейная ли «студия» или вот «академия» матери и дочери вполне понимала жуткую «социологию», тяжкую жизнь искусства, оскорбленного и оскорбленного тогдашним «системным» безумием. Тем внимательнее они всматривались в красоту, постоянно тем безумием теснимую.

...Есть такой старинный, ныне едва ли не забытый метод искусствоведения: подчеркнуто личностное переживание картины ли, рисунка, статуи тем, кто их созерцает. «Ты должен переменить свою жизнь», — обращается к самому себе герой стихотворения Рильке у знаменитого торса Геркулеса Микеланджело. Знаменитый французский романист, замечательный искусствовед Андре Мальро в полную силу освоил-применил этот метод в послевоенных своих трудах, посвященных, в его терминах, «воображаемому музею» мировых шедевров.

Мать и дочь, ученица киевской Республиканской художественной школы им. Т. Г. Шевченко, и без методологической подсказки французского автора создали свой «воображаемый музей», объездив к середине 1980-х годов многие известные советские музеи. В той или иной степени отложившись от официального псевдоискусства. Можно только догадываться, чего это им житейски стоило. Ввиду тогдашнего, все более усиливающегося нашего бытового хаоса. Ввиду их, если вспомнить словечко одного нашего бытового поэта, «безбытицы».

По известному выражению, красота спасет мир. А вот Ирина Григорьевна и Ксения той красотой спасались. Но пришло время, и нужно уже было спасти самое красоту.

Ирина Григорьевна, преподаватель совсем «обезызвестленных» тогда киевских вузов, сначала Киевского пединститута им. Горького (ныне Национальный педагогический университет им. М. П. Драгоманова), затем Киевского университета им. Т. Г. Шевченко, вопреки

«застоя», все же писала и публиковалась. О том же Олеше; и также о том, как у лучших современных писателей с «некоторого» (т. е. «оттепельного») времени резонируют в их творчестве разнообразны мифы. От древнейших до позднефольклорных. Кроме того, она помогала дебютным усилиям самых интеллектуальных своих студентов. И все это время зрачок советско-полицейского василиска неотступно следил за доцентом Панченко И. Г.

После чернобыльской катастрофы мать и дочь четыре года прожили в Пензе. Ирина Григорьевна преподавала в Пензенском пединституте (ныне Пензенский государственный педагогический университет им. В. Г. Белинского), пока Ксения училась на театральном-декорационном отделении пензенского художественного училища им. К. А. Савицкого.

Когда Ирина Григорьевна и ее дочь оказались в Пензе, загораются первые огни позднесоветского театрального праздника. Праздник освобождающегося театра... Освобождающегося от административной и другой диктатуры, от подлой конъюнктурной псевдодраматургии. Вообще от всего, что мешает собственно театру.

И, среди прочего, от театральной псевдокритики, от ее невыносимой лжи, от того, что один автор назвал «волшебной необремененностью совестью» театральных «рецензентов застоя».

Вот так литературовед Ирина Панченко, в атмосфере неведь откуда хлынувшего театрального кислорода, вдруг предстала в роли театрального рецензента, оппонента недавней околотеатральной лжи.

Мир — по крайней мере, мир и сцены, и кулис, и зрительного зала — вдруг начал стремительно смещаться. Вспоминаю энтузиазм Ирины Григорьевны, наконец увидевшей Мельпомену уже не в идеологических лохмотьях, а в ярком театральном костюме. Это не совсем метафора: тогдашняя сценография переживала своего рода эстетическую эмансипацию, подчиняясь отныне замыслу художника, а не чиновника.

Да что там: Пенза вдруг вспомнила, что она-то и есть родина великого театрального реформатора! Там прошла первая международная конференция, посвященная юбилею Всеволода Мейерхольда. И — новый репертуар, новая режиссура, новая сценография. Актеры превращаются в напряженно мыслящих и чувствующих носителей обновленной режиссерской стратегии.

...Впоследствии, когда на Востоке Европы (да и посредине ее) отбушевали тамошние «революции», «бархатные» и «небархатные», «оранжевые» и другие, — Ирина Григорьевна как-то сказала: «Хорошо, что мы увидели этот мировой спектакль...» Замечательно, что для сейсмографическо-тектонических смещений последних десятилетий теперь уже ушедшего века она нашла именно театральный образ...

Театроведческие работы Ирины Григорьевны пензенской поры и все последующие, написанные в Киеве и Филадельфии, куда мать и дочь переехали в 1990-е годы, отмечают прежде всего чувство радикально сместившегося театрального процесса, ушедшего, наконец, от догмы, от недреманного, хотя уже полуслепого ока тоталитарного Полифема.

Ирина Григорьевна-искусствовед понимала, что красота в мире, лишенном институализированной, т. е. всеприсутствующей цивилизованной, «нормальной» истины (а именно таковым был театральный мир), непременно уйдет в самое глубокое подполье. Чтобы уцелеть, но чтобы и далее продолжить свое существование. Свою независимость.

Отсюда глубокий интерес Ирины Григорьевны и к судьбе, и к искусству замечательного киевского художника А. С. Балазовского, автора «Театральных фантазий», которого на десятилетия вынудили отложиться от «текущей действительности». Текущей преимущественно в сторону конъюнктуры, соцреалистического китча и другого «брака» того времени. Художника, отложившегося от тоталитарной ярмарки для того, чтобы продолжить поиски в направлении, начавшемся некогда в героическую эпоху первых импрессионистов.

Ирину Григорьевну заинтересовала не только уникальность той судьбы, но именно притчевая в ней наглядность искусства, которое не желает подчиняться не-искусству. В работе исследовательницы про А. С. Балазовского, как в оптически-исчерпывающем фокусе, предстал ее главный метод. Да и вообще сама ее жизненная позиция.

Три года посвятила Ирина Григорьевна огромному кропотливому труду — сбору материалов о жизни и творчестве художника, поиску его работ, интервьюированию его коллег, учеников и друзей, работе в архивах и написанию книги.

Театроведение Ирины Григорьевны — это именно глоток свободы, а затем уже и стремление увидеть эту свободу в качестве константы, постоянной театральной системы. Нет, не той, конечно, которая прикрывалась славным именем Станиславского, а свободы как метода театра.

И свобода — главный метод самого театроведения Ирины Григорьевны. Она ведь помнит всю чудовищную меру несвободы. И театральной, и всей другой...

Вообще, театральное чувство и Ирины Григорьевны, и наследующей ей Ксении, художника и критика, с удивительной последовательностью вращается вокруг, говоря специальным структуралистским языком, оппозиции «свобода — несвобода». Глубокое и точное понимание, что искомая авторами красота в наше время рождается в самоотверженной борьбе с несвободой. Пусть даже и тогда, когда эта борьба заканчивается вовсе не победой, или, по крайней мере, пирровой победой.

*Ксения Гамарник и Ирина Панченко у Ниагарского водопада.
2008 г.*

Кстати, об этой борьбе. В новых исторических условиях Ксения Леонидовна Гамарник начала свое театроведческое поприще в диалогах с матерью. Но затем продолжила его уже вполне профессионально. После возвращения матери и дочери в Киев Ксения окончила театроведческий факультет Киевского национального университета театра, кино и телевидения им. И. К. Карпенко-Карого. Да еще как раз в те годы, когда украинская, а особенно киевская театральная жизнь героически обновлялась. Большинство театральных работ Ксении той поры — как бы репортаж с того поля (точнее, сцены) обновления.

Но далее молодая исследовательница — крайне последовательно — остановилась на драматической фигуре украинского сценографа В. С. Клеха, биография которого представляется своего рода эталонном художественной судьбы, постоянно сопротивлявшейся не просто высокохудожественным, а страшным стихиям XX века.

Достаточно сказать, что юноша Владислав Клехньовский, понукаемый своим призванием, начинал свои сценографические усилия тогда, когда «на сцене» обезумевшей истории нужно было уцелеть хотя бы физически (1942–1943 годы).

В монографии Ксении Гамарник о Клехе-сценографе и предстает эта драма художника, создающего по обстоятельствам на необходимо малой театральной сцене то, что должно быть отмечено отголоском красоты

вообще, великой красоты как таковой. А вокруг, у подножия той сцены, холодное, злобное кипение не-красоты всех ее разновидностей.

Свои работы, посвященные театру, мать и дочь решили соединить в книге, которая так и называется «Влюбленные в театр». Получилась книга подлинной любви. Взаимной любви матери и дочери. Но также и их любви к красоте, среди прочего воплощающейся в волшебных стихиях театра. Когда эта книга готовилась к печати, Ирина Григорьевна, в самом разгаре своих авторских усилий, оставила всех нас.

Но остается эта книга, увидевшая свет в 2014 году. Остается ее, по-старинному говоря, легкое дыхание — дыхание жизни, вопреки всем трудностям нашего существования ищущей и находящей ее красоту.

Остается и дочь-соавтор.

И вообще все те и всё то, ради чего существует, ради чего длится наш трагический и вместе с тем прекрасный мир.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Список публикаций И. Г. Панченко (1998–2011)

1998

1. Свидетельства киевского периода жизни Михаила Булгакова // Побережье. Филадельфия, 1998. № 7. С. 165–175.
2. Обнаженность исповедальности. Рецензия на книги Г. Вишневской «Галина. История жизни»; М. Плисецкой «Я, Майя Плисецкая» // Новый журнал. 1998. № 212. С. 317–321.
3. «Вишневый сад» на осеннем Бродвее // Побережье. Филадельфия, 1998. 29 января — 4 февраля. [Соавтор: Гамарник К. Л.]
4. «Любовь ко всему, всему свету!». Поэтесса Татьяна Аист // Побережье. Филадельфия, 1998. 24 июля.
5. Спектакль об актерах, актерстве и любви // Новое русское слово. 1998. 6 ноября.

1999

6. Черновики Юрия Олеши (к 100-летию со дня рождения) // Новый журнал. 1999. № 216. С. 155–176.
7. Неизвестный Олеша. Публикация поэмы Юрия Олеши «Беатриче» и вступ. статья [послел.: В. Л. Скуратовский] // Побережье. Филадельфия, 1999. № 8. С. 170–173.
8. Носитель дара, мятущийся и грешный. К 100-летию со дня рождения Ю. К. Олеши // Побережье. Филадельфия, 1999. № 8. С. 174–192.
9. К 100-летию со дня рождения Ю. К. Олеши // Ренессанс. Киев, 1999. № 3. С. 159–168.

10. Портрет художницы Людмилы Макаровой // Окно в мир. 1999. № 9. С. 12–13.

11. Он говорит с нами из вечности. К 100-летию со дня рождения Юрия Олеши // Окно в мир. 1999. № 14. С. 33–34.

12. Образ непокоренного Рихтера // Окно в мир. 1999. № 32. С. 28–29.

2000

13. Я — акын из «Националя» (Ю. Олеша) // Новый журнал. 2000. № 218. С. 195–215.

14. Лиля Брик в зеркале литературы о ней // Побережье. Филадельфия, 2000. № 9. С. 208–216.

15. Л. К. Долгополов: Созидание души. Из писем 1973–1982 гг. / Вступ. статья и публикация писем Л. К. Долгополова // Collegium. Киев, 2000. № 1 (9). С. 222–234.

16. Мифологические мотивы в мировой литературе (на укр. яз.) // Всесвітня література в середніх навчальних закладах України. Киев, 2000. № 6. С. 46–49. [Соавторы: Астахова А. А., Матяш И. Б.]

17. Bravo «Маленькому принцу»! Интервью с режиссером Э. Жефарским // Побережье. Филадельфия, 2000. 10 ноября.

2001

18. Разлуки грусть (Встречи с Марией Вегой) // Новый журнал. 2001. № 222. С. 215–220.

19. «...Поём, чтоб жить, живём, чтоб петь». К 10-летию журнала «Побережье» 1992–2001 // Побережье. Филадельфия, 2001. № 10. С. I–VIII.

20. Свидетель на суде будущего над прошедшим: О писателе Г. Демидове // Побережье. Филадельфия, 2001. № 10. С. 160–162.

21. Маркиш Симон. Отец / Предисл. и пер. с укр. И. Г. Панченко // Побережье. Филадельфия, 2001. № 10. С. 151–155.

22. Этингф Наталья. Малый театр / Лит. редакция И. Г. Панченко // Новый журнал. 2001. № 223. С. 134–150.

23. Спеть то, что недопето (О певице Анне Гинсбург) // Панорама. 2001. 28 марта — 3 апреля.

2002

24. Рецензия на сб. статей «Зарубежная Россия. 1917–1939 гг.» // Новый журнал. 2002. № 226. С. 296–303.

25. Судьба «забытого» жанра. Интервью с доктором филологических наук Т. С. Царьковой // Новый журнал. 2002. № 227. С. 244–261.

26. Художественное завешание Достоевского: К первой годовщине 11 сентября 2001 года // Побережье. Филадельфия, 2002. № 11. С. 163–166.

27. Венок любви. Памяти Юлии Валерьевны Головач / Сост., предисл., монтаж текстов и литературное редактирование И. Г. Панченко. Львов: Ахилл, 2002.

28. Вечер, который соединяет сердца. Моноспектакль о Януше Корчаке (на укр. яз.) // Культура і життя (Киев). 2002. 16 июня.

29. «Когда я выхожу на сцену, у меня сердце разрывается...». Моноспектакль о Януше Корчаке // Еврейская жизнь. Филадельфия, 2002. 20 ноября.

2003

30. Архивные находки. Судьба перевода «Залізне серце» («Железное сердце») Юрия Олеши // Побережье. Филадельфия, 2003. № 12. С. 196–198.

31. «Удивления потомства» достойные. Рецензия на книгу Бердникова Л., Серебряного Ю. «Пантеон российских писателей XVIII века: Критико-биографические очерки» // Побережье. Филадельфия, 2003. № 12. С. 198–203.

32. Сценические метаморфозы притчи грузинского поэта Важи Пшавелы // Побережье. Филадельфия, 2003. № 12. С. 258–260. [Соавтор: Гамарник К. Л.]

33. Музей русской поэзии в Америке // Ренессанс. 2003. № 3. С. 129–140; № 4. С. 138–146.

34. Противостояние китчу как задание коллективных педагогических усилий (на укр. яз.) // Литературный дискурс: Генезис, рецепция, интерпретация: Материалы международной конференции 16–17 октября 2003 г. Киев. Киевский межрегиональный ин-т усовершенствования учителей им. Б. Д. Гринченко. Укр. ассоциация преподавателей зарубежной лит-ры. 2003. С. 256–257.

35. Музей русской поэзии в Америке. Начало // Собеседник. Нью-Джерси, 2003. № 1 (8), январь–март. С. 31–32.

36. Музей русской поэзии в Америке. Продолжение // Собеседник. 2003. № 2 (9), апрель–июнь. С. 36–38.

37. Филадельфийские меценаты. Марк и Софья Авербух // Собеседник. 2003. № 3 (10), июль–сентябрь. С. 13–17.

38. Музей русской поэзии в Америке. Окончание // Собеседник. 2003. № 4 (11), октябрь–декабрь. С. 31–32.

2004

39. Чтобы родиться в Одессе, надо быть литератором. О юности Юрия Олеши // Слово/Word (Нью-Йорк). 2004. № 42. С. 43–51.

40. Отголоски Достоевского в прозе Брюсова и других русских новеллистов начала XX века // Побережье. 2004. № 13. С. 201–203.

41. «Не кладите же мне, не кладите остроласковый лавр на виски...». История памятника поэту Осипу Мандельштаму // Побережье. Филадельфия, 2004. № 13. С. 203–205.

42. Великое обаяние борьбы. К 100-летию со дня рождения Н. А. Островского // Русский язык и литература в учебных заведениях. Киев, 2004. № 6. С. 1–8.

43. Слово о Евдокии Ольшанской // Новый журнал. 2004. № 234. С. 133–134.

44. Скуратовский Вадим Леонтьевич. Библиографический указатель / Сост., предисл. И. Г. Панченко // Академия искусств Украины; Национальный союз кинематографистов Украины; КГУ театра, кино и телевидения им. И. К. Карпенко-Карого. Киев, 2004.

2005

45. Вашингтонский музей русской поэзии и его хранитель // Русские евреи в Америке. Кн. 1 / Ред.-сост. Э. Зальцберг. Иерусалим; Торонто; М., 2005. С. 249–259.

46. Возвращение Марии Веги // Зеркало. Сент-Луис-Парк, Миннесота, 2005. № 3 (166). С. 32–33.

47. Агитпьеса Юрия Олеши «Слово и дело». Архивная находка // Program of the 2005 American Association of Teachers of Slavic and East European Languages (AATSEEL) Annual Meeting. Вашингтон. 27–30 декабря 2005 г. С. 215–216.

2006

48. Поэзия, пропетая крестьянским сыном. К 110-летию со дня рождения Сергея Есенина // Зеркало. 2006. № 1 (176). С. 5–6. [Соавтор: Скуратовский В. Л.]

49. «Ангел» Юрия Олеши // Зеркало. 2006. № 3 (178). С. 12–15.

50. Живая традиция эпитафии // Зеркало. 2006. № 5 (180). С. 14.

51. Казусы политической речи // Зеркало. 2006. № 6 (181). С. 20.

52. Н. А. Некрасов. К 185-летию со дня рождения // Зеркало. 2006. № 10 (185). С. 22–23.

53. Художник номера — Сергей Жуков // Terra Nova. Сан-Франциско, 2006. № 7 (13). С. 56–57.

54. Идея «нового человека» и судьба кинопьесы Юрия Олеши «Строгий юноша» // Program of the 2006 AATSEEL Annual Meeting. Филадельфия. 27–30 декабря 2006 г. С. 88–89.

2007

55. Рецензия на сб. «Юрьев день»: Альманах поэзии (Вып. 5) // Новый журнал. 2007. № 247. С. 335–339.

56. А. В. Белинков — учитель, наставник // Новый журнал. 2007. № 248. С. 258–280.

57. Смысл и судьба малоизвестного рассказа Юрия Олеши «Ангел» // Program of the 2007 AATSEEL Annual Meeting. Чикаго. 27–30 декабря 2007 г. С. 188–189.

2008

58. Несвоевременный утопист. Юрий Олеша и его кинопьеса «Строгий юноша» // Новый журнал. 2008. № 250. С. 275–296. [См. также: URL: <http://magazines.russ.ru/nj/2008/250/pa13.html>]

59. Журнал «Побережье» — культурное гнездо русскоязычной Америки // Материалы Второй международной конференции «Проблемы и опыт развития и сохранения русской культуры и языка в Америке». Вашингтон, США, 8–9 декабря 2007 г. AARCE (American Association for Russian Language, Culture and Education). Русский язык в США. Гейтерсбург, Мэриленд, США. 2008. Сб. статей № 2. С. 130–147.

60. The Coast – A Cultural Nest of Russian-Speaking America // Symposium: A Journal of Russian Thought. Providence, Rhode Island, 2008. Vol. 13. P. 19–28.

61. Воланд родом из Филадельфии // Побережье. Филадельфия, 2008. № 17. С. 148–152.

62. Время жатвы. О времени и о себе. Интервью И. Михалевичу-Каплану // Побережье. Филадельфия, 2008. № 17. С. 204–213.

63. Живо музей // Зеркало. 2008. № 8 (207). С. 24–25. [Соавтор: Гамарник К. Л.]

64. Свобода раскрепощенного воображения. О мастере устной словесности Юрии Олеше. Ч. 1 // Новый берег. Копенгаген, 2008. № 21. С. 48–50. [См. также: URL: <http://magazines.russ.ru/bereg/2008/21/pa32.html>]

65. Олеша и Бунин: Параллели // Program of the 2008 AATSEEL Annual Meeting. Сан-Франциско. 27–30 декабря 2008 г. С. 92–93.

2009

66. Свобода раскрепощенного воображения. О мастере устной словесности Юрии Олеше. Ч. 2 // Новый берег. Копенгаген, 2009. № 23. С. 49–54. [См. также: URL: <http://magazines.russ.ru/bereg/2009/23/pa27.html>]

67. «Только художник во всем чувствует прекрасного след...». Театральный художник А. Балазовский // Побережье. Филадельфия, 2009. № 18. С. 204–213.

68. О времени и о себе. Из воспоминаний // Побережье. Филадельфия, 2009. № 18. С. 141–145.

69. Он жил возвышенно и горестно. О Юрии Олеше // Еврейская жизнь/Община. 2009. № 17 (235).

70. «Культура русская всегда едина и лишь испытывается на разрыв...» / Вступ. ст. И. Г. Панченко, К. Л. Гамарник // На побережье. Рассказы писателей русского зарубежья. Бостон, 2009. С. XI–XIX.

71. По лестнице смыслов. О творчестве Э. А. По // Слово/Word. 2009. № 66. С. 30–31. [См. также: URL: <http://magazines.russ.ru/slovo/2010/66/pa6.html>]

72. «Тайна присутствует в моих спектаклях». Притчевый театр Славы Полунина // Слово/Word. 2009. № 67. С. 40–42.

73. Юрий Олеша как интерпретатор драмы «Украденное счастье» Ивана Франко // Program of the 2009 AATSEEL Annual Meeting. Филадельфия. 27–30 декабря 2009 г. С. 64–65.

2010

74. По лестнице смыслов. Поэма Эдгара По «Ворон» и ее литературные отражения // Острова. Нью-Йорк, 2010. № 14. С. 7–18.

75. Интервью с библиографом Н. В. Гельфанд // Побережье. Филадельфия, 2010. № 19. С. 169–172. [Соавтор: Михалевич-Каплан И.]

2011

76. Пусть за меня все люди на свете живут. Памяти литературоведа Дины Таран // Побережье. Филадельфия, 2011. № 20. С. 230–238.

Примечания

¹ Сокращенный вариант. Полностью статья опубликована в качестве послесловия к книге: *Панченко И., Гамарник К.* Влюбленные в театр // InstantPublisher. соп. Филадельфия, 2014. С. 425–433.

Ирина Панченко (1939, Ярославль — 2009, Филадельфия), литературовед, критик, педагог, журналист, кандидат филологических наук, член Союза журналистов Украины. Окончила Киевский ун-т им. Т. Шевченко. Преподавала в различных учебных заведениях на Украине и в России. В США с 1997 г. Автор более 150 работ в области литературоведения и критики, опубликованных в газетах и журналах в России, на Украине, в США и Канаде.

Дочь И. Панченко Ксения Гамарник — художник, театровед, журналист. Родилась в Киеве, окончила факультет театроведения Киевского национального ун-та театра, кино и телевидения. С 1994 г. живет в Филадельфии. Сотрудничает с газетами и журналами в США, Канаде и на Украине. Имела персональные выставки в Киеве и Санкт-Петербурге, участница нескольких групповых художественных выставок в США. Работает в театральных студиях Филадельфии в качестве художника-сценографа. (*Здесь и далее примеч. ред.-сост.*)

² *Панченко И.* Музей русской поэзии в Вашингтоне // Русские евреи в Америке (далее — РЕВА). Кн. 1 / Ред.-сост. Э. Зальцберг и М. Пархомовский. Иерусалим; Торонто; М., 2005. С. 249–259.

³ *Гамарник К.* Театральные работы Шагала в США // РЕВА. Кн. 7 / Ред.-сост. Э. Зальцберг. Торонто; СПб., 2013. С. 197–224; *Ее же.* Витражных дел мастер // РЕВА. Кн. 8 / Ред.-сост. Э. Зальцберг. Торонто; СПб., 2013. С. 191–219; *Ее же.* Театральные работы Б. Анисфельда в России, Европе и США // РЕВА. Кн. 10 / Ред.-сост. Э. Зальцберг. Торонто; СПб., 2015. С. 189–239.

НАУКА

Две жизни **(Об А. А. Югове и О. И. Доманевской)**

Вадим Телицын (Москва)

Арон Абрамович Югов и Ольга Иосифовна (Осиповна) Доманевская — муж и жена, неординарные личности и неординарные судьбы... Неординарность во всем — во взглядах, позициях, отношениях к политическому моменту, текущему времени, к самим себе... Но обо всем по порядку.

Арон Абрамович Югов (настоящая фамилия Фрумсон) родился в 1886 году в Ростове-на-Дону. Среднее техническое образование получил в Одессе. В 18 лет порвал с купеческой семьей деда (отец Фрумсона умер, когда ему исполнилось четыре года) и начал самостоятельно зарабатывать на жизнь частными уроками.

Фрумсон рано включился в революционное движение, сперва в «Южно-русскую группу средних школ», а затем в социал-демократические организации. С 1903 года — член Российской социал-демократической рабочей партии, сторонник меньшевиков.

В 1907 году он переехал на жительство в Петербург, где, сдав экзамен за гимназический курс, поступил на юридический факультет со специализацией по вопросам экономики. Арон не оставил политической деятельности, был членом Донского, Донецкого, Одесского и Петербургского комитетов РСДРП (меньшевиков), редактором нелегальных, а затем легальных социал-демократических (меньшевистских) печатных изданий в Одессе, Петербурге, Саратове, Самаре, Москве. Окончить университет так и не смог, хотя в дальнейшем в анкетах указывал, что имеет высшее образование, поскольку несколько раз был арестован и административно высылался в Ригу, Харьков и Саратов.

Во время Первой мировой войны был мобилизован в армию, служил рядовым сначала на Западном, а затем на Кавказском фронте. После Февральской революции 1917 года был выбран представителем

русских войск, расквартированных в районе турецкого города Байбурт (северо-восток Анатолии), на Первый съезд солдатских депутатов (г. Тифлис).

Весной 1917-го демобилизовался (а попросту — самовольно покинул действующую армию), вел политическую работу в Москве. С мая 1917 по 1922 год — представитель меньшевиков в ЦИК Совета рабочих депутатов г. Москвы. Одновременно с июня 1917 года — редактор социал-демократического (меньшевистского) органа *Вперед* (Москва) и секретарь Московского комитета РСДРП (меньшевиков). В ноябре 1917-го был избран членом ЦК РСДРП (меньшевиков), а с 1918 года — генеральным секретарем меньшевистской партии.

Член правления Центрального рабочего кооператива, Московского потребительского общества «Москоммуна», где руководил деятельностью промышленных отделов. После реорганизации последнего решением Моссовета был назначен председателем правления Моссельпрома (занимался задачей восстановления пищевой индустрии Москвы), принимал участие в работе по организации Мосторга, Госбанка, Моссельторга.

Арестован 25 февраля 1921 года в Москве в меньшевистском клубе «Вперед», но вскоре был освобожден. Вновь арестован 7 ноября того же года, содержался в Бутырской тюрьме. В 1922 году с группой меньшевиков (Ф. И. Дан, Б. И. Николаевский и др.) был выслан за границу.

Вместе с ним была выслана его жена, Ольга Иосифовна Доманевская. Она родилась в 1885 году в местечке Свято-Троицкое Херсонской губернии. Окончив в 1903 году Херсонскую гимназию, поехала за границу и стала студенткой медицинского факультета Бернского университета (Швейцария). Увлечшись политикой, бросила учебу уже в конце 1904 года. Вернувшись в Россию в начале следующего года, обосновалась в Петербурге. Там вступила в РСДРП, примкнув к меньшевикам. Летом 1905-го была арестована (освобождена по амнистии), вновь арестована в 1906 году, выслана в Псков. Нелегально вернулась в Петербург, где по чужому паспорту училась с 1908 по 1913 год на юридическом факультете Высших женских (Бестужевских) курсов. После окончания курсов некоторое время жила в Риге, в начале Первой мировой войны переехала в Москву. С 1915 по 1919 год была секретарем (фактически — редактором) кооперативного журнала Центросоюза *Объединение*.

Во время войны стояла на позиции «антиоборончества» и была членом группы «Интернационал», связанной с заграничной группой Ю. Мартова, не входившей в меньшевистскую партию. После Февральской революции 1917 года эта группа объединилась с Московским

комитетом РСДРП (меньшевиков). Весной того же года Доманевская была избрана председателем партийного районного (Лефортовского) комитета и членом исполкома Лефортовского районного совета, членом Московского совета рабочих депутатов. В 1917 году она — редактор *Вестника* Московского экономического совета. В 1919 году вместе с рядом других меньшевиков была арестована и пробыла несколько месяцев в тюрьме.

Доманевская — сторонница так называемого «левого» течения меньшевизма, отстаивавшего идеи мировой революции. В 1920 году из-за разногласий с РСДРП по вопросу о создании «интернационального пролетарского центра» вышла из партии меньшевиков вместе с А. Я. Вышинским и Н. Н. Сухановым (первый стал впоследствии Генеральным прокурором СССР и одним из исполнителей массовых политических репрессий, второй — пал жертвой последних). Участвовала в сборнике «Вопросы социал-демократической политики» (Пг.; М., 1920), на страницах которого выступала с критикой большевизма, искажившего, по ее мнению, сам смысл социал-демократической теории «переустройства мира».

В 1921–1922 годах была заведующей революционно-издательским отделом Московского Совнархоза и редактором журнала *Московская промышленность*. В 1922-м вслед за мужем последовала в эмиграцию.

За границей (в Берлине) А. А. Югов некоторое время по поручению Моссовета решал вопросы снабжения учреждений и предприятий г. Москвы медицинскими принадлежностями, лекарствами, водопроводными счетчиками, машинами и станками, но вскоре по распоряжению торгпредства Советской России в Германии был отстранен от этой работы. Доманевская в первые месяцы эмиграции работала в издательском отделе торгпредства СССР и сотрудничала в советской периодике — *Вестнике финансов*, *Финансовой газете*, *Коммунальном хозяйстве*, но затем редакции этих изданий прекратили с ней переписку.

В Германии Югов был избран членом заграничной делегации РСДРП и назначен сотрудником журнала *Социалистический вестник*, на страницах которого скрупулезно анализировал состояние советской экономической политики¹. Одна из его работ была опубликована в начале 1990-х годов, когда шел поиск выхода страны из затяжного хозяйственного кризиса². Это свидетельство высокого профессионализма А. А. Югова как экономиста. Участвовал он и в международных конгрессах Социалистического Интернационала, проходивших в Гамбурге, Марселе, Брюсселе и Вене.

В 1925 году Доманевская восстановилась в РСДРП (меньшевиков), сотрудничала в *Социалистическом вестнике*, где публиковала статьи по

вопросам текущей политики, экономики, статистики и социалистических организаций различных стран (печаталась также под псевдонимом З. Эбер). В 1931 году была выпущена (на немецком и испанском языках) ее книга о коллективизации «Аграрный социализм в Советской России». В этой книге, а также в ряде статей конца 1920-х — начала 1930-х годов она представила очень оригинальный и аргументированный взгляд на колхозное движение в СССР.

Вот что она писала:

В конце 1927 г. становятся все явственнее процессы деградации сельского хозяйства — посевные площади уменьшаются, хлебозаготовки катастрофически сокращаются. На XV съезде ВКП(б) в декабре 1927 г. Сталин, указывая на отсталость темпа роста сельского хозяйства (по сравнению с промышленностью), увидел выход из положения в организации колхозов. Но рекомендовал проводить коллективизацию «постепенно». 1928 г., однако, принес дальнейшее ухудшение хлебозаготовок. Власть, в ответ, переходит в наступление: идет насильственное отнятие запасов, арест «злостных укрывателей» хлеба, конфискация имущества. Начинается и поспешное строительство колхозов. В итоге, чем острее становится продовольственный кризис, чем упорнее сопротивление крестьянства, тем все более убыстряется темп коллективизации. Несомненно, что часть крестьянства шла в колхозы, ценя положительные стороны объединения, вытекающие из покровительства государства колхозам. То обстоятельство, что государственные кредиты отпускаются преимущественно коллективам, что последние получали всевозможные льготы, что их в первую очередь поддерживали, — все это приманивало крестьянскую бедноту в колхозы. Но чтобы привлечь в них хозяйственно более крепкие слои деревни, большевикам приходилось прибегать к административному воздействию, к мерам экономического бойкота. Под этим давлением крестьянин-середняк часто не видел иного выхода, как стать колхозником, хотя вся его индивидуалистическая душа, вся его собственническая природа, жаждущая иметь свой кусок земли, на котором он мог бы сам хозяйничать, сам пахать хотя бы допотопным плугом, сопротивлялись. Хозяйственный середняк являлся для большевиков самой желанной фигурой, и к заманиванию его в колхоз прилагались всякие старания, на него воздействовали и кнутом, и пряником. Сложнее было в отношении кулака. Включение кулака в колхозное объединение в принципе отвергалось. Но кулак, вначале сопротивляющийся созданию колхозов, после их организации, в целях использования колхозных преимуществ, стремился проникнуть в колхоз, — что ему

обычно и удавалось. Сплошная коллективизация, которая должна была захватить не только целые деревни, но и районы, заставляла, однако, и советское правительство пересмотреть принципиальное отношение к вопросу о включении кулаков в колхоз. Часть советского руководства склонялась к тому, чтобы и кулакам дать место в колхозах. Правда, процент кулачества в колхозах был мизерным.

Колхозники вносили в коллектив лишь небольшую часть своего хозяйства, стремясь сохранить большую часть своего имущества в индивидуальном владении. Крестьянская душа расщеплялась. Но индивидуализм взял верх. Крестьянин, уделяя чрезвычайно мало внимания ведению колхозных дел, сосредоточивал свои заботы на не обобщественной части своего хозяйства. Мало того, что он не заботился о подъеме коллектива, но еще и использовал все экономические и агротехнические преимущества, финансовые средства колхозов для укрепления и расширения индивидуальной части своего хозяйства.

В итоге — во многих случаях государственные средства через колхозы перекачивались в индивидуальные хозяйства. Такова была диалектика развития: колхозы, призванные насаждать коллективистические начала, становились питательной средой для индивидуального хозяйства. Советское правительство пыталось бороться с этими процессами разбазаривания колхозных средств и колхозного накопления путем создания неделимых фондов. Но здесь встречалось столь решительное сопротивление всех участников колхозов, что власть в этом направлении долго не могла достичь сколько-нибудь ощутительных результатов. В этом своеобразном процессе использования колхозов была важна политическая сторона дела: наблюдая политику власти в деревне и реакцию крестьянства на нее, становился понятным, что без этой возможности сопротивление крестьянства «социалистическим» мероприятиям власти было бы еще во много раз решительнее и ожесточеннее. Все эти условия препятствовали созданию колхозов как экономически целесообразных предприятий. Государственные кредиты — главная приманка создания колхозов. Смысл всего колхозного движения заключался именно в том, чтобы активизировать средства отдельных хозяйств. Преимущественно — бедняцкий состав колхозов, с одной стороны, и процессы перекачки средств из коллективного сектора в индивидуальный, с другой, препятствовали созданию экономической базы и консолидации колхозов. Колхозы в массе своей оставались мелкими, хозяйственно-слабыми образованиями. Такие колхозы не могли использовать всех преимуществ крупного хозяйства и высокой техники, и очень легко распадались³.

По постановлению ВЦИК СССР, в 1932 году Югов и Доманевская в числе других меньшевиков были лишены советского гражданства.

В 1933 году, после прихода к власти в Германии нацистов, супруги Юговы перебрались во Францию. В Париже с 1935 по 1940 год они издавали статистический социально-экономический еженедельник *Documentation de statistique sociale et economique (DOSSE)*, на страницах которого анализировали социально-экономическую ситуацию в Западной Европе и предупреждали о взрывоопасности последней. Однако большую часть времени чета Юговых посвящала политике.

Накануне Второй мировой войны разногласия между меньшевиками особенно обострились. По всем основным вопросам международной жизни, и особенно в отношении проблем предстоящей войны и политики СССР, позиции между различными группами меньшевиков-эмигрантов были диаметрально противоположны⁴. Ф. И. Дан (председатель заграничной делегации РСДРП) и А. А. Югов (ее генеральный секретарь) порвали с *Социалистическим вестником* и создали в начале 1939 года журнал «левых русских социалистов», издававшийся в Париже под названием *Новый мир*, а затем в Нью-Йорке как *Новый путь*, ставящий своей задачей «борьбу за единство международного пролетариата на революционной и социалистической программе и за всемирную поддержку Советского Союза»⁵.

В США Югов и Доманевская отправились в мае 1940 года, когда стало понятным, что Франция капитулирует перед нацистской Германией.

В Нью-Йорке супруги Юговы жили в крошечной квартире на 133-й улице, вблизи Гарлема. На лучшую квартиру у них не было денег. «Кабинет» О. И. Доманевской располагался напротив «кабинета» А. А. Югова. «Кабинетами» были маленькие полутемные комнаты, заваленные книгами и газетами. Горы советских и американских газет, журналов, справочников высились и по обеим сторонам узкого коридора. В крошечной кухне с газовой плитой и без холодильника трудно было повернуться, поскольку все свободное пространство также было отдано библиотеке. Другим источником информации служил маленький радиоприемник. Такова была спартанская обстановка семьи Юговых.

Жили они чрезвычайно скромно, буквально на гроши, которые получали от журналистской и публицистической деятельности. Положение немного облегчилось, когда они начали получать пенсию по старости. (Удивительная эта страна — США, пенсию от государства получали те, кто много лет критиковал ее социально-экономические основы!)

Будучи в США, Юговы продолжили и свою политическую деятельность. Однако от нейтрального восприятия советской власти они

перешли к ее восхвалению. Убедившись, что глубокие принципиальные разногласия отделяют их даже от левого крыла социал-демократии, супруги в апреле 1942 года начали сотрудничать в канадской газете *Вестник* (Торонто), а также в нью-йоркском *Русском голосе*, стоявших на просоветских позициях. Они выступали не только по проблемам экономики Советского Союза, Западной Европы и США, международной политики, разоружения и социалистического движения в мире⁶. Юговы считали возможной эволюцию советского режима в сторону демократии, выступая за синтез идей социализма и коммунизма. Публиковались они много, но это уже были не те исследования, которые говорили об авторах как о специалистах в сфере экономики или социальной политики. Это были банальные панегирики СССР, имеющие мало общего с реальностью.

В июле 1942 года Доманевская впервые обратилась через полпредство в Вашингтоне в Президиум Верховного Совета СССР, «представляя себя в его распоряжение для возможного использования в деле обороны СССР». На это заявление она ответа не получила. 20 апреля 1945 года через консульство СССР в Нью-Йорке было подано повторное заявление с просьбой о восстановлении советского гражданства и о разрешении вернуться в Советский Союз. Бесспорно, муж полностью разделял позицию Ольги Иосифовны.

Перелом в мировоззрении Юговых пришелся на время Второй мировой войны, ее заключительного этапа. Это, впрочем, не было чем-то из ряда вон выходящим. (Вспомним П. Н. Милюкова и его «смену вех».) О. И. Доманевская полностью перешла на просоветские позиции, полагая, что естественным союзником левой социал-демократии, к которой она себя причисляла, являются коммунисты. Доманевская заявляла, что целью «англо-американского блока» является противодействие окончательной ликвидации нацизма и фашизма в Германии и Западной Европе в целом. Она стремилась доказать, что в американской зоне оккупации Германии «до сих пор не разрушена та экономическая база, которую фашизм может использовать для восстановления своего военного могущества». Таким образом, О. И. Доманевская пыталась сформировать у читателя мнение, что политический курс США в Германии определялся не задачами борьбы с нацизмом, а интересами американских промышленников, связанных с германской индустрией⁷.

Примерно о том же писал еще в годы Второй мировой войны и А. А. Югов⁸.

После окончания войны Югов и Доманевская пришли к выводу, что дальнейшее существование *Нового пути* как русской группы и журнала

на русском языке лишено смысла. В декларации от 4 июня 1946 года редакция *Нового пути* рекомендовала единомышленникам «во всех странах всемерно помогать социалистическому строительству Советского Союза, содействуя политическому сотрудничеству международного рабочего движения с советским социализмом». 11 марта 1947 года было принято решение прекратить издание *Нового пути* и ликвидировать группу⁹.

Уроки русской революции, политическое банкротство социалистического движения Европы, предвоенные и послевоенные события побудили Югова «решительно пересмотреть свои политические взгляды и осознать теоретически решающую роль Советского Союза в исторической миссии по ликвидации “старого порядка” во всем мире»¹⁰. Следующий шаг Югова и Доманевской был предсказуем.

Еще в 1946 году, когда было издано постановление Верховного Совета СССР (от 14 июня), по которому бывшим гражданам предоставлялась возможность получить вновь советское гражданство, *Новый путь* специальной статьей всемерно приветствовал это решение советского правительства. 25 июля 1948 года Югов и Доманевская подали через Генеральное консульство СССР в Нью-Йорке просьбу в Верховный Совет СССР о восстановлении советского гражданства и разрешении вернуться в Советский Союз.

В обращении Югов, в частности, написал:

*Опыт моей работы показал на практике, что по всем основным вопросам современной напряженной жизни мои взгляды находятся в полном соответствии с политикой, которую осуществляет правительство СССР. Руководящим принципом моей позиции сделалось глубочайшее убеждение, что в нашу эпоху имеются лишь два лагеря: социалистическо-советский и реакционно-капиталистический*¹¹.

В Генеральном консульстве СССР в Нью-Йорке Югов и Доманевская получили разъяснение, что на русских, проживающих в США, постановление о предоставлении советского гражданства эмигрантам не распространяется, но что консульство надеется получить соответствующие распоряжения.

В 1951 году по указанию консульского отдела Посольства СССР в Вашингтоне Югов и Доманевская вновь повторили просьбу разрешить им вернуться в Советский Союз и «дать возможность принять участие в социалистической работе в той области, где они могут применить свои силы и свои знания наиболее целесообразно»¹².

Из переписки Советского посольства в США и МИД СССР

Посольство СССР в США
Г. Вашингтон.
Секретно, Копия экз. ...
30 ноября 1951 г. Исх. № 680

Начальнику консульского управления МИД СССР
тов. Власову А. П.

В настоящее время Югов (Фрумсон) Арон Абрамович активно сотрудничает в прогрессивной газете на русском языке *Русский голос*, издающейся в Нью-Йорке.

В своих статьях, публикуемых в газете примерно один раз в неделю, Югов освещает в американской прессе экономическое и политическое положение в США.

Так, например, за последние два месяца в газете было опубликовано девять его статей на следующие темы: экономическое положение в США; милитаризация экономики США и обнищание трудящихся; отрицательное влияние США на экономику «маршаллизованных» стран; критика военной пропаганды США в связи с антисоветской статьей в журнале *Кольерс*; успехи мирного строительства в СССР и др.

Кроме того, Югов довольно много выступал в клубах прогрессивных русских организаций с лекциями о Советском Союзе и его мирной политике.

Все печатные и устные выступления Югова правильно отражают затрагиваемые им вопросы и свидетельствуют о его прогрессивном настрое и дружественном отношении к СССР.

По имеющимся данным, Югов принимает участие в митингах и собраниях, организованных прогрессивными организациями в городе Нью-Йорке.

Являясь по образованию экономистом, Югов внимательно следит за экономической литературой, выпускаемой Советским Союзом, в частности за журналом *Вопросы экономики*. По его словам, в работах советских экономистов правильно излагаются глубокие теоретические положения, однако они не всегда подтверждаются убедительным и конкретным анализом экономики США, что, по его мнению, объясняется отсутствием у советских экономистов достоверных данных об американской экономике.

По заявлению Югова, он продолжает собирать и анализировать материалы по экономике США, однако оформить их он в виде книги сейчас еще не может из-за недостатка времени.

Его жена — Югова (урожденная Доманевская) О. И. периодически привлекается для технической работы в редакции газеты *Русский голос*. Югов и его супруга неоднократно обращались к нам с просьбой об ускорении рассмотрения их ходатайства о советском гражданстве.

Посол СССР в США (А. Панюшкин)
10.12.1951.

Секретно. Экз. 2. 29 дек. 1951.

Заместителю Министра иностранных дел СССР
тов. Громыко А. А.

В Президиуме Верховного Совета СССР имеются ходатайства о приеме в гражданство СССР Югова (Фрумсона) Арона Абрамовича и его жены Юговой, урожд. Доманевской, Ольги Иосифовны, проживающих в США.

В связи с последними данными, поступившими в отношении Юговых от посла СССР в США т. Панюшкина А. С., просим Вас сообщить, остается ли в силе мнение МИД СССР по ходатайству названных лиц.

Секретарь Президиума Верховного Совета СССР (А. Горкин)
Верно (В. Филин)

МИД СССР. Отд. Консульское управление

Секретно

Экз. 1

№ КУ-1-179683-239

7.1.1952.

Секретарю Президиума Верховного Совета СССР
тов. Горкину А. Ф.

На ваше письмо от 29 дек. 1951 г.

МИД СССР подтверждает свое прежнее отрицательное заключение по ходатайствам о приеме в гражданство СССР Югова (Фрумсона) Арона Абрамовича и Юговой (урожденной Доманевской) Ольги Иосифовны (письмо МИД СССР № 257 от 19.2.1951 г.).

Вместе с тем, МИД СССР считает целесообразным решение по ходатайствам Юговых согласовать с ЦК ВКП(б).

Зам. мин. МИД СССР (А. Громыко)

СПРАВКА

По ходатайствам о приеме в гражданство СССР Югова А. А. и Юговой О. И.

Югов (Фрумсон) Арон Абрамович, рождения 1886 г., уроженец г. Ростова-на-Дону, еврей, из купеческой семьи, с высшим образованием, по профессии — журналист, проживает в США, лицо без гражданства. <...>

В СССР проживали брат и сестра Югова А. А., о которых он сведений не имеет¹³, в США проживает его сестра.

Посольство СССР в США не поддерживает ходатайство Юговых о производстве в советское гражданство, однако сообщает, что Югов активно сотрудничает в прогрессивной газете *Русский голос*, все его печатные и устные выступления правильно отражают затронутые вопросы и свидетельствуют о его прогрессивных настроениях и дружественном отношении к СССР.

Министерство иностранных дел (т. А. Громыко) считает целесообразным отклонить ходатайство Югова А. А. и Юговой О. И. о производстве в гражданство СССР, учитывая их подрывную контрреволюционную деятельность в прошлом.

В. Филин.

Секретно

Ходатайство Югова А. А. и Юговой О. И., проживающих в США, о приеме их в гражданство СССР.

Дело БК-172.

Отклонить ходатайство Югова А. А. и Юговой О. И., проживающих в США.

Председатель Президиума Верховного Совета СССР

Н. Шверник

Секретарь Президиума Верховного Совета

А. Горкин

В Президиум Верховного Совета СССР

Вносится предложение, во изменение постановления Президиума Верховного Совета СССР от 19 марта 1952 (прот. № 18, п. 118), удовлетворить ходатайства Югова А. А. и Юговой О. И. о приеме их в гражданство СССР.

Проект Указа Президиума Верховного совета СССР по данному вопросу прилагается.

Секретарь Президиума Верховного Совета
А. Горкин.

Указ Президиума Верховного Совета СССР
О приеме в гражданство Советского Союза
Югова (Фрумсона) Арона Абрамовича и Юговой Ольги Иосифовны.

Принять в гражданство СССР, в соответствии с возбуждением ходатайства:

Югова (Фрумсона) Арона Абрамовича, 1886 года рождения, уроженца города Ростова-на-Дону, проживающего в США.

Юговой Ольги Иосифовны, 1885 года рождения, уроженки б[ывшей] Херсонской губернии, проживающей в США.

Председатель Президиума Верховного Совета Советского Союза
Н. Шверник
Секретарь Президиума Верховного Совета
А. Горкин.

Москва, Кремль. 5 апр. 1952¹⁴.

Однако, как ни странно, супруги Юговы не воспользовались правами советского гражданства и не уехали в СССР. Они предпочли остаться в США, «указав, что могут лучше послужить прогрессивному движению журналистской работой в Америке»¹⁵.

10 февраля 1954 года А. А. Югов скоропостижно скончался в Нью-Йорке. В последние годы жизни он сотрудничал с изданиями *Soviet Russia Today* и *New World Review*.

О. Доманевская, оставшись в Нью-Йорке, продолжала публицистическую деятельность, остро (просоветски) реагируя на события международной жизни: холодную войну, войны в Корее и Вьетнаме, выход Китая из социалистического лагеря. Будучи официальной корреспонденткой *Вестника* в ООН, она освещала деятельность этой международной организации, была близко знакома с чрезвычайным и полномочным послом СССР в США Г. Н. Зарубиным (1952–1958) и с первым заместителем министра иностранных дел СССР А. А. Громыко, приглашалась в советскую миссию при ООН на официальные торжества.

Ольга Иосифовна была «человеком мысли, но физически — слабой: маленькой, худенькой, с постоянной доброй улыбкой на лице. Казалось, подует ветер, и она полетит от его дуновения. Но сколько силы было в ее хрупком теле, сколько железной настойчивости и непоколебимых убеждений!»¹⁶.

Последние десять лет жизни О. И. Доманевская тяжело болела, сдавало сердце. Она перенесла несколько сложных операций и не поддавалась смерти только благодаря беспримерной силе воли, упорному стремлению продолжать публиковаться в торонтском *Вестнике* и нью-йоркской газете *Русский голос*.

Незадолго до кончины она просила своих друзей, чтобы после ее смерти они не посылали телеграмм соболезнования и цветов. Скончалась Ольга Иосифовна 11 апреля 1974 года.

История семьи Юговых, втянутых в политическую историю России, показывает, что даже такие образованные, знающие и бескорыстные люди, как Арон Абрамович и Ольга Иосифовна, совершенно искренне и без всякого принуждения верили в несбыточные идеи и шли на поводу у советской пропаганды.

Примечания

¹ Югов А. А. Еще о пятилетке // Социалистический вестник. 1931. 9 мая. № 9. С. 3–8; *Его же*. Новое раскулачивание // Социалистический вестник. 1931. 9 февраля. № 3. С. 3–4; *Его же*. Что останется? (госиндустрия и коллективизация) // Социалистический вестник. 1932. 30 апреля. № 8. С. 11–14; *Его же*. Еще о коллективизации // Социалистический вестник. 1932. 26 сентября. № 17–18. С. 15–19; *Его же*. Краткий ответ // Социалистический вестник. 1932. 12 ноября. № 21. С. 12–13.

² Югов А. А. Индустриализация и проблема капиталов // НЭП. Взгляд со стороны: Сборник / Сост. В. В. Кудрявцев. М.: Московский рабочий, 1991.

³ Доманевская О. О колхозном строительстве // Социалистический вестник. 1929. № 20. С. 5–8.

⁴ Из архива Б. И. Николаевского. Переписка с И. Г. Церетели 1923–1958 гг. Вып. 2: Письма 1931–1958. М.: Памятники исторической мысли, 2012. С. 54, 78, 92, 103.

⁵ Доманевская О. О политике внутренней и внешней // Новый мир. Париж, 1940. № 2. С. 23–37.

⁶ Доманевская О. Где настоящая демократия // Вестник. Торонто, 1944. 12 августа; *Ее же*. В единстве сила // Вестник. Торонто, 1944. 23 декабря; *Ее же*. Проблемы мира // Вестник. Торонто, 1945. 29 сентября, и др.

⁷ Доманевская О. Проблема Германии // Вестник. Торонто, 1946. 9 января.

⁸ *Yugov, A. Russia's economic front for war and peace.* London, 1941 (переиздание: New York, 1942).

⁹ ГАРФ. Ф. Р-7523. Оп. 68. Д. 522. Л. 9.

¹⁰ Там же.

¹¹ Там же. Л. 10.

¹² Там же. Л. 11.

¹³ Брат — Ростовский Николай Абрамович (Фрумсон Нохим, 1873, Ростов-на-Дону — 1949, Ленинград), артист оперы. Сестра — Розенгольц Клара Абрамовна (Фрумсон Цивья, 1870, Ростов-на-Дону — 1961, Москва), художница. Племянница — Левина-Розенгольц Ева Павловна (1898, Витебск — 1975, Москва), художница. Племянники — Розенгольц Аркадий Павлович, нарком внешней торговли СССР (1889, Витебск — 1938, расстрелян), Розенгольц Герман Павлович (1895–1959), микробиолог, заведующий кафедрой Пермского медицинского института, директор Пермского бактериологического института. В декабре 1937 г. был арестован и приговорен к десяти годам лишения свободы, реабилитирован в 1955 г.

¹⁴ ГАРФ. Ф. Р-7523. Оп. 68. Д. 522. Л. 14, 19, 20, 21, 23, 24, 30, 31. СПРАВКА. По ходатайствам о приеме в гражданство СССР Югова А. А. и Юговой О. И.

¹⁵ *Ясный М.* Памяти О. Доманевской // Вестник. Торонто, 1974. 4 мая.

¹⁶ Там же.

Об авторах и редакторах

Дмитрий Волошин — журналист, работал в московских изданиях. В США с 1993 года, работал в трех русско-американских еженедельниках. Сейчас живет в Нью-Йорке, сотрудничает с рядом нью-йоркских газет и журналов.

Джоан Грин (Joann Green) — основательница и художественный руководитель Кембриджского ансамбля (The Cambridge Ensemble), ставившего пьесы и камерные оперы. Работала также в Американском Репертуарном театре (The American Repertory Theater), Бостонской Шекспировской компании (The Boston Shakespeare Company), Американском Национальном театре при Кеннеди Центре (The American National Theater at the Kennedy Center) и преподавала режиссуру в ряде университетов. За заслуги в области режиссуры была удостоена награды бостонских критиков. Является автором «Малого театрального путеводителя» («*The Small Theatre Handbook*»).

Игорь Ефимов (род. 1937, Москва) — писатель, философ, издатель. Эмигрировал в 1978 году, живет с семьей в США (Пенсильвания). Автор 12 романов, среди которых «Зрелища», «Архивы Страшного суда», «Седьмая жена», «Пелагий Британец», «Суд да дело», «Новгородский толмач», «Неверная», «Обвиняемый», а также философских трудов «Практическая метафизика», «Метаполитика», «Стыдная тайна неравенства», «Грядущий Атилла» и книг о русских писателях «Бремя добра» и «Двойные портреты». В 1981 году основал издательство «Эрмитаж», которое за 27 лет существования выпустило 250 книг на русском и английском языках. Преподавал в американских университетах и выступал с лекциями о русской истории и литературе. Почти все книги Ефимова, написанные в эмиграции, были переизданы в России после падения коммунизма. В 2012 году в Москве были опубликованы его воспоминания в двух томах «Связь времен». См.: www.igor-efimov.com.

Виктория Журавлева — доктор исторических наук, профессор кафедры зарубежного регионоведения и внешней политики РГГУ, руководитель Научно-образовательной программы по американистике РГГУ, заместитель заведующего Отделением международных отношений и зарубежного регионоведения ИАИ РГГУ. Область научных интересов — история и имагология российско-американских отношений, история и внешняя политика США. Автор монографии «Понимание России в США: образы и мифы» (М., 2012), книги для чтения «Всемирная история XX в.» (в соавторстве с И. И. Долуцким), составитель, комментатор и переводчик трех разделов в сборнике документов «Россия и США: дипломатические отношения 1900–1917» (М., 1999); научный редактор и составитель двуязычных сборников статей: «Российско-американские отношения в прошлом и настоящем: образы, мифы, реальность» (М., 2007); «Россия и США на страницах учебников: опыт взаимных репрезентаций» (соредактор И. И. Куриллы; М., 2009); «Авраам Линкольн: уроки истории и современность» (М., 2010). Автор многочисленных статей в российских и американских научных журналах.

Эрнст Зальцберг (род. 1937, Ленинград, ныне Санкт-Петербург). Окончил Ленинградский горный институт в 1960 году и Ленинградскую консерваторию в 1967 году. Кандидат геолого-минералогических наук (1971). Автор многочисленных статей и книг в области гидрогеологии. Опубликовал ряд статей о выдающихся исполнителях и российских деятелях культуры в газетах *Новое русское слово* (Нью-Йорк), *Экзодус* (Торонто), американских и английских журналах *Clavier*, *Journal of the Conductor Guild*, *East European Jewish Affairs*, *Strad*, а также в сериях «Евреи в культуре русского зарубежья» и «Русские евреи в зарубежье», изданных Научно-исследовательским центром «Русское еврейство в зарубежье» (научный руководитель — М. Пархомовский). Автор книги «*Great Russian Musicians: From Rubinstein to Richter*» (Oakville: Mosaic Press, 2002). Редактор-составитель и спонсор сборников «Русские евреи в Америке».

Готтфрид Крац (Gottfried Kratz) — научный сотрудник библиотеки университета в г. Мюнстере (Германия). Иностраннный член редколлегии московского научного журнала *Библиография*, член Бюро Секции книги Дома ученых РАН в Москве. Автор многочисленных работ о культурных связях между Германией и Россией, прежде всего в книгоиздательском деле. Автор работы о гродненском земляке Осипа Дымова Павле Бархане («Тень Тургенева» над стольшпинской Россией. Павел Бархан и его немецкая книга «Петербургские ночи» // Тургеневские чтения. Т. 4. М., 2009. С. 249–271; <http://www.turgenev.ru/book/turgsbor4.pdf>).

Илья Куксин — инженер-гидролог, кандидат технических наук. Работал в НИИ Арктики и Артарктики и в Институте водных проблем АН БССР.

Автор около 300 научных публикаций по инженерной гидрологии, использованию и охране водных ресурсов. Публиковался также в исторических и энциклопедических изданиях Белоруссии. В США с 1990 года. Принимал участие в ряде научных проектов. Со второй половины 90-х годов публикуется в русскоязычных журналах и газетах США. Автор статей о выходцах из России, принесших мировую славу Америке, — Ипатьеве, Сикорском, Зворыкине, Тимошенко, Леонтьеве. Опубликовал материалы о единственном русском генерале, герое Гражданской войны в США, бывшем полковнике Генштаба российской армии И. В. Турчанинове (в Америке его называли Джон Базил Турчин), о пребывании адмирала Макарова и его сына в Америке.

Хана Кунелт (Hana Kühnelt) родилась в Чехии. Окончила Венский университет в 2010 году, в 2013 году защитила в этом же университете диссертацию «Die russischen Mäzene im Exil: Literatur und Kunst im Kreis der Familien Cetlin und Pregel» («Российские меценаты за рубежом: литература и искусство в кругу семей Цетлиных и Прегель»). Живет в Вене.

Гейл Левин (Gail Levin) — почетный профессор Нью-Йоркского университета. Признанный знаток творчества американского художника-реалиста Э. Хоппера, которому посвящены многие ее публикации, включая каталог-резоне и монографию «*Edward Hopper: An Intimate Biography*». Работы Левин о современной живописи принесли ей международное признание и опубликованы во многих странах. Занимается также творчеством американских художниц еврейского происхождения. Ее последняя работа, посвященная Терезе Бернштейн (1890–2002), включает монографию, обширный вебсайт и передвижную выставку работ художницы. Художественные работы Левин (фотографии, коллажи) неоднократно демонстрировались на выставках. Ее обзорная выставка коллажей под названием «Не стоит быть художником» была показана в мае 2014 года в Национальной Ассоциации художниц-женщин.

Анатолий Либерман (род. 1937, Ленинград, ныне Санкт-Петербург) — доктор филологических наук. В США с 1975 года, профессор Миннесотского университета. Основные области исследования: языкознание, средневековая германская и русская литература, фольклор, поэтический перевод. Автор около 500 публикаций, в том числе 16 книг.

Мария Мишуровская (род. 1972, г. Жуковский, Московская обл.). В 1995 г. окончила Московский государственный университет культуры. Работала библиографом в Российской государственной детской библиотеке (Москва). В 2001 году окончила филологический факультет Московского педагогического университета. Работала обозревателем

Издательского дома «Иностранец». С 2003 года — заведующая отделом образования за рубежом и в России (ИД «Иностранец»). С 2009 года — главный библиограф отдела научной библиографии Российской государственной библиотеки искусств; руководитель библиографического проекта «М. А. Булгаков» (с 2010 года по настоящее время). Редактор-составитель аннотированного библиографического указателя «Михаил Булгаков в периодике русского зарубежья. 1922–1940» (М., 2012). В 2014 году — куратор выставки «Белая гвардия» Михаила Булгакова и издательские интриги 20-х гг.» (Музей Булгакова, Москва). Автор ряда публикаций, посвященных судьбе романа «Белая гвардия» и пьесы «Дни Турбиных» за рубежом. Сфера научных интересов: распространение и сценическое воплощение текстов.

Марина Новак родилась в г. Казани (Татарская автономная республика бывшего СССР). После окончания средней школы поступила на факультет журналистики Ростовского государственного университета (РГУ). В 1980-х годах работала корреспондентом газеты *Социалистическая Осетия* (г. Владикавказ). В 90-х годах поступила в аспирантуру РГУ. Во время обучения была отправлена на стажировку в США, где заинтересовалась судьбами русской эмиграции и историей ее печати. После возвращения в Россию защитила кандидатскую диссертацию на тему «Газета *Новое русское слово* (Нью-Йорк, США), 1910–1995 гг. История и типология». В начале 2000-х годов обучалась в Школе журналистики государственного университета штата Айдахо, затем стажировалась на радиостанции «Голос Америки» и в газете *Утро* (США).

В настоящее время работает в Институте филологии, журналистики и массовой коммуникации Южного Федерального университета (Ростов-на-Дону, Россия). В сферу научных интересов входит изучение истории печати русской эмиграции, а также проблемы межкультурных и межнациональных коммуникаций.

Ирина Обухова-Зелиньска (Польша) — кандидат искусствоведения. Родилась в Москве, с 1988 года — в Варшаве, с 1991 года работала в Германии, Швейцарии, Москве, Иркутске. Автор более 80 публикаций. С 1995 года — постоянный автор выпусков «Русские евреи в зарубежье» (девять статей), где с 2000 года редактировала отдел театра и искусства. Автор очерков и соредатор книги «Евреи России в зарубежье. Очерки истории» (2008, гл. ред. М. Пархомовский). С 2000 года — руководитель издательско-исследовательского проекта «Юрий Анненков, жизнь и творчество», который включает подготовку к изданию (составление, перевод, комментарии) четырех книг, выпуск бюллетеня «Вопросы анненковедения» (вышло 84 номера). С 2001 года — председатель Общества друзей Анненкова. Куратор и переводчик польской версии научно-художественного

издания «Пинакотека» (2005), подготовленного в рамках государственно-го проекта «Москва – Варшава, Варшава – Москва». Эксперт Фонда им. Д. С. Лихачева (СПб.).

Вадим Скуратовский (род. 1941, с. Бакланова-Муравейка, Украина) — доктор искусствоведения, профессор кафедры телережиссуры Национального университета театра, кино и телевидения им. И. К. Карпенко-Карого, действительный член Академии искусств Украины. Окончил романо-германский факультет Киевского университета им. Т. Г. Шевченко. Автор восьми книг, более тысячи научных и литературно-критических статей по русской, украинской и западной литературе, киноведению и культурологии. Член инициативной группы «Первого декабря», в которую входят десять видных мыслителей и интеллектуалов Украины: ученых, писателей, диссидентов, религиозных деятелей.

Вадим Телицын (род. 1966). В 1990 году окончил исторический факультет Уральского государственного университета. Работал в Институте истории и археологии Уральского отделения Российской академии наук (РАН, Екатеринбург), Институте экономики РАН, Институте российской истории РАН (Москва). С 1990 года — научный сотрудник Российской академии наук (РАН). Доктор исторических наук, профессор. В настоящее время — ведущий научный сотрудник Института всеобщей истории РАН и старший научный сотрудник Библиотеки-фонда «Русское зарубежье». Автор и автор-составитель более 30 научных и научно-популярных книг. Сфера научных интересов: история России конца XIX — первой половины XX века, русские революции и Гражданская война, история русской эмиграции. Живет в Москве.

Марк Уральский (род. 1948, г. Новокузнецк) — поэт, прозаик. Автор книг «Немухинские монологи. Портрет художника в интерьере» (М.: Бомфи, 1999); «Камни из глубины вод» (М.: Алетейя, 2007); «Избранные, но незванные. Историография независимого художественного движения» (СПб.: Алетейя, 2012); «Небесный залог. Портрет художника в стиле коллажа» (М.: Вест Консалтинг, 2013). С 1992 года живет в Германии. См.: www.mark-uralski.de

Именной указатель

- А**
Абель Лайонел 201
Абрамович Р. А. 33, 57
Абрахам П. 233
Авербух М. и С. 272
Аверченко А. Т. 28, 222
Авксентьев Н. Д. 34, 58
Агранович-Слободкина Ита Львовна 197
Адамович Г. 28, 31, 56, 57, 126
Адлер Лютер 191, 195
Адлер С. 71
Адлер Сара 178, 193, 195
Адлер Стелла 171, 191, 193
Адлер Яков 193, 195
Айснер Лотте 260
Аист Татьяна 270
Айхенвальд 28
Аксельрод Д. 162
Аксенов В. 38, 46
Аксенов-Меерсон Михаил, прот. 59
Алданов М. А. 33, 40
Алекин Б. А. 231
Александр II 62, 65, 66, 91
Александр III 66–69, 71, 82, 83, 86, 91, 93, 96, 109
Алексей, царевич 206
Алешковский Ю. 38, 46
Алл (Дворжицкий) Н. Н. 30, 56
Альперович Александр 242
Альтшул(л)ер Г. И. 33, 57
Альтшул(л)ер И. Н. 57
Амурский Виталий 158, 161
Андропов Ю. 49
Анисфельд Б. 263, 275
Анненков Ю. 293
Апдайк Джон 215
Аргус (псевд. Железнов, наст. Айзенштадт или Эйзенштадт) М. К. 31, 37, 42, 56, 57
Арцыбашев М. П. 227
Астахова А. 271
Ауслендер Роза (наст. Шерцер Розалия) 259
Ахматова А. 149
Аш Шолом 187, 195, 223, 239
Ашкенази Фелиция 252, 253
- Б**
Бакст Н. И. 89
Бакунин М. 10
Балабанов Н. 240
Балазовский А. С. 268, 274
Балтман Фриц 218
Бар Герман 245
Баранова М. Н. 222
Баратов (Бреннер) П. Г. 227, 240
Баратынский Е. А. 150
Барр А., мл. 202
Барри Дж. 195
Бархан Павел 291
Барышников М. 151
Батшев В. 161
Бах И.-С. 193

- Бахметьев Б. А. 23, 238
Бахрах А. В. 34, 58
Баш Ф. 252
Бейард Т. Ф. 76, 121
Бейли Т. 68
Бейлис М. 72
Белинков Аркадий 265, 266, 273
Берг Гертруда 191, 195
Бердников Л. 272
Берёзов Радион 37
Берковичи Конрад 187
Берлин М. Е. 57
Берлин П. А. 33
Бернар Сара 178, 179, 194
Бернс Джули 193
Бернстайн Л. 131, 139, 188
Бернштейн Тереза 292
Берхеймер Дж. Л. 94, 95
Бёрчфилд Чарльз 212
Бетховен Л. 193
Биншток В. Л. 241
Бирински Карна 248
Бирински Л. 6, 246–249, 257
Бицилли П. М. 59
Блейн Дж. Г. 64, 71, 87, 88, 93, 114, 118, 119
Блисс Лили 202
Блок А. 155
Боброва (урожд. Рунг) Э. И. 5, 163–167
Богатырева Софья 161
Болотовский Илья 205, 208, 210, 213, 214, 217
Бородин Н. А. 72
Боткин П. С. 90, 91
Браиловский А. Я. 30, 56
Бранзбург М. Л. де 33, 58
Браун Байрон 210
Брежнев Л. 136, 137
Брейнер Чарльз 130
Брекинридж К. Р. 109
Бриггман Дж. 203
Брик (урожд. Коган) Л. 271
Бродский И. 38, 43, 46, 48, 145, 148–151, 153, 154, 156, 157
Броневский 223
Брук Е. 162
Брут 12
Брюсов В. 56, 272
Будницкий О. В. 56, 113
Булатов И. Ф. 226
Булгаков М. 220, 227, 228–232, 240–242, 270, 293
Бунин И. 27, 28, 31, 36, 40, 42, 43, 55, 60, 155, 225, 274
Буравцев М. 235
Буравцева Е. 235
Бурлюк Д. 197, 220, 230, 232, 243
Бухараев Равиль 161
Бухарин Н. 25
Бухбиндер Н. А. 120
Быков Д. 157
Бялик Х. Н. 171, 182
- В**
Вайль П. 38, 46, 61
Вайнберг В. 27, 38, 43, 55, 60
Вайнер Г. 49, 50, 61
Вайнер Ли 193
Ван Гог В. 202
Вартон У. Ф. 118, 119
Варшавский В. С. 34, 58
Василева Р. 238
Васильев Б. 235
Ватсон Форби 212
Вебер Дж. 85, 86, 89–91, 93, 96
Вебер Макс 212
Вега Мария 273
Вейдле В. В. 34, 58
Вейнбаум М. Е. 19–22, 27–31, 33–38, 41, 42, 52–55, 57–59
Вейнстейн Джордж 172
Вейнсток Г. 91
Веир Д. А. 201
Вейс Клара 172
Вейс-Красснер Хана (Анна) 197
Вейцман М. 158, 161
Вели Джей 182, 194
Веллер М. 161

- Вениамин (Федченков И. А.), митрополит 41, 60
Вернадский В. 59
Вертов Дзига (Кауфман Давид) 131, 140
Веселовский А. 51, 61
Визель Эли 137, 138
Викторов 223
Вилламов Г. 69
Вильжински М. 64, 66
Вильчур М. Е. 26, 27, 54, 55
Вине Р. 252
Винигер (Виннигер) С. 250, 259
Винниченко В. К. 224, 226
Вишневская Галина 270
Вишняк М. В. 33, 58
Вогель Д. 210, 211, 219
Войнович В. 38
Волковский Н. М. 231
Волошин Д. 5, 158, 159, 161, 290
Волошин М. 224, 239
Волфе Джудит 217
Волынец А. Н. 221
Вольф С. 102
Вонно Р. 201
Восков Г. 151
Вронский В. М. 222, 226
Вуд Сэм 255, 261
Вули Монти 182, 193
Вуртс Дж. 85, 118
Высоцкий В. 37, 59
Вышинский А. Я. 278
- Г**
Гавин 136
Гай Давид 158, 161
Галеен Хенрик 252, 260
Галич (Габрилович) Л. Е. 33, 58
Галич А. 46
Галь Дж. 67
Гамарник (Рыбкина) Ксения 6, 263, 265, 269, 270, 272, 274, 275
Гандлевский С. 155
Гарбо Г. 181, 255
Гарольд Ф. 101
Гаррисон Б. 85, 87, 88
Гартман Л. Н. 93
Гарфункель Женестьева 216
Геккерн Л. 153
Гелфман Г. 62
Гельфанд Н. В. 274
Генис А. 38, 43, 46, 60, 154
Генри О. В. 50, 61
Герман Джерри 193
Герцен А. 10–12, 51, 155
Гершвин Д. 187, 195
Герштейн М. 153
Гессен В. И. 33, 57
Гинзбург Марк 161
Гинсбург Анна 271
Гирс Н. К. 64, 65, 83, 85, 87, 114, 115
Гитлер А. 32, 257
Гладилин А. 46
Гласс Грин Гертруда 211
Глинка М. 146, 147
Гоген П. 202, 203
Гоголь Н. В. 149, 222, 232
Годар (Годдар) Полетта 255, 262
Голд Г. 193
Голдман Э. 102
Голлербах Е. А. 241
Голлербах С. Л. 41, 43, 60
Головач Ю. М. 271
Гольдфаден А. 173
Гончаренко А. И. (Гумницкий А. О.) 10–13, 51
Гончарова Н. 153
Горбаневская Н. 145, 146
Горбачев М. 136
Гордин Я. А. 145, 146, 150, 153
Горелик Борис 205, 211, 213, 219
Горкин А. Ф. 285–287
Горький М. 57
Готесман Герш (Герман) 248
Грант У. 66, 70
Гребенщиков Г. Д. 27, 55
Греч В. М. 231, 232, 242, 243

- Грибанов Александр 142
 Григорий (Чуков), митрополит 60
 Григорович-Тинский К. Я. 229
 Грин Аннет 185
 Грин Балкомб 211
 Грин Джоан 168, 174, 192, 290
 Грин Джозеф 170, 185
 Гринберг Хэнк 183, 194
 Гриффит Дэвид 170, 192
 Грицман Андрей 161
 Гришин А. И. 227
 Громько А. 285–287
 Грушко П. 161
 Грэйс У. Р. 67
 Грэнвилль Дж. Л. 64
 Грэшам У. К. 119
 Гукасов А. О. 51
 Гурвич Исаак 92, 120
 Густ Павел 197
 Гутер Й. 226
 Гуткин М. 61
- Д**
 Далин Д. Ю. 33, 58
 Дан Ф. И. 276, 281
 Дантес Ж. 153
 Двинов (наст. Гуревич) Б. Л. 33, 58
 Делоне Робер 211
 Делоне-Терк Соня 211
 Демидов Г. 271
 Деникин А. И. 224
 Джейкобс Д. 179
 Джеймс Э. Л. 159
 Джонас Роберт 206, 217
 Джуисон Норман 173, 186
 Дикенсон С. Э. 203, 217
 Дитрих Марлен 255, 261
 Довлатов С. 38, 43, 46, 61, 152, 154, 156
 Долгополов Л. К. 271
 Доманевская О. И. 6, 276–278, 281–283, 285, 287–289
 Дон Аминадо 28
 Донн Джон 149
- Дорошевич В. М. 28, 55
 Дуванов-Торцов 224
 Дунган Дж. И. 93, 108
 Дункан Розетта и Вивиан 180, 194
 Дурмашкин И. Л. 21, 22, 53
 Дымов (наст. Перельман) Осип 140, 247, 259, 291
 Дэвис Дэвид 67
 Дюбуа Ги Пен 212
 Дюма-сын 224
 Дюпон Э. 252
- Е**
 Евтушенко Е. 129, 135, 136
 Ельцин Б. 136
 Есенин С. 273
 Ефимов И. 5, 141–147, 149–153, 155–157, 290
 Ефимова (урожд. Рачко) Марина 146
- Ж**
 Жерби А. (наст. Герб Л. Г.) 34, 58
 Жефарский Э. 271
 Животовский С. В. 30, 55
 Жуков С. 273
 Жуковский В. 144
 Журавлева В. И. 5, 62, 118, 123, 291
 Жюлиан 202, 203
- З**
 Зайончковская Ж. А. 51
 Зайончковский П. Я. 118
 Зайцев Б. 28, 36
 Залевский В. 241
 Зальцберг Э. 5, 6, 55, 118, 119, 122, 130, 141, 163, 166, 192–194, 214, 243, 258, 259, 273, 275, 291
 Зандерлинг Томас 140
 Зарубин Г. Н. 287
 Зелицкий В. Л. 231–233, 236–238, 243, 244
 Земенгоф Л. 131
 Зензинов В. М. 34, 58
 Зубарева Вера 161

И

Иванов Г. 36
 Иванов Е. 56
 Иवानян Э. А. 52
 Игнатъев Н. П. 62, 73
 Изабелла Кастильская 91
 Иловайский Д. И. 62
 Ингерман С. 15, 52

Й

Йонг (урожд. Манн) Эрика 199, 205,
 214, 217
 Йонг-Фаст Молли 205, 217

К

К. Р. (вел. кн. Константин Романов)
 26, 54
 Кабузан В. М. 116, 117
 Каваллон Джорджио (Джордж) 208,
 210
 Каган Абрам 103–107, 116, 122, 123
 Каганский З. Л. 228, 230, 241
 Кадамьяни Ч. 55
 Казимир III Великий 185, 194
 Кайнц Й. 248, 249, 259
 Калашников Н. С. 30, 56
 Калиш Якоб (Янкель) 169, 170, 172,
 173, 192, 193
 Калманович Г. 192
 Камышников Л. М. 30, 56, 223, 224,
 233, 238, 239, 243
 Канович Г. 161
 Кантемир А. 144
 Капоне Аль 180, 181, 194
 Карвэ Р. В. 223
 Карпович М. М. 28, 31, 57
 Картер Д. 38
 Кассий 12
 Кауфман Борис (Борух) 140
 Кауфман Михаил (Моисей) 140
 Кафанова (урожд. Гороховская) Л. Н.
 60
 Кацов Г. 161
 Кейди Джером 254

Кемпстер У. 85, 86, 89, 90, 94, 118
 Кеннан Дж. 92, 120
 Кеннеди Джон 37, 134–136, 139
 Кеннеди Эд. 136
 Кент Рокуэлл 212
 Кепплер Дж. 100
 Кёсева Ц. 235, 238, 243, 244
 Кесслер Давид 178, 194
 Кжелберг Энн 151
 К-ий 239
 Кисленский (Клех, Клевхньов-
 ский) В. С. 235, 269
 Клепикова Е. 156
 Кливленд Г. 102
 Климчук В. 162
 Кови Артур 209
 Кокс С. 66, 68, 69, 71, 90
 Кол В. 239
 Кольшко (псевд. Баян) И. И. 30, 56
 Комаров Г. Ф. 148, 150, 151
 Комм Д. Е. 260, 261
 Копршилова А. 57
 Корда Александр (наст. Шандор Ласло
 Келлнер) 261
 Кордюкова В. 54
 Коржавин Н. 46, 161
 Корнейчук А. 136, 137
 Короленко В. Г. 27
 Коронелли Дж. 56
 Корчак Я. 272
 Коряков М. М. 34, 58
 Косик В. И. 224, 240
 Кострюков А. А. 60
 Косыгин А. 136, 137
 Котляр А. 237
 Краснер (Красснер) Ли (Лена, Ленор)
 196–219
 Кратц Г. 6, 166, 238, 241, 291
 Кроль Г. 52
 Кроль Леон 205, 211, 219
 Кросби Г. 67
 Крымский (наст. Гейман) В. Д. 30, 56
 Кторовая Алла (урожд. Кочурова Вик-
 тория Ивановна) 59

- Кузнецов 46
 Куксин И. 5, 122, 131, 291
 Кундера М. 149
 Кунелт Хана 5, 124, 125, 127, 129, 130, 292
 Куниг В. де 206
 Куприн А. 28, 39
 Курдюмов В. Ф. 238
 Курилла И. И. 291
 Куропятник Г. П. 114
 Курран Ч. К. 202, 204, 210
 Кутепов А. П. 224
 Кутнер Адольф 110
 Кучеров С. Л. 33, 58
 Кушнер А. 150
 Кушнер Б. 160
 Кьеркегор 141, 149
- Л**
 Лассау Ибрам 211
 Лафарг Д. 201
 Лебедев В. 61
 Левин Гейл 6, 196, 292
 Левина-Розенгольц Е. П. 289
 Левинсон А. Г. 231
 Левинсон П. Я. 85
 Лени Пауль 251–254, 260
 Ленин В. 23, 25, 45, 50, 132, 135, 136
 Лерин М. 108
 Лермонтов М. Ю. 144, 149
 Лимонов Э. 46
 Линкольн А. 35, 51, 173, 257
 Липовская (в замуж. Цвибак) Е. И. (псевд. Грей Женни) 42, 60
 Лисицын Я. И. 30, 32, 56
 Литаврина М. Г. 239, 240
 Литвинов Максим (наст. Валлах Меер) 131
 Лобанов-Ростовский А. Б. 109
 Лодж Г. К. 95, 98
 Лоев Майкл 211
 Ломоносов М. 144
 Лорис-Меликов М. Т. 64, 65
- Лосев Л. 5, 141, 143, 145, 148, 150–157, 160
 Лотроп Дж. 97, 121
 Лоуэлл Дж. Р. 64
 Лэнфилд С. 255, 262
 Любимов А. 222, 239
 Любич Эрнст 253, 260
- М**
 Май Джой 252
 Май Карл 260
 Майер Нора 164
 Макаров С. О. 292
 Макарова Л. 271
 МакКрей Джон 166, 167
 Маклафлин А. 121
 Максимов В. Е. 46
 Малах Эстерка 194
 Малер Г. 193
 Мальро Андре 266
 Мамлеев Ю. В. 46
 Мангер Ицик 185, 192
 Мандельштам О. 43, 151, 272
 Маневич И. А. 72, 116
 Манкиевич Г. 254
 Манн Генрих 5, 124–127, 129, 130
 Манрони Майк 135
 Мануйлова 223
 Марамзин В. 153
 Марголин Ю. Б. 33, 58
 Маргэлис А. М. 71
 Маркиш Давид 160
 Маркиш Симон 271
 Маркс Н. А. 224
 Мартов Ю. 277
 Марч Фредрик 191, 195
 Матисс А. 203, 211
 Матлины А. и В. 161
 Матяш И. Б. 271
 Машинская И. 156
 Маяковский В. 155
 Мейерхольд В. 267
 Мейнард Д. В. 201
 Меир Г. 137

- Мейринк (Мейнринк) Г. 252, 260
Менгеле 133
Меттер Б. 61
Микеланджело Б. 266
Милланд Р. 255, 262
Миллер А. 113
Милюков П. Н. 282
Мирски Китти 196, 198, 199, 202, 204, 209, 214, 215
Мирски Самуил 198
Мирски Эда 196, 198, 199, 202–205, 209, 214, 215, 217
Мирский Л. Ф. 52
Михалевич-Каплан И. 274
Мишуровская Мария 6, 220, 292
Молотов В. 132
Мамулян Р. 255, 261
Моцарт В. 193
Мрзовская 223
Муратов 222
Мурнау Фридрих Вильгельм 253, 260
Мэйми Эмануэль 176, 177
Мятлев И. 144
- Н**
Набоков В. 48, 150
Нагорничных О. 249
Неволина 222
Недогарко М. В. 53, 55
Нейл Симон 172, 193
Некляев В. 160
Некрасов В. Н. 46
Некрасов Н. А. 273
Нельсон П. Р. 200, 208, 216
Немезида 200
Нехамкин Э. 243
Никифорович Рэм 158, 161
Николаевский Б. Н. 276, 288
Николай II 108, 206, 207
Нитобург Э. Л. 51
Ницше Ф. 203
Новак Барбара 219
Новак М. 5, 9, 51, 52, 293
Новак Ф. 57
- Новикова О. А. 94
Новина-Пшибыльски (Пшибыль-ский) Ян 185, 194
Норд В. 161
Ньюмен Дж. 67
- О**
Оболенский-Нелидинский В. С. 83
Обухова-Зелиньска И. 113, 192, 193, 259, 293
Огарев Н. 10
Одоевцева И. 163, 164, 167
Окунев Ю. 161
Окунцов И. К. 17–19, 21, 22, 25, 26, 52, 53
Оларовский А. Е. 108
Олеша Юрий 264, 265, 270, 271, 273, 274
Олинский (Олински) И. Г. 201, 208, 210, 216
Олшан Лея 218
Ольшанская Е. 272
Оречкин Б. С. 226
Орлова А. 61
Остальский Андрей 158
Остен-Сакен Ф. Р. 109
Остер К. 236
Остромысленский И. И. 30, 56
Островская (Остров) Клара 169, 174, 176, 178
Островский А. Н. 236, 240
Островский Н. А. 174
Офросимов Г. (Росимов Г. В.) 226, 240
- П**
Пабст Г. В. 255, 262
Павлов П. А. 231, 232, 243
Панаев 222, 239
Панина С. В. 57
Пантелеев М. П. 223, 233–235, 243
Пантюхов (Пантюков) Игорь 205–210, 213, 214, 217, 218
Пантюхов Олег Иванович 206, 208, 217

- Пантюхов Олег-мл. 207, 208, 210, 217, 218
Пантюхова Мими 218
Пантюхова (урожд. Добровольская) Нина 207, 208, 218, 219
Панченко И. Г. 6, 263, 264, 267, 269–272, 274, 275
Панюшкин А. С. 285
Парамонов Б. М. 152, 154
Парийский Л. Н. 41, 60
Пархомовский М. 291, 293
Пасвольский Л. М. 22–25, 53, 54
Пасвольский М. Л. 20–22, 25, 53
Паудерли Т. 98
Пеннел Дж. 95
Пербаукс 129
Перельман Виктор 142
Перельман Яков (Яков Соломон) 140
Перетц Е. А. 116
Песков Д. 162
Петриковский И. М. 115, 116
Петрищев Атанас (Афанасий) Борисович 30, 56
Пикассо П. 203, 210
Пикон (Опекун) Луис 169, 174, 175, 179, 192
Пикон Молли (Пикун Маргарет, Опекун Малка) 5, 168–174, 176, 181, 189, 190, 192, 193, 195
Пинкос Г. 64
Пинский Д. 231
Пирс Г. Д. 109
Писар Давид 132, 133
Писар Самуэль 5, 131, 132, 134–137, 139
Плисецкая Майя 270
По Э. 274
Поволоцкий (наст. Бендерский) Яков (Яков) Евгеньевич 39, 60
Подгурские 156
Полевицкая Е. А. 224–227, 230, 231, 240
Полевой Б. 136
Полифем 268
Поллок Джексон 214
Полунин С. 274
Поляков А. А. 33, 58
Поляков-Литовцев С. Л. 33, 58
Порудоминский В. 160
Постников (Post) Ф. А. 18, 52
Прайс Г. М. 72, 116–118
Прегель Б. Ю. 128, 130
Прегель С. Ю. 5, 124–130, 292
Примаков Е. 136, 137
Прокофьев С. 193
Проффер Карл 151
Проффер Эллендея 151
Путин В. 136
Путинцева Т. А. 240
Пшавела В. 272
- Р**
Раппопорт А. Ю. 33, 58
Расиньш Карл 228
Раскольников Ф. Ф. 235
Распутин Г. 252
Рахманинов С. В. 43
Рахманова Н. Л. 146
Резник С. Е. 158, 161
Рейган Сильвия 171, 193
Рейнхардт Макс (наст. Максимилиан Гольдман) 226, 240, 250, 260
Ремарк Эрих Мария 262
Ремизов А. 36, 40
Ренненкамф П. К. 52
Ресслер Б. 193
Решетникова 224
Ржевский (наст. Суражевский) Л. Д. 48, 61
Риббентроп 132
Ригелли 252, 260
Ризенфельд Хуго 256, 262
Рильке Р. М. 266
Рис Джекоб 103–105, 107
Рихтер С. 271
Робинсон Билл 187
Робинсон Вильям 202
Робинсон Эдвард 189, 195

- Робичек (Роби) Курт 184
Робсон Поль 187, 195
Розанов В. 149
Розен Исраэль 221
Розен Натан 221
Розенберг (Дернбург) Ильза 241
Розенберг Гарольд 210
Розенберг Кати 241
Розенгольц Аркадий Павлович 289
Розенгольц Герман Павлович 289
Розенгольц (Фрумсон) Клара (Цивья) Абрамовна 289
Розенталь Бернис 142
Розенфельд Борис 51
Рокелло Э. 238
Рокфеллер Джон, мл. 136, 202
Рокфеллер Дэвид 135
Ротшильды 197
Роуз Барбара 217, 219
Рубин Е. 45, 61
Рубина Дина 158, 161
Рубинов И. М. 80, 118
Рузвельт Ф. Д. 24, 32, 168, 188, 213
Румер Борис 160
Румер-Зараев Михаил 158, 160, 161
Румшинский И. 192–194
Рунич О. И. 222, 226
Рыжков В. 53
- С**
Сабуров С. Ф. 222
Савин А. 54
Садуль Жорж 260
Салливан Корнелиус 202
Самаранч Х. 136
Сандерс Джуп 206, 217
Свет Г. 33, 58
Северский Н. Г. 229
Седых А. (наст. Цвибак Я.) 28, 30, 31, 33, 34, 38–49, 53, 55, 57–60
Сезанн П. 202, 210, 211
Сейдмен Джек 182
Секлер Дороти 217
Селигман Дж. 85
Сёмочкина Е. И. 57
Сёра Ж.-П. 202
Сервет М. 153
Сергей Александрович, вел. кн. 85
Сергиевский Н. Н. 26, 54
Серебряный Ю. 272
Серков А. 130
Сидни Сильвия 191, 195
Силверблат Хелен (урожд. Пикон) 169, 173, 175–177, 179
Сильверберг И. 159
Сильверкастен Морис 221
Синатра Ф. 190
Синкевич В. 57, 59, 60
Скуратов 222
Скуратовский Вадим 6, 263, 270, 272, 273, 294
Слиозберг Г. Б. 85, 118, 119
Слоан Джон 212
Слободкин Соломон Аронович 197
Слободкина Эсфирь 196–199, 202, 204, 209, 210, 213, 214, 218
Смелянский А. М. 241
Смит У. 254
Смит Ч. Э. 85, 87, 88, 95, 118, 119
Собольщиков-Самарин Н. И. 223
Соколов С. 46
Соколовский С. 116
Сол Н. 112, 119, 120
Солженицын А. 38, 46, 48, 153
Соловейчик С. М. 58
Соловьев В. С. 149, 156
Солодкин Ю. 161
Соломоник А. М. 231, 237, 243
Соур Роберт 193
Софокл 225
Спивак Макс 211
Сталин И. 32, 132, 279
Станиславский К. 268
Стейг Вильям 218
Стефанов В. 225, 240
Стеффенс Л. 104, 107
Стоянов В. 233
Стравинский И. 193

- Струве К. В. 69, 70, 76, 83, 88, 115, 120
Стрымбану А. 153
Суриков И. 26
Суслов 223
Суханов Н. Н. 278
Сьюард У. Г. 11, 51
- Т**
Табак Мэй 210
Такер Софи 176, 180, 183, 193
Таран Д. 274
Тарковский А. 43
Тартак И. Л. 30, 56
Тартаковский А. Г. 56
Тарусский (наст. Рыжков) Е. В. 229, 230, 242
Тарыдина Татьяна 221, 223–227, 231, 232, 236–239, 241, 244
Телицын Вадим 6, 276, 294
Тиллих П. 149
Тилсон Томас Майкл 176, 193
Тими́г Елена 260
Тими́г Хуго 248, 249, 259, 260
Титаев А. 52
Толпыго К. 238
Толстая А. 57
Толстая В. 36
Толстой Иван 52, 55, 58, 59, 61
Толстой Л. Н. 33, 37, 57, 146, 148, 157
Томашевская Бесси 178, 194
Томашевская Фанни 169, 176
Томашевский Борис 176, 178, 193, 194
Томашевский Майк 169, 176–178, 192
Трейси Ли 190, 195
Трифонов Юрий 142, 143
Тр-н Л. 222
Троцкий И. М. 29, 33, 38, 55, 245–247, 258
Троцкий Л. Д. 19, 23, 25, 52, 53
Тубенталь В. О. 231
Тункель И. 235
- Тургенев И. С. 149, 155, 226, 291
Турчанинов И. В. 292
Тэффи Н. 40
Тютчев Ф. 155
- У**
Уайт Арнольд 89
Уайт Эндрю Диксон 95–97, 109, 119, 121
Унгерн Р. А. 227, 230, 233, 240
Унковский В. Н. 229, 230, 242
Уокер Д. 181
Уоллес М. 96
Уорд Р. Д. 98
Уоррен Ч. 98
Уральский Марк 5, 6, 9, 55, 245, 258, 259, 294
Уэбб К. 193
- Ф**
Федоров Е. 136
Федоров М. М. 39, 59
Фейер Ф. 252
Фербер (Силверс) Герберт 210
Фердинанд Арагонский 91
Филин В. 285, 286
Фиске Джон 98
Фитцджеральд Кисси 256, 262
Фитцморис Джордж 254, 255, 261
Флинт Ральф 211
Фонда Генри 183, 194
Форнберг К. 72, 114, 116, 118
Фостер Дж. У. 64–66, 114
Фрайстер Отто 170
Франкль Пауль 257, 262
Франко И. 274
Фратес 235
Фрейман Л. 193
Фрелингхайзен Ф. Т. 70, 75, 115, 117
Фридлянд (Ефимов) Борис 131, 132
Фридлянд (Кольцов) Михаил 131
Фрумкин В. 155

Х

- Хазан В. 130
Хазанов Борис 160
Хай Хатти 217
Халл К. 24, 25, 54
Хаммер А. 135, 136
Хант У. Г. 71, 75, 90, 96, 117
Харламов 223
Хельмер А. 167
Хеннебюри 182
Хинтон Ч. Л. 199–202, 209
Хирш (Гирш) М. де 88, 89, 102, 118, 119
Хоаг Бетти 219
Холбрук Р. 24, 54
Холл П. Ф. 98
Хоппер Эдвард 212, 292
Хоуэллс У. Д. 106, 123
Хоффман У. 70, 114, 115
Храбров Н. М. 31, 56
Христов 224
Хэй Дж. 95
Хэпгуд Хатчинс 103–107
Хюбл Душан 259

Ц

- Царькова Т. 271
Цветаева М. 43, 57
Цейтлин Евсей 158, 161
Целан Пауль (наст. Анчель Пауль) 259
Цельник Ф. 227
Церетели И. Г. 289
Цетлины Мария и Михаил 292
Ционглинский Я. Ф. 208
Цукерт Л. 163, 167
Цурганов Ю. 57
Цынкова О. 53–55, 58–60

Ч

- Чаевский Падди 191, 195
Чаплин Чарльз 262
Чеботарева Т. 238
Чейз В. 204, 216

- Чеквер Р. 130
Челидзе 222
Чепелев И., прот. 32
Чернов Михаил 222
Чертина З. С. 121, 122
Чехов А. П. 33, 57, 149, 231
Чичибабин Б. 160
Чуковская Л. 149

Ш

- Шагал М. 42, 43, 263, 275
Шварц (наст. Моносзон) С. М. 33, 58
Шварц Е. 154, 155
Шварц Меир 171
Шварц Миротвор 162
Шверник Н. 287
Шенкер Л. 156
Шери Дор 191, 195
Шестов Л. 149
Шигорин Яков (Тонконогий Шигорин Жак) 6, 220–242, 244
Шимкин В. И. 19, 20, 25, 27, 29, 55
Шинкман 52
Шифф Дж. 85
Шихман И. 158, 159, 162
Шлегель К. 240
Шляпентох В. 146, 147
Шмидт В. О. 231
Шмит И. Ф. 224
Шнеерсон М. 61
Шопенгауэр 203
Шостакович Д. 131
Шпигельглас Леонард 191
Штейн Рональд 216
Штерн Л. 146, 147, 156
Штернберг Джозеф фон 255, 261
Штраус О. 85, 87, 118, 119
Шуб Д. Н. 33, 58
Шугайло Т. С. 58
Шурц К. 66

Щ

- Щеголев С. Н. 59

Э

- Эвартс У. М. 64, 66, 114
Эдемский 223
Эдуард I 91
Эйдельман Н. 51
Эйзенхауэр Д. 136, 217
Эйнштейн А. 181
Эйхберг Р. 252
Эйхман А. 133
Эльштейн Абрахам 170, 181, 185,
192, 193
Эммонс Т. 56
Энгель В. В. 87, 119
Энтони У. 255
Эспе Б. Н. 231
Этинггоф Наталья 271
Эткинд Е. Г. 151
Эткинд М. 151

Ю

- Югов Арон Абрамович (наст. Фрум-
сон) 6, 276, 278, 281–289
Юнг Клара 170, 192
Юрицын 235
Юровский Ю. 224, 226
Юрок Сол (наст. Гурков С. И.) 231,
232, 243

Я

- Яковлев Ю. Д. 225, 233, 235
Янгиров Р. М. 240, 241
Яновский С. Я. 119
Ярос В. 91
Ясный М. 289
Яссер И. С. 33, 58

А

- Abel Leonel 216
Adler Jacob 193
Adler Luther 195
Adler Sarah (урожд. Levitskaya) 193
Adler Stella 193
Altgeld J. P. 122
Ander P. 121
Ash Shalom 195
Asper Helmut G. 261
Ausländer Rose 259

В

- Bahr Hermann 258
Baily T. 115
Barrie James Mathew 195
Basch Felix 252
Berg (урожд. Tilly Edelstein) Gertrude
195
Berkson I. B. 121, 122
Berman M. 118
Bernhardt Sarah 194
Berns Julie 193
Bolotowsky Ilia 218
Boyesen H. H. 121
Breyner Charles 130
Bultman Fritz 218

С

- Cady Jerom 254
Cahan A. 122, 123
Campbell Lawrence 216, 217, 219
Capone Alphonse Gabriel «Al» 180,
181, 194
Celan Paul 259
Chaefsky Sidney Aaron «Paddy» 195
Chandler W. E. 121
Chase W. M. 216
Clark Eliot 215
Cook S. 259
Croswell S. G. 122

D

Desart E. 120
 Diamonstein Barbaralee 219
 Dobkowski M. 118
 Doyle Billy H. 262
 Duncan Sisters (Rosetta and Vivian)
 194
 Dupont Ewald Andre 252
 Durland K. 119

E

Eichberg Richard Albert 252
 Ellstein Abraham (Abe) 192
 Epstein M. 120, 122

F

Feher Friedrich 252
 Fiske J. 121
 Flint Ralph 219
 Flügge Manfred 129
 Fonda Henry Jaynes «Hank» 194
 Foster J. M. 114
 Frankel J. 114
 Frankl Paul 262
 Freiman L. 193
 Friedman B. H. 219

G

Galeen Henrick 260
 Gottesmann Leo 260
 Govorchin G. G. 117
 Green Joseph (Grinberg Yosef) 192
 Greenberg Henry Benjamin «Hank» 194
 Grey Jenny 60
 Griffith David Llewelin Wark 192

H

Hall P. F. 121
 Handlin O. 118
 Hapgood H. 122
 Harden M. G. 215
 Harris E. 215
 Heald M. 121
 Herman Jerry 193

High Hattie 217
 Higham J. 117
 Hirsh M. de 119
 Hoag Betty 219
 Holbrooke R. 54
 Hourwitch I. A. 120
 Howe I. 122
 Hubert P. G. 121
 Hübl Dušan 259
 Hull C. 54
 Hunt T. 115
 Hunt W. H. 115

J

Jewison Norman 193
 Johnson D. B. 120
 Jonas Robert 217
 Jong Erica 215, 217
 Jong-Fast Molly 217
 Joseph S. 117, 123

K

Kabakoff J. 116
 Kainz Josef 259
 Karlowich Robert 52
 Kessler David 194
 King M. 121
 Klier J. D. 113
 Kraskin Sandra 215
 Krasner Lee (Krassner Lena, Krasner
 Leonore) 207, 214–216, 217, 219
 Kröger Nelly 130
 Kühnelt Hana 292
 Kuznetz S. 116, 117

L

Landau Ellen G. 216
 Landman Isaac 216
 Leni Paul 260
 Levi Florence N. 216
 Levin Gail 215, 292
 Lodge H. C. 121
 Loseff Lev 141–148, 150–152, 154–156
 Lubove R. 122

M

Malach Esterka 194
 Mamoulian Ruben 261
 Manger Itzik 192
 Mankiewicz 254
 March Fredric 195
 Margalith A. M. 114
 Maschbir E. 116
 May Joe 252
 Mayo L. A. 118
 McCrae John 167
 McLaughlin A. 121
 Me Kenna M. J. 123
 Mirsky Kitty 215
 Mirsky Mann Eda 215, 217
 Moore J. B. 116
 Munro Eleanor 217, 219

N

Neil Simon 193
 Neilson 216
 Nemser Cindy 215, 216
 Novak Barbara 219

O

Okuntsoff Ivan Kuzmich (John) 52
 Olinsky Ivan 216
 Olshan Leigh 218
 Osofsky G. 116

P

Pantuhoff (Pantukof) Oleg Ivanovich Sr.
 217, 218
 Pantuhoff Oleg Jr. 218
 Pantuhova Mimi 218
 Pasvolsky Leo 53
 Pells R. 216
 Pennel J. 120
 Picon Molly 172, 174, 192, 193
 Pinski David 242
 Pizar S. 140
 Pollock Jackson 207, 215, 218
 Porter K. H. 120
 Potter Jeffry 218
 Powderly T. V. 121

R

Regan Ellstein Sylvia 193
 Ressler B. 193
 Righelli Gennaro 252
 Riis J. 122
 Robinson Edward (Goldenberg Emanuel) 195
 Robson Paul Leroy Bustill 195
 Rose Barbara 217
 Rosenthal J. 242
 Roylance Kent C. B. 120
 Ruggles S. 121
 Russel R. B. 54

S

Sanders Joop 217
 Sarna J. D. 116
 Saul N. 119, 120, 122, 123
 Saur K. G. 260
 Schery Dore 195
 Schiff Jacob 118
 Schigorin (Schugorin Tonkonogy)
 Jacques 220, 238, 242
 Schlesinger S. E. 54
 Schneiderman Harry 216
 Seckler Dorothy 217
 Seward W. 51
 Shankman A. 115
 Sidney Silvia 195
 Simon R. J. 116
 Simons John 216
 Slobodkina Esphir 214, 215, 217, 218
 Smith W. 254
 Sorin G. 118
 Sour Robert 193
 Stavitsky Gail 215
 Steffens L. 122, 123
 Steig William 218
 Stein Ronald 216
 Straus Oscar S. 118, 119
 Szajkowski Z. 114, 117

T

Tabak (Rosenberg) May 218
 Thimig Hugo August 259, 260

Tilson Thomas Michael 193
Tomashefsky Bessie 194
Tomashefsky (Tomashevsky) Boris 193
Tomashefsky Mike 192
Tracy William Lee 195
Tucker Sophie 193
Tyler A. F. 119

V

Van Etten I. M. 122
Velie Jay 194
Vogel Joseph 219

W

Wainer Lee 193
Wallis W. S. 116

Watson Forbes 219
Webb K. 193
Weber J. B. 118, 119
White A. D. 119–121
Wiene Robert 252
Winger Salomon 259
Wolfe Judith 217
Wood Sam 261
Wooley Monty 193

Y

Yarros V. 120
Yong Clara 192

Z

Zangwill I. 123

Содержание

<i>Зальцберг Э.</i> Предисловие	5
---------------------------------------	---

ИСТОРИЯ

<i>Уральский М., Новак М.</i> Новое русское слово: история одной знаменитой газеты русско-еврейской диаспоры США	9
<i>Журавлева В.</i> Страна национально-религиозного гнета vs. «Американский Ханаан»: русско-еврейская эмиграция в США в конце XIX века	62
<i>Кунелт Х.</i> Несбывшаяся любовь (Известно-неизвестная переписка Софьи Прегель и Генриха Манна)	124
<i>Куксин И.</i> Самуэль Писар	131

ЛИТЕРАТУРА

<i>Ефимов И.</i> Лев Лосев в США	141
<i>Волошин Д.</i> Связь литературных пространств. Журнал <i>Время и место</i> — для писателей и читателей русской диаспоры	158
<i>Зальцберг Э.</i> Памяти Э. И. Бобровой (1911–2012)	163

ИСКУССТВО

<i>Грин Дж.</i> Молли Пикон	168
<i>Левин Г.</i> Художницы-еврейки из России в Нью-Йоркской Национальной академии дизайна (1928–1932 гг.)	196
<i>Мишуровская М.</i> «Белая гвардия» Якова Шигорина	220
<i>Уральский М.</i> Лео Бирински — драматург и киносценарист	245
<i>Скуратовский В.</i> Триада и Тандем	263

НАУКА

<i>Телицын В.</i> Две жизни (Об А. А. Югове и О. И. Доманевской)	276
Об авторах и редакторах	290
Именной указатель	295

**РУССКИЕ ЕВРЕИ
В АМЕРИКЕ**

Книга 11

**Редактор-составитель
*Эрнст Зальцберг***

Ответственный редактор *С. В. Смоляков*
Художник *П. П. Лосев*
Технический редактор *А. Б. Левкина*
Корректор *Н. М. Баталова*
Оригинал-макет *А. Б. Левкина*

Издательский Дом «Гиперион»,
199178 Санкт-Петербург, пр. Просвещения 69-263.
Тел./факс +7 (812) 315-4492, +7 (812) 591-2853
E-mail: hyp55@yandex.ru
www.hyperion.spb.ru
Интернет-магазин: www.hyperion-book.ru

ISBN 978-5-89332-222-4

Сдано в набор 07.02.2015. Подписано в печать 17.06.2015.
Усл. печ. л. 19,6. Формат 60×88 1/16. Тираж 300 экз.
Заказ № 3151.

Отпечатано способом ролевой струйной печати
в АО «Первая Образцовая типография»
Филиал «Чеховский Печатный Двор»
142300, Московская область, г. Чехов, ул. Полиграфистов, д. 1
Сайт: www.chpd.ru, E-mail: sales@chpd.ru, т. 8(499)270-73-59

В книге Валерия Базарова «Времен связующая нить» отражается его жизненный опыт. Много лет он встречал иммигрантов, решая многочисленные проблемы, которые возникали у усталых людей, находящихся на перепутье между «старой страной обитания» и новой, где свобода выбора предоставляет право решения своей судьбы и, как следствие, ответственность за это решение. Множество рассказов выслушал Валерий о тех, кто приехал раньше, об оборванных связях, о желании найти потерянных родственников.

Используя свои способности генеалога и талант детектива, автор восстанавливает потерянные связи, заполняет белые пятна в семейных историях. Его умение рассказывать о поисках и находках поразительно и захватывает читателя с первой страницы книги.

Истории, рассказанные Валерием, не о нас и наших близких. Но в то же время они могли бы быть и нашими историями. Читая их, мы узнаем больше о себе и о том, откуда мы пришли.

Мириам Вайнер, президент Routes to Roots Foundation,
редактор Энциклопедии еврейской генеалогии

Об авторе

Валерий Базаров родился в 1942 году в Алма-Ате, Казахстан. Вырос в Одессе. Окончил Одесский государственный университет, английское отделение. Работал учителем английского языка, грузчиком, переводчиком технической литературы, журналистом.

Эмигрировал в США в 1988 году. Его семью встретили в аэропорту представители ХИАСа (Еврейское общество помощи эмигрантам), в котором он начал работать вскоре после приезда — сначала в отделе встреч, а с 1999 года директором отдела семейной истории.

В 1994 году окончил Нью-Йоркский городской университет, Хантер Колледж, получив звание магистра социальной службы (MSW).

В. Базаров — автор статей по истории ХИАСа, еврейской генеалогии и истории русско-еврейской эмиграции в Америку. Отрывки из книги Валерия «Времён связующая нить» были опубликованы в сборниках РЕВА. Он — многократный участник международных и национальных конференций по вопросам еврейской генеалогии.

В 2013 году вышел на пенсию и переехал в Калифорнию.

Книгу В. Базарова «Времён связующая нить»
можно приобрести по адресу:

[http://www.mgraphics-publishing.com/
catalog/194022019/194022019.html](http://www.mgraphics-publishing.com/catalog/194022019/194022019.html)

Книги Бориса Гулько

1. Путешествие с пересадками. Три книги воспоминаний. Очерки о чемпионах мира от Ботвинника до Каспарова и других великих шахматистах.
2. Мир еврея. Избранные эссе с начала тысячелетия до 2012 года.

Борис Гулько — один из самых замечательных шахматистов последних десятилетий. Он выиграл множество турниров, был чемпионом СССР, в эмиграции дважды стал чемпионом США... Гулько знал всю шахматную элиту и со всеми «великими» играл... В мемуарах он ни разу не унился до саморекламы, описал жизнь своего поколения шахматистов и создал наброски к портретам многих замечательных мастеров.

Прочсть его книгу будет интересно и тем, кто ничего не знает ни о разменном варианте испанской партии, ни о староиндийской защите.

Анатолий Либерман,
профессор Миннесотского университета

Об авторе

Борис Гулько — по профессии психолог, шахматный гроссмейстер. Чемпион СССР 1977 года, чемпион США 1994 и 1999 годов. В 1994 году был в восьмерке претендентов на матч с чемпионом мира, в 2000 году — среди шестнадцати соискателей этого титула. Победитель национальных и международных турниров в СССР и США. Имеет положительный счет встреч с Гарри Каспаровым: три победы, одно поражение и четыре ничьих.

С 1979 по 1986 год был отказником. Возможность покинуть СССР завоевал после трех голодовок и месяца ежедневных демонстраций с ежедневными арестами. С 1986 года живет в США.

С начала 2009 года основное занятие Гулько — публицистика. Темы его еженедельных эссе, печатаемых разными интернет- и бумажными изданиями, включают современную политику, культуру, религию, историю, еврейскую философию.

Заказать книги можно у автора:

gmgulko@gmail.com

Они продаются также на
Amazon и Amazon Europe

ДЛЯ ЗАМЕТОК
